

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Шалдин Николай Николаевич

**Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам
европейской безопасности (1936–1938)**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Том I

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент

Наумова Наталья Николаевна

Москва – 2025

Оглавление

Том I

Введение	4
Глава 1. Франция и провал политики коллективной безопасности в Европе в середине 1930-х гг.	58
1.1. Нарастание агрессивных тенденций во внешней политике Германии и попытки правительств Франции преодолеть противоречия системы коллективной безопасности в первой половине 1930-х гг.	58
1.2. Ремилитаризация Германией Рейнской области в марте 1936 г. и реакция на неё правительства и генералитета Третьей республики	86
1.3. Проблема ремилитаризации Рейнской области в отражении французской прессы	102
Глава 2. Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам европейской безопасности на фоне усиления международной напряженности в 1936 – начале 1938 гг.	124
2.1. Внутриполитический кризис Третьей республики и приход к власти Народного фронта.....	124
2.2. Проблема перевооружения Третьей республики в политике правительств Народного фронта.....	140
2.3. Начало гражданской войны в Испании в оценках французской прессы	158
2.4. Парламентские дискуссии по поводу внешнеполитического курса правительства в испанском вопросе (1936 г.)	180
2.5. Борьба французского политического и военного руководства за сохранение мира в Европе в конце 1936–1937 гг.	195
2.6. Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам европейской безопасности в связи с аншлюсом Австрии (февраль – март 1938 г.).....	211

Том II

Глава 3. Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросу преодоления чехословацкого кризиса (апрель – сентябрь 1938 г.)	3
3.1. Реакция французских коммунистов на возникновение и протекание чехословацкого кризиса	3

3.2. Политики-социалисты о чехословацком кризисе: внутренние разногласия перед лицом внешней угрозы	27
3.3. Позиция партии радикалов в отношении мер по обеспечению европейской безопасности в условиях чехословацкого кризиса.....	45
3.4. Французские правоцентристы о путях выхода из чехословацкого кризиса	63
3.5. Взгляды французских консерваторов на проблему сохранения европейской безопасности в связи с чехословацким кризисом	82
3.6. Позиция руководства крайне правых партий «Аксьон франсез» и Социальной партии в вопросе поддержания европейской безопасности	100
Заключение	117
Список источников и литературы	130

Введение

На вторую половину 1930-х гг. XX в. приходится апогей кризиса Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. В ряде государств Европы устанавливаются агрессивные режимы, нацеленные на пересмотр послевоенных границ. Среди них выделялись нацистская Германия и фашистская Италия. Последняя еще с предшествующего десятилетия возвеличивала культ милитаризма и во всеуслышание провозглашала своей целью возрождение «Великой римской империи». Германия, мечтавшая о реванше с момента своего поражения в Первой мировой войне, с приходом в январе 1933 г. к власти нацистов во главе с А. Гитлером, приступила к разрушению сдерживавших её «пут Версаля». В январе 1935 г. по плебисциту к ней вернулась Саарская область. Через несколько месяцев (в марте) немецкое правительство приняло решение о создании в Германии военно-воздушных сил и введении всеобщей воинской обязанности, что было прямым нарушением статей Версальского договора. Через год в Рейнскую область вошли войска Третьего рейха. Новый лидер Германии в своей внешнеполитической программе поставил задачи «собираания немецких земель» и обеспечения мирового господства арийской расы. Стремление Гитлера к переделу мира и сфер влияния до крайности обострило международную напряженность, что вылилось в катастрофическую по своим масштабам Вторую мировую войну. Однако этот конфликт не возник сам по себе, первые шаги на пути к нему были сделаны еще в начале 1930-х гг. и продолжались на протяжении всего десятилетия.

После кровопролитной Первой мировой войны европейские страны попытались создать систему коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций. Среди важных элементов формирующейся системы было стремление к миру и отказ от войны как средства международной политики. Однако к середине 1930-х гг. на фоне агрессивных действий ревизионистски настроенных нацистской Германии и фашистской Италии стало очевидно, что Лига Наций не смогла исполнить роль эффективного инструмента

поддержания безопасности в Европе. Такой исход ставил перед ведущими державами и их политиками задачу поиска новых путей предотвращения крупномасштабной войны. Современная отечественная и зарубежная историография называет два потенциально возможных курса в середине 1930-х гг.: политика «умиротворения» и военно-политическое сдерживание¹. Как известно, Великобритания и Франция не сумели верно оценить степень той угрозы, которая исходила от Третьего рейха и ошибочно сделали ставку на политику «умиротворения», которая привела к началу новой войны в Европе и краху Третьей республики летом 1940 г.

Традиционное видение французской внешней политики 1930-х гг., в особенности в советской историографии, сводилось к следованию страны в фарватере английской политики «умиротворения» агрессора, а французские правящие круги изображались готовыми пойти на любые уступки, лишь бы избежать возможного кровопролития, за исключением Французской компартии (ФКП) и её сторонников, которые следом за СССР понимали всю реальность существовавшей угрозы нового вооруженного конфликта. Однако сейчас такая трактовка событий в значительной степени пересмотрена: позиция ведущих политических группировок в ходе ремилитаризации Рейнской области (март 1936 г), гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.), аншлюса Австрии (март 1938 г.), чехословацкого кризиса 1938 г. представляется не столь однозначной, как и безусловная поддержка французскими политиками из некоммунистического лагеря английского курса на «умиротворение» Германии. В современной историографии ведутся споры о том, действительно ли всё руководство Франции и насколько было готово идти на уступки возрастающим требованиям Германии или же оно колебалось между её сдерживанием и «умиротворением» до последнего момента. До сих пор остается до конца не решенным вопрос, осознавал ли кто-то из французских политиков, что запущенный маховик войны уже не остановить;

¹ См. подробнее: *Вершинин А.А.* Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 2.

насколько большим являлось в реальности число участников правых партий, склонявшихся к уступкам перед агрессивными действиями Гитлера; действительно ли коммунисты, столь упорно критиковавшие политику «умиротворения», всерьез рассматривали перспективу войны с Германией. В связи с этим для автора кандидатской диссертации особенно интересным представлялась возможность проанализировать общественно-политические дискуссии по вопросам европейской безопасности (1936–1938 гг.), изучить доводы сторонников и противников примирения с Третьим рейхом, их восприятие перспективы сближения с СССР или фашистской Италией; понять, чем они руководствовались в своих решениях, существовало ли хоть у кого-то среди них осознание того, что избежать крупномасштабного военного конфликта на территории Европы уже не удастся. Для исследователя было важно оценить степень готовности и саму возможность объединения усилий французских политических сил для совместных действий по укреплению и перевооружению страны и противостоянию внешней угрозы.

Актуальность темы исследования. Актуальность темы диссертации заключается в том, что она выводит исследователя на осмысление более крупных проблем, связанных как с расстановкой сил на европейской арене накануне Второй мировой войны, так и с особенностями функционирования системы европейской безопасности в 1930-е гг. Диссертационное исследование позволяет изучить и сформулировать причины, по которым Народный фронт, одним из главных лозунгов которого была борьба с фашизмом, так и не смог противостоять угрозе со стороны Третьего рейха и предотвратить военное поражение и крах Третьей республики летом 1940 г., а сама Франция, считавшая себя главным победителем в Первой мировой войне, не сумела сдержать своего наследственного противника и предотвратить новый крупномасштабный конфликт в Европе. Изучение общественно-политических дискуссий во Франции по вопросам европейской безопасности даёт возможность на примере Третьей республики понять, какую роль играет позиция различных политических течений и партий, общественных деятелей

в формировании внешнеполитического курса страны. Кроме того, тема исследования касается феномена политики «умиротворения» в целом: изученная в кандидатской диссертации проблема помогает рассмотреть её суть и методы, а также оценку стратегии уступок Германии различными политическими силами межвоенного периода. Анализ общественно-политических дискуссий по вопросам европейской безопасности, развернувшихся в 1936–1938 гг., позволяет оценить расстановку внешнеполитических сил накануне Второй мировой войны и те противоречия, которые привели мир к одному из самых кровопролитных конфликтов в истории человечества. С другой стороны, исследуемый сюжет даёт возможность обстоятельно изучить внутриполитическую ситуацию во Франции 1930-х гг., расхождения между партиями, входившими в Народный фронт, определить роль внешнеполитических факторов в его распаде, а также на примере противоречий, нараставших во французских политических кругах, дать более полную картину кризиса, который охватил Третью республику в последние годы её существования.

Хотелось бы отметить и политическую актуальность темы кандидатской диссертации. Внутриполитическая обстановка во Франции накануне Второй мировой войны, разобщенность общества служат убедительным доказательством и примером для последующих поколений в том, что внутренний раскол, невозможность сплотить национальные силы перед лицом внешней угрозы неминуемо ведут к краху, как это случилось с Третьей республикой летом 1940 г.

Объектом кандидатской диссертации являются проблемы европейской безопасности в рамках франко-германского противостояния в 1930-е гг., а **предметом** – общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам поддержания европейской безопасности.

Цель – оценить роль общественно-политических дискуссий в определении позиции Франции по вопросам европейской безопасности (1936–1938 гг.)

Для достижения поставленной цели предполагалось решить ряд исследовательских **задач**:

1) рассмотреть особенности развития международных отношений в 1930-е гг. и место Франции на европейской арене;

2) исследовать отношение представителей ведущих политических партий и военно-политического руководства Третьей республики к ремилитаризации Рейнской области в марте 1936 г. и причины пассивной позиции официального Парижа в вопросе противодействия Германии;

3) изучить общественно-политические дискуссии по вопросу сближения Франции с СССР как возможного механизма сдерживания Третьего рейха;

4) проанализировать доводы сторонников и противников помощи республиканскому правительству Мадрида в условиях начавшейся гражданской войны на Пиренеях и степень их влияния на выработку позиции Франции по этому вопросу;

5) изучить попытки поддержания европейской безопасности в 1937 – начале 1938 гг. с помощью возобновления системы «восточных союзов» и в ходе аншлюса Австрии;

6) исследовать взгляды представителей французской политической элиты и ведущих общественных деятелей на проблему поддержания безопасности в Европе в связи с чехословацким кризисом 1938 г.;

7) Определить главные факторы, повлиявшие на окончательный выбор французским политическим руководством политики «умиротворения» Германии.

Хронологические рамки кандидатской диссертации охватывают период 1936–1938 гг. 1936 г. во многом был рубежным для предвоенных европейских отношений. Ремилитаризация Рейнской области в марте 1936 г. стала серьезным нарушением Версальского мирного договора, показав неспособность Лиги Наций предотвращать возникновение крупных кризисов и сдерживать агрессивные шаги ревизионистских держав. Рейнский кризис

вынуждал французских политиков искать новые пути поддержания безопасности в Европе. В это же время в парламенте Третьей республики прошел ратификацию франко-советский договор о взаимопомощи 1935 г., который мог открыть потенциальное окно возможности для формирования механизмов сдерживания агрессивных шагов Германии. 1936 г. оказался важным этапом и во внутренней жизни Третьей республики в связи с приходом к власти в стране левоцентристской коалиции Народного фронта, объединившей в своих рядах радикалов, социалистов и коммунистов.

Верхняя граница исследования – мюнхенская конференция 1938 г., чьи итоги сделали крах Версальско-Вашингтонской системы неминуемым. Мюнхенская конференция продемонстрировала окончательный отход от дискуссий в рамках Лиги Наций к узким переговорам ведущих европейских государств, а во внутренней жизни Франции стала причиной краха коалиции Народного фронта.

Тем не менее в работе рассматриваются процессы, развернувшиеся во внутриполитической жизни Третьей республики и на международной арене в 1930-х гг., что позволяет исследователю увидеть как особенности и постепенную трансформацию системы европейской безопасности, так и место в ней Франции.

Методологическая основа. В ходе работы над диссертацией автор основывался на таких фундаментальных принципах, как принцип историзма и объективности, а также использовал историко-сравнительный метод, который дает возможность выделить общее и различное в процессах и явлениях, изучаемых в работе. Благодаря этому появилась возможность сопоставить позицию представителей политических течений Франции по важным вопросам внутренней и международной политики в 1936–1938 гг., сравнить аргументы сторонников и противников стратегии «умиротворения», найти общее в доводах политиков, относившихся к разным партиям и парламентским течениям, и в результате определить, могли ли политики Третьей республики сформировать некий единый лагерь или они были

глубоко разрознены по вопросу способов сохранения европейской безопасности. Проблемно-хронологический метод позволил последовательно, по мере нарастания международной напряженности, изучать общественно-политические дискуссии в Третьей республике.

Для того, чтобы определить причинно-следственные связи между различными событиями как во внутренней политике Франции, так и на международной арене, в работе применялся историко-генетический метод. Он помогает понять, почему представители французской политической элиты и общественные деятели отстаивали свою точку зрения, какие события и явления повлияли на их взгляды и была ли их позиция predetermined какими-либо глубокими причинами или стала хаотичным ответом на вызовы 1936–1938 гг. Кроме того, автор использовал метод периодизации, позволивший проследить, как менялась и менялась ли вообще позиция политиков Третьей республики по мере нарастания напряженности в Европе.

Безопасность в самом широком смысле слова означает состояние защищенности от угроз ключевым ценностям. Она может подразделяться на региональную или глобальную, военную, политическую или экологическую. Степень защищенности, в свою очередь, определяется характером и масштабом угроз. В связи с этим понятие безопасности включает диаду «угрозы-защита от них»². Термин «международная безопасность» стал активно употребляться после Первой мировой войны, когда во главу угла была поставлена задача предотвращения новой войны. По словам отечественного ученого В.М. Кулагина, международная безопасность – это «совокупность угроз и средств противодействия им с использованием или вероятностью использования вооруженного насилия, которая касается отношений участников мирового взаимодействия»³.

Особым видом безопасности, выделяемым исследователями, является военная безопасность. На протяжении веков общества и политические

² Кулагин В.М. Международная безопасность. М., 2007. С. 12.

³ Там же.

правлящие круги были сосредоточены на достижении такой военной силы, которая позволила бы государству противостоять существующим и будущим угрозам. Военная сфера безопасности включает в себя весь комплекс применения военной силы и подготовки к этому. Однако она остается инструментом политики и в обязательном порядке встраивается во внутривнутриполитическую или внешнеполитическую стратегию государства. Наряду с военными ведущую роль в обеспечении военной безопасности государства играют политические деятели и дипломаты, поддерживая мирные соглашения, определяя общие угрозы и средства противодействия им. Вместе с тем сами лица, вырабатывающие политику государства, не всегда основывают свои действия на тщательно сформулированных логических и последовательных наборах целей. Большинство правительственных действий, подчеркивают политологи, являются рутинными или незапланированными, а важные решения нередко принимаются вследствие необходимости безотлагательного ответа на конкретные кризисы, а не в рамках последовательной и дальновидной политики⁴. Подобный подход объясняет многие решения, принятые политическим и военным руководством Третьей республики в ходе таких событий, как ремилитаризация Рейнской области в марте 1936 г. или начало гражданской войны в Испании в июле 1936 г. В ходе этих конфликтов лидеры Франции принимали экстренные решения для выработки наилучшей, по их мнению, стратегии по поддержанию европейской безопасности.

Несмотря на существующую сегодня в науке расширительную трактовку понятия международной безопасности, в которую включаются в том числе экономическая, информационная, экологическая и другие сферы, для 1930-х гг. характерно использование её традиционной интерпретации, рассматривающей международную безопасность «в первую очередь как феномен военной безопасности и сферу приоритетной “высокой политики”»⁵.

⁴ *Twitchett K.J.* International security: reflections on survival and stability. Oxford, 1971. P. 4

⁵ Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова. М., 2012. С. 419.

Она поддерживалась с помощью национальной армии и вооружений, которых хватало бы для противодействия потенциальной угрозе со стороны одного или нескольких государств; созданием военных альянсов, а также – «в определенных случаях – продвижением своих интересов с применением вооруженных сил или угрозой их применения»⁶.

Теоретические труды по международным отношениям, как правило, не дают четкого определения термина «европейская безопасность». Однако автору диссертации представляется, что определение «международной безопасности» будет подходить и под безопасность европейскую за тем исключением, что в последнем случае речь будет идти о конкретном регионе. Наиболее близкое для данной работы определение «международной безопасности» (а следовательно и европейской, (при условии применения определения к европейскому региону) – отсутствие войны и меры по её предотвращению дипломатического, политического, экономического и военного характера⁷.

Если применить этот термин к более конкретным историческим реалиям исследования, то в межвоенный период под ним подразумевалось отсутствие войны, а также меры, направленные на её предотвращение⁸. При этом фокус диссертации не направлен исключительно на военную мощь Франции и её армию. В центре внимания работы находится весь спектр мер, в особенности политического характера, необходимых для сохранения мира в Европе в условиях нараставшей угрозы со стороны ревизионистских государств, которые стремились к пересмотру Версальского порядка. Основной угрозой после прихода нацистов к власти в январе 1933 г. становился Третий рейх, и поэтому вопрос европейской безопасности для Третьей республики в связи с этим связывался с проблемой взаимоотношений с Германией. В работе рассматривается проблема европейской безопасности глазами Третьей республики.

⁶ Там же.

⁷ Там же. 421.

⁸ Современная мировая политика. Под ред. А.Д. Богатунова. М., 2009. С. 183.

Под европейской безопасностью в 1930-е гг. официальный Париж правомерно понимал комплекс мер, направленных на предотвращение новой крупномасштабной войны в Европе, риск которой исходил от агрессивного нацистского режима под руководством Гитлера, и недопущение нарушения территориальной целостности европейских государств. К подобным мерам руководства Третьей республики относились как дипломатические шаги – поиск союзников для защиты от наследственного врага, попытки мирного урегулирования возникавших конфликтов с потенциальным противником или их разрешения с наибольшей для себя выгодой при наличии угрозы со стороны Германии, – так и укрепление собственного военного и экономического потенциала для гарантированного обеспечения национальной безопасности от возрастающей мощи Третьего рейха.

Осмысление сюжета диссертационной работы потребовало использование теоретических подходов школы реализма в теории международных отношений с учетом дополнений, внесенных в него концепциями современных неореалистов. Ведущим представителем классического реализма стал американский политолог немецкого происхождения Г. Моргентау⁹. Для него был характерен пессимистичный взгляд на человеческую природу, которая проецировалась на поведение государств, чьей целью он считал достижение большей власти и доминирование. По мнению Моргентау, внешнеполитические шаги государства сводятся к обеспечению своих интересов, к наиважнейшим из которых он относит национальную безопасность, сохраняемую за счет поддержания сложившегося баланса сил. Его позиция исходила из того, что для политиков характерен исключительно рациональный подход к принятию решений в соответствии с национальными интересами. Главными акторами на международной арене реалисты считали государства. Данный подход позже был дополнен американским политологом Дж. Херцем, полагавшим, что «внешнеполитическая активность государств неизбежно сопровождается

⁹ *Morgenthau H.J. Scientific Man versus Power Politics. Chicago, 1946. P. 195.*

поиском безопасности, а не мощи самой по себе»¹⁰. Наращивание военной мощи в данном случае является инструментом, но не самой целью, ответом на международные угрозы: участники межгосударственных отношений, заметившие рост военной мощи своего потенциального соперника, будут вынуждены усиливать собственные позиции.

Триада классического реализма, как ни парадоксально, была четко сформулирована его критиком, сторонником неолиберального подхода американским специалистом Р. Кохейном в 1986 г.: 1) государства являются наиболее важными субъектами в международных отношениях; 2) государства стремятся к силе (власти) либо во имя власти, либо для достижения других целей, которых можно достигнуть с помощью силы; 3) государства действуют как рациональные эгоисты и разрабатывают внешнеполитические курсы, которые позволят максимизировать преимущества для своей страны¹¹.

В 1970-е гг. концепция реалистов была несколько усовершенствована. Новый распространившийся подход получил названия «неореализма», или «структурного реализма». Очень часто это направление ассоциируется с идеями одного из его отцов-основателей, американского ученого К. Уолтца, который подошёл к изучению особенности мировой политики системно. Развитие международных отношений рассматривается неореалистами не через поведение отдельных государств, а в рамках особенностей конкретной системы. К. Уолтц настаивал на необходимости анализа международных отношений в трех плоскостях: на уровне индивидов, государств и системы в целом¹². Ключевым для ученого являлось понятие «анархия», под которым он подразумевал отсутствие мирового правительства или государства, которое может навязать остальным участникам международного сообщества иерархическую систему власти¹³. Именно структурные факторы заставляют государства находиться в ожидании агрессии со стороны соседей и

¹⁰ Herz J.H. *Political Realism and Political Idealism*. Chicago, 1951. P. 3.

¹¹ Keohane R. *Neorealism and Its Critics*. New-York, 1986. P. 7-11.

¹² Waltz K. *Theory of International Politics*. New-York, 1979. P. 19-21.

¹³ Ibid. P. 102.

самостоятельно заботиться о своей безопасности. Поэтому главная задача государства, – пишет Уолтц, – состоит не в увеличении мощи, а «в закреплении своих позиций на международной арене»¹⁴, для чего странам приходится наращивать свой военный и экономический потенциал.

Немаловажным для исследования стало видение неоклассических реалистов (термин введен американским исследователем Гидеоном Роузом в 1998 г.), согласно которому при изучении международных отношений стоит принимать во внимание внутреннюю политику государств и ее влияние на внешнеполитический курс наряду с личностной спецификой различных политических лидеров¹⁵. По мнению этой группы ученых, политика государств находится под влиянием не только экзогенных системных факторов и соображений силы и безопасности, но и культурно-идеологических предубеждений, внутривнутриполитических соображений и господствующих идей¹⁶. Такой подход важен для понимания того колоссального влияния, которое оказывал господствующий после Первой мировой войны пацифизм на принятие политиками Третьей республики решений для поддержания европейской безопасности в 1936–1938 гг.

Именно в ключе подходов реалистов и их последователей будут рассматриваться вопросы европейской безопасности в 1930-х гг. – через взаимодействие различных государств на международной арене, которые стремятся добиться наиболее выгодных, на их взгляд, условий и, исходя из этого, «подбирают» свой внешнеполитический курс. Однако полного объяснения событий 1930-х гг. невозможно дать исключительно в рамках парадигмы реалистов. На рубеже 1970–1980-х гг. их базовые постулаты были подвергнуты ревизии. Особенно интересными в контексте диссертационного исследования представляет собой критика положения о том, что именно сила,

¹⁴ Ibid. P. 126.

¹⁵ Lobel S.E., Ripsman N., Taliaferro J.W. Neoclassical Realism, the State and Foreign Policy. New York, 2009. P. 25-26.

¹⁶ Kitchen N. Systemic pressures and domestic ideas: a neoclassical realist model of grand strategy formation // Review of International Studies. 2010. № 36. P. 133.

прежде всего военная, является наиболее эффективным инструментом международной политики, и утверждение, что акцент должен переноситься с военно-политических аспектов безопасности на социально-экономические, нормативно-правовые и другие, отражавшие «невоенное» содержание международных процессов¹⁷. Подобный взгляд на международные проблемы ярко проявился в работах неолибералов, среди которых наиболее известными были Дж. Най Мл., Л. Мартин, Р. Кеохейн. Применяя такой методологический подход, можно рассмотреть взаимоотношения Франции с другими державами не только как перманентную борьбу за поддержание европейской безопасности в целом и своих национальных интересов, в частности, но и как взаимовыгодное сотрудничество и диалог заинтересованных сторон.

Поскольку особенно ярко общественно-политические дискуссии проявлялись в условиях кризисных ситуаций (ре милитаризация Рейнской области в марте 1936 г., начало гражданской войны в Испании в июле 1936 г., аншлюс Австрии в марте 1938 г., чехословацкий кризис 1938 г. и др.), важно определить понятие «кризиса» в международных отношениях. Для этого необходимо обратиться к «теории конфликта». Термин «конфликт» определяется американским исследователем П. Джеймсом как взаимодействие во времени и пространстве «двух или более действующих субъектов международных отношений, которые обладают неидентичными предпочтениями при выборе одной или более альтернатив»¹⁸. Американский политолог К. Райт предлагает рассматривать конфликт под двумя углами зрения: «в широком смысле» он представляет собой особое отношение между государствами и способен существовать на всех уровнях и в различной степени его тяжести. Он может быть разделен на четыре стадии: 1) осознание противоречий; 2) рост напряженности; 3) давление на грани войны, чтобы устранить противоречия; 4) военное вмешательство или война с целью диктовать свои условия решения конфликта¹⁹. Под конфликтом «в узком

¹⁷ Основы общей теории международных отношений. Под ред. А.С. Маныкина. М., 2009. С. 151.

¹⁸ James P. Crisis and War. Montreal, 1988. P. 5.

¹⁹ Wright Q. Escalation of International Conflict // The Journal of Conflict Resolution. 1965. N.4. P. 435.

смысле» понимается ситуация, при которой страны применяют конкретные действия против друг друга, то есть последние две вышеуказанные стадии.

В рамках изучения «теории конфликта» стоит проанализировать подход крупных американских ученых Г. Снайдера и П. Дизинга²⁰. Они характеризуют поведение государств в кризисных ситуациях, исходящих из представлений политиков каждого из них о силе своего государства по отношению к силе противника и об интересах, которые ставятся на карту. Для политологов пересечение представлений о сравнительной силе и интересах обеих сторон является структурой, а от восприятия – «перцепции» – структуры кризиса зависит поведение её участников. В модели Снайдера и Дизинга интересы и восприятие государством своих возможностей определяют его предпочтения в отношении четырех потенциальных исходов кризиса: дипломатическая победа, компромисс, война или подчинение требованиям противника. То, как государство будет вести себя в ходе разворачивания кризиса, вытекает из ожидаемых им результатов. Например, государство, выбравшее войну вместо подчинения, с меньшей вероятностью поддастся попыткам принудительного воздействия в отличие от государства, которое скорее подчинится, чем пойдет на военные издержки.

Снайдер и Дизинг рассматривают дипломатические переговоры, ведущиеся во время кризиса, как процесс, в котором каждая сторона пытается получить точное представление о структуре кризиса. Как только проясняется вопрос о том, что она считает реальной структурой кризиса, спор переходит к разрешению либо путем мирного урегулирования, либо путем обращения к войне. Этот подход очень важен для диссертационного исследования, поскольку позволяет рассмотреть и то, как Франция воспринимала свои реальные военные возможности относительно крепнувшей мощи Германии, и то, насколько поддержка республиканского правительства Испании или Чехословакии отвечала французским интересам.

²⁰ *Diesing P., Snyder G. Conflict Among Nations: Bargaining, Decision Making and System Structure in International Crises. Princeton, 1977.*

Говоря о проблеме восприятия – «перцепции», – невозможно не упомянуть концепцию профессора международных отношений Колумбийского университета Р. Джервиса²¹. По его убеждению, решения политических лидеров отнюдь не обязаны исходить из рационалистического мышления, а скорее, наоборот, на них значительное влияние оказывают когнитивные факторы, то есть психологические установки принимающих решения политиков, их собственные взгляды, селективный характер восприятия. Так, безусловно, на восприятие событий 1930-х гг., когда внешнеполитические вызовы становились все более серьезными и одновременно оставались сильными пацифистские настроения, оказывали воздействия уже упоминавшиеся трагические итоги кровопролитной Первой мировой войны, закрепившиеся в исторической памяти французов. Ярким примером этого служит, например, поведение председателя Совета министров Третьей республики Эдуарда Даладье и министра иностранных дел Жоржа Бонне, непосредственно участвовавших в боевых действиях и стремившихся оградить страну от новых тяжелых испытаний. В целом отличительной чертой дискуссий вокруг европейской безопасности в 1930-е гг. и шире – в межвоенный период – был морально-психологический аспект, для которого доминирующей особенностью оставался страх нового крупномасштабного военного конфликта²².

Подводя итог, стоит отметить, что при рассмотрении такой масштабной проблемы, как европейская безопасность, потребовалось прибегнуть к синтезу всех вышеперечисленных концептуальных теоретических подходов. Однако в диссертации используется не весь набор тезисов, приводимых авторами теории международных отношений, а выборочные положения каждого из подходов, оказавшиеся наиболее полезными для достижения цели работы.

При выполнении диссертационного исследования перед автором встала необходимость определиться с понятием «общественно-политические

²¹ *Jervis R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, 1976.*

²² См. подробнее: *Магадеев И.Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 59.*

дискуссии». В работе не стояло задачи изучить общественное мнение и настроения всех слоёв французского общества, автор сосредоточился на взглядах тех, кто в той или иной степени оказался причастным к выработке и/или принятию политических решений. В первую очередь это представители элиты государства, к которой относятся политики, государственные чиновники, партийные деятели, интеллектуалы, представители крупного бизнеса, журналисты. По справедливому утверждению отечественного политолога и франковеда Н.Ю. Лапиной, к ним принадлежат разные категории деятелей: представители политической элиты; деятели культуры; журналисты. «Все три элитные группы влияют на общественный дискурс, настроения и предпочтения граждан»²³.

Для Франции изучаемого периода как демократической парламентской республики с многопартийной системой была характерна частая смена кабинетов. В ходе выборов и правительственных кризисов ведущее место в них занимали представители то право-, то левоцентристских сил. В результате оппозиция состояла из политиков, временно утративших ведущее положение в правительственных органах, но с поворотом политического маятника гарантированно обеспеченных перспективой возвращения к рулю государственного управления. Под участниками общественно-политических дискуссий автор подразумевает членов правительства Третьей республики, парламентариев, и представителей политических партий, а также общественных деятелей, имевших отношение к политической жизни страны. Многие политики, которые напрямую не управляли Третьей республикой, осуществляли опосредованное влияние на государственные решения, активно включаясь в политическую борьбу, издавая газеты, журналы, тем самым непосредственно воздействуя на общественное мнение, организовывая митинги, конференции, собрания своих сторонников. Стоит отметить, что в межвоенные годы французские политики активно занимались журналистской деятельностью, публиковались в газетах или сами издавали их.

²³ Лапина Н.Ю. Взаимодействие элитных групп во Франции // Власть и элиты. Спб., 2016. С. 34.

В группе участников общественно-политических дискуссий можно выделить два уровня. К первому относилась непосредственно политическая элита Третьей республики. Термин «политическая элита» остается дискуссионным в исторической и политической науках. По утверждению Н.Ю. Лапиной, проводившей социологическое исследование о составе политической элиты Пятой республики во Франции, консенсуса по этому вопросу нет и в рядах самих её представителей²⁴. Часть респондентов среди французских политиков причисляли к политической элите только первых лиц государства – главу правительства и ключевых министров. Другие были склонны добавлять к ней ключевых деятелей парламента²⁵.

Большинство зарубежных и отечественных авторов, давая определение понятию «политическая элита», склоняются к функциональному подходу, согласно которому к ней относят непосредственно тех, кто занимает высшие посты в государстве. Так, американский исследователь Т. Дай отмечает, что в Америке в политическую элиту включают и тех, кто «занимает высшие позиции в институциональной структуре США»²⁶. При этом Дай не причисляет к политической элите всех депутатов законодательного органа, выделяя только лидеров парламентского большинства и меньшинства, парламентских организаторов и председателей комитетов. Отечественный политолог О.В. Крыштановская, в свою очередь, включает в неё членов правительства и депутатов парламента РФ, а также лидеров крупнейших политических партий²⁷. Отечественный ученый Г.К. Ашин также причисляет депутатов парламента к политической элите²⁸. Более того, по его мнению, к ней стоит относить и «правлящую и оппозиционную элиты (если это “системная” оппозиция, борющаяся за власть в рамках данной политической

²⁴ Лапина Н.Ю. К вопросу об особенностях французской политической элиты // Власть и элиты. М., 2015. С. 96.

²⁵ Там же.

²⁶ Дай Т. Who's Running America. N.J., 2002. P. 11, 12.

²⁷ Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51.

²⁸ Ашин Г.К. Элитология: история, теория, современность. М., 2010. С. 465.

системы) и контрэлиты, имеющую целью изменение всей политической системы». ²⁹ Такой подход в рамках диссертационного исследования позволяет рассматривать не только депутатов парламентской коалиции Народного фронта, но и правых депутатов, оппозиционных им, в качестве представителей политической элиты. Профессор политической социологии университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна Пьер Бирнбаум посчитал возможным отнести депутатский корпус Третьей республики к политической элите. В нём он выделил две основные группы: «классические политики-профессионалы» и «высшие государственные служащие» ³⁰.

Таким образом, исходя из вышеизложенных концепций, под представителями политической элиты автор диссертации понимает тех, кто был причастен к выработке политического курса страны: это и члены правительства, лидеры политических партий, депутаты – представители парламентского большинства и находящиеся к ним в оппозиции политики. В диссертации предпринята попытка показать роль в принятии важных для сохранения европейской безопасности решений, с одной стороны, действующих политиков, а с другой – их оппонентов.

Ко второму уровню участников общественно-политических дискуссий относились члены ведущих французских политических партий, активно воздействовавшие на широкие слои населения своими публичными выступлениями и публикациями в газетах. В дискуссии также вмешивались журналисты, аналитики, ученые, интеллектуалы, которые высказывались в прессе по наиболее болезненным точкам международной жизни 1930-х гг.

В рамках работы была рассмотрена позиция не только ведущих политиков, но и менее известных представителей партий и депутатов, чьи взгляды прежде не становились предметом специального научного анализа. Их выступления отражали мнение широких кругов, и правительство и

²⁹ Там же. С. 233.

³⁰ *Birnbaum P.* Les sommets de l'États. Essai sur élite du pouvoir en France. Paris, 1977. P. 13.

партийное руководство пусть не прямо, но не могло не учитывать их позицию при выработке курса, связанного с проблемами европейской безопасности.

Учитывать оба уровня участников общественно-политических дискуссий необходимо, так как в исследовании было важно проследить не только как выработывались решения по ключевым вопросам поддержания европейской безопасности непосредственно руководством страны, но и как на эти решения влияли (и оказывали ли влияние вообще) представители депутатского корпуса, ведущих партий и политических течений, общественные деятели, чтобы передать широкий спектр взглядов, существовавших в 1936–1938 гг. на стратегию удержания Европы от новой мировой войны. Это связано как с непосредственной актуальностью работы – прежде голоса многих из них не становились предметом специального изучения в отечественной и зарубежной историографии, – так и с тем, что взгляды представителей различных фракций депутатского корпуса, членов партий или агентов влияния в лице известных журналистов, общественных и культурных деятелей могли оказывать воздействие на итоговые решения парламентских лидеров и правительственных министров. В рамках работы будут анализироваться те политики, парламентарии, партийные и общественные деятели, кто непосредственно выражал свои взгляды в ходе правительственных заседаний, парламентских дебатов, партийных съездов и на страницах прессы и чью позицию удалось проследить по используемому в работе корпусу источников.

Источниковая база исследования может быть разделена на две группы – неопубликованные архивные материалы и опубликованные источники.

Важную роль в работе играют материалы Российского государственного военного архива (РГВА, в частности, материалы личного фонда Леона Блюма³¹. Они содержат донесения различных комитетов о состоянии французской промышленности к началу реформаторской деятельности

³¹ Российский государственный военный архив (Далее – РГВА). Ф. 46к. Оп. 1. Д. 8; Ф. 46к. Оп. 2. Д. 21; 176; Ф. 46к. Оп. 4. Д. 72.

правительственной коалиции Народного фронта, а также информацию о настроениях, царивших в армейских кругах в середине 1930-х гг. В фонде представлены письма и послания от многих политических и общественных деятелей как соотечественников Блюма, так и иностранцев, в которых излагается их отношение к началу гражданской войны в Испании или чехословацкому кризису 1938 г. Немаловажными являются материалы фонда под названием «Главное управление национальной безопасности Франции»³². В них содержатся сведения о нарастании кризисных явлений, охвативших парламентский режим Третьей республики, и о серьезном недовольстве населения депутатами и правительственными деятелями в середине 1930-х гг. Также в работе используются материалы архива социально-политической истории (РГАСПИ)³³, в частности, фонд по Коминтерну, где содержится позиция французских коммунистов по гражданской войне в Испании.

Опубликованные источники можно подразделить на три типа: официальные документы – дипломатические документы, законодательные акты, парламентские дебаты и материалы партийных съездов; периодика и источники личного происхождения.

Особое значения для раскрытия различных аспектов внешней политики Франции представляют многотомные публикации дипломатических документов в сборниках «Documents diplomatiques français»³⁴, «Documents on British Foreign Policy»³⁵, документы советского внешнеполитического ведомства³⁶. Материалы дипломатических ведомств различных стран позволяют восстановить полную картину международной обстановки в 1936–1938 гг. Безусловную ценность для диссертационного исследования имеют

³² РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 8372.

³³ Российский государственный архив социально-политической истории (Далее – РГАСПИ). Ф. 517. Оп. 3. Д. 18.

³⁴ Documents diplomatiques français. 1932–1939 (Далее – DDF). 1-ère série (1932–1935). Т. 1–12. Paris, 1963–1984; 2-ème série (1936–1939). Т. 1–11. Paris, 1962–1967.

³⁵ Documents on British Foreign Policy, 1919–1939 (Далее – DBFP). Second Series. Vol. V. London, 1956; Vol. XII–XIII. London, 1972–1973; Third Series. Vol. II. London, 1949; Vol. VII. London, 1954.

³⁶ Документы внешней политики СССР, 1932–1938 (Далее – ДВП СССР). Т. XV–XXI. М., 1969–1977; Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979.

французские материалы. Помимо дипломатической переписки, отражающей переговорный процесс различных министров, возглавлявших Кэ д'Орсе в 1936–1938 гг., с послами европейских столиц, в них содержатся протоколы переговоров руководства Франции с другими странами. В частности запись переговоров французских и английских министров иностранных дел в ходе обсуждения вопроса о помощи республиканскому правительству в Мадриде после начала гражданской войны в Испании (июль – август 1936 г.), протоколы совещаний руководства Великобритании и Третьей республики по мере разворачивания чехословацкого кризиса 1938 г. Большое количество документов отражает позицию французского генштаба в ходе ключевых кризисов 1936–1938 гг. Так, в сборнике содержится много ценной информации о том, какой точки зрения придерживался французский генералитет во время ремилитаризации Германией Рейнской области в 1936 г. В работе использовались и другие документы по международным отношениям межвоенного периода³⁷.

Большую помощь в раскрытии темы кандидатской диссертации оказали документы парламентской комиссии (состоявшей из 42 депутатов), созванной в 1947 г. для определения причин военно-политического краха Третьей республики летом 1940 г.³⁸. В задачу комиссии входило изучить все экономические, политические, дипломатические и военные события, предшествовавшие заключению перемирия между Францией и Германией. Комиссия издала две отдельные книги с докладом её председателя Шарля Сера, где с разных сторон рассматривались дипломатические, военные и политические аспекты ремилитаризации Рейнской области в марте 1936 г., а также 9 томов свидетельских показаний. В ходе работы комиссии были допрошены ведущие политики и военные Третьей республики – П.-Э.

³⁷ Версальский мирный договор. М., 1925; Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959.

³⁸ Les Événements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Charles Serre, député, au nom de la Commission d'Enquête parlementaire. Paris, 1951–1952; Les Événements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et Documents recueillis par la Commission d'Enquête parlementaire. Paris, 1951–1952. (Далее – Les Événements...)

Фланден, П. Рейно, А. Сарро, П. Кот, Э. Даладьё, Л. Блюм, М. Гамелен, Л. Морен и другие. Материалы комиссии позволяют пролить свет на позицию многих общественных и политических деятелей по таким вопросам европейской безопасности 1936–1938 гг. как ремилитаризация Рейнской области (март 1936 г.), события гражданской войны в Испании, отношения со странами Восточной Европы и СССР, чехословацкий кризис 1938 г.

Своеобразным дополнением к вышеуказанному источнику служат материалы суда над П.-Э. Фланденом, в ходе которого в том числе изучалась политика лидера Демократического альянса в 1930–1940-е гг.³⁹. Наибольшая часть допроса касалась действий Фландена непосредственно перед поражением Франции во Второй мировой войне и в период пребывания у власти правительства Виши. Однако суд не обошёл стороной сюжеты, связанные с ремилитаризацией Рейнской области, когда Фланден занимал пост министра иностранных дел, а также с чехословацким кризисом и потребовал от политика объяснений относительно его курса на «умиротворение любой ценой». Речь П.Э. Фландена в свою защиту содержит ценные сведения относительно причин, предопределивших его позицию во время событий марта 1936 г. и весны – осени 1938 г. Кроме того, в материалах суда были приведены тексты некоторых документов, составленных Фланденом в сентябре 1938 г. и дающие четкое представление о его позиции в тот момент. К примеру, обращения политика к главе правительства Э. Даладьё осенью 1938 г.

Большую ценность для исследований, посвященных общественно-политическим дискуссиям, имеют парламентские дебаты. В кандидатской диссертации используются стенограммы заседаний обеих палат Национального собрания Третьей республики – Палаты депутатов⁴⁰ и Сената⁴¹. Особую значимость представляют дискуссии, развернувшиеся

³⁹ Le Procès Flandin devant la Haute Cour de Justice, 23–26 juillet 1946. Paris, 1947.

⁴⁰ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. Paris, 1932–1938.

⁴¹ Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat. Paris, 1932–1938.

вокруг ратификации франко-советского договора 1935 г. (ратификация проходила в феврале – марте 1936 г.), в ходе определения внешнеполитического курса в связи с гражданской войной в Испании; дискуссии по вопросам европейской безопасности, развернувшиеся в конце февраля 1938 г. на фоне готовящегося аншлюса Австрии, а также особая парламентская сессия 4 октября 1938 г. по итогам мюнхенской конференции. Стоит отметить, что с июня по октябрь 1938 г. французский парламент был распущен на каникулы, поэтому дебатов по внешнеполитическим вопросам в этот период не проводилось. Однако эту проблему удастся решить благодаря использованию других источников, раскрывающих общественно-политические настроения в 1938 г.

Важным дополнением, позволяющим показать позицию представителей партии радикалов и радикал-социалистов, являются материалы её XXXV съезда, проходившего в Марселе 26–30 октября 1938 г.⁴² Главной темой партийного форума были внешнеполитические сюжеты, а именно – недавно завершившийся чехословацкий кризис. Дискуссии показывали серьезные противоречия между сторонниками и противниками «умиротворения». Ораторы старались подробным образом аргументировать свою позицию, объясняя, какие факторы её предопределили, а также высказывались по поводу дальнейших шагов французского правительства. Не менее глубокие разногласия по вопросам европейской безопасности, существовавшие в соцпартии Третьей республики, исследователь находит в стенограммах 35 съезда СФИО, который прошёл 4–7 июня 1938 г. в Руайане⁴³ и продемонстрировал неудовлетворение многих делегатов проводимой правительством Народного фронта политикой «умиротворения» Германии.

Важным дополнением к официальным источникам стала периодика. Как уже отмечалось, многие политики так или иначе были связаны с крупными

⁴² XXXV Congrès du Parti Républicain radical et radical-socialiste tenu à Marseille 26–30 octobre 1938. Paris, 1939.

⁴³ Parti Socialiste Français. XXXV Congrès national: 4,5,6 et 7 juin 1938: compte-rendu sténographiques. Paris, 1938.

изданиями: кто-то из них финансировал газеты, кто-то издавал свою собственную, кто-то активно публиковался. Практически все ведущие партии предвоенной Франции обладали своим официальным печатным органом, поэтому пресса стала незаменимым источником, позволившим проследить реакцию различных представителей французской политической элиты и общественных сил на ключевые проблемы европейской безопасности.

Позиция руководства ФКП в лице их лидеров – Мориса Тореза, Марселя Кашена, Жака Дюкло, Жоржа Коньо и Габриеля Пери – очень четко прослеживается на страницах официального печатного органа – газеты «Юманите»⁴⁴. Речи политиков регулярно публиковались, а Г. Пери вел ежедневную колонку по вопросам внешней политики. Изучение материалов «Юманите» даёт четкое представление о том, какого курса придерживались коммунисты в 1936–1938 гг., какую политику французского правительства они считали целесообразной в отношении СССР, фашистской Италии, нацистской Германии и Великобритании.

Ежедневная газета партии СФИО «Популер»⁴⁵ и ежемесячная газета левого крыла партии «Батай сосьялист»⁴⁶ позволяют исследователю получить сведения о разногласиях, которые существовали в рядах социалистов относительно того, нужно ли придерживаться традиционной пацифистской линии во внешней политике или в сложившихся международных обстоятельствах проявить твердость и оказать сопротивление немецким требованиям для сохранения европейской безопасности. На страницах «Популер» регулярно выходили статьи лидера социалистов Леона Блюма по внешнеполитическим проблемам, а также, пусть и с меньшей периодичностью, генерального секретаря партии Поля Фора. Ведущим обозревателем международных сюжетов в «Батай сосьялист» был лидер одноименного течения партии Жан Жиромски.

⁴⁴ L'Humanité. 1934–1938.

⁴⁵ Le Populaire. 1934–1938.

⁴⁶ La Bataille socialiste. 1934–1938.

Широкое представление о позиции политиков-радикалов дает сразу несколько газет. Одним из их основных печатных изданий являлась «Эр Нувель»⁴⁷, где свою позицию по вопросам европейской безопасности часто излагал бывший главный секретарь партии Альбер Мило, склонявшийся к линии «умиротворения». Куда большая решительность во взглядах была присуща радикалу Альберу Бае, писавшему для газеты «Люмьер»⁴⁸. Свою собственную колонку на страницах газеты «Демократ Савойар»⁴⁹ вел министр авиации Пьер Кот (1936–1938 гг.), равно как и министр иностранных дел (1936–1938 гг.) Ивон Дельбос в газете «Депеш»⁵⁰. Дополняет материал о представлениях радикальной партии о проблемах европейской безопасности сведения, полученные из газеты «Ёвр»⁵¹.

Не менее многочисленной была правая пресса. Республиканская федерация издавала свой еженедельный журнал «Насьон»⁵², в котором регулярно публиковались статьи лидера партии Луи Марена и многих других её участников, включая тех, кто обладал депутатским мандатом. Изучение номеров журнала за 1936–1938 г. позволяет определить, какие методы поддержания европейской безопасности отстаивали правые, какое отношение у них было к фашистской Италии, а какое – к СССР, соглашались ли они на политику уступок или противостояли требованиям Гитлера. Стоит отметить, что выпуски журнала «Насьон», а также уже упомянутых газет «Люмьер» и «Батай сосьялист», не оцифрованы и не хранятся в отечественных библиотеках и были проанализированы автором благодаря стажировке во Франции в 2020 г.

Позиция А. де Кериллиса изложена в издаваемой им ежедневной газете «Эпок»⁵³, а также в газете «Эко де Пари»⁵⁴. Взгляды другого

⁴⁷ L'Ère nouvelle. 1934–1938.

⁴⁸ La Lumière. 1934–1938.

⁴⁹ Le Démocrate Savoyard. 1934–1938.

⁵⁰ La Dépêche. 1934–1938.

⁵¹ L'Œuvre. 1934–1938.

⁵² La Nation. 1934–1938.

⁵³ L'Époque. 1937–1938.

⁵⁴ L'Écho de Paris. 1934–1938.

последовательного противника уступок Третьему рейху – Андре Тардьё – были изучены благодаря его публикациям в еженедельном издании «Гренгуар»⁵⁵. Сведения о позиции крайне правых националистов автор почерпнул из статей ежедневной газеты «Аксьон франсез»⁵⁶, печатного органа одноименной партии, где активную полемику с противниками уступок Германии развернул Шарль Моррас. В официальном органе «Французской социальной партии» полковника де ля Рока «Пти Журналь»⁵⁷ её руководитель делился своим мнением относительно тех мер, которые следовало принять правительству для поддержания европейской безопасности и стабильности внутри страны.

Взгляды маловлиятельных в предвоенные годы христианских демократов нашли отражение в газете «Об»⁵⁸, ведущим публицистом которой в то время считался будущий председатель Совета министров Четвертой республики Жорж Бидо. Общее представление о настроениях французского общества можно почерпнуть из газет правой направленности: «Пети Паризьен»⁵⁹, «Фигаро»⁶⁰, «Журналь»,⁶¹ «Пари-суар»,⁶² «Же сью парту»⁶³, «Тан»⁶⁴, «Матен»⁶⁵. Используемые в кандидатской диссертации периодические издания позволили охватить практически весь политический спектр и показать различные политические взгляды на внутри- и внешнеполитическое развитие Третьей республики.

Важным дополнением к уже упомянутым типам источников являются документы личного происхождения – мемуары. Безусловно, для данного типа источников характерна субъективность – главная цель мемуаристов-

⁵⁵ Gringoire. 1934–1938.

⁵⁶ L'Action française. 1934–1938.

⁵⁷ Le Petit Journal. 1934–1938.

⁵⁸ L'Aube. 1934–1938.

⁵⁹ Le Petit Parisien. 1934–1938.

⁶⁰ Le Figaro. 1934–1938.

⁶¹ Le Journal. 1934–1938.

⁶² Le Paris-soir. 1934–1938.

⁶³ Je suis partout. 1934–1938.

⁶⁴ Le Temps. 1934–1938.

⁶⁵ Le Matin. 1934–1938.

участников событий 1930-х гг. заключалась в попытке оправдать свои действия в предвоенные годы и выставить себя в лучшем свете. Впрочем, сопоставление воспоминаний различных политических деятелей вместе с другими объективными источниками позволяет составить картину происходившего в 1936–1938 гг. Кроме того, в мемуарах встречаются интересные, малоизвестные эпизоды и детали.

Многие ведущие политики Третьей республики, (примечательно, что в первую очередь те из них, кто был напрямую связан с проведением политики «умиротворения») стали выпускать свои мемуары сразу по окончании Второй мировой войны. В 1946 г. первые воспоминания издал бывший министр иностранных дел Ж. Бонне⁶⁶. Тогда же вышли мемуары французских послов в Германии и Польше – рьяных сторонников сотрудничества Третьей республики с Третьим рейхом – А. Франсуа-Понсе⁶⁷ и Л. Ноэля⁶⁸. В 1947 г. своим видением событий 1930-х г. поделился лидер Демократического альянса П.-Э. Фланден⁶⁹. Свои мемуары также издал сторонник сближения с Германией, министр авиации Третьей республики (1936г.) М. Деа⁷⁰. Во всех этих книгах присутствовал один общий лейтмотив – правительственные кабинеты Франции, как и сами эти деятели, не могли поступить иначе: в тех тяжелых внутри- и внешнеполитических условиях при отсутствии поддержки со стороны союзников и неготовности страны к крупномасштабной европейской войне политику «умиротворения» они считали единственным возможным вариантом поддержания европейской безопасности.

Другая группа представителей политической элиты, многие из которых еще в 1930-х сыскали себе славу сторонников жесткой линии в отношении все возраставших требований Третьего рейха, в своих воспоминаниях всячески

⁶⁶ *Bonnet G. Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1946; Idem. Vingt ans de vie politique, 1918–1938. De Clemenceau à Daladier. Paris, 1969; Idem. Dans la tourmente, 1938–1948. Paris, 1971.*

⁶⁷ *François-Poncet A. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Septembre 1931 – Octobre 1938. Paris, 1946; Idem. De Versailles à Potsdam. La France et le problème allemand contemporain, 1919–1945. Paris, 1948.*

⁶⁸ *Noël L. L'agression allemande contre la Pologne. Paris, 1946.*

⁶⁹ *Flandin P.-E. Politique française 1919–1940. Paris, 1947.*

⁷⁰ *Deat M. Mémoires politiques. Paris, 1989.*

порицали тот путь, который в конце концов избрала Франция, утверждая, что политика уступок была изначально провальной для поддержания европейской безопасности и французское руководство могло и должно было сдерживать агрессивные устремления фашистских государств. Об этом – с разной степенью критики – писали, в частности, министр просвещения Народного фронта Ж. Зей⁷¹, известный и влиятельный политик-радикал Э. Эррио⁷², бывший председатель Совета министров П. Рейно⁷³, посол в Москве Р. Кулондр⁷⁴, министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур⁷⁵, генеральный секретарь ФКП М. Торез⁷⁶ и его соратник Ж. Дюкло⁷⁷. Свои мемуары, посвященные событиям 1930-х гг., оставили и некоторые военные деятели Третьей республики, что позволяет глубже понять позицию военного руководства страны о событиях 1936–1938 гг.⁷⁸.

Общее настроение французского общества в момент обострения чехословацкого кризиса передают заметки «Франция и Мюнхен» британского журналиста русского происхождения Александра Верта⁷⁹, в предвоенные годы работавшего в Третьей республике. В книге много интересных свидетельств о позиции, которую заняли политики и французская пресса по вопросам разрешения чехословацкого кризиса. Дополнить картину происходившего в 1930-е гг. на международной арене и во внутривнутриполитической жизни Франции позволяют дневниковые записки советского посла в Лондоне – И.М. Майского⁸⁰, воспоминания французской журналистки Ж. Табуи⁸¹, мемуары У.

⁷¹ Zay J. Carnets secrets. Paris, 1942.

⁷² Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами, 1914–1936. М., 1958.

⁷³ Reynaud P. Au coeur de la mêlée. 1930–1945. Paris, 1951.

⁷⁴ Coulondre R. De Stalin à Hitler. Paris, 1950.

⁷⁵ Paul-Boncour J. Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. Т. 3. Paris, 1946.

⁷⁶ Торез М. Сын народа: перевод с фран. М., 1960.

⁷⁷ Дюкло Ж. Мемуары. Т. 1. М., 1974.

⁷⁸ Gamelin M. Servir. Т. 2. Le Prologue du Drame (1930 – août 1939). Paris, 1946; Gauché M. Le deuxième bureau au travail (1935–1940). Paris, 1953; Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. Призыв 1940–1942. М., 2003.

⁷⁹ Werth A. France and Munich. London, 1939.

⁸⁰ Майский И.М. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Кн. 1. М., 2006.

⁸¹ Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. М., 1960;

Черчилля⁸² и других видных государственных и политических деятелей 1930-х годов⁸³.

Имеющийся в распоряжении автора объем источников позволяет всесторонне изучить общественно-политические дискуссии по вопросам европейской безопасности в 1936–1938 гг. Совокупность разных типов источников позволяет восполнить лакуны, которые неизбежно возникают при работе с официальными документами, прессой или мемуарами по отдельности. Кандидатская диссертация базируется на широком круге источников, располагающих важными сведениями относительно действий государственных властей и показывающих позицию французских политических деятелей от левого до крайне правого фланга партийно-политической системы Третьей республики.

Степень разработанности проблемы. Проблема европейской безопасности в 1930-е гг. и положение Франции накануне Второй мировой войны изучались и продолжают изучаться историками, которые в своих работах затрагивают различные аспекты от социально-экономических сюжетов до перипетий внешней политики и нюансов взаимодействия Третьей республики с различными странами как в Европе, так и вне её. Не ускользают от внимания ученых и взгляды на проблему европейской безопасности со стороны французской общественности и политиков, находившихся в те годы у власти и ответственных за принятие важнейших государственных решений. Однако в большинстве случаев акцент в работах исследователей смещается на рассмотрение предпосылок грандиозного военного конфликта. Общественно-политические дискуссии по поводу конфликтных событий тех лет хоть и поднимаются в работах исследователей, но, как правило, им не уделяют должного внимания. Труды, всесторонне анализирующие позицию политиков

⁸² Черчилль У. Вторая мировая война. Кн. 1. М., 1991;

⁸³ Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960; Шмидт П. Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001; Додд У. Дневник посла Додда. М., 2015.

сразу всех партийно-политических флангов, системных и несистемных политиков, общественных деятелей по отношению к вопросам европейской безопасности 1930-х гг. и ключевым вызовам того периода, ремилитаризации Рейнской области, гражданской войне в Испании, аншлюса Австрии, чехословацкому кризису, а также многим другим крупным международным событиям, в западной историографии практически не встречаются за исключением нескольких довольно подробных работ И. Лаказа⁸⁴, посвященных мюнхенскому соглашению 1938 г..

Историография проблемы роли Франции в поддержании европейской безопасности огромна. Она включает в себя книги как по внутренней политике Третьей республики, так и по истории международных отношений. В связи с этим хотелось бы выделить несколько историографических блоков.

Во-первых, работы по истории международных отношений 1930-х гг.⁸⁵, в том числе книги, поднимающие отдельные сюжеты событий международной жизни тех лет, такие как ремилитаризация Рейнской области 1936 г.⁸⁶,

⁸⁴ *Lacaze Y.* L'opinion public et la crise de Munich. New-York, 1991; *Idem.* La France et Munich. Paris, 1992; *Idem.* Daladier, Bonnet and the decision-making process during the Munich crisis, 1938 // French foreign and defense policy. London, 1998.

⁸⁵ *Язькова А.А.* Малая Антанта и проблемы коллективной безопасности в Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1972. № 6; *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблема становления и развития. М., 1995; *Ди Нольфо Э.* История международных отношений 1918–1999. М., 2003; *Горохов В.Н.* История международных отношений 1918–1939. М., 2004; *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения 1933–1939. М., 2004; *Наумов А.О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М., 2007; *Наринский М.М.* Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. 2009; *Сетов Р. А.* Тектоника войны. 1939 год. М., 2019; *Вершинин А.А.* Указ. соч. Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(2); *Watt D.C.* How war came. London, 1989; *Vaïsse M.* Le Pacifisme en Europe des années 1920 aux années 1950. Bruxelles, 1993; *Renouvin P.* Histoire des relations internationales. Т. 3. Paris, 1994; *Sharp A.* The Versailles Settlement: The Start of the Road to the Second World War? // The origins of the Second World war. London, 2011; *Soutou G.-H.* Op. cit. // Transversalités. 2011. № 119; *Steiner Z.* The triumph of the dark: European international history, 1933–1939. Oxford, 2011; *D'Agostino A.* The Rise of Global Powers: International Politics in the Era of the World Wars. Cambridge, 2012; *Milza P.* Les relations internationales de 1918 à 1939. Paris, 2019.

⁸⁶ *Knapp W.F.* The Rhineland crisis of March 1936 // The decline of the Third republic. London, 1959; *Baumont M.* The Rhineland Crisis 7 March 1936 // Troubled Neighbours Franco-British Relations in the Twentieth Century. London, 1971.

гражданская война в Испании⁸⁷, чехословацкий кризис⁸⁸. Эти работы не раскрывают проблемы общественно-политических дискуссий во Франции. Однако без изучения особенностей Версальско-Вашингтонской системы и тех кризисов, которые она переживала, невозможно понять, какие проблемы охватывали вопросы поддержания европейской безопасности в 1930-е гг.

Во-вторых, это работы, затрагивающие внутривнутриполитические сюжеты истории Третьей республики⁸⁹. Они посвящены общей предвоенной истории Франции, и в них не уделяется большое внимание общественно-политическим дискуссиям по различным аспектам жизни страны. Однако они позволяют

⁸⁷ Carr R. *The Spanish Tragedy. The Civil War in Perspective*. London, 1977; Пожарская С.П. Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун Второй Мировой войны // *Европа между войной и миром*. М., 1992; Томас Х. *Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг.* М., 2003; Малай В.В. *Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа*. М., 2011; Наумов А.О. *Международные организации и гражданская война в Испании (1936–1939)* // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 56. Июнь 2016; Шубин А.В. *Советская помощь Испанской республике (1936–1939 годы)* // *Новая и новейшая история*. 2016. № 3; Шубин А.В. *Великая испанская революция 1931–1939 гг.* М., 2019; Горохов В.Н., Инвиева В.В. *Гражданская война в Испании (1936–1939) и политика «невмешательства» западных демократий* // *Преподавание истории и обществознания в школе*. 2024. № 2.

⁸⁸ Bretton P. *Les négociations germano-tchécoslovaques sur l'accord de Munich de 1938*. Paris, 1973; Gothold R. *Munich, mythes et réalités*. Paris, 1979; Beuve-Méry H. *De l'accord de Munich à la fin de l'État tchécoslovaque* // *Politique étrangère*. 1986; Волков В.К. *Мюнхенский сговор и Балканские страны*. М., 1978; Lukes I. *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: the diplomacy of Edvard Benes in the 1930s*. Oxford, 1996; Ragsdale H. *The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II*. New York, 2004; Марьяна В.В. *Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов)* // *Война. Народ. Победа*. М., 2008; Faber D. *Munich: The 1938 Appeasement Crisis*. London., 2009; Христофоров В.С. *Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России)* // *Новая и новейшая история*. 2009. № 1; Матвеев Г.Ф. *Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году* // *Новая и новейшая история*. 2018. № 4; Серапионова Е.П. *Эдвард Бенеш и мюнхенский кризис* // *Новая и новейшая история*. 2018. № 4; Шубин А.В. *СССР и Мюнхенский договор 1938 года* // *Новая и новейшая история*. 2018. № 4.

⁸⁹ Weber E. *L'Action française*. Paris, 1964. Rémond R. *The right wing in France*. Philadelphia, 1966; Кравченко Е.А. *Народный фронт во Франции*. М., 1972; Егоров Е.В. *Народный фронт во Франции*. Л., 1973; Kriegel A. *Les communistes français (1920–1970)*. Paris, 1977; Rioux J.-P. *La conciliation et l'arbitrage obligatoire des conflits du travail* // Rémond R., Bourdin J. *Edouard Daladier, chef de gouvernement*. Paris, 1977; Passmore K. *From liberalism to fascism*. Cambridge, 1977; Irvine W.D. *French conservatism in crisis. The Republican federation of France in the 1930s*. Louisiana, 1979; Berstein S. *Histoire du parti radical*. Vol. 2. Paris, 1982; Jackson J. *The Popular front in France. Defending democracy, 1934–1938*. Cambridge. 1988; Brunet J.-P. *Histoire du front populaire. 1934–1938*. Paris, 1998; Ory P. *Les intellectuels en France*. Paris, 1992; Mayeur J.-M. *La vie politique sous la Troisième République*. Paris, 1984; Du Reau E. *Édouard Daladier: 1884–1970*. Paris, 1993; Berstein S., Milza P. *Histoire de la France au XX siècle*. Bruxelles, 1995; Martinez G. *Comment les libéraux sont arrivés à Vichy: étude d'un parcours paradoxal* // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. Т. 46. № 3. Juillet-septembre 1999; Monier F. *Le Front Populaire*. Paris, 2002; Berstein S. *Leon Blum*. Paris, 2006; Вершинин А.А. *Леон Блюм: штрихи к политическому портрету* // *Новая и новейшая история*. 2018. № 4; Вершинин А.А. *Генерал Морис Гамелен и французское военное строительство накануне Второй мировой войны* // *Новая и новейшая история*. 2020. № 1.

понять, особенности её партийно-политической системы в 1930-е гг., разобрать эволюцию и развитие правых и левых французских партий, особенности социально-экономической истории страны и проблем её перевооружения. В работах по внутривластной жизни Третьей республики, как правило, отсутствует детальный анализ позиции различных общественно-политических сил по ключевым для страны проблемам. Безусловно, авторы упоминают взгляды различных партий, к примеру, коммунистов или социалистов на экономический кризис внутри страны или проблему перевооружения, но не уделяют внимание особенностям позиций разных партий и политиков, нюансам их аргументации и споров.

В-третьих, это работы, посвященные непосредственно внешней политике Третьей республики в 1930-е гг.⁹⁰. Их изучение позволяет понять положение Франции на международной арене в 1930-е гг., а также получить представления об особенностях взаимоотношений Третьей республики с ключевыми государствами того времени – Великобританией, СССР, Германией, Италией, США, странами Восточной Европы и Балкан. Работы

⁹⁰ *Duroselle J.-B.* Louis Barthou et le Rapprochement franco-soviétique en 1934. Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 3. № 4. Octobre-décembre 1962; *Maxime M.* Les relations franco-soviétiques, 1917–1967. Paris, 1967; *Néré J.* The foreign policy of France from 1914 to 1945. London, 1975; *Adamthwaite A.* France and the coming of the Second World War. London, 1977; *Bedarida F.* La «gouvernante anglaise» // Edouard Daladier, chef de gouvernement. Paris, 1977; *Bessis J.* La question tunisienne dans l'évolution des relations franco-italiennes de 1935 au 10 juin 1940 // Italia e Francia dal 1919 al 1939. Milan, 1981; *Milza P.* L'image de L'Italie Fasciste dans la France des années 1936–1939 // Italia e Francia dal 1919 al 1939. Milan, 1981; *Idem.* Le voyage de Pierre Laval à Rome // Italia et Francia dal 1919 al 1939. Milan, 1981; *Lacouture J.* Leon Blum. Paris, 1977; *Schuker S.* France and the Remilitarization of the Rhineland, 1936 // French historical studies. 1986. № 14(3); *Young R.J.* France and the coming of the second world war. New-York, 1996; *Ulrich R.* René Massigli and Germany, 1919–1938 // French foreign and defence policy 1918–1960. New-York, 1998; *Дессберг Ф.* Франция и тень Москвы во время мюнхенского кризиса // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009; *Rémond R.* Le siècle dernier, 1918–2002. Paris, 2002; *Duroselle J.-B.* France and the nazi threat. The collapse of French diplomacy, 1932–1939. New-York, 2004; *Garraud Ph.* La politique française de réarmement de 1936 à 1940: priorités et contraintes // Guerres mondiales et conflits contemporains. 2015. V. 219. № 3; *Вершинин А.А.* Франция и начало гражданской войны в Испании в 1936 г. // Вопросы истории. 2015. № 5; *Вершинин А.А.* Эдуард Даладьё и политика «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2013. № 4; *Молодяков В.Э.* Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4; *Молодяков В.Э.* "Шарль Моррас и "Action française" против Германии. Подлинное лионское сопротивление. М., 2022; *Вершинин А.А., Наумова Н.Н.* От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб., 2022.

позволяют проследить, как менялась внешняя политика Третьей республики по мере обострения международной напряженности и в ходе ключевых кризисов предвоенного десятилетия. Работы этого плана, несмотря на их научную ценность, не содержат детального анализа общественно-политических дискуссий по ключевым проблемам международной жизни. Основной акцент в них делается непосредственно на деятельности самого правительства страны, и если в трудах и присутствует анализ дискуссий, то исключительно между членами Совета министров или военного руководства. Мнения общественных деятелей, представителей ведущих партий чаще всего остается в стороне, а если и упоминается, то лишь в общих чертах.

Масштабы проблем, вставших перед европейскими государствами, включая Третью республику, не позволяют в рамках историографического обзора осветить их всесторонне. Поэтому автор сосредоточился на анализе общих тенденций, существовавших в оценках внутри-и внешнеполитического положения Франции и влияния политики отдельных акторов на поддержание европейской безопасности. Другими словами, далее будут рассмотрены труды, представляющие наибольшую значимость для раскрытия темы кандидатского исследования. В начале речь пойдет об осмыслении событий 1930-х гг. в западной историографии, затем – в отечественной.

Попытки осмыслить происходившее во Франции в 1930-е гг. и оправдать унижительный для Франции финал её предвоенной политики были предприняты создателями профашистского режима Виши во главе с маршалом Петэном. Новая власть главным виновником катастрофы 1940 г. считала левые партии коалиции Народного фронта, что четко проявилось во время судебного процесса в Риоме в 1942 г., во время которого бывшие политики Третьей республики, в первую очередь лидеры радикалов и социалистов Э. Даладье и Л. Блюм соответственно, занимавшие на протяжении второй половины 1930-х гг. посты председателей Совета министров, были обвинены в некомпетентности. На них возлагалась основная вина за развязывание войны и поражение в ней. После победы над Гитлером

такая трактовка, безусловно, была пересмотрена новыми французскими властями. Теперь перед судом предстали наиболее яркие сторонники политики «умиротворения» и сотрудничества с Гитлером: премьер-министра Виши Пьера Лавалья приговорили к расстрелу, был осужден лидер Демократического альянса П.-Э. Фланден, пожизненное заключение за перемирие с Германией в 1940 г. получил глава правительства Виши маршал Петэн.

Во второй половине 1940-х гг. свет увидели и первые серьезные исторические работы, пытавшиеся осмыслить внешнюю политику Франции накануне Второй мировой войны и её попытки поддержания европейской безопасности⁹¹. В зарубежной историографии последующих десятилетий правительства Третьей республики второй половины 1930-х гг. изображались послушными исполнителями воли британского кабинета и его лидера – глашатая политики «умиротворения» Н. Чемберлена. Одним из первых об этом написал еще в 1948 г. британский исследователь Л. Нэмир, указывая на крайне негативное влияние политического руководства Англии на действия французских министров на европейской арене, которые под давлением Лондона отказались от буквы Версальского договора и от своих союзнических обязательств перед Чехословакией, присоединившись к политике «умиротворения»⁹². В выпущенной в том же году книге под названием «Мюнхен – пролог трагедии» другой британский ученый Дж. Виллер-Беннет писал, что «ключ от французской политики [на протяжении 1938 г. – *Н.Ш.*] находился в Лондоне»⁹³. Подобных же взглядов придерживался американский историк А. Фурниа, по мнению которого общая слабость, в том числе политическая нестабильность Третьей республики в 1930-е гг., вынуждала ее признавать ведущую роль Великобритании в поддержании европейской

⁹¹ *Namier L.B. Diplomatic Prelude 1938–1939. London, 1948; Wheeler-Bennett J. Munich, prologue to tragedy. London, 1948.*

⁹² *Namier L.B. Op. cit.*

⁹³ *Wheeler-Bennett J. Op. cit. P. 33.*

безопасности⁹⁴. Одним из первых, кто поднял вопрос о наличии внутренних противоречий по вопросам внешней политики Франции между сторонниками сопротивления и «умиротворения» Третьего рейха, стал французский ученый, крупный специалист по международным отношениям, профессор Сорбонны П. Ренувен⁹⁵. Он связывал «зарождающееся чувство беспомощности» во Франции с демографическим упадком и экономическими проблемами.

Безусловно, для подавляющего большинства исследователей отказ Франции от жесткого противодействия фашистской агрессии, согласие на ремилитаризацию Рейнской области, невмешательство в гражданскую войну в Испании, признание аншлюса Австрии и пренебрежение союзническими обязательствами перед Чехословакией в 1938 г. стали символом национального позора, а политика «умиротворения» – признаком упадка Третьей республики. Однако встречались и те представители историографии, кто пытался оправдать действия сторонников политики «умиротворения» как главного способа поддержания европейской безопасности, возлагая вину за военное поражение Третьей республики на политиков Народного фронта. Подобные подходы хоть и встречались в общем массиве работ⁹⁶, тем не менее, все же выглядели, скорее, исключением из общего правила и не получили значительной популярности.

По мере снижения эмоционального восприятия событий военных лет, горечь поражений, потерь и разрушений уходила в прошлое. В исторической науке появились новые поколения исследователей и начали предприниматься интенсивные попытки воссоздать объективную картину обстановки 1930-х гг., рассмотреть особенности тех реалий, в том числе состояние европейской безопасности, в которых оказался мир и, в частности, Франция. Однако ученые 1950-60-х гг. все еще сталкивались с серьезными трудностями в реализации поставленных ими задач, связанными с недоступностью в полном объеме

⁹⁴ *Furnia A.H.* Diplomacy of appeasement. Anglo-french relations and the prelude to World War II. Washington, 1960.

⁹⁵ *Renouvin P.* La crise de XXeme siècle. Paris, 1958.

⁹⁶ *Chasteney J.* Cent ans de la République. T. 6: Déclin de la Troisième 1931–1938. Paris, 1970.

источников. Многие архивы внешнеполитических и военных ведомств оставались закрытыми для историков. Значительная часть авторов того периода склонялась к излишнему фатализму, оценивая поражение Франции 1940 г. и крах попыток поддержания европейской безопасности как нечто неизбежное. Об этой особенности историографии 1960-х гг. пишет ведущий французский исследователь международных отношений М. Вайс, утверждая, что большая часть историков, изучавших участие Франции во Второй мировой войне, тяготела к тому, чтобы анализировать ход событий в свете их результата и тем самым рассматривает события 1930-х, отталкиваясь от факта поражения Франции летом 1940 г.⁹⁷

Более широкие возможности для исследователей появились с началом 1970-х гг. Американские, британские, в след за ними и французские власти пересмотрели правило в отношении доступа к материалам государственных архивов. Документы теперь становились открытыми для исследователей по прошествии 30 лет, а не 50 лет, как это было раньше. Историки получили право работать с парламентскими архивами 1930-х гг., с ранее засекреченными материалами министерства иностранных дел и военного министерства, с многими личными фондами государственных деятелей Третьей республики. Именно тогда увидели свет известные труды крупнейших специалистов по истории Третьей республики Ж.-Б. Дюрозеля⁹⁸, Р. Жиро, П. Франка⁹⁹ и Э. Адамсвейта¹⁰⁰.

В конце 1970-х гг. идею о подчинении руководства Франции курсу британского кабинета попытался переосмыслить известный французский исследователь, первый директор Института современной истории в Париже Ф. Бедарида. По утверждению историка, «настаивая на подчинении Франции английским предписаниям, можно, с одной стороны, прийти к упрощенному

⁹⁷ *Vaisse M.* Éditorial: de l'étrange défaite à l'étrange victoire // Mai-juin 1940. Défaite française, victoire allemande, sous l'œil des historiens étrangers. Paris, 2010. P. 10.

⁹⁸ *Duroselle J.-B.* Op. cit. New-York, 2004.

⁹⁹ *Girault R., Franc P.* Turbulente Europe et nouveaux mondes. 1914–1941. P., 1988.

¹⁰⁰ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 127.

схематизму, возможно, удобному, но абсолютно ошибочному, который, кроме того, лишил бы французскую политику всякого содержания», с другой – оправдать все неудачи, переложив ответственность на англичан¹⁰¹. Как полагал Ф. Бедарида, французская внешняя политика по поддержанию безопасности в Европе не была лишена свободы действий, хотя и находилась в определенной зависимости от необходимости сохранения альянса с Англией: выбор действий политического руководства страны – решительное противостояние постоянно увеличивающимся требованиям Гитлера или уступки во имя избежания войны – предопределялся фактом того, сможет ли оно рассчитывать на военную помощь с другого берега Ла-Манша. Признавая этот фактор весомым, Бедарида не считал его единственным, влиявшим на выработку внешнеполитической стратегии Третьей республики.

Историография предвоенного положения Третьей республики и её действий по поддержанию европейской безопасности оказалась представлена двумя главными направлениями. Часть историков обвиняла французское руководство в полной неспособности проводить хоть сколько бы эффективную политику по сохранению безопасности в Европе, подчеркивая ошибки в стратегии и тактике военных, глубинный кризис в экономике и слабость политических институтов, представители которых поддались бездействию и нерешительности; другая группа отказывалась «излишне драматизировать» ситуацию, доказывая, что руководство Франции пыталось ответить на вызовы, с которыми столкнулась страна внутри и на европейской арене и обеспечить поддержание европейской безопасности. Выразителем точки зрения первого лагеря являлся ученик П. Ренувена, крупный специалист по истории международных отношений, профессор современной истории в Сорбонне, член Британской академии Ж.-Б. Дюрозель, окрестивший 1930-е гг. «декадансом», для которого были характерны «иллюзии, посредственность и слабость»¹⁰². Постоянные кризисы правительственных кабинетов, пацифизм

¹⁰¹ *Bedarida F. Op. cit.*

¹⁰² *Duroselle J.-B. Op. cit. New-York, 2004.*

широких слоёв французской общественности, нежелание главного союзника Третьей республики – Великобритании – проводить политику сдерживания Германии способствовали деморализации руководства Франции и не позволяли ему осуществлять эффективную внутреннюю и внешнюю политику. О «бессилии Франции» и её политической элиты, которая бездействовала на волне пацифизма, охватившего общество, говорят французские историки Ж. Нере¹⁰³ и уже упомянутый П. Ренувен¹⁰⁴. К примеру, Нере подчеркивал, что во многом бездействие французского руководства в ходе ремилитаризации Рейнской области Германией в марте 1936 г. было связано «с общими примирительными настроениями», царившими тогда во французском обществе и нежеланием военных применять жесткие меры.

Британский исследователь и специалист по предвоенным международным отношениям Э. Адамсвейт также был склонен уличать лидеров Третьей республики в некоторой пассивности. Хотя историк признает наличие среди политиков приверженцев противодействия немецким требованиям как в ходе ремилитаризации Рейнской области, так и во время начала гражданской войны в Испании, он подчеркивает, что деятели, «критиковавшие уступки», не имели серьезного веса и их предложения по поддержанию европейской безопасности не получили практической реализации. Член Французской академии, видный историк Р. Ремон в монографии, посвященной правому движению во Франции, показывает готовность большинства его представителей идти на уступки Германии в 1936–1938 гг.¹⁰⁵ Специалист по истории Третьей республики, ученик Р. Ремона, профессор Института политических исследований С. Берстайн рассуждал о 1930-х гг. как о времени упадка, итогом которого стало военно-политическое поражение 1940 г.¹⁰⁶ В то же время в работе, посвященной истории радикальной партии, французский исследователь подчеркивает, что

¹⁰³ *Néré J.* Op. cit.

¹⁰⁴ *Renouvin P.* Op. cit. Paris, 1958.

¹⁰⁵ *Rémond R.* Op. cit. Philadelphia, 1966.

¹⁰⁶ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1988.

далеко не все её члены поддержали политику «умиротворения» как единственный инструмент поддержания европейской безопасности и покорно смирились с общей кризисной ситуацией¹⁰⁷.

Несколько иную трактовку событий дают представители второго лагеря. Крупная французская исследовательница Э. дю Рео под руководством Ж.-Б. Дюрозеля защитила диссертацию о политической деятельности радикала Э. Даладье, впоследствии опубликованную в сокращенном виде в качестве отдельной книги¹⁰⁸. По утверждению историка, глава правительства Третьей республики и другие государственные деятели приложили серьезные усилия для укрепления внешнеполитической позиции Франции и европейской безопасности в 1930-е гг. Даладье предпринимал решительные действия для расширения военного строительства в Третьей республике. По утверждению дю Рео, на протяжении чехословацкого кризиса решение отдать Гитлеру Судеты далось руководству Франции далеко не столь легко, как это было принято считать. Автор отмечает нараставшие опасения официального Парижа в надежности СССР как потенциального союзника в связи с многочисленными чистками в красной армии, что, безусловно, мешало разработке эффективной внешнеполитической линии французского кабинета на востоке Европы. К тому же, полагает историк, СССР не был готов полностью выполнить свои союзнические обязательства и не имел твердой позиции по вопросу оказания военной помощи Праге¹⁰⁹. Подобные оценки высказывают и многие другие современные исследователи¹¹⁰. По всей видимости, советское руководство до конца не сумело определиться с тем, как реагировать на события чехословацкого кризиса 1938 г., предпочитая придерживаться выжидательной тактики, выбирая те или иные политические шаги в зависимости от того, как складывалась международная ситуация.

¹⁰⁷ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1982.

¹⁰⁸ *Du Reau E.* Op. cit. Paris, 1993.

¹⁰⁹ *Дю Рео Э.* Франция, Германия и СССР. 1936–1939 годы // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М., 2003.

¹¹⁰ *Lukes I.* *Czechoslovakia between Stalin and Hitler: the diplomacy of Edvard Benes in the 1930s.* Oxford, 1996; *Ragsdale H.* *The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II.* New-York, 2004.

О серьезных намерениях и мероприятиях французского правительства по укреплению обороноспособности страны и европейской безопасности пишут британские исследователи М. Александр и П. Джексон¹¹¹. Последний, изучая деятельность французских секретных служб, доказывает их эффективность (о планах ремилитаризации Рейнской области или аншлюса Австрии стало известно задолго до их осуществления) и объективность сделанных ими оценок немецкой угрозы. Джексон подчеркивал, что разведка предоставляла все необходимые данные касательно темпов немецкого перевооружения и уже вскоре после прихода Гитлера к власти передавала донесения о желании немецких лидеров добиться пересмотра Версальского договора и предпринять агрессивные шаги, грозившие подрывом безопасности в Европе и началом новой европейской войны. Американский историк Дж. Шервуд еще в 1970-е гг. отмечал значительные противоречия внутри правого лагеря по вопросу уступок Германии – политики Ж. Мандель и П. Рейно до последнего момента пытались убедить правительство укреплять взаимодействие с СССР для выстраивания системы сдерживания агрессора для поддержания европейской безопасности в 1936–1938 гг., что показывает, что в руководстве Франции присутствовали решительные политики¹¹². Крупный французский исследователь Роберт Франк в своем сочинении демонстрирует, что «нерешительность» внешнеполитической линии руководства Третьей республики в ходе ремилитаризации Рейнской области и аншлюса Австрии во многом была связана с ограничениями финансовых и промышленных ресурсов, с которыми страна столкнулась в 1930-е гг., но никак не с упадком руководства страны¹¹³. На том, что определенную роль в пассивной реакции французского руководства на рейнский кризис марта 1936

¹¹¹ *Alexander M.* The Republic in danger. Cambridge, 1992.; *Jackson P.* France and the Nazi menace. Intelligence and Policy Making, 1933–1939. New-York, 2000.

¹¹² *Sherwood J.* George Mandel and The Third republic. Stanford, 1970.

¹¹³ *Frank R.* Le financement français de la guerre et les accords avec les Britanniques. Paris, 1979.

г. сыграли финансовые трудности Третьей республики, также настаивал С. Шукер¹¹⁴.

Концепция канадского историка Роберта Дж. Янга¹¹⁵ сводится к тому, что на протяжении всего межвоенного периода для французских правящих кругов была характерна амбивалентность в отношении Германии, то есть имели место и попытки её «умиротворения», но в то же время осуществлялась и военная подготовка для устрашения или противодействия возможной угрозе со стороны Гитлера. По мнению историка, в правящих кругах не существовало единства по вопросам поддержания европейской безопасности в предвоенные годы, в том числе и в ходе таких ключевых событий, как гражданская война в Испании, аншлюс Австрии, чехословацкий кризис 1938 г. Вместе с тем подробно на их разборе автор не останавливается, анализируя социально-экономическое и политическое положение Франции на протяжении предвоенных лет в совокупности.

В целом все авторы второго лагеря склонны делать акцент на тех объективных ограничениях и сложностях в экономике, политической сфере и вопросах военного строительства, с которыми соприкоснулась Третья республика на закате своего существования. Они убеждены, что действия государственных властей Франции на международной арене и в сфере перевооружения, принимая во внимания те колоссальные проблемы, с которыми столкнулась страна, были абсолютно осознанными и разумными. Вызовы, с которыми столкнулась французская политическая элита, оказались слишком серьезными, поэтому провал в обеспечении национальной и европейской безопасности эти историки объясняли объективными обстоятельствами, но никак не «моральным упадком» страны и её руководства.

Традиционное видение положения Франции 1930-х гг. и тех мер, которые она принимала для поддержания европейской безопасности, в

¹¹⁴ *Schuker S.* Op. cit.

¹¹⁵ *Young R.J.* Op. cit. New-York, 1996.

советской историографии сводилось к утверждению: внешнеполитический курс Третьей республики проводился в фарватере английской политики «умиротворения» агрессора. Французские правящие круги изображались готовыми пойти на любые уступки, лишь бы избежать возможного кровопролития, за исключением Французской компартии и её сторонников, понимавших всю реальную угрозу для демократического мира, существовавшую в тот момент, и с оружием в руках желавших бороться с ней¹¹⁶.

Ярким примером такого похода является работа советской исследовательницы Е.А. Кравченко «Основные противоречия в Народном фронте по вопросам внутренней и внешней политики»¹¹⁷, в которой большинство политиков коалиции Народного фронта обвиняются в неуклонном следовании за британской стратегией «умиротворения» в ходе гражданской войны в Испании, аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса 1938 г. Лишь коммунисты и небольшая часть социалистов, утверждает историк, попытались противостоять Третьей рейхе. Похожую картину рисует доктор исторических наук, специалист по истории межвоенного периода Третьей республики К.А. Малафеев¹¹⁸. Исходя из традиционного для советской историографии классового подхода, он изображает радикалов «выразителями интересов капитала», намеренно выступавших против коммунистов и подрывавших основы Народного фронта. По утверждению ученого, Англия, погруженная в колониальные вопросы, была заинтересована в примирении Германии и Франции, чтобы поддерживать систему безопасности в Европе, сложившуюся после Первой мировой войны. Третьей республике приходилось соглашаться с подобной позицией лондонского кабинета, так как она нуждалась в его поддержке на случай войны.

¹¹⁶ *Егоров Ю.В.* Указ. соч.; *Рубинский Ю.И.* Тревожные годы Франции. М., 1973; *Волков В.К.* Указ. соч.;

¹¹⁷ *Кравченко Е.А.* «Основные противоречия в Народном фронте по вопросам внутренней и внешней политики. М., 1968.

¹¹⁸ *Малафеев К.А.* Классовая борьба во Франции и политика правительства Даладьё-Боннэ (апрель-сентябрь 1938). М., 1974.

В советской историографии, как правило, обходили стороной взгляды правых общественных и политических деятелей от умеренных до крайних на вопросы внешней политики. Они либо вообще не рассматривались, либо анализировались исключительно с критической точки зрения из-за их антисоветских убеждений. Обвинения французского руководства в следовании в фарватере английской политики «умиротворения» уже в ходе ремилитаризации Рейнской области 1936 г. нашли отражение и в монографии советского исследователя З.С. Белоусовой «Франция и европейская система безопасности 1929–1939»¹¹⁹. Автор обвиняет французских государственных деятелей в нежелании, по соображениям классового противоборства, сотрудничать с СССР и совместно с ним выстраивать систему сдерживания агрессора. По словам З.С. Белоусовой, этому внешнеполитическому курсу оказывали сопротивление лишь французские коммунисты и часть левых социалистов. В этом же ключе были написаны и многие более поздние работы отечественных историков, частично по своим подходам совпадающие с концепцией зарубежных исследователей, отстаивавших идею «морального упадка» французского руководства¹²⁰. Одним из примеров подобных трактовок является статья 2008 г., написанная известным специалистом по истории Чехословакии В.В. Марьиной «Еще раз о Мюнхене»¹²¹. По её утверждению, Англия и Франция последовательно проводили политику уступок в отношении Германии, с самого начала не желая подвергать себя опасности оказаться втянутыми в войну.

Однако и в отечественной историографии такое восприятие событий постепенно пересматривается. Становится ясным, что позиция различных политических группировок во второй половине 1930-х гг. была не столь однозначна, не все политики слепо поддерживали британский курс на

¹¹⁹ Белоусова З.С. Франция и европейская система безопасности 1929–1939. М., 1976.

¹²⁰ Христофоров В.С. Указ. соч.; Шубин А.В. Указ. соч.; Narinski M. Les relations entre l'URSS et la France (1933–1937) // La France et l'URSS dans l'Europe des années 30. Narinski M., Reau E. du, Soutou G.-H., Tchoubarian A. (dir.). Paris, 2005; Смирнов В.П. Две войны – одна победа. М., 2015.

¹²¹ Марьина В.В. Указ. соч. М., 2008.

«умиротворение» Германии, а руководство Третьей республики предпринимало необходимые шаги для поддержания европейской безопасности и укрепления военно-промышленного комплекса страны¹²². И.Э. Магадеев в своих работах показывает, что французские правящие круги уже в 1920-е гг. пытались выработать эффективную стратегию по поддержанию европейской безопасности. Однако политическая элита так и не смогла определиться, проводить ли ей жесткий курс в отношении Веймарской республики или же согласиться с английскими предложениями по пересмотру Версальского договора и постепенному включению Германии в международную систему как её равноправного члена.

Ярким представителем направления историографии, которое отказывается признавать однозначную неспособность французской политической элиты ответить на возникшие перед страной вызовы в 1930-е гг., является отечественный ученый А.А. Вершинин. В серии своих статей исследователь убедительно доказывает, что далеко не все политики и военные Третьей республики смирились с курсом на «умиротворение» Германии. Уже во время гражданской войны в Испании 1936–1939 гг. некоторые французские государственные деятели понимали опасность курса на невмешательство, а лидер социалистов Л. Блюм, в тот момент занимавший пост председателя Совета министров, изначально хотел поддержать республиканское правительство на Пиренеях. В дальнейшем значительная часть социалистов вместе со своим главой все решительнее выступала за сдерживание всё возраставших устремлений германского экспансионизма для поддержания европейской безопасности.

¹²² Обичкина Е.О. Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий. // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. 2009; Магадеев И.Э. От военно-политического союза к «сердечному несогласию»: эволюция англо-французской Антанты в 1919–1923 годах. М., 2012. Его же. Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2012. № 4; Вершинин А.А. Указ. соч. // Вопросы истории. 2015. № 5; Его же. Указ. соч. Новая и новейшая история. 2018. № 4; Его же. Дилемма Жореса: социалистический пацифизм во Франции в 1905–1940 годах // Франция и Европа в XX–XXI веках. К юбилею Натальи Николаевны Наумовой. М., 2018; Его же. Указ. соч. Новая и новейшая история. 2020. № 1.

Особое внимание А.А. Вершинин уделял вопросу перевооружения страны, показывая, что руководство Третьей республики, в первую очередь военный министр Э. Даладье и начальник штаба генерал М. Гамелен, добились во второй половине 1930-х гг. серьезных успехов в деле военного строительства. Наиболее полным и всеобъемлющим исследованием А.А. Вершинина стала совместная с отечественным ученым Н.Н. Наумовой монография, увидевшая свет в начале 2022 г. «От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки»¹²³. В ней отечественные историки показали, с какими тяжелыми проблемами в сфере внешней политики и перевооружения столкнулась Третья республика накануне войны. На данный момент это работа является наиболее подробным отечественным исследованием, основанным на современных подходах к изучению истории Франции 1930-х гг. Однако акцент книги смещается на вопросы военного строительства и многие особенности внутренней политики, противоречия в её политической элите и близким к ней силам, общественно-политические дебаты вокруг проблем европейской безопасности остаются за рамками пристального внимания авторов. Отечественный исследователь Н.Н. Наумова в своих статьях показывает, что некоторые представители военных кругов Третьей республики, в первую очередь полковник Ш. де Голль, открыто критиковали политику «умиротворения», выступая за необходимость сдерживания Германии¹²⁴.

В целом можно сделать вывод, что в историографии отсутствует специальное исследование, посвящённое общественно-политическим дискуссиям во Франции по вопросам европейской безопасности в 1936–1938 гг. Стоит отметить наличие научных публикаций, близких и смежных по теме с сюжетом кандидатского исследования. В них затрагивались многие важные

¹²³ Вершинин А.А., Наумова Н.Н. Указ. соч.

¹²⁴ Наумова Н.Н., Шалдин Н.Н. Чехословацкий кризис 1938 года в оценках французских правых // Клио. 2011. № 11; Наумова Н.Н. "Мы изопьем эту чашу до дна": Ш. де Голль о нарастании немецкой агрессии в Европе и Мюнхенской конференции 1938 г. // Европа в 1938–1939 гг. На пути к мировой катастрофе. М., 2024.

сюжеты, связанные с проблемами европейской безопасности – одни авторы концентрировались на внешней политике Третьей республики, её взаимодействии с потенциальными союзниками и противниками, иные во главу угла ставили финансовые и экономические проблемы, третьи изучали вопросы перевооружения страны. Кто-то настаивал, что политика «умиротворения» была predetermined из-за «морального упадка» французских элит, кто-то, напротив, отмечал, что многие не одобряли подобной внешнеполитической линии. В работах обычно анализировалось мнение какого-то политика или представителей одной партии. Но полноценного комплексного исследования, которое продемонстрировало бы суть развернувшихся на национальном и других уровнях дискуссий по вопросам европейской безопасности, на данный момент пока не написано.

Научная новизна и оригинальность исследования. Как показывает анализ научной литературы, общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам европейской безопасности (1936–1938) не становились предметом специального изучения в отечественной и зарубежной историографии. В историографии нет работы, в которой излагались бы общественно-политические дебаты по главным кризисным ситуациям второй половины 1930-х гг., которая показала бы, как общественно-политические дискуссии влияли и влияли ли вообще на выработку внешнеполитического курса страны; как политические дискуссии влияли на общую политическую обстановку в Третьей республике; какими аргументами руководствовались ведущие представители французских политических партий и государственных структур при выработке того или иного курса по поддержанию европейской безопасности.

В советской историографии и во многом в современной отечественной науке акцент делался преимущественно на взглядах деятелей левых партий – коммунистов, радикалов и социалистов. В работах советских историков позиция правых политиков если и упоминалась, то только вскользь и с критических позиций в силу их антисоветских взглядов. Современные

отечественные авторы отошли от классового подхода, но, как правило, они не уделяют серьезного внимания аргументам деятелей Демократического альянса, Республиканской федерации и «Аксъон франсез» в пользу той или иной внешнеполитической линии Франции на европейской арене. Более того, нередко отечественных и зарубежных исследователей интересует в первую очередь мнение тех политиков, кто непосредственно занимал министерские посты в ходе ключевых событий 1936–1938 гг., а позиция политических деятелей, кто не был напрямую задействован в выработке государственных внешнеполитических решений, но мог влиять на правительственный курс через участие в парламентских дебатах или пропаганду своих идей в прессе, воздействуя тем самым на общественное мнение, формируя политический климат в стране, незаслуженно обходится стороной. В отечественной историографии нет работ, в которых было бы показано не только отношение правительственных сил и оппозиции к проблемам европейской безопасности, но в том числе и отношение представителей ведущих политических партий с широким использованием партийной прессы.

Общие оценки предвоенной ситуации, не вызывающие сомнения, тем не менее нуждаются в более аргументированных пояснениях на основе разнообразных источников. Например, общественно-политические дискуссии вокруг проблемы ремилитаризации Рейнской области или аншлюса Австрии в целом не становились предметом пристального научного изучения, а без них является не полной и не всегда понятной выработка государственных решений и реакция на них французского общества. Кандидатское исследование призвано восполнить названные пробелы.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационного исследования могут быть использованы при подготовке лекционных и семинарских занятий, а также при составлении пособий по темам «Новейшая история стран Европы и Америки», «Международные отношения межвоенного периода», «История Франции», «История Третьей республики», «Внешняя политика Франции XX века» в

рамках направления подготовки «История», «Международные отношения», «Политология».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Для Франции проблема европейской безопасности в 1930-е гг. была сопряжена с угрозой, исходившей от агрессивных действий Третьего рейха, проявившихся в ходе кризисов 1936–1938 гг. Реагируя на ремилитаризацию нацистской Германией Рейнской области в марте 1936 г., французские общественные и политические деятели требовали введения финансовых и экономических санкций в отношении Третьего рейха, но вследствие идеологических разногласий они не смогли выступить единым фронтом. Как итог, на окончательную позицию Франции большее влияние оказали нежелание правительства проводить предлагаемую генштабом всеобщую мобилизацию и отказ Великобритании применять какие-либо санкции против Германии.
2. Выработке эффективной стратегии поддержания безопасности в Европе мешал и внутривнутриполитический кризис, наложившийся на экономический. Правые, в особенности крайне правые политики, требовали ликвидировать слабый и «коррупцированный» парламентский режим, а пришедший к власти левоцентристский Народный фронт не сумел надолго стабилизировать положение, так как между его партиями – радикалами, социалистами и ФКП – практически сразу начались разногласия по вопросам социальных реформ и внешней политики, в первую очередь – вокруг помощи законному испанскому правительству в его борьбе с мятежниками Франко.
3. На протяжении 1936–1938 гг. журналисты правой прессы, правые политики, в том числе деятели Республиканской федерации и «Аксьон франсез» доказывали, что сохранение европейской безопасности и противодействие Гитлеру невозможно без союза Франции и Италии, формированию которого, с их точки зрения, препятствовала политика коалиции Народного фронта. Их требования по сближению с Италией

мешали объединению общественно-политических сил во Франции, выработке её четкой позиции, сближению с СССР для совместного сдерживания агрессора.

4. Антикоммунизм большинства французских правоцентристов и консерваторов отодвигал на второй план борьбу с Германией. Многие правые не видели практически никакой разницы между коммунистами и социалистами, которые ассоциировались у них с негативными тенденциями – срывом производства из-за забастовок рабочих, анархией, внутренним расколом общества и гражданской войной. В итоге представители левого лагеря и даже некоторые умеренные правые, выступавшие за сдерживание Германии, становились для консерваторов «пособниками СССР», намеренными развязать войну с Гитлером, чтобы затем превратить её в революционную. Советский Союз в их глазах являлся главной угрозой европейской безопасности, что препятствовало складыванию общенационального консенсуса в вопросе о методах обуздания агрессивных действий Германии.
5. Общественно-политические дискуссии показали, что деятели правого и левого фланга Третьей республики единодушно осудили аншлюс Австрии в марте 1938 г., призвав противодействовать его осуществлению. Ключевым фактором, вынудившим французское правительство продолжить движение по пути «умиротворения», стала позиция Великобритании, а влияние на выработку его решений политических и общественных сил оказалось второстепенным. Аншлюс Австрии продемонстрировал, что Франция, хотя и сохраняла свободу внешнеполитических действий, всё больше оглядывалась на правящие круги Лондона.
6. Среди французских общественных и политических деятелей по вопросам поддержания европейской безопасности выделялись три группы: убежденные сторонники сдерживания Германии, последовательные приверженцы «умиротворения» и колеблющиеся. К первым наряду с ФКП

относились левые социалисты, часть левых радикалов, христианских демократов, некоторые правоцентристские и правые политики (П. Рейно, Ж. Мандель, А. де Кериллис). К приверженцам «умиротворения» относились либо те, кто считал, что с Гитлером действительно удастся прийти к консенсусу через дипломатические договоренности и ради этого шел на «умиротворение» во чтобы то ни стало (часть деятелей партии СФИО во главе с П. Фором, некоторые радикалы, группировавшиеся вокруг Ж. Бонне, значительная часть Демократического альянса) либо те, кто занимал практически пораженческие позиции («Аксьон франсез»). Основную массу представляли колеблющиеся, сторонники скорее «миротворческой», чем «умиротворенческой» линии. Не будучи пораженцами, они осознавали возрастание угрозы войны, сомневались в правильности «умиротворения», но склонялись к нему, чтобы выиграть время для подготовки к войне. Речь идет о значительной части социалистов во главе с Л. Блюмом, многих представителях партии радикалов, части правоцентристов и деятелях Республиканской федерации. Последние выступали за сдерживание Германии, но из-за страха перед «красной угрозой» и нежелания объединяться с левыми выбрали путь «умиротворения». В итоге из-за колебаний в рядах большинства политических и общественных деятелей, а также разрозненности противников уступок Германии сторонники «умиротворения» оказали решающее влияние на позицию правительства.

7. Несмотря на безусловное влияние общественно-политических дискуссий на выработку правительственной линии, главными в её определении стали другие обстоятельства. Под давлением таких факторов, как укоренившиеся во французском обществе пацифистские настроения, примирительная позиция главного союзника – Великобритании, неясность перспектив реальной помощи со стороны СССР, незаконченность программы перевооружения, неверное представление о состоянии собственных вооруженных сил, Франция не смогла выработать

действенных механизмов поддержания безопасности в Европе и в ходе чехословацкого кризиса окончательно склонилась к неэффективной политике «умиротворения». Победа сторонников такого курса облегчалась отсутствием в руководстве Франции сильного лидера с четкой программой действий – председатель Совета министров Э. Даладье колебался между «умиротворением» и сдерживанием Германии.

Степень достоверности и апробация работы. Достоверность исследования обусловлена привлечением широкого круга источников, критическим осмыслением материала, содержащегося в первоисточниках и научной литературе по теме диссертации. Результаты диссертационной работы получили отражение в шести публикациях, из которых четыре вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. «Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова».

Положения диссертационного исследования обсуждались на четырех научных конференциях в 2023–2024 гг., проводимых в МГУ им. М.В. Ломоносова, Институте Всеобщей истории РАН, Владимирском государственном университете.

Основное содержание работы

Структура и содержание диссертации. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии.

Во **Введении** обоснована актуальность темы исследования, сформулированы его цели и задачи, раскрывается её научная новизна, теоретическая и практическая значимость, определяются объект, предмет, хронологические рамки, методологическая база, степень изученности темы и источниковая база. Сформулированы положения, выносимые на защиту

В первой главе «Франция и провал политики коллективной безопасности в Европе в середине 1930-х гг.», состоящей из трёх параграфов, показывается неудача политики коллективной безопасности в связи с началом

агрессии Муссолини в Эфиопии в 1935 г., которой не смогла помешать Лига Наций. После этого оставалось два возможных способа поддержания безопасности в Европе – британская политика «умиротворения» Германии или создание системы сдерживания на основе франко-советского соглашения мая 1935 г. Для Третьей республики проблема европейской безопасности была связана непосредственно с Германией, которая стала восприниматься как еще более опасный противник после прихода А. Гитлера к власти. Одним из первых серьезных вызовов для Франции стала ремилитаризация Рейнской области в марте 1936 г. Большинство общественных и политических сил – от французской компартии до правых националистов – выступило за введение экономических и финансовых санкций против Третьего рейха. Однако существенные разногласия между разными партиями и течениями не позволили сформировать единый лагерь, способный повлиять на итоговый выбор правительства в этом вопросе. Французский генштаб настаивал на проведении всеобщей мобилизации для противодействия Германии, на что французское правительство не смогло решиться. Кроме того, на официальный Париж оказывал давление Лондон, который отказался вводить санкции против Третьего рейха, опасаясь эскалации конфликта. Именно эти причины предопределили отказ Франции от противодействия ремилитаризации Рейнской области.

В шести параграфах **второй главы** «Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам европейской безопасности на фоне усиления международной напряженности в 1936 – начале 1938 гг.» раскрываются проблемы, связанные с кризисом партийно-политической системы Третьей республики, споры вокруг программы её перевооружения, разногласия в рядах политиков и общественных деятелей, которые возникли по поводу помощи республиканскому правительству Испании в ходе гражданской войны на Пиренеях, рассмотрены нюансы политики восточных союзов Франции и проанализирована позиция различных политиков Третьей республики по аншлюсу Австрии.

Дискуссии по ключевым вопросам европейской безопасности в указанный период продемонстрировали наличие серьезных разногласий, существовавших между политическими и общественными деятелями Третьей республики. Начало гражданской войны в Испании показало, что противоречия существовали как между правыми и левыми партиями – одни явно симпатизировали Франко и его сторонникам, другие выражали большее сочувствие республиканцам, – так и внутри правительственной коалиции Народного фронта. Коммунисты требовали поддержать законное правительство в Мадриде и обеспечить его поставками вооружения, социалисты и радикалы настаивали на проведении политики «нейтралитета». Постепенно правые партии – Республиканская федерация, «Аксьон франсез», независимые республиканцы – стали склоняться к союзу Франции с Муссолини для противодействия Третьему рейху, для чего, по их мнению, требовалось сохранять нейтралитет в ходе гражданской войны в Испании, чтобы не обострить отношения с фашистской Италией.

В 1937 г. попытки Третьей республики укрепить восточные союзы не дали результатов, руководство страны не решилось пойти на подписание военного соглашения с СССР, а значительная часть правых сохраняла беспочвенные надежды на сближение с Муссолини. Так и не решившись на создание механизмов сдерживания Германии, Франция была вынуждена присоединиться к британской политике «умиротворения». Особенно ярко эта тенденция проявилась во время аншлюса Австрии в марте 1938 г. Несмотря на то, что большинство левых и правых сил высказывалось за необходимость сохранить независимость Австрии и помешать агрессивным планам Гитлера, решающим для французского правительства оказалась позиция Лондона, согласившегося с действиями Германии.

В третьей главе «Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросу преодоления чехословацкого кризиса (апрель – сентябрь 1938 г.)», которая состоит из шести параграфов, рассматривается позиция различных партий Третьей республики – коммунистической, социалистической,

радикальной, правоцентристского Демократического альянса, консервативной Республиканской федерации, крайне правых «Аксьон франсез» и Социальной партии – по вопросам поддержания европейской безопасности в 1938 г. Чехословацкому кризису уделяется особое внимание в работе, так как именно он стал последним кризисом перед открытой агрессией Третьего рейха с силовым захватом территорий и оккупацией, фактически прологом ко Второй мировой войне. Источники показывают, что практически в каждой партии были деятели, выступавшие за создание системы сдерживания Германии и поддержку Чехословакии как одного из её элементов. При этом как сторонники сдерживания, так и приверженцы «умиротворения» Третьего рейха не представляли большинства в общественно-политических дискуссиях. Основная часть их участников располагалась между этими двумя полюсами, а степень решительности значительно отличалась. Многие из них не хотели усиления Германии и не желали отдавать Гитлеру Судетскую область, однако страх перед началом новой большой войны в Европе подталкивал их к «примирительной» позиции. В итоге, присоединившись к лагерю последовательных сторонников «умиротворения», они поспособствовали отказу Франции от поддержки Чехословакии, но не смогли при этом выработать эффективных мер противодействия Германии.

Глава 1. Франция и провал политики коллективной безопасности в Европе в середине 1930-х гг.

1.1. Нарастание агрессивных тенденций во внешней политике Германии и попытки правительств Франции преодолеть противоречия системы коллективной безопасности в первой половине 1930-х гг.

По итогам Первой мировой войны державы-победительницы высказались за создание Лиги Наций – международного органа, способного стать посредником в отношениях между государствами и предотвратить возможные военные конфликты. Однако очень скоро стало очевидным, что Лига Наций не в состоянии эффективно функционировать: она представляла собой «международный форум», но не «настоящую миротворческую организацию»¹²⁵. В подобной ситуации Франция могла рассчитывать на обеспечение своей безопасности только через её гарантии союзниками в рамках официальных военнополитических договоренностей с Великобританией и США. В ходе долгих переговоров на Парижской конференции глава правительства Третьей республики Ж. Клемансо согласился снять требования отделения левого берега Рейна от Германии в обмен на договоры о взаимопомощи с США и Великобританией, которые были подписаны между тремя странами в июне 1919 г. Однако, как отмечает И. Магадеев, есть серьезные сомнения в искренности намерений Ллойд-Джорджа, который «сознательно и в последний момент вставил фразу о том, что англо-французский договор вступит в силу лишь после франко-американского»¹²⁶. Из-за этой оговорки, когда Сенат США в октябре 1919 г. отказался одобрить Версальский договор, это автоматически похоронило вышеназванное англо-французское соглашение. По справедливому замечанию Э. Адамсвейта, обещание англо-американских гарантий не было выполнено, и «Парижский мир [без гарантий – *Н.Ш.*] стал первым из многих

¹²⁵ Soutou G.-H. Réflexions sur l'échec de la sécurité collective et ses raisons // Transversalités. 2011. № 119. P. 180.

¹²⁶ Магадеев И.Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы. Дисс... канд. ист. наук. М., 2012. С. 12.

дипломатических поражений Франции»¹²⁷. Главнокомандующий союзными войсками маршал Фош объявил Версальский мир «не более чем, перемирием на 20 лет»¹²⁸.

Несмотря на значительное ослабление Германии по условиям Версальского договора¹²⁹, Франция продолжала видеть в ней потенциальную опасность, и именно немецкая угроза занимала ключевое место в проблеме европейской безопасности для Третьей республики. Для её решения французское руководство предприняло попытки создания системы союзов на восточных границах Германии, где раньше эту роль выполняла Россия. Европейские державы, в особенности Франция, поддержали возникновение после окончания Первой мировой войны новых государств на месте империи Габсбургов. Правительство Третьей республики увидело в них потенциальную преграду для возможного распространения влияния Германии на восток и одновременно буферную зону на пути большевистской агрессии. На фоне утраты прежних союзников – появление вместо союзной Российской империи идеологически враждебного государства; провал франко-британского соглашения 1919 г. из-за отказа США ратифицировать Версальский договор¹³⁰ – Франция сделала ставку на заключение соглашений с малыми странами. Именно поэтому ей были так важны молодые восточноевропейские государства, способные противостоять и немецкой, и «красной» угрозе. Эту роль французская дипломатия возлагала на Чехословакию, Румынию и королевство Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 г. – Югославию), вошедших в сформированную на рубеже 1920–1921 гг. при активном посредничестве Франции Малую Антанту. Главной целью своего объединения страны видели противодействие ревизионистским устремлениям Венгрии и предотвращение возрождения империи Габсбургов.

¹²⁷ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 17.

¹²⁸ *Reynaud P.* Mémoires. Venu de ma montagne. Paris, 1960. P. 457.

¹²⁹ Версальский мирный договор / Перевод с фран. под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925.

¹³⁰ *Капитонова Н.К., Романова Е.В.* Внешняя политика Великобритании. М., 2016.

По словам словацкого историка Б. Ференчуговой, «эта относительно узкая задача не была расширена даже перед лицом нацистской угрозы»¹³¹.

В 1920 г. Франция подписала договор с Бельгией, по которому обе страны обязывались оказывать друг другу помощь в случае появления прямой военной угрозы со стороны Германии. В 1921 г. были подготовлены и одобрены политический договор о сотрудничестве в вопросах внешней политики и тайная военная конвенция с Польшей, предусматривавшая взаимную помощь в войне с Советской Россией или Германией¹³². Усиленно проводилась линия на укрепление взаимоотношений с Чехословакией. С 1919 г. в ней постоянно находилась французская военная миссия, возглавляемая поочередно генералами М. Пелле и Л. Фошем¹³³. Французское правительство выступало за заключение военного союза между двумя государствами, и в 1923 г. в Париж с официальным визитом прибыл президент Чехословакии (ЧСР) Т. Масарик. В ходе обсуждений чехословацкая сторона отказалась от французской инициативы заключения антигерманского военного союза, сделав соглашение более умеренным¹³⁴. В итоге 25 января 1924 г. в Париже был подписан договор о союзе и дружбе¹³⁵. Обе стороны обязались принять совместные меры в случае угрозы присоединения Австрии к Германии, а также взаимодействовать по всем вопросам, угрожающим их безопасности или безопасности порядка, установленного послевоенными соглашениями. Договор с Прагой не был дополнен военной конвенцией, но Чехословакия рассматривалась Парижем как союзник.

Трудно не согласиться и с мнением канадского историка Р. Янга, утверждающего, что для французской политической элиты в межвоенную эпоху была свойственна определенная амбивалентность в отношении угрозы

¹³¹ Ференчугова Б. Франко-чехословацкие отношения и попытки создания системы коллективной безопасности в межвоенный период // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 52.

¹³² DDF. 1921. Т. 1. № 126-127. Р. 215-217.

¹³³ Alexander M. Op. cit. P. 210.

¹³⁴ Ференчугова Б. Указ. соч. С. 53.

¹³⁵ DDF. 1924. Т. 1. № 55. Р. 100-102.

со стороны Германии¹³⁶. Некоторые пессимистично настроенные политики рассуждали, что ей нельзя доверять, пока все пункты Версальского договора не окажутся выполненными, особенно касающиеся репараций и разоружения. Другие полагали, что сохранение мира зиждется на примирении и разумном компромиссе. По их убеждению, слишком сильное давление на Германию, неготовность идти на уступки скорее приведут к войне, чем помогут её избежать. Тем не менее, лишь немногие среди подобных «оптимистов» верили, что сохранение мира в Европе зависело от односторонних уступок Франции, тогда как «пессимисты» относились к лагерю сторонников строгого соблюдения международного права.

Особенно остро для Франции вопрос об угрозе европейской безопасности со стороны Германии встал в 1933 г., когда к власти пришел А. Гитлер. Над Европой нависла перспектива новой войны, поскольку нацисты провозглашали своей главной внешнеполитической задачей создание Третьего рейха с включением в него всех территорий компактного проживания немцев. В связи с этим большинство проблем европейской безопасности в 1930-х гг. для Франции подводилось к одному общему знаменателю, а именно её отношениям с Германией – наследственным врагом, с которым за последние полвека ей пришлось уже дважды столкнуться на полях сражений. По мере нарастания агрессивных действий со стороны Третьего рейха руководству Франции предстояло выработать эффективные механизмы купирования немецкой угрозы. Подобный вопрос поиска нужного инструментария порождал дискуссии как в политической элите страны, так и в широких общественно-политических кругах. И именно с учетом этой угрозы стоит рассматривать дискуссии вокруг основных событий 1936–1938 гг., изучаемых в работе, а именно – проблемы франко-советского сближения, политики восточных союзов Франции, ремилитаризации Рейнской области, гражданской войны в Испании, аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса 1938 г.

¹³⁶ *Young R.J.* Op. cit. New York, 1996. P. 26.

Внешнеполитическая программа нацистской Германии включала три основных пункта: первый – избавление от военных ограничений Версаля и поиск союзников; наиболее перспективным фюрер считал Италию, где у власти с 1922 г. находились представители родственного нацизму идейно-политического течения – фашизма; второй – «собираание немецких земель»; третий – установление мирового господства немцев путем уничтожения Франции, завоевания «жизненного пространства» на Востоке, сокрушения Англии и захвата её колоний¹³⁷. К выполнению обозначенной внешнеполитической стратегии А. Гитлер приступил незамедлительно. Необходимо отметить, что на тот момент собственный военный потенциал Германии не вызывал серьезного беспокойства европейских лидеров. К тому же, если «сам Гитлер был достаточно хорошо известен», то единого мнения относительно его намерений, как и общего признания наличия у него плана завоеваний не существовало¹³⁸. Например, большинство британских политиков обошли своим вниманием основные тезисы книги «Майн Кампф» и не считали их опасными для европейской безопасности.

В феврале 1932 г. в Женеве открылась Всемирная конференция по сокращению и ограничению вооружений¹³⁹. На ней Германия выступила с требованием равенства в вооружениях с другими странами, в противном случае немецкие представители угрожали покинуть конференцию. Великобритания, уже давно выступавшая за возвращение Германии как равноправного игрока на европейской арене, поддержала претензии Берлина. Под нажимом двух стран Третьей республике пришлось согласиться на предоставление немцам «равных прав в вооружениях». Рассуждая об итогах этого решения, Ж.-Б. Дюрозель писал: «немцы одержали абсолютную победу... Франция проиграла... “Равные права” были тем рычагом, который позволил немецкой армии в течение пяти лет превзойти французскую; [в

¹³⁷ Горюхов В.Н. Указ. соч. С. 211.

¹³⁸ D'Agostino A. Op. cit. P. 268.

¹³⁹ См. подр.: *Kitching C. Britain and the Geneva Disarmament Conference. New York, 2003.*

последующие годы – *Н.Ш.*] это привело к краху Франции и принесло страдания и упадок Англии»¹⁴⁰. В ходе дальнейших переговоров французы настаивали на том, чтобы Германия получила равенство вооружений только после 8-летнего переходного периода, в ходе которого будет выработана «эффективная система международного контроля за немецким перевооружением»¹⁴¹. Подобные требования предоставили Гитлеру повод обвинить европейские демократии в «унижении» Германии. В знак протеста в октябре 1933 г. её представители покинули конференцию в Женеве. Из-за отказа западных держав согласиться на требования предоставить ей военный паритет Германия 19 октября 1933 г. вышла из Лиги Наций.

Параллельно с конференцией предпринимались другие дипломатические попытки урегулировать противоречия между европейскими странами. К подобным инициативам можно отнести «Пакт четырех», предложенный Бенито Муссолини и подписанный Англией, Францией, Италией и Германией в 1933 г. Документ предусматривал создание директории четырех ведущих европейских держав и их сотрудничество «во всех политических и неполитических, европейских и внеевропейских вопросах»¹⁴². По словам А.А. Вершинина, «Пакт четырёх» мог рассматриваться французской дипломатией как способ преодоления противоречий системы коллективной безопасности за счёт «институционализации её ядра, великих держав, на основе принятия ими минимального общего знаменателя, зафиксированного в Уставе Лиги, – отказа от войны как инструмента изменения статус-кво»¹⁴³. По проекту Муссолини соглашение подразумевало допустимость пересмотра мирных послевоенных договоров. Со ссылкой на статью 19 пакта Лиги Наций в нем говорилось: «Державы предусматривают также возможность пересмотра мирных договоров в случае возникновения ситуаций, способных привести к

¹⁴⁰ *Duroselle J.-B.* Op. cit. New-York, 2004. P. 49.

¹⁴¹ DDF. 1932–1939. 1 série. T. 3. № 229. P. 401-402.

¹⁴² DDF. 1932–1939. 1 série. T. 3. № 2. P. 15-16.

¹⁴³ *Вершинин А.А.* Указ. соч. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(2). С. 120.

конфликту между ними»¹⁴⁴. Подобное предложение вызывало резкое недовольство стран Восточной Европы. Глава МИД Чехословакии Бенеш осудил саму идею вести переговоры и принимать важные решения «вне рамок Женевы»¹⁴⁵ и вместе с главой МИД Румынии выступил против «Пакта четырех»¹⁴⁶. Особенно яркое недовольство предложениями о возможности ревизии заключенных договоров узким кругом крупных держав выражала Польша. Её министр иностранных дел Ю. Бекк был раздражен, что его страну не отнесли к числу ведущих европейских государств, и угрожал покинуть Лигу Наций¹⁴⁷.

Позиция восточных союзников побудила Францию отказаться от пакта и приложить значительные усилия для придания ему формального характера. Очень быстро французский МИД подготовил встречный проект, призванный изменить изначальный документ, чтобы «устранить все положения ревизионистского характера»¹⁴⁸. В итоге «Пакт четырех» не был ратифицирован, но успел вызвать серьезное недовольство в Польше и государствах Малой Антанты. С приходом в 1933 г. к власти нацистов, выступавших с лозунгом расширения «жизненного пространства» на восток, они с тревогой стали отмечать усиление прогерманских элементов в Венгрии и Болгарии. По утверждению Ф.Г. Зуева, угрозу своей безопасности стали ощущать союзники Третьей республики – Чехословакия, Польша, Югославия и Румыния¹⁴⁹.

Отметим при этом наличие определенной двойственности в политике малых государств перед лицом нависшей угрозы. Так, в 1933 г. Германия попыталась включить Румынию в орбиту своего политического влияния, между странами начались переговоры по укреплению экономических

¹⁴⁴ DDF. 1932–1939. 1 série. T. 3. № 2. P. 16.

¹⁴⁵ Ibidem. № 45. P. 45.

¹⁴⁶ Ibidem № 62. P. 105-107.

¹⁴⁷ DDF. 1932–1939. 1 série. T. 3. № 362. P. 656.

¹⁴⁸ *Du Reau E.* Op. cit. P. 110.

¹⁴⁹ *Зуев Ф.Г.* Фашистская угроза и проблемы коллективной безопасности в Европе в 30-ые годы (Восточный пакт) // *Германская восточная политика в новое и новейшее время.* М. 1974. С. 223.

отношений¹⁵⁰. Нацисты вели успешные приготовления к заключению дружественного соглашения с Польшей, которое произошло 26 января 1934 г. в виде договора о взаимном решении споров. Польский посланник Ю. Липский в день подписания документа сообщил французскому представителю: «Впредь Польша не только не будет нуждаться во Франции, но она даже сожалеет, что вынуждена была заплатить дорогой ценой за ее услуги»¹⁵¹. Этим соглашением Германия нанесла мощный удар французской системе восточных союзов. Польша считалась одним из самых надежных соратников в Центральной Европе. С подписанием договора с Польшей основной акцент германских притязаний сместился на Чехословакию, где проживало около 3 млн. немцев, которые, по мнению нацистов, должны были оказаться на своей «немецкой родине» – в Третьем рейхе.

Позицию Варшавы можно объяснить разочарованием польского руководства участием Франции в разработке «Пакта четырех», а также сближением между Парижем и Москвой в начале 1930-х гг. Варшава категорически отвергала любые переговоры с СССР, не веря советским мирным намерениям и опасаясь нарушения целостности своих территорий в случае возможного военного вторжения Москвы¹⁵². Польский историк С. Дембски указывает на начало охлаждения отношений между поляками и французами еще после конференции в Локарно 1925 г., чей результат укреплял безопасность стран, граничащих с Германией на Рейне, и одновременно превращал Восточную Европу в регион с относительно низким уровнем безопасности¹⁵³. Такое различие «вбило клин в польско-французский союз» и в стратегическое содружество обоих государств¹⁵⁴. Кроме этого, в польских

¹⁵⁰ Язькова А.А. Указ. соч. С. 89.

¹⁵¹ Цит. по: Табуи Ж. Указ. соч. С. 222.

¹⁵² Не стоит забывать, что значительные западные территории бывшей Российской империи, включенные в состав дружественных Советской России Украинской и Белорусской социалистических республик, по Рижскому договору 1921 г. перешли Польше.

¹⁵³ См. подр.: Магадеев И.Э. Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // Новая и новейшая история. 2012. № 4.

¹⁵⁴ Дембски С. Польша, Советский союз, кризис версальской системы и причины начала Второй мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. М., 2009. С. 48.

правительственных кругах боялись ухудшения отношений с Германией, на укрепление союза с которой возлагались серьезные надежды.

14 октября 1933 г. Германия из-за отказа предоставить ей «военное равенство» покинула Женевскую конференцию по разоружению, а через несколько дней официально оповестила мировую общественность о выходе из Лиги Наций. Подобный исход событий заставил встревоженную этим заявлением Францию предпринять новые шаги по укреплению системы коллективной безопасности. Именно тогда в Париже был поставлен вопрос о возможности заключения союза с Москвой¹⁵⁵. Еще больше угроза стала ощущаться после того, как Гитлер в марте 1935 г. объявил о существовании германской военной авиации и введении всеобщей воинской повинности в нарушение статей Версальского договора. Становилось понятно, что Германия берет курс на милитаризацию и перевооружение, что, по мнению Франции, становилось прямой угрозой для европейской безопасности.

Возможность новой войны из-за агрессивных устремлений нацизма стали ощущать и в советских политических кругах. В декабре 1933 г. ЦК ВКП(б) одобрил план по укреплению системы коллективной безопасности в Европе на основе региональных союзов, заключенных между как можно большим числом европейских государств. Советские лидеры заговорили о возможности вступления в Лигу Наций, связывая его с задачей укрепления сложившегося международного порядка и предотвращения войны. Советский Союз стал выступать за поддержание системы коллективной безопасности как возможного средства сохранить мир на континенте¹⁵⁶. По справедливой оценке Р.А. Сетова, «Советский Союз в первой половине 1930-х гг. объективно стал играть еще одну роль, на первый взгляд парадоксальную. Он на некоторое время встал в ряды “держав-консерваторов” (“status quo powers”) по отношению к Версальскому миропорядку». Усилия СССР в рамках системы коллективной безопасности в Европе объективно способствовали

¹⁵⁵ Малафеев К.А. Французский проект «Восточного Локарно» и германская дипломатия // Вопросы всеобщей истории. Рязань, 1997. С.126.

¹⁵⁶ Горохов В.Н. Указ. соч. С. 222.

поддержанию Версальского порядка¹⁵⁷. При этом ученый склонен считать, что Советский Союз вовсе не являлся сторонником Версальского миропорядка и однозначным апологетом коллективной безопасности, а «оказался *прагматическим оппортунистом* [Курсив не наш – Н.Ш.], вектор действий которого был изменчив, продиктован динамикой обстоятельств и возможностями для реализации конкретных интересов и достижения конкретных целей»¹⁵⁸.

После того, как структуры создаваемой в 1920-е гг. системы коллективной безопасности стали разрушаться, у Франции оставалось два пути для поддержания безопасности в Европе в условиях нарастания угрозы со стороны Германии. Первый подразумевал постепенное сползание в сторону британской политики «умиротворения», второй открывал перспективы формирования коалиции, ядром которой стал бы союз между Парижем и Москвой и направленной на сдерживание Третьего рейха¹⁵⁹. Однозначной оценки относительно точки отсчета британской политики «умиротворения» в историографии нет. В.Н. Горохов считает, что она берёт своё начало еще в 1920-е гг., когда Лондон шел на уступки Германии, пытаясь вновь превратить её в равноправного игрока на европейской арене¹⁶⁰, а полноценные черты этой политики проявились уже в ходе переговоров в Женеве на конференции по ограничению и сокращению вооружений, а также во время дискуссий вокруг «Пакта четырех»¹⁶¹. По мнению Р.А. Сетова, важной вехой в политике «умиротворения» стал 1935 г., когда Великобритания проигнорировала введение в Третьем рейхе всеобщей воинской повинности и позволила начать строительство немецкого флота, составлявшего 35% от мощи британского¹⁶².

¹⁵⁷ Сетов Р.А. Тектоника войны. М., 2019. С. 81.

¹⁵⁸ Там же. На схожих позициях стоит большинство современных авторов. См. например: Наринский М.М. Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 годы // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. Под ред. М.М. Наринского. М., 2003.

¹⁵⁹ Вершинин А.А. Указ. соч. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 2. С. 121.

¹⁶⁰ Горохов В.Н. Указ. соч. С. 187.

¹⁶¹ Там же. С. 214.

¹⁶² Сетов Р.А. Указ. соч. С. 98.

С этой же датой согласен отечественный историк А.О. Наумов¹⁶³. А вот британский ученый Э. Стендман отмечает, что окончательно на путь «умиротворения» Великобритания встала только после аншлюса Австрии¹⁶⁴. По утверждению А.А. Вершинина, Великобритания была убеждена, что безопасность в Европе зависела от взаимоотношений Франции и Германии и стремилась добиться с последней компромисса, «который снял бы ключевые озабоченности Берлина и санкционировал мирную ревизию Версальского порядка, что в свою очередь позволило бы Лондону переключиться на решение проблем поддержания своего глобального доминирования и сохранения целостности империи»¹⁶⁵. Эта идея стала для официального Лондона тем базисом, который лег в основу политики «умиротворения» в отношении Берлина и Рима. С точки зрения Великобритании, умиротворенная и восстановившая свои экономические и политические позиции Германия способствовала бы восстановлению равновесия на европейском континенте. По этой логике Великобритания шла на уступки Гитлеру, полагая, что это не затронет её жизненных интересов, а усилившаяся на восточных рубежах Германия будет инструментом для изоляции Советского Союза. Одной из ключевых ошибок британского руководства была недооценка угрозы, исходившей от Гитлера, в котором Лондон видел рационального политика, заинтересованного в сохранении мира.

Британский подход был невыгоден Третьей республике, которая никак не желала усиления позиций Германии, считая её главной угрозой европейской безопасности. Но в рядах французского руководства преобладали сторонники совместных действий с Великобританией, поскольку, если «умиротворение» не удастся и начнется война, Франции понадобится поддержка Великобритании, чтобы выиграть ожидаемую долгую войну на

¹⁶³ Наумов А.О. Указ. соч. М., 2007. С. 30.

¹⁶⁴ *Stedman A.D. Alternatives to Appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany.* London, 2011. P. 235.

¹⁶⁵ Вершинин А.А. Указ. соч. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(2). С. 122.

истощение¹⁶⁶. Как уже отмечалось, существовала альтернатива проведению политики «умиротворения». Только Советский Союз мог обеспечить войну на два фронта, необходимую для обеспечения безопасности Франции. Однако на пути сближения с СССР стояли серьезные препятствия. Еще с 1919 г. (появление Коминтерна) в умах европейских элит укоренилось представление о большевиках, «угрожавших цивилизации... убивавших невинных... на пути своего бессмысленного, жестокого стремления к коммунизму»¹⁶⁷. В дальнейшем страх перед «красной угрозой» и мировой революцией только возрастал. Для многих политиков (особенно правых взглядов) Великобритании и Франции стало аксиомой то, что Первая мировая война породила социализм и что еще одна война приведет к распространению коммунизма в Европе. Поэтому союз с СССР против нацистской Германии был нежелательным¹⁶⁸.

Ко всему прочему, не было серьезной уверенности в реальной возможности СССР оказать поддержку Франции в случае начала войны в силу его удаленности от границ Германии. В дальнейшем к общим противоречиям между Западом и коммунистами добавятся конкретные события, происходящие в Советском Союзе. Как отмечает крупный британский историк З. Стайнер, решающее значение в росте подозрений и сомнений имели не аресты, судебные процессы и казни «старых большевиков», но нараставшие темпы чисток, которые охватили высшие эшелоны советского военного состава. Репрессивный курс сталинского правительства оценивался сотрудниками Кэ д'Орсе и Форин офис как гораздо худшие действия по сравнению с поведением руководства фашистских государств. Чистки в армии обесценили значение Советского Союза в качестве потенциального союзника и средства сдерживания «в военное время, шла ли речь о Европе или о Дальнем

¹⁶⁶ Steiner Z. Op. cit. P. 408.

¹⁶⁷ Carley M.J. The Alliance that never was and the coming of the Second World War. Chicago, 1999. P. 6.

¹⁶⁸ Ibid. P. 14.

Востоке»¹⁶⁹. Хотя, по оценкам французских военных, Красная Армия и не была в состоянии проводить эффективные наступательные операции, в середине 1930-х гг. их не смогли бы осуществить ни англичане, ни французы¹⁷⁰. Последние рассчитывали на советские войска как на силу, способную организовать эффективную оборону от немецких войск на востоке, а возможности СССР поставлять военную технику и боеприпасы в соседнюю Польшу и Румынию имели бы решающее значение в долгой, изматывающей войне. При этом, по справедливому замечанию Ж.-Б. Дюрозеля, французы «ошибочно полагали, что несколько мелких союзников [на востоке – *Н.Ш.*] могут заменить одного большого»¹⁷¹.

В рядах политической элиты Третьей республики находилось немало сторонников более реалистичного подхода к взаимоотношениям с Москвой. Ставший в феврале 1934 г. министром иностранных дел Франции Луи Барту, оставаясь убежденным антикоммунистом, еще в 1920 г. говорил в Палате депутатов о рисках сближения Германии и Советской России в случае, если Третья республика останется враждебной к последней, и призывал своих коллег быть «бдительными и благоразумными»¹⁷². С подачи Барту начались франко-советские переговоры о заключении возможного договора о взаимопомощи между двумя странами¹⁷³. На схожих позициях стояли ведущие политики-радикалы Жозеф Поль-Бонкур и Эдуард Эррио. По словам последнего, восстановление дружественных франко-советских отношений имело решающее значение для безопасности страны: «Красный царь или белый царь [стоит во главе России – *Н.Ш.*], не должно иметь никакого значения для Франции»¹⁷⁴. Эррио был не одинок в своих взглядах, и подобная позиция не ограничивалась политическим центром или левыми. Некоторые

¹⁶⁹ Steiner Z. Op. cit. P. 414-415.

¹⁷⁰ Carley M.J. Op. cit. P. 22.

¹⁷¹ Duroselle J.-B. Op. cit. // Vol. 3. № 4. Octobre-décembre 1962. P. 525-529.

¹⁷² JO. Débats parlementaires. Chambre des Députés 1920. P. 711-718.

¹⁷³ См. подр.: Вершинин А.А. В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935) // Российская история. 2025. № 5.

¹⁷⁴ Carley M.J. Op. cit. P. 8.

консерваторы также придерживались схожей линии. Хотя, безусловно, внешнеполитическое сближение с СССР вызывало различную реакцию во французских общественно-политических дискуссиях. На фоне франко-советских переговоров осени 1934 г. один из лидеров ФКП Габриель Пери писал, что и Франция, и СССР способствовали сохранению мира в Европе¹⁷⁵.

Социалисты приветствовали сближение Франции с Советским Союзом, но сохраняли свою верность принципам коллективной безопасности и выступали против союзов, которые раскололи бы Европу на лагеря. Как писал их лидер Леон Блюм, «партия по-прежнему враждебна закрытым пактам, разделяющим Европу на враждебные кланы», она по-прежнему враждебна военным союзам, ускоряющим гонку вооружений¹⁷⁶. В рядах партии радикалов встречалось немало тех, кто с удовлетворением отмечал возросшую к 1934 г. мощь и колоссальные ресурсы Советского Союза, который удалось поставить в ряды противников Третьего рейха и союзников Франции, ибо, «что бы там ни говорили и ни делали, Россия — великая держава, влияние которой в случае конфликта может сильно повлиять на исход сражений»¹⁷⁷.

Необходимость союза с Москвой для поддержания европейской безопасности отмечал и целый ряд представителей правого фланга, несмотря на глубоко укоренившуюся ненависть к «красной угрозе». Так, на страницах «Пти Журналь» Эдуард Плиффе отмечал достижения советского правительства. Он настаивал, что любой французский антикоммунист, поехавший в СССР, возвращаясь, отдаёт должное значительной работе, «проделанной Советами»; он утверждал, что русский народ поднимается «с головокружительной быстротой и собирается играть всё более значительную роль в европейских делах»¹⁷⁸. Схожие оценки публиковала газета консервативной политической направленности «Фигаро»¹⁷⁹. При этом не

¹⁷⁵ L'Humanité. 14 octobre 1934.

¹⁷⁶ Le Populaire. 13 juillet 1934.

¹⁷⁷ L'Homme Libre. 24 mai 1934.

¹⁷⁸ Le Petit Journal. 16 septembre 1934.

¹⁷⁹ Le Figaro. 11 août 1934.

стоит переоценивать симпатии правых. Большая их часть не скрывала свое возмущение любыми попытками вести диалог с Москвой. Газета «Же сью Парту» с пренебрежением иронизировала по поводу военной мощи СССР: «Глупо повторять, что Советы – это сила, выступающая за мир. Ложь! У них нет сил воевать»¹⁸⁰. «Матен», в свою очередь, настаивала, что «СССР не похож на другие страны» и он не может быть другом или союзником кого бы то ни было, ибо любой конфликт является в его глазах средством ускорения мировой революции¹⁸¹. «Безумием во всех отношениях» называли возможный союз с Москвой журналисты ультраправой «Аксьон франсез»¹⁸². По их мнению, это был «трижды гибельный союз, который заставит нас потерять наши колонии, в частности Индокитай, ради прекрасных глаз Карла Маркса»¹⁸³. Как в Британии, так и во Франции, пишет историк М. Дж. Карлей, связь между революцией и войной занимала центральное место в доводах консервативной оппозиции против более тесных франко-советских отношений.¹⁸⁴

С 1935 г., окончательно укрепившись у власти, Гитлер перешел к более решительным действиям на международной арене. Он твердо намеревался в одностороннем порядке ликвидировать ограничительные статьи Версальского договора. В январе 1935 г. по итогам проведенного плебисцита к Германии вернулась Саарская область, которая до этого находилась в ведении Лиги Наций. Уже в марте немецкое правительство приняло решение о создании в Третьем рейхе военно-воздушных сил и введении всеобщей воинской повинности. Агрессивные действия нацистов крайне настораживали французское руководство. В «Майн Кампф» Гитлер обозначил Францию основным противником Германии, выступая одновременно за расширение жизненного пространства для немцев на востоке. Перед разработчиками

¹⁸⁰ Je suis partout. 14 septembre 1934.

¹⁸¹ Le Matin. 11 juillet 1934.

¹⁸² L'Action Française. 15 septembre 1934.

¹⁸³ Ibid. 10 septembre 1934.

¹⁸⁴ Carley M.J. Op. cit. P. 17.

внешнеполитического курса Третьей республики возникла сложная дилемма: если Гитлер сперва решит напасть на Францию, то Польша и страны Малой Антанты будут явным подспорьем для неё, но в то же время, если Гитлер первым делом обрушит удар на них, Франция сразу же окажется втянутой в нежеланную для себя войну¹⁸⁵.

На фоне нараставшей угрозы со стороны Германии продолжались франко-советские переговоры о возможности заключения соглашения о взаимопомощи. В начале декабря 1934 г. от Третьей республики их вёл министр иностранных дел Пьер Лаваль, сменивший на этом посту убитого в октябре 1934 г. Барту¹⁸⁶. Намерения Лавала были гораздо более туманными, чем у его предшественника. Без сомнения, он рассматривал франко-советский пакт, – пишет Ж.Б. Дюрозель, – как простой «маневр внутренней политики, а не как важный инструмент обеспечения безопасности нации»¹⁸⁷.

Переговоры о конкретных статьях документа начались с середины апреля, когда Лаваль и Литвинов встретились на открытии сессии Лиги Наций. Окончательный текст, одобренный французским правительством 30 апреля, лег в основу договора о взаимопомощи, подписанного 2 мая 1935 года между СССР и Францией. Он предусматривал, что «в случае, если бы Франция и СССР стали объектом угрозы или опасности нападения со стороны какого-либо из государств, то обе страны обязались немедленно приступить к двусторонним консультациям в целях принятия мер для соблюдения постановлений статьи 10 устава Лиги Наций. В случае, если бы ... Франция или СССР явились предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, они обязались оказать друг другу немедленную помощь и поддержку»¹⁸⁸.

¹⁸⁵ *Young R.J.* Op. cit. P. 22.

¹⁸⁶ *Суту Ж.-А.* Франко-советские отношения в 1932–1935 гг. // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. С. 25.

¹⁸⁷ *Duroselle J.-B.* Op. cit. // Vol. 3. № 4. Octobre-décembre 1962. P. 525-536.

¹⁸⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1973. Т. 18. С. 309–312.

Через 2 недели, 16 мая 1935 года, схожее соглашение было заключено между СССР и Чехословакией. Статья вторая документа предусматривала «немедленную взаимную помощь и поддержку в случае, если бы одна из сторон явилась предметом не спровоцированного нападения со стороны какого-либо европейского государства»¹⁸⁹. При этом, по настоянию ЧСР, в пакт включили условие, согласно которому помощь для отражения нападения на территорию Чехословакии и СССР оказывалась только в тех случаях, если на стороне жертвы агрессии выступала Франция¹⁹⁰. Следовательно, помощь ЧСР со стороны Советского Союза ставилась в зависимость от позиции французского руководства. Ведущие отечественные и зарубежные авторы, объективно оценивая франко-советский договор, утверждают, что для Третьей республики он представлялся преимущественно механизмом давления на Германию и её принуждения к миру¹⁹¹. Как справедливо отмечает А.А. Вершинин, «подписанный с СССР договор был структурно вписан в механизмы коллективной безопасности – Устав Лиги Наций и Рейнский гарантийный пакт, что обесценило его в качестве инструмента силового сдерживания германского реваншизма»¹⁹².

Серьезные разногласия между различными политическими силами Третьей республики ярко проявились в феврале 1936 г. во время голосования в Палате депутатов о ратификации франко-советского договора 1935 г. Интересно то, что многие правые парламентарии, выступая против его ратификации, не связывали свою позицию с политическим строем в СССР. Тем не менее критика коммунизма громко звучала в их речах. Так, по убеждению представителя консервативного парламентского течения независимых республиканцев Фернана Лорана, даже несмотря на желание

¹⁸⁹ Там же. С. 333–336.

¹⁹⁰ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. Док. № 175. М., 1979. С. 274.

¹⁹¹ Наринский М.М. Указ. соч. М., 2003; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М., 2020; Вершинин А.А. Указ. соч. // Российская история. № 5. 2022. Duroselle J.-B. Op. cit. // Vol. 3. № 4. Octobre-décembre 1962. Soutou G.-H. Op. cit.; Steiner Z. Op. cit.; D'Agostino A. Op. cit.

¹⁹² Вершинин А.А. Указ. соч. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. 15(2). С. 121.

Москвы получить военную поддержку Третьей республики, коммунисты «посредством печати и с помощью устной пропаганды добиваются дезорганизации [французской – *Н.Ш.*] армии... поощряют саботаж»¹⁹³. Кроме того, отмечал политик, договоренностям с Советским Союзом не следовало доверять, так как однажды он уже нарушил своё слово, подписав Брест-Литовский мир 1918 г., «усилив страдания и муки французских солдат»¹⁹⁴.

Схожие мысли озвучивал лидер правоцентристского Демократического альянса П.-Э. Фланден, занимавший в феврале 1936 г. пост министра иностранных дел, напоминая, что в случае ратификации документа Франция столкнется с риском вступить в разорительную войну с нацистской Германией лишь для того, чтобы помочь правительству СССР, доктрина которого «требует международной революции», разрушить существующий режим Третьей республики¹⁹⁵. Представитель Республиканской федерации Анри настаивал: «нельзя доверять соглашению со страной, которая стремится организовать мировую революцию»¹⁹⁶.

Как видно из выступлений, большинство правых депутатов опасалось возможности оказаться втянутыми в потенциальную войну с нацизмом в интересах Москвы. По их убеждению, такой союз только усилит угрозы европейской безопасности в обстоятельствах, когда со стороны Германии и так исходит опасность. Правый радикал Жан Монтиньи отмечал, что Третьей республике после ратификации франко-советского договора придется взять на себя обязательства и поддерживать СССР в любом конфликте, в то время как другие демократические страны смогут воздержаться и сохранить нейтралитет¹⁹⁷. И хотя военное соглашение с Советским Союзом пока не было подписано, с точки зрения политика ратификация договора о взаимной

¹⁹³ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés 1936. P. 358.

¹⁹⁴ Ibid. P. 359.

¹⁹⁵ Ibid. P. 384.

¹⁹⁶ Ibid. P. 462.

¹⁹⁷ Ibid. P. 381.

помощи равносильна подписанию «пустого листа» для следующего потенциально левого правительства. В этой связи такое правительство будет «вольно одобрить все военные обязательства Франции по отношению к СССР, которые они сочтут полезными». Депутат не сомневался, что в случае прихода к власти левоцентристской коалиции Народного фронта «военное соглашение будет заключено»¹⁹⁸. Вывод политика сводился к следующему: «я не говорю, что ратификация [франко-советского договора – *Н.Ш.*] будет означать войну. Но я считаю, что ратификация способна наложить на Францию обязательства участвовать в войне, которую она могла бы избежать». По его мнению, стране не стоило вмешиваться «в новый виток борьбы между тевтонами и славянами»¹⁹⁹.

Особенно правых смущало отсутствие общих границ между Германией и СССР, что осложняло его потенциальную помощь Третьей республике. Рассуждая о договорах со странами Восточной Европы, Фланден под громкие аплодисменты правых подчеркивал: Чехословакия и Германия, Польша и Германия имеют общие границы, Франция и Германия имеют общие границы и, следовательно, подписавшие договор страны получают взаимную выгоду и смогут оказать друг другу помощь войсками. Однако если Россия обратится «к нам за помощью, то будут задействованы все наши военные, сухопутные и воздушные силы... Если, наоборот, к сожалению, однажды нам придется просить Россию предоставить нам помощь и содействие, которые она нам обещает, то она легко сможет заявить, что это физически невозможно, так как у неё [нет общей с Германией границы и – *Н.Ш.*] нет права вторгнуться на территорию Польши, Литвы и Румынии». И её помощь ограничится предоставлением нам нескольких самолетов²⁰⁰.

Правый политик из Альзаса Жозеф Росссе настаивал, что выступает против ратификации франко-советского договора не из-за критики внутренней политики СССР: «мы не согласны с режимом Союза советских

¹⁹⁸ Ibid. P. 383.

¹⁹⁹ Ibid. P. 384.

²⁰⁰ Ibidem.

социалистических республик, но внешняя политика Франции и её отношения с другими государствами должны оставаться независимыми от их режима». По его словам, Франция заключала союзы с монархиями и республиками, с демократиями и диктатурами, и потому он не видит причин, которые воспрепятствовали бы заключению пакта о взаимопомощи с «коммунистической диктатурой в Москве»²⁰¹. То же самое говорил и представитель Республиканской федерации Ксавье Валла, вспоминая Франциска Первого, подписавшего соглашение с Османской империей в XVI веке. Хотя, саркастически отметил депутат, в те времена «на территории Франции турок не представляла ни одна мусульманская партия, чьи усилия были бы направлены на свержение христианства и замену Евангелие Кораном»²⁰². Важным для правых было другое. По мнению Фландена и Россе, франко-советский пакт ставил под угрозу возможность улучшения отношений Парижа с Берлином. Депутат Россе уверял, что залог поддержания европейской безопасности и «прочного мира» заключается в достижении взаимопонимания Франции и Германии²⁰³, которое исчезнет после ратификации франко-советского пакта. Более того, «русская армия не способна гарантировать Франции европейские границы, предусмотренные Версальским договором... [так как – *Н.Ш.*] профессиональные качества её руководителей, моральный дух солдат, состояние средств связи позволяют в настоящее время проводить лишь простые операции ограниченной продолжительности».

Валла указывал на опасности, которые несет союз с Москвой. По его утверждению, он был не договором между двумя полноценными государствами, а соглашением «между французской демократией и коммунистической доктриной, границы распространения которой четко не очерчены». Франция – это территория на земном шаре, границы, очертания, население, ресурсы которой давно определены. Таким образом,

²⁰¹ Ibid. P. 387.

²⁰² Ibid. P. 452.

²⁰³ Ibid. P. 387.

обязательства, взятые перед ней, можно «четко рассчитать». Но он заявлял, что Союз Советских Социалистических Республик – это объединение всех стран, принявших «политический и социальный строй, провозглашенный Третьим Интернационалом», штаб-квартира которого находится в Москве, и это открытая федерация, к которой автоматически присоединяется «любая новая территория, признавшая коммунистические идеалы»²⁰⁴. Исходя из логики Валла, границы СССР могут постоянно разрастаться, а соответственно, увеличиваться и угрозы, и поводы для войн, в которые придется вступить Франции.

Главный вопрос, беспокоивший правых, сводился к тому, «какую военную помощь мы собираемся оказать Советам и, с другой стороны, какую эффективную военную поддержку может получить Франция от СССР?». В обстановке деградации системы коллективной безопасности, говорил Валла, когда стало понятно, что для введения санкций Лиги Наций потребуются недели и месяцы, «весьма похвально», что лидеры Франции захотели укрепить позиции республики посредством пактов о взаимопомощи, которые, как только агрессор будет определен, позволят предпринять «эффективные и быстрые действия»²⁰⁵. Однако договор с СССР, по его мнению, не был взаимовыгодным, так как в случае нападения Германии на СССР боевые действия велись бы на территории пограничных с Советским Союзом государств. При этом «все французские военные силы уже были бы полностью задействованы на Рейне»²⁰⁶. Если же рейх нападет на Третью республику, мобилизация советских войск займет долгое время и «пройдет почти шесть недель после агрессии, жертвами которой мы станем, пока все сухопутные силы России сосредоточатся на её западных границах». Кроме того, у СССР нет общей с Германией границы и для оказания военной помощи Франции потребуется «нарушить нейтралитет четырех стран, значительно более крупных, чем Бельгия, чтобы войти в контакт с немецкой

²⁰⁴ Ibid. P. 453.

²⁰⁵ Ibid. P. 452.

²⁰⁶ Ibid. P. 453.

армией». Таким образом, поддержка Красной армии с точки зрения быстрого использования «пехоты, артиллерии, кавалерии и танков будет практически нулевая». В этом случае Франции оставалось надеяться только на советскую авиацию, которая, по заверениям Валла, хоть и была многочисленной, но вряд ли в одиночку смогла бы переломить ход войны.

В итоге многие правые не находили никакой практической пользы от заключения соглашения с идеологически враждебным им режимом. Более того, большинство из них считало, что франко-советское сближение только подорвет европейскую безопасность: Германия увидит во Франции усилившегося противника на своей западной границе, а СССР и Чехословакия, являясь союзниками Третьей республики, вынудят Третий рейх предпринимать меры для своей защиты на восточных и юго-восточных рубежах. В таких обстоятельствах Гитлер во имя обеспечения безопасности своей страны поспешит совершить аншлюс Австрии и подчинить страны Малой Антанты, тем самым повышая риск начала большой общеевропейской войны²⁰⁷.

С этими доводами полностью соглашался правый депутат, независимый республиканец Марсель Эро, отмечавший, что ни Польша, ни Румыния, ни Югославия никогда не дадут Красной армии пройти через их границы, и Франции придется воевать с Германией практически в одиночку. По мнению депутата, «договор накладывает на нас больше рисков, чем дает нам преимуществ» и вдобавок к сказанному только побуждает Германию проводить агрессивную политику²⁰⁸. Эро сожалел, что «с Германией не проводилась более активная политика сотрудничества», способная разрядить европейскую напряженность. Свою солидарность с таким подходом выражал крайне правый политик, член консервативной Республиканской федерации Пьер Теттенже: «было бы чудовищно... не предпринять все от нас зависившее, чтобы сблизиться с людьми, которые, возможно, нам не

²⁰⁷ Ibid. P. 454.

²⁰⁸ Ibid. P. 456.

нравятся, но с которыми, возможно, когда-нибудь придется поладить. Если это не удастся, пусть... Но есть кое-что хуже, чем не добиться успеха [в вопросе сближения с Германией – *Н.Ш.*] – это не попытаться»²⁰⁹. По мнению Теттенже, пакт с СССР был лишен смысла, так как Франция не обладала ударной армией и наступательной техникой, а её доктрина уже много лет оставалась оборонительной, в связи с чем она не смогла бы «оказать помощь СССР [и предпринять наступление на Германию – *Н.Ш.*]»²¹⁰. Кроме того, заявлял Теттенже, такой армии к 1936 г. не было и у Советского Союза, а значит Франции придется пойти «на очень тяжелые затраты» в военной, воздушной, морской и, прежде всего, финансовой сфере... Если Советский Союз не имеет необходимые ресурсы, Третьей республике придется сделать для нынешней России то, что она сделала для царской России, то есть дать ей средства для вооружения, дать ей миллиарды, необходимые для обеспечения её обороны. Без этого обсуждаемый пакт будет ни чем иным, как «простым дипломатическим актом, который не принесет желаемых всеми результатов»²¹¹. Безусловно, правые стремились не допускать подобные расходы. Главный вывод депутата сводился к следующему: «[нельзя – *Н.Ш.*] идти в крестовый поход против фашизма во имя большевизма... Это будет одной из основных причин, по которой я не буду голосовать за ратификацию франко-советского пакта о взаимопомощи, поскольку советская сторона намеревается превратить пакт... в инструмент войны [против фашизма – *Н.Ш.*], которая затем приведет к гражданской войне [внутри Франции – *Н.Ш.*]». В итоге среди большинства правых политиков выделилось две группы: одни считали, что союз с СССР подорвет возможность сближения с Германией посредством дипломатии; другие – не верившие в шанс мирного урегулирования отношений с Гитлером, полагали, что Советский Союз не обладал необходимыми средствами для оказания реальной помощи в случае начала войны в Европе и потому договор с ним не стоило ратифицировать.

²⁰⁹ Ibid. P. 458.

²¹⁰ Ibid. P. 457.

²¹¹ Ibidem.

Доводам правых пытался возражать видный деятель ФКП Г. Пери. По убеждению коммунистов, европейскую безопасность нельзя делить на восточное и западное направление: «война на Востоке — это война повсюду. Что произойдет, если завтра вооруженный конфликт начнется на территории от Прибалтики до Украины?»²¹². Угроза нападения Третьего рейха на Францию или СССР казалась ФКП вполне реальной. И в случае немецкого наступления на Советский Союз, оно пройдет через страны Восточной Европы, с которым Париж «уже связан договорами о взаимопомощи», поэтому в любом случае Франция вынуждена будет вмешаться²¹³. Но, настаивали коммунисты, европейскую безопасность можно сохранить, поскольку «агрессор не осмелится пойти на авантюру», если он будет уверен, что ему противостоит мощная коалиция. Чем прочнее договоры о взаимопомощи, тем дольше Европа сможет жить «в мире и спокойствии»²¹⁴.

Вместе с тем, Пери выдвигал традиционные для марксизма лозунги, которые никак не могли способствовать примирению коммунистов с правыми и только еще больше убеждали последних в правильности их антикоммунистической позиции. По словам депутата, если бы война все же разразилась, партия рабочих должна бы была вмешаться и быстро положить ей конец, используя экономический и политический кризис, вызванный войной, чтобы ускорить «падение капиталистического господства»²¹⁵. Кроме того, депутаты-коммунисты рассматривали СССР в качестве «общего блага и коллективного наследия рабочего класса» и потому его защита не только являлась «священным долгом», но и отвечала интересам международного пролетариата. Завершая свое выступление, деятель ФКП объявил, что «коммунисты продолжают стоять в оппозиции к действующему общественному строю во Франции... классовая борьба продолжается»²¹⁶.

²¹² Ibid. P. 464.

²¹³ Ibid. P. 465.

²¹⁴ Ibidem.

²¹⁵ Ibidem.

²¹⁶ Ibidem.

Примирительную позицию на фоне нарастания международной напряженности попытался занять один из видных деятелей радикальной партии Э. Эррио. В своей речи он призвал забыть «ссоры партий или отдельных деятелей» в вопросах внешней политики²¹⁷. Эррио отметил мощь советской армии, которая в случае мобилизации поставила бы под ружьё «13,5 миллионов человек» и имела право пересечь границы стран Восточной Европы, используя «3 параграф статьи 16 Устава Лиги Наций, обязывающий членов Лиги Наций обеспечить проход через их территории для оказания помощи жертве агрессии»²¹⁸. По его мнению, франко-советский пакт стал бы важной гарантией сохранения европейской безопасности и преградой для последующих агрессивных шагов Германии.

После двухнедельных дебатов 27 февраля 1936 г. Палата депутатов ратифицировала франко-советский договор 353 голосами против 164. Несмотря на явное недовольство большинства правых политиков, им не удалось преодолеть объединенные усилия представителей левых и левоцентристских партий. Однако сам ход дискуссий показал существенные разногласия между правыми и левыми силами по вопросу о способах поддержания европейской безопасности.

Французский внешнеполитический курс не ограничивался лишь надеждой на поддержку СССР и малых государств, хотя, безусловно, им отводилась существенная роль. Многие представители политической элиты, особенно правых взглядов, возлагали серьезные надежды на противодействие Третьему рейху при помощи союза Франции с фашистской Италией²¹⁹. Видный деятель Демократического альянса и дипломат Барту выступал за сближение с Б. Муссолини, исходя из идеи усиления международного положения Франции посредством заключения новых союзов перед лицом немецкой угрозы²²⁰. События, связанные с провалом попытки аншлюса

²¹⁷ Ibid. P. 492.

²¹⁸ Ibidem.

²¹⁹ См. подробнее *Milza P.* Op. cit. Milan, 1981. P. 271-302.

²²⁰ *Duroselle J.-B.* Op. cit. New-York, 2004. P. 87-112.

Австрии, предпринятой нацистской Германией в июле 1934 г., и решительное сопротивление этому со стороны Муссолини, с одной стороны, испугали французских политиков, которые еще яснее увидели реальность угрозы реванша, но с другой стороны, навели их на мысль о целесообразности договориться со своим юго-восточным соседом. После убийства в октябре 1934 г. Барту его приемник Лаваль продолжил и расширил курс на сближение с Италией. В январе 1935 г. нанес официальный визит в Рим, где подписал ряд соглашений с фашистским правительством²²¹. В ходе переговоров был затронут важный для Италии вопрос Эфиопии. Франция уступила Италии часть своих африканских колоний на подступах к Эфиопии. Согласно французской версии переговоров, французское правительство согласилось, что Италия может взять Эфиопию под свой протекторат, но при условии, что он будет установлен мирным путем. Исходя из итальянской версии встречи следует, что Лаваль делал «двусмысленные и неточные» заявления, из которых Муссолини сделал вывод, что получил полную «свободу рук в этом вопросе»²²². Предполагалось, что в дальнейшем обе страны заключат военную конвенцию. По окончании переговоров 27 июня 1935 г. между командующими генеральных штабов М. Гамеленом и П. Бадольо стороны ожидали, что она вскоре будет подписана²²³, однако этого не произошло.

Сотрудничество между Францией и Италией продолжилось во время так называемого фронта Стрезы. После того, как Гитлер 16 марта 1935 г. объявил о возобновлении в Германии обязательной воинской службы и самовольно увеличил число немецких дивизий с 7 до 36 единиц, Франция, Великобритания и Италия встретились для переговоров в Стрезе 11 апреля 1935 г.²²⁴. По их итогам была подписана декларация, провозглашавшая готовность государств-участниц любыми средствами противостоять

²²¹ DDF. 1932–1939. 1 série. T. 3. № 420. P. 626–630.

²²² Guillen P. Franco-Italian relations in Flux, 1918–1940 // French foreign and defense policy 1918–1960. New-York, 1998. P. 156.

²²³ Duroselles J.-B. Op. cit. New-York, 2004. P. 130–139.

²²⁴ Ход переговоров см. по: DDF. 1932–1939. 1 série. T. 3. № 173; 180; 186. P. 300; 315; 322.

«одностороннему отказу от договоров, которые сохраняют мир в Европе»; также подтверждалась необходимость сохранять независимость и территориальную целостность Австрии²²⁵. Однако дальше письменных заявлений дело не пошло, и нацистскому правительству тем самым была предоставлена свобода действий. Безусловно, стоит отметить, что далеко не все представители французской политической элиты с энтузиазмом встретили все более тесное сближение между демократической Францией и фашистской Италией. Так, Л. Блюм говорил о чувстве «позора», которое он испытывает, видя сотрудничество своей страны с «убийцей Маттеотти»²²⁶. На страницах газеты «Юманите» Г. Пери писал о том, что фашизм ведет «не к миру, а лишь к угрозе войны»²²⁷.

Международная ситуация начала меняться с октября 1935 г., когда фашистская Италия развязала войну в Эфиопии. Хотя правые и правоцентристские политики Третьей республики выступали за дальнейшее сближение с Муссолини, под давлением партии радикалов и позиции Великобритании, чье общественное мнение требовало жесткости в отношении страны-агрессора, французское правительство поставило подпись под документом об экономических антиитальянских санкциях, одобренных Лигой Наций²²⁸. В итоге дуче, разочарованный перспективами союза с Францией, 28 декабря 1935 г. объявил об отказе ратифицировать Римские соглашения, подписанные в январе 1935г.

Как отмечают современные отечественные и зарубежные авторы, эфиопский кризис оказался серьезным ударом по системе коллективной безопасности и фактически поставил на ней крест²²⁹. Одним из первых, кто увидел в событиях Эфиопии крах исходивших из концепции пацифизма

²²⁵ Ibidem. № 190.

²²⁶ Le Populaire. 5 janvier 1935.

²²⁷ L'Humanité. 19 juillet 1935.

²²⁸ DDF. 1932–1939. 1 série. T. 3. № 215. P. 374.

²²⁹ См. подр.: *Вершинин А.А.* Указ. соч. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 2. С. 121; *Gooch J.* Fascist Italy. The Origins of World War Two. The Debate Continues. Ed. by R. Boyce, J. New-York, 2003. P. 35-47; *Steiner Z.* Op. cit. P. 100-135.

международных механизмов, стал У. Черчилль²³⁰. «Существование Лиги Наций и вера в коллективную безопасность среди широких слоев Британии и Франции превратили колониальную войну в крупный европейский кризис», – писала З. Стайнер²³¹. Инструменты «новой дипломатии» продемонстрировали свою неэффективность, и Лига Наций не сумела остановить агрессивные шаги Муссолини. Попыткой преодоления кризиса стал так называемый пакт Лавалья – Хора декабря 1935 г.²³², по именам французского и английского министров иностранных дел. В совместном документе они предлагали императору Эфиопии передать треть своих территорий Муссолини в обмен на прекращение войны²³³. Попытка урегулировать конфликт, представлявшая собой тайный договор в русле традиционной довоенной дипломатии, только дискредитировала идею коллективной безопасности²³⁴. Общественное возмущение было столь сильным, что и Лаваль, и Хор были вынуждены подать в отставку, а сам пакт не был воплощен в жизнь. Ряд европейских стран наряду с Нидерландами, Испанией и Швейцарией объявили об отказе считать обязательной для исполнения статью 16 Устава организации о совместном противодействии агрессии, из-за, как они объясняли, её «неэффективности и непоследовательности её применения».

Как отмечает З. Стайнер, именно действия Муссолини в Эфиопии подорвали концепцию коллективной безопасности. Ни один будущий конфликт между великими державами «уже не будет решаться в Женеве»; ни одно государство, независимо от его размеров, не поверит в эффективность санкций, введенных Лигой Наций. Виновником этого была не сама организация, но Великобритания и Франция, поскольку с момента её создания миротворческие функции всегда зависели от сотрудничества и действий

²³⁰ Черчилль У. Указ. соч. С. 148–149.

²³¹ Steiner Z. Op. cit. P. 100.

²³² См. по: Braddick H. The Hoare-Laval Plan: A Study in International Politics // the Review of Politics. Vol. 24. № 3. 1962; Callahan M. The League of Nations, International Terrorism, and British Foreign Policy, 1934–1938. Flint, 2018.

²³³ Протокол англо-французских переговоров см по: DDF. Serie 1. T. 13. № 352. P. 512-524.

²³⁴ Steiner Z. Op. cit. P. 130-131.

именно великих держав. Фиаско в Женеве и неспособность остановить войну в Эфиопии выявили разрыв между «мифом о силе Лиги Наций и реальностью»²³⁵. Международная организация не смогла выполнить своей главной задачи – остановить агрессора, и последствия этого отразились на событиях Рейнского кризиса марта 1936 г.

К концу 1935 г. созданная в десятилетие после Первой мировой войны система европейской безопасности стала разваливаться. На международную арену выдвинулись ревизионистские державы в лице Германии и Италии. Перед французским руководством все яснее вырисовывалась необходимость ответить на вопрос о том, какие шаги ему следовало предпринять для поддержания мира в условиях угрозы со стороны Третьего рейха. Система восточных союзов к тому моменту значительно ослабла, не имелось никакой уверенности в гарантиях Великобритании и степени её помощи в случае начала нового военного конфликта. Часть французских политиков, стремившаяся к союзу с СССР как инструменту сдерживания Германии, столкнулась с резким противодействием своих коллег и тотальным недоверием к коммунизму, царившим в Европе. Некоторые политики были склонны рассматривать Муссолини как потенциального союзника в вопросе противостояния Гитлеру. Локарнский порядок, существовавший с 1925 г., был разрушен в ходе ремилитаризация Рейнской области. Изменившаяся международная ситуация вызвала во французском обществе оживленные дискуссии о сохранении и методах укрепления европейской безопасности.

1.2. Ремилитаризация Германией Рейнской области в марте 1936 г. и реакция на неё правительства и генералитета Третьей республики

Ремилитаризация Рейнской области 7 марта 1936 г. считается одним из поворотных моментов в предыстории Второй мировой войны. Используя в качестве предлога ратификацию франко-советского договора о взаимопомощи парламентом Третьей республики, Гитлер отправил 22 тыс. солдат на западную границу Германии, нарушив тем самым Версальский договор 1919

²³⁵ Ibidem. P. 135.

г. и Локарнские соглашения 1925 г. Оккупация гитлеровскими войсками Рейнской области переместила фокус европейского внимания с Эфиопии на нацистскую Германию. Действия Гитлера непосредственным образом подрывали основы безопасности Третьей республики. Для Франции демилитаризация Рейнской зоны имела первостепенное значение, так как она «позволяла проводить стратегию “активной обороны”»: французские войска могли беспрепятственно перейти немецкую границу и легко достигнуть Рура, парализовав действия немцев²³⁶. Однако каких-либо серьезных санкций кроме ноты протеста со стороны Франции в ответ на незаконные действия Третьего рейха так и не последовало.

После Второй мировой войны среди многих политических деятелей установилось убеждение, что во время ремилитаризации Рейнской области была упущена последняя возможность помешать агрессивным планам Гитлера и избежать начала войны в Европе. «Если бы французское правительство провело мобилизацию, – писал Уинстон Черчилль, – нет никаких сомнений в том, что немецкий генштаб вынудил бы Гитлера отступить и ему был бы дан отпор, который вполне мог оказаться фатальным для его правления»²³⁷. К схожим заключениям приходили и многие послевоенные исследователи. Так, Ж.-Б. Дюрозель с одобрением приводил слова папы Пия XI, сказанные 16 марта 1936 г. французскому посланнику в Ватикане: «Если бы вы немедленно отправили 200 000 тыс. солдат в реокупированную немцами зону, вы бы оказали всем большую услугу»²³⁸. Вооруженные силы Франции, объединенные с её союзниками на востоке, намного превосходили силы Германии. Принимая во внимание этот факт, многие исследователи продолжают пытаться понять причины, обусловившие «пассивность» Третьей республики в марте 1936 г.²³⁹.

²³⁶ *Du Nolfо Э.* Указ. соч. С. 220.

²³⁷ *Churchill W.* *The Gathering Storm.* Boston, 1948. P. 194.

²³⁸ *Duroselle J.-B.* *Op. cit.* New-York, 2004. P. 179.

²³⁹ *Duroselle J.-B.* *Op. cit.* New-York, 2004; *Du Reau E.* *Op. cit.*; *Jackson P.* *Op.cit.*; *Doise J., Vaisse M.* *Diplomatie et outil militaire.* 1871–2015. Paris, 2015.

Изначально Гитлер намеревался осуществить ремилитаризацию Рейнской области не ранее весны 1937 г., однако война в Эфиопии ускорила первоначальные планы. «Бескровный [без сопротивления военных частей – *Н.Ш.*] демарш на территории самой Германии благоприятно контрастировал бы с действиями Италии в Африке»²⁴⁰. Заняв войсками правый берег Рейна, Гитлер выступил с предложением урегулировать возникший кризис с помощью дипломатических инструментов, подчеркивая, что ремилитаризация Рейнской области несет целью не разжигание войны, а только восстановление «справедливости для Германии». Эту инициативу он назвал «планом мира». Он предлагал заключить со странами, находящимися на западной границе Германии, пакты о ненападении сроком на 25 лет. Он заявлял о своём согласии вывести войска из Рейнской области, но только при условии, что Франция и Бельгия также создадут демилитаризованные зоны вдоль своих границ. Более того, Гитлер считал возможным заключить пакт о воздушных силах с Англией и Францией, запрещающий бомбардировки во время боевых действий, и договоры о ненападении с восточными соседями Германии, включая Литву. Гитлер также был готов рассмотреть возможность возвращения рейха в Лигу Наций.

События 7 марта не стали чем-то неожиданным для французской политической и военной элиты. Первые сведения о подобных намерениях Гитлера поступали еще осенью 1935 г. 15 января 1936 г. французская разведка сообщила о готовившейся через две недели немецкой оккупации Рейнской области. Секретная служба настаивала, что если этого не случится в предполагаемый срок, то Германия «в любом случае осуществит задуманную операцию в течение 1936 г.»²⁴¹. Об этом вспоминал и генерал Гамелен, утверждавший, что «с осени 1935 г. наша разведка предупредила правительство, что Германия активно готовится к оккупации демилитаризованной Рейнской области»²⁴². Таким образом, у французского

²⁴⁰ *Steiner Z.* Op. cit. P. 137.

²⁴¹ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. P. 90.

²⁴² *Gamelin M.* Op. cit. P. 194.

политического руководства имелось достаточно времени для того, чтобы определиться с линией поведения, когда Гитлер предпримет попытку её ремилитаризации.

В своих мемуарах генерал Морис Гамелен подчеркивал, что в январе 1936 г. он поручил командующим приграничных районов тщательно проработать планы осуществления частичной мобилизации и, кроме того, изучить возможность проведения операций, включавших в себя серию локальных, но быстрых наступлений на территории Германии²⁴³. Парламентская комиссия, работавшая в послевоенные годы, не нашла в архивах этих документов, но отметила, что их наличие подтвердил другой генерал Л. Морен²⁴⁴. Вместе с тем каких-либо четких планов того, как Третья республика будет реагировать на предстоящую ремилитаризацию Рейнской области, так и не было выработано вплоть до её начала, хотя активные обсуждения между военным и гражданским руководством велись с начала 1936 г.

В ходе дискуссий о способах противодействия возможной ремилитаризации Рейнской области французский генштаб сразу выступил против силовых мер одностороннего порядка, ссылаясь на значительное превосходство немецких вооруженных сил над французскими. Как отмечает А.А. Вершинин, «в феврале 1936 г. разведка оценивала численность германской армии в 24 пехотные, три бронетанковые, две кавалерийские дивизии и одну горнострелковую бригаду – всего 500 000 человек. К этой цифре, в целом адекватно отражавшей реальное положение дел, добавляли 30 000 полицейских, служивших непосредственно в Рейнской области, 40 000 бойцов СС и 200 000 человек, числившихся в рядах Имперской службы труда»²⁴⁵. При этом французское Второе бюро уточняло, что на текущий момент немецкие бронетанковые части еще не стали эффективной силой. Однако глава генштаба М. Гамелен пересказывал эти данные правительству

²⁴³ Ibid. P. 197.

²⁴⁴ Les événements... Partie 1-4. P. 50.

²⁴⁵ Вершинин А.А., Наумова Н.Н. Указ. соч. С. 178

без каких-либо оговорок. Подобные оценки были еще более искажены военным министром Мореном, который в беседах со своими коллегами по кабинету утверждал, что «Германия вскоре будет иметь более миллиона солдат регулярной армии»²⁴⁶. По мнению З. Стайнер, военные специально шли на это, чтобы «придать вес своим предостережениям, а также подчеркнуть необходимость увеличения финансирования программы перевооружения»²⁴⁷. В записке о возрастающей немецкой мощи, адресованной правительству 18 января, французский ген. штаб сообщал, что из-за ухудшения отношений с Италией приходится держать на границе с ней «порядка 14 дивизий, которые потенциально можно было использовать для обороны северо-восточной границы [Франции – *Н.Ш.*]»²⁴⁸. Подобная ситуация вдобавок к быстрому росту личного состава и наступательной мощи Германии и ожидаемой ремилитаризации Рейна усиливали, как говорилось в документе, «отмеченный дисбаланс между двумя армиями, не говоря уже о возможных последствиях развития мощных немецких оборонительных укреплений по линии Рейн, Вогезы и Сартр»²⁴⁹. 17 февраля 1936 г. военный министр Морен сообщил министру иностранных дел Фландену, что использование французского «права на оккупацию демилитаризованной зоны способно повредить интересам Франции... [без обращения к странам – гарантам Локарно – *Н.Ш.*] мы рисковали бы выступить в роли агрессора и, таким образом, оказаться одни в борьбе с Германией. Такая операция не могла быть предусмотрена без полного согласия на неё британского правительства»²⁵⁰. Кроме того, Морен настаивал на необходимости проведения мобилизации «около миллиона человек», если Франция решит вступить в вооруженное противостояние с Третьим рейхом в Рейнской области.

²⁴⁶ Jackson P. Op. cit. P. 172.

²⁴⁷ Steiner Z. Op. cit. P. 138.

²⁴⁸ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 82. P. 116.

²⁴⁹ Ibidem.

²⁵⁰ Ibid. P. 291.

На заседании военного руководства Третьей республики 19 февраля Гамелен в ответ на правительственный вопрос, что намерено делать командование в случае, если немцы вновь займут левый берег Рейна, ответил: «нет никаких оснований считать, что Франция в одиночку могла бы оккупировать демилитаризованную зону»²⁵¹. В 20-х числах февраля военный министр Морен сообщил своим коллегам, что численность французской армии в мирное время позволяет предпринимать исключительно оборонительную тактику²⁵². Для наступательных операций, продолжал министр, потребовалось бы призвать резервистов, задействовать все имеющиеся пограничные войска для обеспечения безопасности границ, чему предшествовала бы «мобилизация промышленности»²⁵³. В одном из документов французского МИДа от 26 февраля говорилось, что в ответах Морена дипломатическому ведомству «не содержалось ничего про инициативы, которые могла бы предпринять Франция, чтобы запугать противника или заставить его отступить»²⁵⁴. Впоследствии Фланден рассказывал о своём недовольстве состоянием французской армии и степенью её готовности к возможной ремилитаризации Рейнской области. На заседании парламентской комиссии в послевоенные годы он утверждал, что информация, получаемая им от военного руководства страны в ходе регулярных заседаний, стала большим шоком и удивлением: «Меня тогда ждала, не скрою от вас, господа, очень большая неожиданность; я был убежден, что генеральный штаб армии разработал военный план, предназначенный не только для обороны Франции, но и для выполнения различных дипломатических обязательств, которые мы взяли на себя в Европе»²⁵⁵. Однако, как отмечает крупный американский историк Стефан Шукер, трудно представить, что Фланден, занимавший пост председателя

²⁵¹ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 203. P. 301.

²⁵² *Gamelin M.* Op. cit. P. 199.

²⁵³ *Ibidem.*

²⁵⁴ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 166. P. 241.

²⁵⁵ *Les événements...* Vol. 1. P. 143.

Совета министров в 1935 г., действительно был «крайне удивлен», как он об этом позже заявлял, уже знакомой ему позиции военных. В конце концов, только под воздействием крупного международного кризиса можно было надеяться начать дипломатическую кампанию «по восстановлению англо-франко-бельгийского соглашения как на политическом, так и на военном уровне»²⁵⁶. Представляется, что Фланден изначально понимал бесперспективность силового сдерживания в тех социально-экономических и внутри- и внешнеполитических реалиях, в которых оказалась Франция. Учитывая «примирительную» по отношению к Германии позицию Великобритании, Фланден пытался получить от Лондона гарантии безопасности для своей страны.

В итоге длительных обсуждений линия, которой собиралось придерживаться французское правительство, была выработана на заседании 27 февраля 1936 г. и состояла из трех основных пунктов²⁵⁷. Во-первых, французское правительство не станет предпринимать каких-либо изолированных действий и будет действовать только по соглашению с странами, подписавшими Локарно. Во-вторых, в случае грубого и неоспоримого нарушения статей 42 и 43 французское правительство немедленно свяжется с английским, бельгийским и итальянским правительствами с целью согласования совместных действий для исполнения положений пакта Лиги Наций и Локарнских соглашений; в то же время оно обратится в Совет Лиги. В-третьих, ожидая решения держав-гарантов – Великобритании, Бельгии и Италии, – французское правительство оставляет за собой право предпринимать все подготовительные меры, включая меры военного характера, с целью коллективных действий, решение о которых может быть принято Советом Лиги Наций и государствами – гарантами Локарно. Сообщение об этом решении было передано английскому правительству 5 марта 1936 г.

²⁵⁶ Schuker S. Op. cit.

²⁵⁷ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 283. P. 397.

В день проведения операции по ремилитаризации Рейнской области, 7 марта, политическое руководство Франции собралось на заседание в 10 часов утра. Собрание созвал глава правительства, правый радикал А. Сарро. На нем присутствовали также министр иностранных дел П.-Э. Фланден, министр почты, представитель правого парламентского течения независимых республиканцев Ж. Мандель и государственный министр Ж. Поль-Бонкур²⁵⁸. Последние двое настаивали на силовом противодействии Гитлеру²⁵⁹. После некоторых колебаний правительственный кабинет решил вынести рейнскую проблему на обсуждение Совета Лиги Наций и стран – участниц Локарнского договора. Их переговоры должны были открыться в Лондоне 12 марта.

По свидетельству Поль-Бонкура, в первые несколько дней часть французских министров склонялась к решительным действиям и объявлению мобилизации²⁶⁰. В своем радиообращении к нации председатель Совета министров прямо заявил, что «не допустит, чтобы Страсбург оказался под огнем немецких пушек». Однако в мемуарах министра авиации в правительстве Сарро – правого социалиста Марсея Деа – содержится несколько иная интерпретация. По его словам, «было бы совершенно излишним утверждать, что позиции [французских министров – *Н.Ш.*] резко различались»²⁶¹. Мандель и министр образования радикал Анри Герню поддерживали идею проведения мобилизационных мероприятий, но только как «жест, способный взволновать Европу и Германию; никто из них не желал, чтобы эти меры привели к вооруженному столкновению на территории Германии и изолированным действиям Франции»²⁶². Фланден, по воспоминаниям Деа, также считал мобилизацию полезным шагом, но исключительно как способ давления на английское правительство, чтобы вынудить британцев пойти на уступки на предстоящих лондонских

²⁵⁸ Ibid. P. 444.

²⁵⁹ Gamelin M. Op. cit. P. 199.

²⁶⁰ Paul-Boncour J. Op. cit. P. 35.

²⁶¹ Deat M. Op. cit. P. 348.

²⁶² Ibidem.

переговорах стран – гарантов Локарно. Большинство министров, начиная с Морена, призывали «сохранять благоразумие и избегать изолированных действий».

Заседание военного руководства Третьей республики, состоявшееся на следующий день после занятия немецкими войсками левого берега Рейна, продемонстрировало безвыходность той ситуации, в которой оказалась Третья республика. На нём в том числе присутствовали генерал Морис Гамелен, генерал Альфонс-Жозеф Жорж, адмирал Жорж Дюран-Вьель и др. На новый запрос со стороны правительства о способности французской армии сдержать немецкое наступление Гамелен ответил утвердительно, однако подчеркнул, что у обеих сторон конфликта имеется достаточно войск, чтобы стабилизировать фронт и перейти к затяжной борьбе, после чего только авиация сможет вести наступательные действия. По словам Гамелена, если Третья республика в ответ на действия Гитлера решит ввести войска в Рейнскую область, «это неминуемо приведет к войне» и для осуществления подобных действий «потребуется всеобщая мобилизация»²⁶³, что в условиях общего пацифистского настроения граждан и предстоящих в мае парламентских выборов представлялось невыполнимым. Кроме того, отмечал командующий, французская армия «может войти в Рейнскую зону только в том случае, если она будет действовать вместе с другими державами, подписавшими Локарнский договор [Англией, Италией, Бельгией – *Н.Ш.*]»²⁶⁴. Адмирал Дюран-Вьель в дополнение к словам Гамелена заявил, что в условиях, когда Великобритания выступила инициатором санкций против Италии из-за вторжения в Эфиопию, трудно представить возможность эффективного взаимодействия двух государств – гарантов соблюдения Локарнских соглашений. В то же время британскому флоту потребуется до 15 дней, «чтобы подготовиться к действиям в Северном море и Ла-Манше»²⁶⁵. По убеждению Гамелена, в случае если Франция выступит против Германии,

²⁶³ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 334. P. 444.

²⁶⁴ Ibid. P. 445.

²⁶⁵ Ibid. P. 444.

немцы будут сражаться, но «у него не было никакого желания бросать недостаточно оснащенную и недостаточно обученную армию против уступающих по численности (на старте) войск, защищающих свою собственную территорию», которую Гамелен больше не считал стратегически значимой для Франции²⁶⁶.

В документе, подготовленном Гамеленом и подписанным военным министром Мореном 11 марта 1936 г. для Высшего военного совета, утверждалось, что глубокое продвижение в Рейнскую область, где французские войска столкнулись бы не только с местными силами, но и очень скоро с основной массой немецкой армии, потребовало бы действий нескольких армий, что означало «неизбежность проведения тотальной мобилизации наших сил»²⁶⁷. В качестве возможных военных мер называлась либо оккупация Саара от г. Саарбрюккен до г. Мерцига, либо – Люксембурга, что наряду с мобилизацией потребовало бы в качестве расходов 20 миллионов франков ежедневно²⁶⁸. Таким образом, военное руководство сразу же обозначило, что решительные ответные меры на действия Гитлера осуществимы только в случае проведения мобилизации и больших финансовых затрат. По утверждению А.А. Вершинина, Гамелен «считал активное противодействие германской акции в Рейнской зоне теми силами, которыми располагала французская армия, авантюрой. В то же время командование не хотело создавать у политиков впечатление, что сухопутные силы не были готовы к противодействию потенциальному агрессору, и тем самым брать на себя ответственность за внешнеполитическое поражение»²⁶⁹.

Во время суда в 1945 г. Фланден так говорил о событиях марта 1936 г.: «Впервые в истории Франции министр иностранных дел, который по определению является министром примирения, переговоров и “умиротворения”, призывал военного министра действовать, а тот вместе с

²⁶⁶ Steiner Z. Op. cit. P. 146.

²⁶⁷ Les Evenements... Première partie. P. 51.

²⁶⁸ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 392. P. 504-505.

²⁶⁹ Вершинин А.А., Наумова Н.Н. Указ. соч. С. 181.

главой генштаба отвечал: «мы не можем»²⁷⁰. Впрочем, именно Фланден заявил Сарро на правительственном заседании 8 марта: «Господин председатель, я думаю, мы не должны настаивать [на необходимости всеобщей мобилизации – *Н.Ш.*]»²⁷¹. Как впоследствии Фланден писал в своих мемуарах: «проводить всеобщую мобилизацию за 6 недель до [парламентских – *Н.Ш.*] выборов было безумием»²⁷². В качестве итогового решения официальный Париж 8 марта вынес обсуждение проблемы ремилитаризации Рейнской области в Совет Лиги Наций (предполагалось, что на Германию будут наложены санкции экономического и финансового характера), но в то же время Гамелен получил приказ провести подготовительные мероприятия на случай развертывания воинского контингента.

Хотя некоторые министры проявили быстро угасшую решительность 7–8 марта, общая линия на преодоление рейнского кризиса исключительно совместными усилиями держав, подписавших Локарно, была выработана, как уже отмечалось, еще на правительственном совещании 27 февраля 1936 г.: «Франция не предпримет изолированных действий и станет действовать в согласии со своими союзниками»²⁷³. Заявление о возможном проведении мобилизации во Франции и требование санкций для Германии со стороны официального Парижа, скорее, должны были служить разменной монетой на предстоящих переговорах с союзниками по ту сторону Ла-Манша.

В отличие от Третьей республики руководители Великобритании поспешили пойти на урегулирование отношений с Гитлером на основе предложенного им «плана мира». 8 марта в сообщении французскому послу в Англии Шарлю Корбену Фланден жаловался: «беседа сегодня днем с английским послом оставила у меня ощущение, что его правительство не полностью осознало серьезность ситуации, созданной немецкой

²⁷⁰ Le Procès Flandin devant la Haute Cour de Justice, 23–26 juillet 1946. Paris, 1947. P. 72.

²⁷¹ *Paul-Boncour J.* Op. cit. P. 35.

²⁷² *Flandin P.-E.* Op. cit. P. 199.

²⁷³ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 283. P. 397.

инициативой»²⁷⁴. Глава английского МИДа был намерен заключить с Германией «насколько было возможно далеко идущее и прочное соглашение, пока герр Гитлер расположен к этому»²⁷⁵. В результате на открывшихся 12 марта в Лондоне переговорах участников Локарно П.-Э. Фланден встретил серьезную оппозицию своим требованиям ввести санкции против Германии²⁷⁶. Британское правительство не согласилось поддержать и предлагаемую военную интервенцию в Рейнскую область. «С этого момента, – отмечал Фланден, – проблема ставилась так: пойдём ли мы в Рейнскую область вопреки британскому правительству, ссорясь с ним, создавая глубокие разногласия между Францией и Англией»²⁷⁷. Такой исход, по мнению главы французского МИДа, полностью противоречил национальным интересам Франции и задачам поддержания европейской безопасности. В подобных условиях Фланден попытался настоять на введении санкций против Третьего рейха.

Однако, по свидетельству Фландена, «в Англии сопротивление требованиям санкций против Германии росло не только в общественном мнении и в прессе, но и в парламенте»²⁷⁸. Большинство британских политиков, как и значительная часть населения, считали, что немцы заняли свою собственную территорию. В ходе переговоров в Лондоне французские представители выдвинули план преодоления рейнского кризиса. Он включал в себя передачу на обсуждение в Международный суд франко-советского пакта, ставшего поводом для оккупации Рейнской области германскими войсками, с целью определить, нарушает ли он решения Локарно. В случае отрицательного ответа Германия обязывалась вывести войска из Рейнской области и не строить укрепления на Рейне. Вместо Рейнского гарантийного пакта Великобритания, Бельгия и Франция подписали бы военную конвенцию.

²⁷⁴ Ibid. P. 427.

²⁷⁵ DBFP. 2nd series. Vol. 16. № 48. P. 65.

²⁷⁶ Ibid. № 70.

²⁷⁷ Les événements... Vol. 1. P. 155.

²⁷⁸ Ibid. P. 153.

Фланден активно настаивал на введении экономических и финансовых санкций в отношении Третьего рейха. Однако британские дипломаты предлагали начать переговоры с Германией на основе озвученных ранее Гитлером предложений. После продолжительных дискуссий от французского проекта было решено отказаться. Поняв, что от Лондона не удастся добиться уступок в вопросе санкций, глава Кэ д'Орсе сосредоточил свои усилия на том, чтобы получить весомую компенсацию в виде союзнических обязательств от Великобритании за потерянную демилитаризованную Рейнскую область. Действительно, после введения туда войск Германия вновь контролировала стратегический плацдарм на левом берегу Рейна. «Развитие военной инфраструктуры и железных дорог в Рейнской области, строительство там укреплений и аэродромов значительно расширяло её возможности. Она могла, с одной стороны, планировать наступательные операции против Франции и Бельгии, а с другой – чувствовать себя защищенной от возможного удара с запада»²⁷⁹. По словам Адамсвейта, ремилитаризация Рейнской области стала «поворотным моментом» для восточных союзов Франции. Германия смогла укрепить свои западные границы, тем самым заблокировав любое французское наступление в поддержку союзников, хотя строительство немецких укреплений завершилось только осенью 1938 г. «Молчаливое согласие Франции на осуществленный Германией переворот посеяло разочарование и тревогу в Восточной Европе»²⁸⁰.

Генерал Гамелен и генштаб, как и лидер французского МИДа, важнейшей целью начавшихся 12 марта переговоров в Лондоне считали заключение оборонительного союза с Англией – как компенсацию за ремилитаризацию Рейнской области. По завершении переговоров 19 марта Великобритания, Франция, Бельгия и Италия отправили Гитлеру свои предложения по урегулированию рейнского кризиса²⁸¹. Страны, подписавшие Локарно, предлагали Германии воздержаться от создания укреплений во вновь

²⁷⁹ *Вершинин А.А., Наумова Н.Н.* Указ. соч. С. 180.

²⁸⁰ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 41.

²⁸¹ DBFP. 2nd series. Vol. 16. № 144. P. 194.

занятой области и отправки туда дополнительных контингентов. Вскоре они получили решительный отказ Гитлера рассматривать эти предложения. За агрессивными шагами Третьего рейха не последовали даже какие-либо экономические или политические санкции.

Однако благодаря настойчивости Фландена на конференции 19 марта 1936 г. Великобритания согласилась предоставить Франции гарантии на случай неспровоцированной агрессии и начать консультации по линии генштабов, которые открылись 15 апреля. Лондон взял на себя обязательства отправить во Францию две пехотные дивизии в случае немецкого нападения. Как отмечает канадский исследователь Р. Янг, на переговорах «Фланден сыграл главный спектакль своей жизни». С перевязанной после недавней автомобильной аварии рукой глава Кэ д'Орсе «сумел изобразить возмущенного воина, жаждущего мести... Если бы не [активные действия Фландена – *Н.Ш.*]... кризис был бы быстро забыт, и Франция осталась бы без компенсации»²⁸². По оценке Э. Адамсвейта, хотя результаты переговоров оказались незначительными, но у французов появился повод для удовлетворения, так как предложение двух дивизий было первым постоянным обязательством, принятым Великобританией по отношению к своему соседу после краха англо-американского гарантийного пакта 1919 г. Хотя британские обязательства ограничивались только Западной Европой, а штабные переговоры вскоре прервались, они заложили основу для оборонительного союза, что, по мнению французского руководства, способствовало поддержанию европейской безопасности в условиях нараставшей немецкой агрессии²⁸³.

Уже после Второй мировой войны французские государственные и военные деятели – непосредственные участники или свидетели этих событий – по-разному пытались объяснить пассивность Франции в марте 1936 г. Документы показывают, что политики и военные пытались перекладывать

²⁸² Young R.J. In command of France. French foreign policy and military planning, 1933–1940. London, 1978. P. 123.

²⁸³ Adamthwaite A. Op. cit. P. 40.

ответственность друг на друга. П.-Э. Фланден настаивал, что коренная проблема лежала в «несостоятельности военной доктрины Третьей республики», фундаментальная ошибка которой заключалась в том, что, хотя Версальский мирный договор предоставил Франции активную роль в Европе и сделал её «полицейским Европы», в действительности военная доктрина «поместила Францию за оборонительную линию»; и было понятно, по крайней мере для военных, что она не выйдет из этих укреплений²⁸⁴. А. Сарро в своих объяснениях ссылался на позицию генштаба и нежелание Англии применять даже экономические, не говоря о военных, меры противодействия Гитлеру²⁸⁵. При этом он не скрывал, что весомую долю в отказе страны осуществить реальное сопротивление действиям Гитлера в марте 1936 г. внесли предстоящие парламентские выборы: «они поглощали всеобщее внимание и отвлекали от внешней угрозы ... каждый думал о своих шансах на победу». Значительная часть французских правых весной 1936 г. требовала создание правительства общественного спасения, но не для противостояния Гитлеру, а для сопротивления избирательному блоку Народного фронта²⁸⁶. Военные, к примеру Морен и Гамелен, в свою очередь, настаивали на своей готовности действовать (что не подтверждают опубликованные впоследствии документы) и утверждали, что лишь пассивность министров помешала им принять решительные меры²⁸⁷. И хотя, безусловно, в своих мемуарах и в выступлениях на парламентской комиссии второй половины 1940-х гг. политики и военные преследовали цель оправдать себя, их слова отчетливо передавали широкий спектр политических, военных и экономических проблем и сложностей, которые объясняют, почему Третья республика действовала в те дни именно так, а не иначе.

²⁸⁴ Le Procès Flandin devant la Haute Cour de Justice, 23–26 juillet 1946. Paris, 1947. P. 72.

²⁸⁵ Les événements... Vol. 3. P. 659.

²⁸⁶ Ibid. P. 648.

²⁸⁷ См. допрос бывшего военного министра Морена на парламентской комиссии: Les Evénements... T. 4. P. 913.

По мнению историка Р. Ульриха, многие французские политики рассматривали военную интервенцию в Рейнскую область как недопустимый и нежелательный исход событий: французские военные считали, что силы Третьей республики уступают немецким, а «политики отказались объявлять о всеобщей мобилизации всего за пару недель до парламентских выборов»²⁸⁸. Французский историк Ж. Нере объясняет бездействие руководства Третьей республики во время вступления немецких войск в Рейнскую область «пацифизмом французского народа и исключительно оборонительной доктриной, принятие которой было тесно связано с первым»²⁸⁹. Стоит упомянуть, что 6 марта 1936 г. бельгийское правительство объявило о разрыве военного соглашения с Францией, связывавшего две страны с 1920 г. Отныне Брюссель намеривался проводить политику нейтралитета. Таким образом, позиция военных и медленное перевооружение французской армии, финансовый дефицит, пацифистски настроенное общественное мнение, отсутствие единства мнений и решительности в рядах членов правительственного кабинета Сарро сделали невозможным принять решение о силовом противодействии Гитлеру. На это накладывались излишне примирительная позиция Великобритании и приближавшиеся выборы во Франции, перед которыми правоцентристское правительство опасалось предпринимать серьезных шагов, чреватых укреплением позиции левых сил.

После ремилитаризации Рейнской области система Локарно, существовавшая с середины 1920-х гг., была разрушена. Союзники Франции в Восточной Европе, увидев её неспособность защитить даже собственные интересы, теряли веру в силу её военной машины и дипломатии, а угроза со стороны Третьего рейха кратно возросла. Ремилитаризация Рейнской области развеяла надежды европейских лидеров на политику коллективной безопасности и вынудила ведущие страны и широкие общественно-политические круги искать альтернативные пути поддержания мира в Европе.

²⁸⁸ Ulrich R. Op. cit. P. 144.

²⁸⁹ Néré J. Op. cit. P. 192.

1.3. Проблема ремилитаризации Рейнской области в отражении французской прессы

Ремилитаризация Рейнской области стала значительным вызовом для европейской безопасности и побудила серьезные дискуссии об ответных мерах на гитлеровский демарш не только в среде правительственных чиновников и военных, непосредственно ответственных за выработку решений, но и в широких кругах французской общественности и политиков. И хотя при выборе наиболее оптимальной стратегии Совет министров Третьей республики в большей степени учитывал официальную позицию Лондона и собственного генштаба, немаловажной представляется и та полемика, которая развернулась на страницах французских печатных изданий и в которой участвовали известные политики, крупные общественные деятели и журналисты ведущих газет страны.

Гитлеровский демарш привел к поляризации мнений в рядах политических и общественных деятелей Франции. Безусловно, все высказались против этих действий, трактуя их как подрыв версальского *status quo*, выгодного для страны. Однако горячие споры велись по вопросу, кто виноват в произошедшем и какие ответные меры следует предпринять. Сразу после ремилитаризации Рейнской области французская компартия выпустила обращение, в котором однозначно осуждала «состоявшуюся провокацию» и констатировала возросшую для Франции «угрозу со стороны Третьего рейха». Коммунисты считали, что, используя ратификацию франко-советского договора как предлог для своих действий, Гитлер стремится разрушить наметившееся сближение между Парижем и Москвой. По мнению ФКП, фюреру нельзя было верить, так как он «блистательно показал, чего стоят его «пацифистские» ремарки»²⁹⁰. Сразу же были названы и те, кто наряду с Гитлером нес ответственность за случившееся – Рейхсканцлер мог позволить себе действовать таким образом потому, что во Франции есть сторонники его политики, а именно «вся клика Лавалья, те, кто стоит на стороне гитлеризма»,

²⁹⁰ L'Humanité. 8 mars 1936.

противоречащего интересам народа Франции, кто воодушевлял фюрера, который не мог смириться с существованием «свободной, сильной и счастливой Франции»²⁹¹. Коммунисты потребовали распустить ультраправые лиги, своей «деятельностью и риторикой показавшие Гитлеру», что его политика, как и «предпринятая им авантюра», имеют поддержку внутри страны. По утверждению ведущего журналиста «Юманите» Пери, «французские фашисты» могут похвастаться тем, что хорошо послужили «планам истребления народа Франции», вынашиваемым их «друзьями в Германии»²⁹². Выдвигался однозначный лозунг: «долой фашизм-убийцу, который ведет только к страданиям и войне! Долой французских пособников Гитлера!»²⁹³ Один из лидеров ФКП Жак Дюкло требовал принять меры к безотлагательному исполнению закона о роспуске фашистских лиг, «к аресту их вождей – агентов Гитлера, к тому, чтобы пресса не превратилась в соучастника замыслов фюрера». Среди «агентов» назывались имена Ш. Морраса и полковника Ф. де ля Рока. «Если бы против них принимались решительные меры, Гитлер был бы менее высокомерным, потому что с избавлением от его сторонников можно бы было объединить французскую нацию во имя мира»²⁹⁴. Призывы немедленно запретить ультраправые организации из-за возросшей внешнеполитической угрозы не исчезали со страниц газеты «Юманите» и из устных выступлений представителей компартии весь март 1936 г.

Правые политики и общественные деятели со страниц ведущих французских газет неустанно обвиняли коммунистов в желании начать войну с Германией, спровоцировав тем самым общеевропейский конфликт, благодаря которому им удастся осуществить социалистическую революцию во Франции. Тем не менее, несмотря на все обвинения в агрессивности, от представителей компартии не прозвучало ни одного призывы к военным

²⁹¹ Ibidem.

²⁹² Ibidem.

²⁹³ Ibidem.

²⁹⁴ Ibid. 9 mars 1936.

мерам в ответ на действия Гитлера, хотя они отчетливо понимали, какую угрозу безопасности в Европе хранит в себе нацистский режим. По словам Г. Пери, требовалось уже сейчас пресечь агрессивные шаги Третьего рейха, так как в противном случае он начнет продвигаться на территорию стран Центральной и Восточной Европы. «В тот момент, когда [демократические страны – *Н.Ш.*] предоставят Германии право на экспансию, начнется война на востоке и юго-востоке Европы и тотчас охватит весь континент»²⁹⁵. Один из лидеров ФКП Марсель Кашен подчеркивал, что мирные инициативы в духе коллективной безопасности больше не работают, так как в последние годы европейские державы, не заинтересованные в войне, «многократно предлагали» Гитлеру урегулировать все противоречия мирным путем на международных конференциях. «Фюрер жестко отверг все любезно представленные ему юридические формулы»²⁹⁶. Ремилитаризацию Рейнской области, которая поставила Францию и всю Европу перед «свершившимся фактом», Кашен назвал «очередной пощечиной от вождя нацистов»²⁹⁷.

Коммунисты имели своё видение стратегии поддержания европейской безопасности: в 1936 г. она обрамлялась в риторику коллективной безопасности и призывы добиться «всеобщего единения» народов на антивоенной основе: «мы, коммунисты, знающие, что рабочее и крестьянское правление обеспечит величие и силу нашей страны, призываем к объединению французской нации, чтобы сохранить мир посредством борьбы с разжигателями войны и посредством международного братства народов»²⁹⁸. Однако за этими словами все четче вырисовывались предложения по организации сдерживания потенциального агрессора на основе франко-советского сближения. Партия считала, что «проект мира», предложенный Гитлером 7 марта и критикующий франко-советский договор как противоречивый Локарнским соглашениям, имеет только одну цель –

²⁹⁵ Ibid. 8 mars 1936.

²⁹⁶ Ibid. 9 mars 1936.

²⁹⁷ Ibidem.

²⁹⁸ Ibidem.

лишить Третью республику её союзников, как СССР, так и Чехословакию: «[главная задача Гитлера – *Н.Ш.*] отрезать Францию от остальной Европы. Под вопрос ставится не только франко-советский договор, но и вся система безопасности, созданная Францией, ибо эти два элемента неразделимы».

Стоит отметить, что к 7 марта советско-французский договор был ратифицирован только Палатой депутатов. Французскому сенату еще предстояло это сделать. Текущие международные события компартия связывала с конкретной прикладной задачей – добиться его полной ратификации как можно скорее. Вместе с тем коммунисты требовали объединения усилий в деле сохранения мира со стороны демократических государств, которые «должны поддерживать свое единство тверже, чем когда-либо»²⁹⁹. М. Кашен призывал сплотиться перед угрозой фашизма «всеми силами, какими бы они ни были... Мы должны использовать Женеву, хотя мы знаем все ошибки и недостатки Лиги Наций. Пакты, договоры о ненападении, обязательства взаимопомощи должны выполняться»³⁰⁰. Однако основным механизмом политики противодействия агрессору, как уже говорилось, объявлялся франко-советский пакт о взаимопомощи 1935 г. Доказать необходимость сближения Франции с СССР пытался другой лидер компартии, её генеральный секретарь Морис Торез во время выступления 11 марта в Сент-Уэне³⁰¹. По утверждению политика, Советский Союз не боялся агрессии, сумев справиться с ней в более трудные времена, когда «молодое государство только создавалось». Сегодня, по словам Тореза, у СССР имелась мощная Красная армия, насчитывавшая «1 350 000 человек – только четверть имеющегося контингента», располагавшая современными средствами, орудиями и танками, а советская авиация занимала «первое место в мире» по качеству самолетов³⁰². Вместе с тем в публичном выступлении Тореза звучали слова, вызывавшие серьезные опасения у буржуазных слоёв населения и

²⁹⁹ Ibidem.

³⁰⁰ Ibid. 15 mars 1936.

³⁰¹ Выступление М. Тореза см. по: Ibid. 12 mars 1936.

³⁰² Ibid. 12 mars 1936.

укреплявшие недоверие к ФКП правых политиков. Лидер компартии выразил надежду увидеть «рабочий класс у власти под руководством коммунистической партии», а также победу «Французской республики Советов рабочих, крестьян и солдат»³⁰³.

Устное выступление Тореза на страницах газеты «Юманите» дополнял комментарий Пери: «Мы верим, что дело сохранения мира может иметь шансы на успех, если мы сумеем сделать окончательный выбор между законом джунглей и коллективной безопасностью» или, что то же самое, между международным сотрудничеством, как оно выражено во франко-советском пакте, и свободой действий Германии в любой точке Европы. Он говорил, что между этими двумя методами нет золотой середины и надеелся, что «эта истина вскоре станет достоянием французских сенаторов, призванных ратифицировать франко-советский пакт»³⁰⁴. Договор был окончательно одобрен верхней палатой парламента 12 марта 1936 г. – через 5 дней после ремилитаризации Рейнской области³⁰⁵.

Таким образом, несмотря на многочисленные отсылки к стратегии коллективной безопасности, к призывам единства и общих действий через Лигу Наций, французские коммунисты постепенно решающую роль стали отводить системе сдерживания германской агрессии, стержнем которой они считали договор Третьей республики и СССР.

ФКП делала ставку на жестокое противодействие Гитлеру дипломатическими методами и на отказ демократических стран от уступок Третьему рейху. Руководство ФКП было уверено, что в текущих международных реалиях было достаточно использовать финансовые и экономические санкции как способ противодействия Третьему рейху. Газета «Юманите» убеждала своих читателей, что немецкая промышленность испытывала нехватку сырья, а потому, во-первых, не следовало опасаться германской мощи, а, во-вторых, санкции оказались бы действенным

³⁰³ Ibidem.

³⁰⁴ Ibid. 12 mars 1936.

³⁰⁵ Ibidem.

инструментом. Коммунисты были убеждены, что союз европейских стран, стремящихся к миру, и их решительность помогут «обратить действия Третьего рейха вспять и убедить его в том, что в его собственных интересах присоединиться к [мирным – *Н.Ш.*] соглашениям»³⁰⁶.

Переговоры стран, подписавших Локарно (Англии, Франции, Бельгии и Италии), которые открылись в Лондоне 12 марта, компартия встретила с весомой долей скепсиса. Коммунисты возмущались действиями министра иностранных дел Великобритании Э. Идена, который, «по-видимому, признал, что “предложения” фюрера [речь о его “программе мира”, предложенной в день проведения ремилитаризации – *Н.Ш.*] составляют приемлемую основу для переговоров»³⁰⁷. Как уже отмечалось, по итогам переговоров Англия отказалась прибегать к санкциям в отношении Третьего рейха, предоставив при этом военные гарантии Франции. Хотя коммунисты и признали, что последние «частично укрепляют коллективную безопасность на западе Европы»³⁰⁸, после завершения переговоров Г. Пери на страницах «Юманите» обратился к своему правительству с вопросом, «не рискует ли Франция пойти по извилистым тропам британского консерватизма, все еще столь увлеченного антисоветскими предрассудками?»³⁰⁹. Коммунистическая пресса сочла позицию, занятую британским кабинетом с субботы [7 марта – *Н.Ш.*], во всех отношениях «прискорбной», так как она никак не остановила немецкую агрессию³¹⁰. При этом коммунисты настаивали, что противостоять агрессорам нужно повсюду, имея в виду агрессивные действия Италии в Эфиопии.

ФКП солидаризировалась с высказываниями наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинова, заявившего, что безопасность в Европе не удастся поддержать «ни капитуляцией перед агрессором», ни предложением ему соглашения, которое сохраняло бы за ним достигнутое при помощи агрессии.

³⁰⁶ Ibidem.

³⁰⁷ Ibidem.

³⁰⁸ Ibid. 24 mars 1936.

³⁰⁹ Ibid. 21 mars 1936.

³¹⁰ Ibid. 14 mars 1936.

Лига Наций, не понимавшая этого, только продемонстрировала бы свою бесполезность и «принесла лишь вред!»³¹¹. Схожие слова были сказаны советским послом в Лондоне И.М. Майским французскому посланнику Корбену: «Советское правительство готово принять участие в любых действиях против Германии в рамках Лиги Наций... любая попытка [примириться с Гитлером уступками – *Н.Ш.*] была бы равносильна игнорированию нарушения международных соглашений»³¹².

Позиция ближайшего союзника компартии по коалиции Народного фронта – СФИО – оказалась более размытой и не демонстрировала понимания всей сложности международной ситуации при возросшей угрозе со стороны Третьего рейха. Конструктивной и эффективной программы сохранения европейской безопасности социалисты предложить не смогли. Позиция, транслируемая ими как в выступлениях ведущих деятелей партии, так и на страницах печатного органа СФИО газеты «Популер», представляла собой традиционный социалистический пацифизм в духе Ж. Жореса и сводилась к лозунгам «коллективной безопасности» и «всеобщего разоружения» без каких-либо конкретных предложений.

Социалисты считали, что ремилитаризация Рейнской области стала предсказуемым итогом действий Гитлера за последние годы. По мнению секретаря партии П. Фора, «абсурдно» и «глупо» было рассчитывать, что Третий рейх после того, как его руководство приложило значительные усилия для перевооружения страны будет согласен сохранить «через семнадцать лет после завершения Первой мировой войны демилитаризацию части своей территории». П. Фор настаивал, что ответственность за рейнский кризис лежит в том числе на бывших руководителях Франции «от Пуанкаре до Лавалья», которые не пошли на встречу Германии и не стали пересматривать ограничительные статьи Версальского договора, когда там у власти был еще демократический режим, с которым Третья республика могла бы установить

³¹¹ Ibid. 18 mars 1936.

³¹² DDF. 1932–1939. 2 série. T. 1. № 366. P. 365.

дружественные отношения, и «упорно настаивали, столь же гордо, сколь и глупо, на жестком соблюдении буквы договоров»³¹³. Фактически руководство СФИО упрекало правоцентристские правящие круги в том, что Версальский договор не был пересмотрен раньше в русле политики примирения и разоружения. Взгляды генерального секретаря партии разделял видный социалист О. Розенфельд: «сегодня, как и вчера, в этом году, как и в прошлом году, Гитлер пользуется всеми недостатками французской дипломатии, английской дипломатии, слабостью Лиги Наций»³¹⁴.

По мнению социалистов, во время рейнского кризиса французам следовало сохранять «спокойствие и хладнокровие»³¹⁵. СФИО считала недопустимым сопротивляться ремилитаризации Рейнской области силовыми методами и осуждала министров французского правительства и газеты, призывавших к подобному, так как, по их мнению, «в планах Гитлера не было штурма линии Мажино и захвата Эльзаса и Лотарингии»³¹⁶. По убеждению Фора, «конфликт, каким бы острым он ни был, необходимо урегулировать путем переговоров в особенности, когда существует такой орган как Лига Наций»³¹⁷. Именно в сфере коллективной безопасности и только в ней правительству необходимо разрешить кризис. «Укрепить безопасность в Европе получится, если Совет Лиги Наций по инициативе Франции, Англии и СССР предложит рейху совместно заняться проблемой разоружения с твердой волей достичь ощутимые результаты»³¹⁸. О. Розенфельд даже подверг правоцентристское правительство радикала Сарро критике за то, что тот публично заявил об отказе вести переговоры с Гитлером, пока немецкие солдаты не покинут Рейн, так как подобные демарши «только усложнят переговоры и решение проблемы». Он потребовал, чтобы Французская республика защищала в Лиге Наций тезис о коллективной безопасности,

³¹³ Le Populaire. 8 mars 1936.

³¹⁴ Ibidem.

³¹⁵ Ibid. 9 mars 1936.

³¹⁶ Ibidem.

³¹⁷ Ibid. 10 mars 1936.

³¹⁸ Ibid. 8 mars 1936.

побуждая «милитаристские и фашистские государства» согласиться на «предложение о всеобщем разоружении»³¹⁹.

П. Фор, в свою очередь, посоветовал французским министрам выступить с инициативой «укрепления Лиги Наций, отмены повсюду частного производства и торговли оружием, демилитаризации всех территорий, всеобщего разоружения, интернационализации гражданской авиации»³²⁰. Подобными мерами пацифистски настроенные социалисты надеялись повлиять на Гитлера и добиться от него поворота к миролюбивой политике. Фор отмечал при этом, что «франко-советский пакт... не был направлен против Германии... Французская антивоенная политика должна определяться без влияния какой-либо иностранной канцелярии»³²¹.

Все вышеперечисленные тезисы нашли своё отражение в официальном заявлении парламентской группы СФИО во главе с Венсаном Ориолем 10 марта 1936 г.³²². Депутаты выступили резко против действий Германии, «нарушающих условия Локарнского договора». По мнению СФИО, главным способом сохранения безопасности в Европе должны были стать всеобщее разоружение, коллективная безопасность и арбитраж со стороны Лиги Наций, которые позволили бы предотвратить новые столкновения между народами и способствовать «правовому разрешению конфликтов, а не посредством насилия и войны». Социалисты призывали предоставить Лиге Наций право урегулировать рейнский кризис, а также подписать всеобщую конвенцию о разоружении, тем самым «избавив всех от ужасов войны». Большое внимание социалисты уделяли урегулированию экономических проблем, которые вели, как они считали, лишь к росту противоречий между европейскими государствами. Разрешение подобных проблем позволило бы, по мнению СФИО, уничтожить «семена насилия» между странами. В этом же ключе оценивались начавшиеся 12 марта в Лондоне переговоры. О. Розенфельд вновь

³¹⁹ Ibidem.

³²⁰ Ibid. 11 mars 1936.

³²¹ Ibidem.

³²² Ibidem.

подчеркивал, что вместо того, чтобы пытаться добиться новых гарантий, взамен только что нарушенных Гитлером, Англии, Франции и Бельгии следовало поднять «вопрос о всеобщем разоружении»³²³.

За подобной малореалистичной позицией скрывалась серьезная внутренняя драма партии – разрыв между современной ей действительностью, в которой есть агрессивные внешние игроки и отстаивающая буржуазно-демократические ценности Третья республика, и социалистическими идеалами, пацифистскими идеями, выработанными СФИО еще до Первой мировой войны. Большая часть социалистического руководства предпочла сохранять риторику традиционного для них миропонимания. Ни П. Фор, ни О. Розенфельд, ни многие другие видные деятели СФИО даже не упоминали о возможных санкциях в отношении агрессора, делая ставку исключительно на принципы коллективной безопасности и разоружения, которые к середине 1930-х гг. окончательно показали свою неэффективность.

Несколько иначе повел себя в этой ситуации лидер партии Леон Блюм. Безусловно, он солидаризировался с озвученными его соратниками тезисами. Однако он один из немногих социалистов, кто в своих публикациях в «Популер» заговорил о необходимости подумать о санкциях против агрессора, хотя и подчеркивал, что «они должны использоваться для конструктивных целей, а не исключительно в качестве карательной меры». По мнению Блюма, Гитлера следовало убедить присоединиться к всеобщему разоружению и системе арбитража, а если он их отвергнет, необходимо «использовать все мирные средства принуждения, чтобы заставить его [поддержать их – *Н.Ш.*]»³²⁴. Социалисты одобрительно отнеслись к итогам лондонских переговоров стран – гарантов Локарно 19 марта. Им импонировало достигнутое соглашение между Англией и Третьей республикой как решение искать мирного выхода из кризиса, «предотвратив непосредственную опасность войны»³²⁵. Отказ Гитлера от этой инициативы и пассивность

³²³ Ibid. 14 mars 1936.

³²⁴ Ibid. 17 mars 1936.

³²⁵ Ibid. 21 mars 1936.

действий европейских демократий в вопросе разоружения усилили растерянность, вызывали, скорее, недовольство и апатию в рядах СФИО.

Представители партии радикалов выступили за более решительное сопротивление Третьему рейху. Они настаивали на том, что своими действиями нацистская Германия ставит под угрозу европейскую безопасность и её «необходимо заставить отступить». Впрочем, радикалы предлагали только дипломатические методы, не желая спровоцировать военный конфликт. По мнению радикала и автора газеты «Эр Нувель» Луи Бресса, ремилитаризация Рейнской области стала лишь прелюдией к более агрессивным шагам Гитлера, которые «в один момент ввергнут, вне зависимости от желания французов, всю Европу в войну»³²⁶. Радикалы были уверены, что как только Третий рейх создаст укрепленную линию обороны на границе с Третьей республикой, он попытается занять страны Центральной или Восточной Европы, либо же предпринять наступление на саму Францию. Кроме того, «немецкая авиация, таким образом, получит защищенные военные базы вблизи Англии»³²⁷. Но в рядах партии радикалов не прозвучало ни одного призыва к вооруженному противодействию Третьему рейху. Левый радикал Альбер Байе заявлял: «Я пацифист и остаюсь пацифистом. Даже после немыслимого жеста Гитлера, разорвавшего договор, который он поклялся соблюдать, у меня все еще сохраняется надежда, что союз сил мира заставит силы войны отступить»³²⁸.

Радикалы настаивали на введении экономических и финансовых санкций, а не на принятии мер военного характера. По мнению радикала Пьера Вьено, сразу после вступления немецких войск в Рейнскую область европейские державы через Лигу Наций должны были добиться введения экономических санкций против Третьего рейха. Перед этим Франция, Великобритания и Бельгия должны были бы подписать военное соглашение, «в котором Гитлер бы увидел зарождающуюся коалицию, способную

³²⁶ L'Ère Nouvelle. 10 mars 1936.

³²⁷ Ibid. 13 mars 1936.

³²⁸ La Lumière. 14 mars 1936.

противостоять его агрессивным шагам»³²⁹. Левый радикал Жорж Борис был уверен, что финансовых и экономических санкций было бы достаточно, чтобы заставить Гитлера считаться с мнением миролюбивых держав, и если предположить, что бойкот Третьего рейха окажется всеобщим, то почти мгновенно произойдет «полная остановка немецкой экономической машины»³³⁰. Подобные меры привели бы к трудностям со снабжением продовольствия и столь необходимого Третьему рейху сырья для военной промышленности. Как и коммунисты, левые радикалы призывали к борьбе с крайне правыми во Франции, так как критика франко-советского пакта, системы коллективной безопасности и деятельности Лиги Наций «полностью копирует слова Гитлера»³³¹. Примечательно, что и правые, и левые радикалы в отношении ремилитаризации Рейнской области заняли схожие позиции. Никаких существенных разногласий в их взглядах об ответных мерах на действия Гитлера не прослеживалось.

Радикалы единодушно упрекали английское правительство в его готовности занять излишне примирительную позицию в ответ на «демарш» Гитлера, в отказе незамедлительно потребовать вывода немецких войск и введения жестких санкций. Газета «Эр Нувель» с осуждением приводила слова министра иностранных дел Великобритании Э. Идена, считавшего, что после оккупации Рейнской области всё, что остается – «восстановить здание мира». Газета задавалась вопросом, на каких основаниях будет строиться это «здание»: «на предложениях правительства в Берлине? То есть не только на подвижных, неустойчивых основаниях, но и на пустоте? Потому что подпись Германии, слово Германии в действительности – ничто. Неужели Британия этого не осознает?» Газета интересовалась, понимают ли в Лондоне, что германское перевооружение, нарушение договоров, ремилитаризация Рейнской области создают для Англии не меньшую опасность, чем для Франции, а авиабазы, расположенные на границе с Бельгией или на границе с

³²⁹ Ibidem.

³³⁰ Ibidem.

³³¹ Ibid. 21 mars 1936.

Францией, приближают немецкие самолеты на 200 км к Британским островам. «Разве в один прекрасный вечер речи британских священнослужителей или мирные беседы за чайным столом не рискуют быть жестоко прерванными гулом двигателей бомбардировщиков?»³³². Радикалы напоминали, что Великобритания доказала свою приверженность коллективной безопасности, добившись принятия санкций Лиги Наций против Италии в 1935 г. «Но нарушение Локарнских соглашений и оккупация демилитаризованной зоны — события иного значения, чем итало-эфиопский конфликт. Они непосредственно затрагивают вопросы поддержания мира в Европе... Мы не можем поверить, — писала “Эр Нувель”, — ...что наши английские друзья способны думать иначе и в конце концов сделать вывод, что ввод германских войск в Рейнскую область не разрушает основ коллективной безопасности и не ставит под вопрос будущее мира в Западной Европе»³³³. При этом партия радикалов одобрительно отнеслась к ратификации франко-советского договора, видя в нем противовес немецкой угрозе, так как, по их мнению, Франция проявила бы «крайнюю наивность, если бы не стремилась, в согласии со всеми народами [речь об СССР — *Н.Ш.*], искренне решившимися сохранить мир, защищать [безопасность в Европе — *Н.Ш.*]»³³⁴.

Правоцентристская французская пресса во многом солидаризировалась с позицией радикалов. Как отмечала правоцентристская «Тан», «никогда нельзя отказываться от переговоров... Однако не следует скрывать, что запрос на переговоры, сопровождающийся грубым нарушением действующего соглашения, вряд ли [их — *Н.Ш.*] облегчит и укрепит доверие к новому договору»³³⁵. В качестве необходимых мер назывались, во-первых, выработка совместной позиции стран, подписавших Локарно, во-вторых, созыв Совета Лиги Наций, который должен санкционировать введение экономических и финансовых мер против Германии, ибо «невозможно, чтобы совет в Женеве,

³³² L'Ère Nouvelle. 10 mars 1936.

³³³ Ibid. 13 mars 1936.

³³⁴ Ibidem.

³³⁵ Le Temps. 8 mars 1936.

показавший решительность в вопросе применения санкций против Италии [из-за конфликта в Эфиопии – *Н.Ш.*], проявил безразличие при нарушении духа и буквы [Версальского и Локарнского – *Н.Ш.*] договоров... затрагивавших общие интересы всей Европы»³³⁶.

Правая пресса, в отличие от крайне правых, была несклонна винить левые и левоцентристские партии предвыборной коалиции Народного фронта в произошедшей ремилитаризации, направив всё своё недовольство исключительно на Гитлера, который, по их мнению, «под мирным соглашением подразумевает диктат своей воли», а в договорах видит лишь «кочки бумаги»³³⁷. По утверждению журналистов газеты «Фигаро», франко-советский договор никак не противоречил Локарнским соглашениям, и этот вопрос следовало вынести на обсуждение Лиги Наций, которая, безусловно, установит, что между двумя пактами нет никаких противоречий. По мнению газеты, Германия имела право выступить с предложением о пересмотре статуса Рейнской области, но «совершенно недопустимо, чтобы она [Германия – *Н.Ш.*]» делала это силой, «грозя Франции кулаком»³³⁸. 8 марта газета «Журналь» обвинила Гитлера в нарушении Версальского и Локарнского договоров и задалась вопросом: «осмелится ли [Франция – *Н.Ш.*] ввести санкции против Германии?»³³⁹. Речь при этом шла исключительно о санкциях невоенного характера.

Реакция различных представителей консервативных и крайне правых течений оказалась во многом схожей. В отличие от правых они соглашались с тем, что оккупация Рейнской области произошла по вине левых и левоцентристских государственных деятелей, которые с 1920-х гг. выступали с лозунгами пацифизма и разоружения и, тем самым, подрывали силу и авторитет Франции. Некоторые консерваторы рассматривали немецкую оккупацию как неизбежное следствие уступок, сделанных

³³⁶ Ibid. 9 mars 1936.

³³⁷ Le Figaro. 8 mars 1936.

³³⁸ Ibidem.

³³⁹ Le Journal. 8 mars 1936.

Германии еще в эпоху А. Бриана, конечный результат «наивного интернационализма 1920-х гг». Другие считали агрессию Германии первыми плодами франко-советского пакта, предсказуемым итогом провокационного союза. Страх перед коммунистической революцией, которая, по мнению многих правых, «неизбежно наступит» в случае победы на предстоящих выборах коалиции Народного фронта, чувствовался во всех выступлениях и публикациях французских консерваторов. Депутат от фракции независимых республиканцев А. де Кериллис на страницах «Эко де Пари» писал о «бессмысленной» политике левых сил, с одной стороны, «опиравшейся на московский коммунизм, когда его представители во Франции отказываются от военных кредитов, саботируют национальную оборону, вносят в армию недисциплинированность, занимаются шпионажем и изменой, организуют восстание в колониях», с другой стороны, дававшей повод для агрессии – Германии советским пактом, в котором та видит угрозу³⁴⁰. При этом «Эко де Пари» резко критиковала и нацистский режим, так как тот «никогда не отказывался от своих пангерманских амбиций; он всегда, иногда незаметно, иногда явно, словом и делом демонстрировал свою упорную волю к отмене территориальных и других ограничений Версальского договора»³⁴¹. Журналисты газеты делали акцент не на примирении с Германией, а на необходимости «как минимум ввести экономические и финансовые санкции» в условиях, когда немецкая экономика «чрезвычайно хрупка», и у Рейхсбанка «есть лишь крошечный золотой запас». Подобные санкции должны были дополниться «серией военных соглашений» между противниками Гитлера³⁴². По мнению Кериллиса и издания «Эко де Пари», в условиях Рейнского кризиса следовало исправить ошибки, совершенные за последние годы, – отказаться от идей разоружения и пацифизма, «одиозной политики санкций» в отношении Муссолини и возродить «франко-итальянскую дружбу», не идя на поводу «мирового крестового похода, начатого Москвой против фашизма».

³⁴⁰ L'Écho de Paris. 9 mars 1936.

³⁴¹ Ibidem.

³⁴² Ibidem.

Консерваторы призывали к единству правых сил, чтобы помешать победить Народному фронту на предстоящих весной 1936 г. выборах и создать правительство «национального единства... свободного от духа и давления коммунистов»³⁴³. Член Французской академии, правый историк Луи Мадлен, побуждал европейские страны, верные букве договоров, сплотиться перед лицом германской угрозы, ибо, как гласит Евангелие, «всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет», и «платонические протесты» не дадут никакого эффекта³⁴⁴.

Консервативная партия Республиканская федерация во главе со своим лидером Луи Мареном призывала противостоять действиям Германии. Представители партии объясняли свершившуюся ремилитаризацию Рейнской области ратификацией франко-советского пакта и двусмысленным поведением левых, которые слишком много предоставили Германии в 1920-х – начале 1930-х гг. Речь шла об уступках, сделанных Германии в ходе Локарнских соглашений, переговорах об отмене репараций и конференции по сокращению вооружений. Тем не менее Марен назвал «франко-советский пакт предлогом, а не причиной последнего немецкого удара» и выразил своё признание правительству, неспособному «предотвратить то, что было очевидно для всех»³⁴⁵. Председатель Совета министров Сарро на допросах послевоенной парламентской комиссии признал, что Марен являлся одним из немногих консерваторов, готовых ответить силой на провокацию Гитлера в марте 1936 г.³⁴⁶

Действительно, далеко не все представители правого фланга демонстрировали решительность во время рейнского кризиса. Многие крайне правые националисты, в том числе представители «Аксьон франсез», поддались упадническим настроениям, не видя никакой перспективы оказать сопротивление Германии в условиях пребывания у власти слабых

³⁴³ Ibidem.

³⁴⁴ Ibid. 11 mars 1936.

³⁴⁵ La Nation. 14 mars 1936.

³⁴⁶ Les événements... Vol. 3. P. 603.

коалиционных кабинетов и роста популярности левоцентристского избирательного блока Народного фронта. 13 марта на страницах газеты «Грингуар» вышла статья с заголовком «Народный фронт ведёт нас либо к унижению, либо к войне»³⁴⁷. В ней отмечалось, что франко-советский пакт и вероятная победа Народного фронта были не формальным поводом агрессивных действий Третьего рейха, а их реальной причиной: «если бы Германия искала предлог, думаете ли вы, что ей пришлось бы ждать пять с половиной лет, чтобы это сделать?»³⁴⁸. Однако, подчеркивала «Грингуар», наряду с союзом с Москвой «не менее серьезной ошибкой», позволившей Германии нанести удар по Версальскому договору 1919 г., стали санкции, наложенные на Италию из-за конфликта в Эфиопии. И хотя агрессивные действия Гитлера осуждались, журналисты «Грингуар» настаивали, что Франция «в целом не была против примирительного соглашения с Германией на почетных условиях». Единственным препятствием для этого они считали «помехи со стороны Москвы... и кругов, благосклонно относящихся к СССР и оказывающих влияние на некоторых [французских – *Н.Ш.*] министров»³⁴⁹. Потенциальный военный конфликт «славянского и германского блоков» не принес бы никакой выгоды Третьей республике, которая автоматически вступила бы в него, если бы предприняла ответные военные меры в адрес Гитлера. Кроме того, в войне с Третьим рейхом «ни материально, ни морально не готовая к ней» Франция осталась бы без настоящих союзников, ибо «российской армии нет никакой веры»; Италия, которую «уже несколько месяцев [французы из-за санкций – *Н.Ш.*] оставляют без боеприпасов и сырья», не окажет никакой поддержки, а Англия пока не обладает достаточным количеством танков и бомбардировщиков, поэтому «лучшее, что от нее можно ожидать, – десять тыс. человек»³⁵⁰.

³⁴⁷ Gringoire. 13 mars 1936.

³⁴⁸ Ibidem.

³⁴⁹ Ibidem.

³⁵⁰ Ibidem.

По мнению консерваторов, война оказалась бы выгодной лишь «коммунистам из их любви к Советам, некоторым влиятельным евреям из-за ненависти к германскому диктатору, масонам из-за ненависти к Муссолини»³⁵¹. Именно их «Грингуар» винила в военной слабости Франции, поскольку они «вот уже пятнадцать лет не перестают поддерживать разоружение нашей страны, распространять идеи антимилитаризма, выступать против кредитов на национальную оборону»³⁵². Тогда же газета назвала Лигу Наций «гниющим трупом, требующим как можно более скорых похорон», поскольку она никак не сумела противодействовать агрессии Гитлера, а на сам факт признания этой агрессии ей «вместо пяти минут» потребовалось «около двух недель болтовни, процедурных споров и казуистических дискуссий». Англию – главного союзника Франции – «Грингуар» обвинила в лицемерии и предательстве, так как Лондон отказался противодействовать Гитлеру: «если в прошлом году Италия совершила ошибку, заявив о колонизации негров, что сто раз до нее делали англичане и французы, то вина Германии несравненно опаснее для мира в Европе. Однако ни один англичанин не собирается применять к ней ни малейших санкций. В истории... не было более безнравственного, более циничного противоречия»³⁵³.

Тот же политический дискурс использовался в статьях, выступлениях и официальных заявлениях лидеров крайне правой «Аксьон франсез». По сути, главный образ угрозы – в лице «наследственного врага Германии» – с каждым годом все чаще связывался с СССР, обвиненным в стремлении осуществить в Европе «мировую революцию». Действия советского руководства, считал один из ведущих деятелей партии Леон Доде, «угрожали внутреннему миру» Франции, а за её пределами – «[французским – *Н.Ш.*] колониям в Северной Африке и Индокитае»³⁵⁴. Крайне правая «Аксьон франсез» всю вину за подрыв

³⁵¹ Ibid. 20 mars 1936.

³⁵² Ibidem.

³⁵³ Ibidem.

³⁵⁴ L'Action française. 9 mars 1936.

французской и европейской безопасности возлагала на республиканские правительства. По мнению их лидера Шарля Морраса, французские министры представляли собой «сборище» двух типов людей – «предателей или имбецилов», а политики типа Пьера-Этьена Фландена и Поля Бонкура в условиях ремилитаризации Рейнской области «лишь расточают бессмысленные обвинения юридического характера против силовых действий Гитлера» и больше напоминают «не государственных деятелей, а клерков-адвокатов»³⁵⁵. В своих обращениях к французам крайне правые перечисляли «главные ошибки» правительственной политики, ослабившие страну: неспособность сохранить безопасность, организованную по Версальскому договору; «дезорганизация национальной обороны»; подрыв «морального духа нации и патриотизма в душах детей в государственных школах»; отсутствие союзнических отношений с Италией, надежда на которые была полностью подорвана из-за санкций, «введенных в угоду Англии» и «масонских лож»³⁵⁶; подписание франко-советского пакта, который «принес больше рисков, чем выгод, способствовал росту угрозы [для Франции – *Н.Ш.*] больше, чем её защите, и дал Берлину повод для нанесения нового удара»³⁵⁷.

При этом, полагали крайне правые, Франции не стоит питать иллюзий и надеяться на поддержку Лондона. На страницах «Аксьон франсез» Жак Дельбек опубликовал 10 марта статью под названием «Ничего не ждем от Англии», в которой пытался доказать, что у «англичан нет воли и сил противостоять Германии... и если дело дойдет до войны, [Франции – *Н.Ш.*] придется рассчитывать только на себя»³⁵⁸. В подобной ситуации сторонники «Аксьон франсез» призывали избавить французов от «лживых альтернатив... Нам не нужно воевать против Гитлера вместе с Советами. Мы не обязаны воевать на стороне Гитлера против Советов»³⁵⁹. По мнению Морраса,

³⁵⁵ Ibid. 8 mars 1936.

³⁵⁶ Ibid. 9 mars 1936.

³⁵⁷ Ibid. 8 mars 1936.

³⁵⁸ Ibid. 10 mars 1936.

³⁵⁹ Ibid. 8 mars 1936.

«республиканское правительство совершает двойную и тройную ошибку, выкрикивая угрозы [в адрес Третьего рейха – *Н.Ш.*] и опосредованно признавая, что оно недостаточно сильное для того, чтобы их выполнить». Выходом из сложившейся ситуации он считал немедленную отставку правительственного кабинета и «как можно более скорое создание правительства, способного вооружить, а следовательно, и свергнуть республику, заменить ее единственным националистическим правительством»³⁶⁰. Находясь такое правительство у власти, утверждал лидер «Аксьон франсез», рейнский кризис был бы незамедлительно преодолен: «при первых известиях о решении Гитлера национальное правительство, стабильное, последовательное и предусмотрительное, не оказалось бы в растерянности, так как у него имелись бы войска, снаряжение и боеприпасы». Сильная французская власть, опиравшаяся на правовую основу пактов и договоров с союзниками, «тут же оккупировала бы те части Рейнской области, куда еще не успели вступить немецкие войска»³⁶¹, что немедленно остановило бы Гитлера. Однако, вновь и вновь подчеркивал Моррас, управляемая республиканскими кабинетами Франция растеряла всех союзников и ослабила свои внешнеполитические позиции политикой разоружения. Пока сохраняется республиканский строй и влияние левых партий, Франция, по убеждению «Аксьон франсез», будет оставаться ослабленной и неспособной противостоять угрозам. Единственный выход из этой ситуации – «срочно сформировать кабинет здравомыслящих, патриотичных, неимпульсивных, реалистичных людей, способных на дела, а не только на слова», кабинет министров, не находящийся «под опекой Народного фронта и Советов»³⁶². По мнению крайне правых, ФКП и СФИО, между которыми они не видели серьезных различий на фоне роста популярности предвыборной коалиции Народного фронта оказывали всё более значительное и разрушительное влияние на внутри- и внешнеполитический курс Франции.

³⁶⁰ Ibidem.

³⁶¹ Ibid. 10 mars 1936.

³⁶² Ibidem.

Таким образом, «Аксьон франсез» как одно из ведущих националистических объединений представляла собой деструктивный элемент политической системы Третьей республики. В её реакции на события марта 1936 г. проявилась глубоко укоренившаяся ненависть к республиканскому строю, основанная на отстаиваемой партией роялистской традиции. Нельзя сказать, что крайне правые не понимали угрозу, исходившую со стороны Третьего рейха, но она отходила на задний план – даже в условиях очевидных агрессивных шагов Гитлера – перед необходимостью «безотлагательной», по их заявлению, борьбы с коммунистами и политическим устройством страны.

Безусловно, в ходе обсуждений причин и следствий ремилитаризации Рейнской области обозначилась резкая поляризация многих французских государственных и политических деятелей, затруднявшая объединение общественных сил перед лицом усилившейся агрессии Третьего рейха. Правда, откровенно примирительную позицию к Германии тогда заняли в основном крайне правые националисты, считавшие французскую парламентскую республику в принципе неспособной противостоять Гитлеру и опасавшиеся, что левые партии захотят использовать кризис как предлог для начала мировой войны с фашизмом и последующей революции. При этом большинство представителей левых партий, правоцентристов и консерваторов, несмотря на их противоречия по вопросам внутриполитической жизни страны, создания системы коллективной безопасности и целесообразности санкций в адрес Италии из-за конфликта в Эфиопии, сходились в одном – следует противостоять Гитлеру путем проведения жесткого курса и введения финансовых и экономических мер принуждения в отношении агрессора. В этих условиях тем более странным кажется практически полное отсутствие реального противодействия Третьему рейху в марте 1936 г. Однако те противоречия, которые разделяли правых и левых, в особенности на фоне предстоящих парламентских выборов, по итогам которых предполагалась победа левоцентристской коалиции

Народного фронта, были практически не преодолимы даже перед лицом общего врага. Таким образом, не сумевшие объединиться в единый национальный лагерь общественно-политические силы, к тому же отказавшиеся прибегнуть к военным методам противостояния Германии и поддерживающие лишь идею экономических и финансовых санкций, не смогли превратиться в солидную опору для правительства и значительным образом повлиять на его курс. Как итог, решающими факторами стали позиция французского генералитета и официального Лондона. Франция была вынуждена пойти по пути британской политики примирения. Ремилитаризация Рейнской области серьезным образом ослабила военные и международные позиции Третьей республики. Долгое время отсутствие войск на западной границе Германии было гарантией ненападения со стороны Третьего рейха. Теперь эта гарантия исчезала, а на месте незащищенной границы начали строиться мощные укрепления под названием «линия Зигфрида». Укрепляя свои западные границы, Германия получала большую свободу маневра на востоке, из-за чего все более явственную угрозу стали ощущать союзники Франции в Восточной Европе. Подобный исход и ожидаемые последующие агрессивные шаги Германии вызывали серьезное беспокойство и вынуждали руководство Франции искать пути для поддержания европейской безопасности.

Глава 2. Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам европейской безопасности на фоне усиления международной напряженности в 1936 – начале 1938 гг.

2.1. Внутривнутриполитический кризис Третьей республики и приход к власти Народного фронта

1930-е гг. были тяжелым временем для Третьей республики. Страна столкнулась с проблемами практически во всех сферах экономической и общественно-политической жизни. На международной арене Германия, победа над которой в Первой мировой войне досталась Франции огромными материальными и демографическими потерями, с каждым годом расширяла попытки пересмотра Версальского status quo, вызывая у французов страх перед возможным реваншем. Военная мощь и обороноспособность Третьей республики оставляли желать лучшего, и для изменения этой ситуации требовались решительные действия волевых политиков. Тяжелый экономический кризис 1929–1933 гг. – Великая депрессия – крайне негативно сказался на благополучии государства. Нехватка финансов, падение экономики, проблема безработицы, социальные волнения и демонстрации, закрытие или простой заводов стали привычными спутниками тех лет. Постоянные смены кабинетов, разногласия среди политиков, причем как между правыми и левыми, так и внутри обоих лагерей, подрывали устойчивость парламентской системы Третьей республики. Нерешенность серьезных проблем, коррупция, политические скандалы, отсутствие слаженности действий правительственных кабинетов вели к радикализации части общества, росту популярности крайне правых политиков и организаций³⁶³. Все это никак не способствовало усилению позиций Франции на внешнеполитической арене и усложняло для неё поиск способов противодействия Германии и сохранения европейской безопасности.

С 1934 до весны 1936 гг. у власти находились правоцентристские правительства, опиравшиеся на поддержку части правых политиков и

³⁶³ См. подр: *Rémond R.* Op. cit.

радикалов. Кабинеты последовательно возглавляли правый радикал Гастон Думерг (февраль – ноябрь 1934 г.), лидер Демократического альянса Пьерр-Этьен Фланден (ноябрь 1934 г. – июнь 1935 г.), правый деятель Пьер Лаваль (июнь 1935 г. – январь 1936 г.) и правый радикал А. Сарро (январь – июнь 1936 г.). К 1934 г. антипарламентские настроения охватили широкие слои населения страны. Ярким примером этому может служить событие, произошедшее в марте 1934 г. и упомянутое в донесениях французской полиции³⁶⁴: «По всей видимости, уход Палаты на каникулы произошел вовремя. Не признавать тот факт, что депутаты сегодня сталкиваются с настоящей ненавистью со стороны парижан, было бы отступлением от истины». В донесении рассказывалось, как недавно в одном из парижских ресторанов официант обратился к «одному из парламентариев со словами: “Господин депутат”. Люди за соседним столиком сразу же проявили враждебность и вылили на парламентария все содержимое из супницы и тарелок». Также сообщалось о том, как недавно в торговом центре Галери Лафайет женщину, заявившую, что она жена парламентария, внезапно окружили около 50 человек и стали осыпать оскорблениями. «Среди прочего, ей сказали, что её муж продажный человек и вор».

В начале 1931 г. Франция начала испытывать на себе негативное влияние Великой депрессии. Экономический кризис послужил катализатором для политических сил, недовольных существующим парламентским строем и требовавших перемен, в результате чего и стал нарастать институциональный кризис — кризис режима. Стоит отметить, что хотя экономический спад обрушился на Францию позже, чем на остальные ведущие европейские государства (только в конце 1930 г.), кризис продлился гораздо дольше. Тогда как большая часть западных стран к середине 1935 г. уже была на пути к восстановлению, Франция только-только вступала в период экономической депрессии³⁶⁵.

³⁶⁴ РГВА. Ф.1к. Оп. 27. Д. 8372. Л. 57-57а.

³⁶⁵ См. подр.: Простаков И.В., Барсукова А.В. Трудный путь к дирижизму. Великая депрессия во Франции // Россия в глобальной политике. 2021. № 1.

По справедливому замечанию Ж.-Б. Дюрозеля, в то время как Великая депрессия способствовала приходу к власти в Германии ультраправых националистов, во Франции возобладала противоположная тенденция. Вместо диктатуры на смену относительной стабильности времен Р. Пуанкаре приходит «ослабленная парламентская власть»³⁶⁶. Многочисленные кабинеты министров, сменявшие друг друга с 1932 г., тщетно пытались справиться с кризисом с помощью политики дефляции, «вызывавшей глубокое недовольство среднего класса»³⁶⁷. На фоне значительного ухудшения уровня жизни и роста безработицы усилились протестные настроения. По словам американского историка и журналиста, часто бывавшего во Франции 1930-х гг. У. Ширера, рабочие выходили на улицы, чтобы протестовать против предлагаемого сокращения заработной платы; группы давления, представляющие интересы мелких бизнесменов и владельцев магазинов, организовывали закрытие магазинов и демонстрации; «коммунисты организовывали голодные марши; протест крестьян становился все более ожесточенным»³⁶⁸. Подобные настроения лишь нарастали на фоне постоянной «министерской чехарды». Правительственные кабинеты находились во власти в лучшем случае несколько месяцев, при этом внутривластный курс практически не менялся. Нарастало широко распространенное ощущение, что парламент Третьей республики больше не способен к управлению³⁶⁹.

Крупнейшим проявлением недовольства широких слоев населения стало массовое политическое выступление крайне правых 6 февраля 1934 г., вспыхнувшее на фоне так называемого дела Ставиского³⁷⁰, которое выявило глубоко укоренившиеся коррупционные схемы с участием политиков Третьей республики. Многотысячная толпа сторонников правонационалистических

³⁶⁶ *Duroselle J.-B.* Op. cit. // Vol. 3. № 4. Octobre-décembre 1962. P. 525-526.

³⁶⁷ *Ibidem.*

³⁶⁸ *Shirer W.* The Collapse of the Third Republic. An Inquiry into the Fall of France in 1940. New-York, 1969. P. 191.

³⁶⁹ *Ibidem.*

³⁷⁰ Про дело Ставиского см по: *Jankowski P.* A Confidence Man in the Republic of Virtue. London, 2002; *Charlier J.-M., Montarron M.* Stavisky, Les secrets du scandale. Paris, 2017.

организаций «Боевые кресты», «Аксьон франсез» и «Патриотическая молодежь» попытались штурмом взять Бурбонский дворец – место заседаний нижней палаты парламента. Они намеривались сместить правительство радикала Эдуарда Даладье и покончить с «корруптированным» республиканским режимом. В ходе столкновения полиция открыла огонь, что привело к гибели 15 человек³⁷¹. Проснувшийся на следующее утро лидер профсоюзного движения социалист Андре Дельмас с удивлением обнаружил: «за одну ночь социальный климат преобразился. Лица были напряжены, но все старались выглядеть бесстрастными. Люди наблюдали друг за другом скрытно. Я попытался классифицировать людей, которых я встретил на тротуаре. К какому лагерю относился этот? Другие смотрели на меня и спрашивали себя, друг я или враг»³⁷². Другой наблюдатель заметил: «За ночь человеческие отношения изменились». В штаб-квартире Всеобщей конфедерации труда (ВКТ) один из профсоюзных деятелей, напуганный угрозой со стороны крайне правых, раздавал револьверы своим коллегам³⁷³. Однако, как справедливо отмечает британский историк Дж. Джексон, «мы не должны преувеличивать важность событий одной ночи... Беспорядки были всего лишь симптомом кризиса французской демократии»; они продемонстрировали то, что политикам 1933 г. должно было стать самоочевидным: правительства больше не могли управлять; власть переходила к улице.³⁷⁴ Причем под удар народного недовольства попадали крупные политические фигуры. 30 марта 1934 г. комиссар полиции Оранжа докладывал об инциденте, произошедшем во время прибытия в город Даладье. «Промышленник из Боллена по имени Де Гайярд, находившийся в том же поезде и также вышедший в Оранже, назвал Даладье “убийцей”, сказав, что ему стыдно [выходить с Даладье на одной станции – *Н.Ш.*]. Затем [между ними – *Н.Ш.*] завязалась потасовка... [Комиссар – *Н.Ш.*] немедленно вмешался

³⁷¹ См. по.: *Berstein S.* Le 6 février 1934. Paris, 1975.

³⁷² *Delmas A.* Mémoires d'un instituteur syndicaliste. Paris, 1979. P. 225-226.

³⁷³ *Mazauric L.* Vive le Front populaire! Paris, 1976. P. 38.

³⁷⁴ *Jackson J.* Op. cit. P. 17-22.

и сумел растащить конфликтующих, избежав полноценной драки³⁷⁵. Один из лидеров радикальной партии Жорж Бонне и директор газеты «Люмьер» радикал Жорж Борис в апреле посетили Сен-Поль-де Ванс. Во время посещения ресторана от соседнего столика передали записку, где говорилось, что «из уважения к хозяину заведения [политикам – *Н.Ш.*] позволят закончить ужин. Но просят их больше здесь не появляться. У всех французов для них есть только одно слово – “Фу!”»³⁷⁶.

В мае 1935 г. один из лидеров крайне правой партии «Аксьон франсез» и современник событий Л. Доде писал: «Истина заключается в том, что выборный режим крайне устарел, все его пороки видны со всех сторон, все слои общества ненавидят его»³⁷⁷. Националистическая пресса задавалась вопросами следующего характера: «Как нам избавиться от этого слабого и прогнившего режима? Кто тот лидер, который появится во Франции, как он появился в Италии и Германии?»³⁷⁸. Автор статьи не давал ответа на этот вопрос, однако многие крайне правые видели подобного лидера в маршале Петэне. По свидетельству В. Ширера, «герой Вердена по-прежнему считался самым “республиканским” генералом, но в высших военных кругах было известно, что он теряет веру в Республику. Считалось, что замечание его начальника штаба, будто “вся система должна быть изменена”, отражает мысли маршала»³⁷⁹. Сам Петэн в коротком интервью корреспонденту одной из наиболее крупных газет с националистическим уклоном «Журналь»³⁸⁰, рассуждая о росте влияния ФКП на фоне складывания коалиции Народного фронта, сетовал: «мы привели к нему [коммунизму – *Н.Ш.*] многих славных людей нашей страны. Мы ввели коммунизм в круг общепринятых доктрин. Скорее всего, мы пожалеем об этом». При этом маршал не скрывал своих симпатии к деятельности «Боевых Крестов» – военизированной организации

³⁷⁵ РГВА. Ф.1к. Оп. 27. Д. 8372. Л. 49.

³⁷⁶ Там же. Л. 46.

³⁷⁷ L’Action française. 1 mai 1935.

³⁷⁸ La Victoire. 10 janvier 1934.

³⁷⁹ Shirer W. Op. cit. P. 196.

³⁸⁰ Le Journal. 30 avril 1936.

фронтовиков, стоявшей на позициях крайне правого консерватизма поскольку, по его мнению, «они представляют собой один из наиболее здоровых элементов этой страны».

На фоне нараставшего кризиса парламентской республики и расширения деятельности ультраправых группировок в середине 1930-х гг. представители ведущих левых и левоцентристских партий решили забыть о своих разногласиях и объединить усилия для борьбы против укрепления и сплочения, как им казалось, фашистских сил внутри общества. Так, появилось движение Народного фронта³⁸¹, в январе 1936 г. его общая программа, а затем и избирательный блок антифашистских партий, который по итогам парламентских выборов мая – июня 1936 г. одержал победу. В нижней палате парламента члены левоцентристской коалиции получили 380 мест, правые – 220. Социалисты имели 149 депутатских мандатов, радикалы – 110, коммунисты – 72. Обладая совместно 221 местом в Палате депутатов, социалисты и коммунисты сравнялись числом мандатов с правыми депутатами. Очевидно, что парламентское большинство коалиции Народного фронта могло существовать только благодаря участию в ней партии радикалов, ставшей арбитром политической игры; её значение в принятии законов Третьей республики и определении ориентиров государственной политики резко возросло.

Председателем Палаты депутатов был избран радикал Эдуард Эррио, а его заместителем – коммунист Жак Дюкло. При этом среди радикалов выделилась относительно многочисленная группа из 25–30 депутатов, явно враждебно относившаяся к совместным действиям с левыми в рамках Народного фронта и тяготевавшая к идее коалиции с правоцентристскими партиями, (наиболее влиятельными из них считались Жорж Бонне, Вильям Бертран и Жан Мистле)³⁸². Правые объединения, такие как Республиканская федерация под предводительством Луи Марена и консервативная

³⁸¹ См. подр.: *Кравченко Е.А.* Указ. соч. М., 1972; *Егоров Е.В.* Указ. соч.; *Brunet J.-P.* Op. cit.

³⁸² *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1982. P. 443.

парламентская фракция Независимых республиканцев, наиболее видными деятелями которых были Жорж Мандель и Анри де Кериллис, получили в Палате депутатов порядка 100 мест, остальные принадлежали правоцентристским силам: христианской Народно-демократической партии и Демократическому альянсу под предводительством Пьера-Этьена Фландена. Последние играли роль конструктивной оппозиции, надеясь перетянуть на свою сторону партию радикалов, некоторые депутаты которой выражали готовность оказать им поддержку. Документы парламентских сессий и анализ выступлений представителей различных партийных объединений в парламенте показывают, какие политические группы были ответственны за принятие ключевых внутри- и внешнеполитических решений и в борьбе каких точек зрения в итоге выработывалась правительственная линия.

С победой Народного фронта впервые председателем Совета министров стал социалист – Л. Блюм. В правительственную команду, состоявшую из двадцати министров и четырнадцати заместителей министров, вошли шестнадцать социалистов, пятнадцать радикалов и трое представителей Социалистического республиканского союза³⁸³. Коммунисты от участия в кабинете Блюма отказались, решив поддерживать коалицию Народного фронта через парламент, мотивируя это тем, что во имя сплочения нации они не хотят «сеять панику среди врагов народа» – тех, кто опасается коммунизма, и давать им повод для критики левых сил³⁸⁴. По утверждению французского исследователя Ж.-П. Брюне, подобный шаг мог бы продемонстрировать миролюбивую позицию ФКП и убедить значительную часть французского общественного мнения в пользу франко-советского сближения³⁸⁵. Помимо прочего, подобная тактика позволяла в перспективе переложить вину на коалиционный кабинет за непопулярные меры, которые с большой долей вероятности потребовала бы сложная экономическая ситуация. Правительство во главе с Блюмом продержалась у власти вплоть до лета 1937 г., а его

³⁸³ *Monier F.* Op. cit. P. 51.

³⁸⁴ *L'Humanité.* 15 mai 1936.

³⁸⁵ *Brunet J.-P.* Op. cit. P. 43.

деятельность сплотила представителей левых сил. По словам исследователя истории Народного фронта Дж. Джексона, достигнутое к 1936 г. единство сил Народного фронта было многогранным: «Во-первых, единство между интеллектуалами и рабочими ... Во-вторых, единство двух марксистских партий ... В-третьих, единство между “третьим сословием” и пролетариатом, между радикалами и двумя марксистскими партиями»³⁸⁶. Но оставалось вопросом, как долго сохранится это единство, основанное на идее совместного противостояния фашистской опасности внутри страны.

Программа Народного фронта, представленная избирателям еще в январе 1936 г.³⁸⁷, была направлена на существенное улучшение уровня жизни трудящихся, предоставление им социальных гарантий, предполагались меры для защиты крестьянства и мелкой буржуазии. Планировалось введение твердых цен на сельхозпродукты, снижение платы за торговые помещения, организацию общественных работ. В целом, экономическая часть программы подразумевала увеличение государственного вмешательства в экономику и большее её регулирование, что встречало серьезное недовольство в рядах правых – либералов. Политическая составляющая программы Народного фронта предполагала отмену всех ограничений свободы печати, соблюдение профсоюзных свобод, а главное – роспуск фашистских лиг. Во внешней политике программа напоминала скорее набор общих намерений в духе левой идеологии, чем четко проработанный план действий в условиях ухудшающейся международной ситуации. Она включала в себя следующие пункты: сотрудничество народов в деле сохранения мира; коллективная безопасность и совместное применение державами санкцией против агрессора; сокращение вооружений; национализация военной промышленности; упразднение тайной дипломатии³⁸⁸.

Из вышеперечисленных пунктов видно, что программа не содержала каких-либо конкретных конструктивных предложений по укреплению

³⁸⁶ Jackson J. Op. cit. P. 215.

³⁸⁷ L'Humanité. 11 janvier 1936.

³⁸⁸ Ibidem.

европейской безопасности и ответов на вызовы, исходившие от Третьего рейха. Как отмечает А.А. Вершинин, «коммунисты были, вероятно, наиболее решительно настроены в международных вопросах, однако их партнеров волновала, прежде всего, внутривластная повестка»³⁸⁹. По сути, в данном документе нашли отражения традиционный социалистический пацифизм в духе Жореса, вера в коллективную безопасность, критика военных союзов, отказ от гонки вооружений и всеобщее разоружение. По справедливому утверждению С. Берстайна, понятная и последовательная во времена европейского примирения и разрядки, эта позиция казалась все более и более иллюзорной с того момента, как «начали возрастать националистические настроения в Германии, когда бессилие Лиги Наций становилось очевидным и когда приход Гитлера к власти вновь создал опасность немецкой агрессии»³⁹⁰.

В практическом измерении Блюм, как и следующие после него председатели Совета министров, проводил вполне традиционный для Третьей республики внешнеполитический курс. По мнению Р. Янга, с приходом к власти избирательного блока Народного фронта правительственный подход к внешней политике по сути не изменился, ему все так же была свойственна амбивалентность по отношению к Германии: «как всегда, существовали два течения, две точки зрения, одни [политики – *Н.Ш.*] более склонны к “умиротворению”, другие отдавали чуть большее предпочтение “политике устрашения”, но ни одна из позиций не исключала другую»³⁹¹. Постепенно лидер СФИО стал склоняться к мысли, что заложенные еще в предвоенную эпоху ценностные ориентиры СФИО требуют некоторой корректировки, если партия и дальше планирует эффективно участвовать в политической жизни страны. Летом 1936 г. Блюм объявил, что правительство Народного фронта не допустит никакого посягательства на достоинство Франции и будет принимать все необходимые меры для обеспечения её безопасности.

³⁸⁹ Вершинин А.А. Указ. соч. М., 2018. С. 36.

³⁹⁰ Berstein S. Op. cit. Paris, 2006. P. 528.

³⁹¹ Young R.J. Op. cit. P. 26.

Одновременно он назвал стремление к миру «одним из способов обеспечить достоинство Франции, а поддержание мира ... одним из условий безопасности страны»³⁹². Глава правительства и лидер СФИО не сомневался, что «переговоры нужно вести со всеми, однако делать это следует с позиции национального интереса и безопасности – само употребление Блюмом этих понятий, ранее редко встречавшихся в лексиконе социалистов, говорило о многом»³⁹³.

Победа на выборах и активное начало политической деятельности коалиции Народного фронта привели к еще большей поляризации французского общества. Один из лидеров консервативной Республиканской федерации Густав Гутро был убежден, что «с приходом Народного фронта наступит эра социальной революции, гражданской войны и международной войны»³⁹⁴. Особенно резко высказывались ультраправые, среди которых первую скрипку играла промонархическая «Аксьон франсез» во главе с Ш. Моррасом. Они видели в Народном фронте организацию, «финансируемую Москвой»,³⁹⁵ и называли ее «Русским фронтом»³⁹⁶. Еще накануне парламентских выборов в феврале 1936 г. сторонники Морраса напали на машину Блюма и разбили ее. Сам лидер социалистов едва спасся от разбушевавшейся толпы³⁹⁷.

На фоне победы избирательного блока Народного фронта и роста энтузиазма рабочих, которые видели у власти две партии, защищавшие их интересы, стачечное движение, требуя немедленного осуществления программы Народного фронта, достигло небывалых размахов. В мае – июне 1936 г. рабочие взяли под контроль крупнейшие промышленные предприятия. Размах движения удалось ослабить лишь с заключением Матиньонских соглашений (7 июня 1936 г.) о повышении заработной платы и усилении роли

³⁹² Le Petit Parisien. 27 août 1936.

³⁹³ Вершинин А.А. Указ. соч. М., 2018. С. 40.

³⁹⁴ La Nation. 6 juin 1936.

³⁹⁵ L'Action française. 28 avril 1936.

³⁹⁶ Ibid. 29 avril 1936.

³⁹⁷ Вершинин А.А. Указ. соч. Вопросы истории. 2015. № 5. С. 102.

профсоюзов, а также с началом выполнения основных преобразований, содержащихся в программе Народного фронта. За лето 1936 г. были приняты законы о введении 40-часовой рабочей недели и оплачиваемых отпусков, о коллективных договорах, об организации общественных работ, о частичной национализации военной промышленности и запрете фашистских лиг, встреченные трудящимися с огромным энтузиазмом. Правительство одобрило отсрочку по долгам в промышленной, торговой и сельскохозяйственной сферах, а также льготные кредиты для мелких торговцев³⁹⁸. Крайне негативно правыми были встречены меры по контролю государства за центральным банком Франции и национализация железных дорог. Эти реформы шли в разрез с убеждениями многих правых о недопустимости столь сильного вмешательства государства в экономику, чем еще больше подогривало их недовольство и внушало страх, что Третья республика пойдет «по коммунистическому пути». Из-за введения прогрессивного подоходного налога французские предприниматели стали организовывать бегство капитала за границу, что ухудшало и так тяжелое экономическое положение в стране.

В ходе событий мая – июня оппозиционные Народному фронту партии запугивали избирателей революционными беспорядками и угрозой краха парламентской системы Третьей республики³⁹⁹. Лидер Республиканской федерации Л. Марен задавался вопросом, сохранился ли еще во Франции «правый режим». «Легионы ВКТ, – утверждал он, – растоптали принцип частной собственности, а также свободы руководителей заводов, инженеров... и рабочих».⁴⁰⁰ Даже более умеренных правых в условиях подъема рабочего движения охватил страх скорого начала революции. В июне 1936 г. газета «Тан» подчеркивала, что при захвате заводов бастующими совершалось серьезное беззаконие, что правительство, вольно или невольно, было «бессильно предотвратить это», что агитаторы Народного фронта в данных обстоятельствах обращались с парламентом так, «будто его не

³⁹⁸ См. подробнее: *Егоров Ю.В.* Указ. соч.; *Кравченко Е.А.* Указ. соч. М., 1972.

³⁹⁹ *Irvine W.D.*. Op. cit. P. 86.

⁴⁰⁰ *La Nation*. Avril 1936.

существовало»⁴⁰¹. По мнению газеты, правительство, какими бы здоровыми намерениями оно ни руководствовалось, вызовет революцию, «если не вернется к законным методам и не прекратит забастовки»⁴⁰². Особое раздражение в рядах крайне правых вызвал запрет вооруженных лиг. «Аксьон франсез» кричала о недопустимости подобного запрета, ибо в отличие от «еврейского Народного фронта [участники лиг – *Н.Ш.*] являются настоящими французами»⁴⁰³. «Кризис мая – июня 1936 г., – писал в мемуарах начальник французского генштаба генерал Гамелен, – навел ужас на большую часть французской буржуазии... Она потеряла из виду опасность со стороны установившихся в соседних странах гитлеризма и фашизма, так как за спиной Народного фронта ей мерещился призрак большевизма»⁴⁰⁴.

В условиях продолжавшейся неблагоприятной экономической конъюнктуры одной из первых непопулярных, но вынужденных мер Совета министров стало проведение в конце сентября 1936 г. девальвации франка, а уже в феврале 1937 г. Блюм в своем радиообращении объявил о временной приостановке реализации программы Народного фронта⁴⁰⁵. В нескольких выступлениях председатель Совета министров объяснил, что откладывает до улучшения состояния государственных финансов принятие новых социальных реформ, но взамен «ждет от представителей капитала вовлеченности в экономику»⁴⁰⁶. Это решение вызвало резкое недовольство коммунистов и левого крыла СФИО, одним из лидеров которого был Жан Жиромски. Однако М. Торез призвал своих сторонников продолжать сотрудничество с другими партиями Народного фронта, пусть и не всегда соглашаясь с их мнением. И все же в здании левоцентристского блока появились первые трещины, которые постепенно увеличивались. Радикалы, обеспокоенные «слишком прогрессивными» и масштабными социально-

⁴⁰¹ Le Temps. 15 juin 1936.

⁴⁰² Ibidem.

⁴⁰³ L'Action française. 19 juin 1936.

⁴⁰⁴ Gamelin M. Op. cit. P. 219.

⁴⁰⁵ Le Populaire. 22 février 1936.

⁴⁰⁶ Brunet J.-P. Op. cit. P. 81.

экономическими мероприятиями кабинета Блюма, с еще большей настороженностью стали относиться к объединению трех партий Народного фронта. Правое крыло радикалов, и ранее выступавшее против единства действия с левыми, всё сильнее опасалось ФКП, видя в ней серьезную угрозу буржуазным общественным ценностям и порядку. Взаимное недоверие никак не помогало выработке четкой внутри- и внешнеполитической правительственной линии и достижению консенсуса в рядах вставшей у власти политической элиты из левоцентристского лагеря Третьей республики.

В 1937 г. экономическое положение страны оставалось крайне напряженным. По словам советского историка Ю.В. Егорова, бюджетные расходы в несколько раз превышали доходы, вдобавок к тому, что в 1937 г. предполагался существенный недобор по косвенным налогам. Как итог, «чтобы свести концы с концами, правительству приходилось постоянно прибегать к займам и краткосрочным кредитам»⁴⁰⁷. На этом фоне росла неустойчивость франка, а к началу лета 1937 г. поползли слухи о новой девальвации, что влекло за собой падение биржевых курсов и новый виток бегства капиталов за границу. 13 июня Блюм потребовал от депутатов предоставить правительству чрезвычайные полномочия для приведения в порядок государственных финансов. План Блюма предусматривал увеличение как косвенных налогов, затрагивавшее широкие слои населения, так и прямых налогов на доходы крупных предпринимателей. В результате на председателя Совета министров обрушились удары и с правого, и с левого флангов. Его проект был отвергнут в верхней палате парламента, после чего 22 июня глава кабинета подал в отставку, «решив оставаться верным обычаю», когда правительство не выступает против протестного голосования в Сенате⁴⁰⁸.

При анализе внутривнутриполитической ситуации, сложившейся во Франции в первый год деятельности правительственной коалиции Народного фронта нельзя не учитывать позицию правых сил по отношению к нему. Если

⁴⁰⁷ Егоров Ю.В. Указ. соч. С. 217.

⁴⁰⁸ *Maueur J.-M.* Op. cit. P. 356.

участники Народного фронта, стремились ликвидировать нависшую над Францией фашистскую угрозу и именно её считали главной причиной объединения политических усилий левых и левоцентристских сил, то их оппоненты «по другую сторону баррикад» всерьез опасались развязывания революции под эгидой коммунистов, и этот страх лишь укрепился после забастовок мая – июня 1936 г., воспринимавшихся как заговор ФКП, «нацеленный на начало вооруженной борьбы за власть»⁴⁰⁹. Правоцентристский Демократический альянс, более консервативная Республиканская федерация, крайне правая партия «Аксьон франсез» – все они подвергали резкой критике политиков управлявшей страной левоцентристской коалиции. К примеру, «Аксьон франсез» расценивала назначение Л. Блюма на пост главы правительства как победу «еврейской банды»⁴¹⁰. Один из министров-социалистов Р. Салангро даже покончил с собой в ноябре 1936 г., не выдержав поднятой против него кампании с обвинениями в дезертирстве в годы Первой мировой войны на страницах крайне правой газеты «Грингуар». Как писал американский историк Ирвин, консерваторы опасались, что внутренняя политика Народного фронта приведет Францию к еще более глубокому экономическому кризису, социальным волнениям и растущему политическому радикализму⁴¹¹.

Постепенно среди правых политиков возрастала убежденность, что выступление Третьей республики против фашизма в Европе под эгидой левых будет выгодно исключительно Советскому Союзу и ФКП, которая воспользуется ситуацией, чтобы подготовить условия для организации революции во Франции. Несмотря на серьезную озабоченность возможным реваншем со стороны Германии и явную неприязнь правых политических кругов к СССР, окончательно определиться, кто – Германия или СССР представляет большую опасность для отечества, им так и не удалось. В отличие от верхушки Республиканской федерации, которая отвергала любой

⁴⁰⁹ Jackson J. Op. cit. P. 250.

⁴¹⁰ L'Action Française. 5 juin 1936.

⁴¹¹ Irvine W.D. Op. cit. P. 66.

союз с радикалами, видя в них носителей левой, по их мнению, антинациональной идеологии, Фланден и его сторонники по Демократическому альянсу допускали подобный компромисс, надеясь на близость взглядов с правым крылом второй по числу мест в Палате депутатов партии Народного фронта. Руководство же крайне правых, пронизанное яростным антикоммунизмом и антисоветизмом, выражало готовность бороться против коммунистической революции с оружием в руках, открыто называя ФКП и Народный фронт «главной угрозой» для благополучия родины. В июне 1936 г. полковник де ля Рок на основе запрещенной в 1936 г. крайне правой организации «Боевые кресты» создал довольно многочисленную Социальную партию, занявшую национально-консервативные позиции на партийно-политической сцене Третьей республики⁴¹².

После отставки Блюма пост главы правительства занял радикал Камиль Шотан. Изменения политического состава коалиционного кабинета были незначительными, однако соотношение представителей от партии радикалов и СФИО все же несколько поменялось. Так, если в кабинете Блюма преобладали социалисты, то теперь партии поделили министерские портфели поровну, а радикалы еще и получили пост председателя Совета министров. Жорж Бонне, один из лидеров правого крыла партии радикалов, занял должность главы министерства финансов. По словам французского историка Ф. Монье, «сдвиг [состава правительства – *Н.Ш.*] к центру имел более важное значение, чем могло показаться»⁴¹³. Шотану удалось добиться чрезвычайных полномочий для решения финансовых вопросов. По инициативе Ж. Бонне было отменено фиксированное содержание золота во франке, и его курс стал плавающим. Законами-декретами правительство увеличило многие налоги, серьезно сократило ассигнования на общественные работы для поддержки безработных; военный бюджет на 1938 г. также ограничивался и сохранялся

⁴¹² *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1988. P. 132.

⁴¹³ *Monier F.* Op. cit. P. 65.

примерно на уровне 1937 г. Радикалы во главе с председателем Совета министров, исходя из сложной финансовой ситуации, даже заявили о необходимости отмены 40-часовой рабочей недели. В январе 1938 г. социалисты приняли решение отозвать представителей своей партии из правительства: они высказали несогласие с политикой Шотана, в которой увидели «разрыв с изначальными идеями коалиции Народного фронта» и отказались участвовать в новых правительственных кабинетах⁴¹⁴. Это вызвало еще один правительственный кризис. Новый министерский состав по-прежнему возглавил К. Шотан, но посты теперь занимали преимущественно радикалы за исключением двух министров от парламентской группы умеренно левой направленности – социальных республиканцев: Л.-О. Фроссара и П. Рамадье⁴¹⁵. Никаких серьезных инициатив в социально-экономической области со стороны исполнительной власти в начале 1938 г. не исходило. Попытавшись получить от парламента чрезвычайные полномочия в области финансовой политики, Шотан на этот раз встретил решительный отпор от депутатов СФИО и 10 марта подал прошение президенту Леброну об отставке.

Следующим главой правительства, просуществовавшего всего 26 дней, вновь стал Л. Блюм. Примечательно, что свой пост он занял всего через несколько дней после аншлюса Австрии, состоявшегося 12 марта 1938 г. Обострение внешнеполитической обстановки привело к тому, что вопросы международных отношений как для политиков, так и для широкой общественности приобрели первостепенное значение по сравнению с внутренними проблемами. Перед лицом агрессии Третьего Рейха требовалось создать правительство национального единства. В ходе его формирования за основу была взята формула «от Тореза до Марена»⁴¹⁶. Однако представители правых и правоцентристских политических сил высказались решительно против участия в одном правительстве с коммунистами. В итоге состав

⁴¹⁴ Le Populaire. 14 janvier 1938.

⁴¹⁵ *Mayeur J.-M.* Op. cit. P. 358.

⁴¹⁶ *Brunet J.-P.* Op. cit. P. 91.

второго кабинета Блюма остался без каких-либо серьезных изменений. В апреле он вынес на рассмотрение парламента законопроект о предоставлении правительству чрезвычайных полномочий, которые предполагалось использовать для «обложения сверхприбылей предприятий, выполняющих военные заказы ... увеличения подоходного налога на крупные состояния»⁴¹⁷. Законопроект прошел через Палату депутатов, но был отвергнут в Сенате, что повлекло за собой отставку Л. Блюма. В апреле правительство возглавил радикал Э. Даладье, бывшей на этом посту вплоть до окончательного развала коалиции Народного фронта осенью 1938 г.

Таким образом, внутривластный кризис, охвативший Третью республику в 1930-е гг. и усугубившийся тяжелой экономической ситуацией, преодолеть правительству Народного фронта не удалось. Общественно-политические дискуссии приобретали все большую поляризованность. Со стороны правых звучали ничем не прикрытые яростные нападки в адрес слабого «режима партий» и парламентского механизма как такового. Налицо были практически неразрешимые противоречия между правыми и левыми ценностными подходами к проведению государственной политики. Коалиция Народного фронта, призванная добиться национального единения, с каждым новым вызовом приближалась к расколу. На обилие внутривластных противоречий накладывались и споры относительно выработки эффективного инструментария взаимодействия с Германией для поддержания европейской безопасности.

2.2. Проблема перевооружения Третьей республики в политике правительств Народного фронта

Столкнувшись с возрастающей мощью Третьего рейха, правительство Народного фронта вынуждено было уделить серьезное внимание проблеме перевооружения Франции. Страх перед возможным реваншем со стороны Германии побуждал принимать немедленные меры в военной сфере. Заказы нового вооружения с 1920-х по 1935 гг. были весьма незначительными и

⁴¹⁷ Егоров Ю.В. Указ. соч. С. 254.

ограничивались лишь небольшими сериями поставок. За это время войска, по утверждению историка Ф. Гаро, получили «160 танков Рено, 120 бронемашин, несколько экземпляров тяжелого танка В21, находящегося в разработке, и ручные пулеметы». Вооружение армии к середине 1930-х гг. оставалось примерно таким же, как и в годы Первой мировой войны, что, впрочем, не означало отставание Третьей республики от Германии в военном плане, «поскольку последняя на тот момент еще не имела хоть сколько-нибудь существенных сил»⁴¹⁸. Однако, когда Третий рейх в 1935 г. объявил о введении всеобщей воинской повинности, начал реализовывать программу перевооружения и провел ремилитаризацию Рейнской области, Франция все больше стала опасаться за свою безопасность.

Проблема усугублялась тем, что обороноспособность Третьей республики в 1930-е гг. снижалась. Отчасти это происходило из-за проведения на волне пацифизма военной реформы 1928 г., по которой срок службы призывников сокращался с 18 месяцев до одного года, хотя накануне Первой мировой войны он достигал трех лет. «После 1928 г. призывника успевали обучить лишь азам военного дела, у него не развивалось навыков, которые в бою обеспечивали сплоченность и устойчивость воинских формирований. Еще важнее было то, что сокращение срока службы вело к уменьшению количества дивизий постоянной готовности»⁴¹⁹. Число располагавшихся на территории метрополии в мирное время дивизий сокращалось до 20. Итогом подобных нововведений стала практическая неспособность французской армии вести серьезные боевые действия без проведения всеобщей мобилизации. Кроме того, «между 1900 и 1939 гг. население Франции выросло на 3%... За тот же период население Германии увеличилось на 36%, Италии – на 33%, Великобритании – на 23%»⁴²⁰. Подобные демографические проблемы объясняются тем, что на протяжении практически всего 19 века показатели

⁴¹⁸ *Garraud Ph.* Op. cit. 2015. V. 219. № 3. P. 92.

⁴¹⁹ *Вершинин А.А.* Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 71.

⁴²⁰ *Weber E.* The hollow years: France in the 1930s. London, 1994. P. 13.

рождаемости и смертности во Франции были практически равны⁴²¹. В Германии сокращение среднего числа детей на одну семью наблюдалось только к концу 19 века. Незначительный естественный прирост населения Третьей республики подрывался колоссальными потерями в 1.4 млн. в ходе Первой мировой войны, на восстановления от которых потребовалось бы несколько десятилетий⁴²². Из-за тяжелейшего экономического кризиса расходы на армию продолжали сокращаться, а программа перевооружения, чтобы снизить бремя расходов на ежегодный бюджет, растягивалась на все больший отрезок времени, из-за чего её выполнение срывалось. Так, вместо 1500 легких и 100 тяжелых танков, которые предполагалось выпустить к 1936 г., заказы были оформлены только на 700 легких машин⁴²³.

Военная доктрина Третьей республики постепенно становилась исключительно оборонительной. В 1929 г. началось строительство линии Мажино для защиты крупных промышленных центров восточных и северо-восточных департаментов, где находилось $\frac{3}{4}$ французского производства угля и текстиля, 70% нефтеперерабатывающей промышленности, основные металлургические и авиастроительные мощности. Сохранение этих ресурсов считалось ключевым вопросом в достижении победы в ходе потенциального конфликта с Германией. В глазах французского командования – как члена Высшего военного совета маршала Петэна, так и генерала Вейгана – глубоко эшелонированная линия Мажино решала проблему численного превосходства немецкого населения: 40 млн. французов в сравнение с 65 млн. немцев, в особенности, когда страну ожидали четыре «тощих года – эхо Первой мировой войны с ее людскими потерями и снижением рождаемости», что вело к падению вдвое числа призывников⁴²⁴. После отражения первой атаки с Рейна, в случае потенциального вооруженного конфликта, предполагалось начало

⁴²¹ См. подр.: *Рубинский Ю.И.* Демографические проблемы Франции // Современная Европа. 2005; *Pison G.* France-Allemagne : histoire d'un chassé-croisé démographique // Population et Sociétés. 2012. № 4.

⁴²² *Durâquier J.* Histoire de la population française. Vol. 4. Paris, 1988. P. 78-82.

⁴²³ *Alexander M.* Op. cit. P. 110.

⁴²⁴ *Вершинин А.А.* Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 75.

затяжной войны, в которой Франция, как считалась, благодаря своим и союзническим ресурсам смогла бы добиться стратегического превосходства над немецкой военной машиной и тем самым одержать победу. Кроме того, совместные усилия союзников могли бы способствовать экономической блокаде Германии, чем еще больше ослабили её мощь.

С 1937 г. взгляды французского командования и политического руководства на германскую угрозу резко изменились, возникла убежденность в том, что Германия установила решающее превосходство над Францией как на земле, так и в воздухе. И эти представления тем сильнее влияли на политическую элиту, чем дольше задерживалась программа перевооружения Франции⁴²⁵. Впрочем, в 1936 – начале 1937 гг. страхи официального Парижа оказались излишне преувеличенными, и на этом фоне от глаз французского политического руководства ускользало реальное положение вещей: «в 1937 г. германская военная промышленность по-прежнему оставалась совершенно неспособной обеспечить значительное число резервных дивизий достаточным количеством современного оснащения»⁴²⁶. Однако для понимания позиции политиков Третьей республики важным представляется не то, на что действительно была способна немецкая военная машина, а то, как ими воспринималась её мощь, ибо именно на основе этого видения французские лидеры принимали политические решения.

По словам крупного специалиста по военной истории Третьей республики М. Александера, взаимоотношения армейской верхушки и французских политиков являлись «одним из наиболее опасных скелетов в шкафу Третьей республики»⁴²⁷. На рубеже XIX–XX вв. в ходе дела Дрейфуса генералитет самоустранился от политических вопросов⁴²⁸. Тем не менее, «режим партий и парламентская говорильня» по-прежнему осуждались военными, как неэффективная политическая система, неспособная добиться

⁴²⁵ Jackson P. Op. cit. P. 207.

⁴²⁶ Ibid. P. 210.

⁴²⁷ Alexander M. Op. cit. P.101.

⁴²⁸ См. подробнее: Birnbaum P. L'affaire Dreyfus: la République en péril. Paris, 1994.

военной мощи, порядка в стране и защиты от внешних угроз, в первую очередь со стороны Третьего рейха. На фоне нараставших внутривластных противоречий подобные убеждения только усиливались. В секретном донесении французского МВД Л. Блюму сообщалось, что «в действующей армии до сих пор имеется определенный контингент офицеров-республиканцев. Они возлагают большие надежды на победу Народного фронта и твердо рассчитывают, что не будут разочарованы»⁴²⁹. В то же время подчеркивалось, что крайне правые объединения, называемые в тексте «фашистскими», пользовались поддержкой 70 % кадровых офицеров французской армии, «70% офицеров запаса открыто признавали свои связи с лигами [крайне правых – *Н.Ш.*)]», как и 50% младших офицеров запаса. При этом отмечалось, что основная часть войск сохраняла республиканские взгляды⁴³⁰.

Приход к власти правительства Народного фронта многие военные, традиционно разделявшие скорее правые и даже консервативные взгляды, восприняли с явным неодобрением. Сторонник сближения с Муссолини, военный атташе в Риме генерал Анри Паризо смотрел на такой исход выборов с ужасом. Никакой симпатии к Народному фронту не испытывали французские командующие в Северной Африке, Сирии и в Индокитае⁴³¹. Но, совсем не правые политики, а социалист Блюм пошел на беспрецедентные шаги в вопросе перевооружения страны. Серьезные попытки преодолеть кризис в оборонной сфере были предприняты Парижем с лета 1936 г. после одобрения закона о национализации военной промышленности. За год государственной собственностью стали 39 военных заводов. Во время консультации с военным министром Э. Даладьё руководители генерального штаба генералы Луи- Антуан Кольсон и Морис Гамелен оценили потребности армии в 9 млрд. франков на четыре года, уверенные, что состояние промышленности, в которую до этого было вложено очень мало средств, не

⁴²⁹ РГВА. Ф. 46к. Оп. 4. Д. 72. Л. 15.

⁴³⁰ Там же. Л. 19.

⁴³¹ *Alexander M.* Op. cit. P. 85.

позволило бы ей поглощать больше. Убежденный, что запрос недостаточен и не учитывает реальных потребностей армии, Даладье, со своей стороны, заявил о «необходимости выделения 14 миллиардов»⁴³². После совместного обсуждения Блюм одобрил это решение.

В сентябре 1936 г. по инициативе Даладье была запущена колоссальная по своим масштабам программа перевооружения: «ассигнования по ней составили 14 млрд. франков на четыре года. Её выполнение позволило бы Франции сформировать к 1940 г. 12 батальонов тяжелых танков, 50 батальонов танков сопровождения пехоты, обеспечить комплектацию трех механизированных легких дивизий, поставить в армию 6500 противотанковых орудий и 5000 танкеток»⁴³³, а инициированный министром авиации и левым радикалом Пьером Котом «план II» предусматривал создание 1500 боевых самолетов к 1939 году⁴³⁴. Реализация этих мер позволяла бы укрепить безопасность Франции и придавала бы силу её руководству в ходе дипломатического или военного противостояния с Третьим рейхом для поддержания безопасности в Европе.

По словам С. Берстайна, проблема, возникающая в результате этих усилий по перевооружению, заключалась в том, какую армию требовалось создать и как она использовалась бы в случае потенциального конфликта с Гитлером⁴³⁵. Даладье предусматривал осуществление модернизации армии на основе механизации за счет использования бронетехники и моторизации, то есть перевозки войск грузовиками. Его план не предполагал формирования отдельных танковых соединений – техника должна была использоваться для транспортировки армейских частей и оказания им поддержки. Подобные подходы вызывали активную критику со стороны П. Рейно и подполковника Шарля де Голля. По их мнению, Третьей республике необходимо было создавать профессиональную армию, важной составляющей которой были бы

⁴³² *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1988. P. 531.

⁴³³ *Alexander M.* Op. cit. P. 85.

⁴³⁴ *Steiner Z.* Op. cit. P. 276

⁴³⁵ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1988. P. 532.

отдельные бронетанковые дивизии, содержащие как тяжелые, так и легкие танки, способные проводить наступательные операции и осуществлять прорыв фронта противника⁴³⁶. Блюм счел целесообразным проанализировать предложения подполковника Шарля де Голля, с которым он лично встретился 14 октября 1936 г. Де Голль настаивал на использовании бронетанковых дивизий для прорыва потенциального фронта и проведения наступательных операций. Он убеждал Блюма: «если вермахт будет наступать вдоль Дуная или Эльбы, почему бы нам не выдвинуться на Рейн? Почему бы нам не войти в Рур, если немцы пойдут на Вислу? Ведь если бы мы были в состоянии предпринять такие контрмеры, то, несомненно, одного этого было бы достаточно, чтобы не допустить развития агрессии. Но при нашей нынешней системе мы не в состоянии двинуться с места. Наоборот, наличие танковой армии побуждало бы нас к действию. Разве правительство не чувствовало бы себя увереннее, если бы заранее было к этому готово?»⁴³⁷. Однако для военного министра Даладье модернизация армии «никоим образом не подразумевала новую военную стратегию» и отказ от оборонительной доктрины. Де Голлю никак не удалось повлиять на стратегию перевооружения, избранную правительством. Впоследствии в своих мемуарах он вспоминал, что на встрече с Блюмом, пытаясь доказать необходимость создания специальных танковых соединений, которые могли бы выполнять самостоятельные действия, он не встретил никакого понимания. Блюм поддерживал решение Гамелена и Даладье о создании танков, предназначенных преимущественно для сопровождения пехоты. После этого разговора де Голль был убежден, что с учетом колоссальных, как ему казалось, темпов перевооружения Германии теперь дело пойдет «настолько быстро, что Франция уже не сможет ликвидировать своего отставания, если бы даже её руководители этого и захотели»⁴³⁸.

⁴³⁶ Голль Ш. де. Указ. соч. С. 10-20.

⁴³⁷ Там же. С. 21.

⁴³⁸ Там же.

Вскоре после запуска масштабной программы перевооружения Третьей республики спор относительно наступательной или оборонительной армии в условиях рисков войны с Германией вновь был поднят на парламентских дебатах по военным вопросам, проходившим с 26 января по 2 февраля 1937г⁴³⁹. Первым выступил правый политик Луи Жакино. Он призывал военных и политиков следовать оборонительной доктрине: «Мы – люди, которые всегда должны сдерживать натиск агрессора и стараться отразить его, не беспокоясь ни о чем, кроме как о том, чтобы в стене не образовалась брешь или чтобы гарнизон не потерпел какого-нибудь провала»⁴⁴⁰. При этом Жакино настаивал на том, чтобы армия не становилась полностью «профессиональной» и продолжала комплектоваться из резервистов, так как только такая армия может сохранять «национальный дух». По убеждению политика, следовало принять меры, чтобы обеспечить как можно более быструю мобилизацию в случае угрозы извне, а также разместить зенитные орудия вокруг мобилизационных центров и сборов войск для их защиты⁴⁴¹. Кроме того, он считал необходимым пресечь любые попытки забастовок на заводах, «работавших на национальную оборону».

Правый радикал Жан Монтиньи и военный министр Э. Даладье, настаивали, что миссией французской армии должна быть прежде всего защита национальных границ. Радикалы отказывались делать ставку на наступательную операцию, провал которой мог привести к вторжению на территорию Франции в промышленно значимые районы на северо-востоке⁴⁴². По словам депутата «Франция неслучайно выбрала оборонительную доктрину. Это прямое следствие существующего в ней политического режима. Демократии не получают выгоды от агрессивных войн, поскольку они [демократии – *Н.Ш.*] не могут оправдать решение о нападении перед общественным мнением и не обладают секретностью и быстротой принятия

⁴³⁹ Jo. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1937. P. 157-292.

⁴⁴⁰ Ibid. P. 157.

⁴⁴¹ Ibid. P. 158.

⁴⁴² Ibid. P. 166.

решений, которые являются привилегией диктатур». Одним из важных требований Монтинья стал призыв отменить 40-часовую рабочую неделю, так как эта инициатива «тормозила темпы перевооружения страны»⁴⁴³.

Отличную от многих коллег точку зрения занимал член правоцентристского Демократического альянса П. Рейно. Политик, как и де Голль, еще с середины 1930-х гг. выступал за необходимость создания моторизованной профессиональной армии, оснащенной бронетанковой техникой, позволяющей проводить наступательные операции, активно выступая на эту тему с парламентской трибуны⁴⁴⁴. Свою речь на парламентских дебатах Рейно начал со следующих слов: «Мы не можем оставаться в Европе равнодушными зрителями. Мы взяли на себя обязательства, которым остаемся полностью верными»⁴⁴⁵. Рейно подчеркивал, что в сфере вооружений возникли новые реалии: «[в военном деле произошла – *Н.Ш.*] революция, которую технологии принесли в военное искусство». Среди важнейших проблем, стоящих перед Третьей республикой, Рейно назвал и демографические фактор – серьезное отставание Франции от Германии по численности населения. Решить эту проблему, по убеждению парламентария, можно было с помощью внедрения новых видов техники, так как мощь военно-воздушных сил или танкового корпуса зависит не от количества солдат в стране, а от «количества и качества построенных ею машин»⁴⁴⁶. Аргументируя необходимость создания во французской армии современных наступательных сил, Рейно приводил в пример пассивность военных в ходе ремилитаризации немцами Рейнской области. Политик отмечал, что генералитет не мог противостоять Третьему рейху «иначе, как с помощью проведения всеобщей мобилизации», и в конце концов в ходе мартовских событий 1936 г. вынужден был бездействовать. Таким образом, у

⁴⁴³ Ibid. P. 167.

⁴⁴⁴ Голль Ш. де. Указ. соч. С. 38-39.

⁴⁴⁵ Jo. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1937. P. 168.

⁴⁴⁶ Ibid. P. 169.

Франции «не оказалось средства» для осуществления наступательной операции без «длительной, дорогостоящей мобилизации».

Выступление Рейно перебил Фланден, в период рейнского кризиса занимавший пост министра иностранных дел. Он подчеркнул, что пассивность Франции весной 1936 г. объяснялась тем, что она не могла выступить «изолированно от стран, подписавших Локарно». Рейно тут же парировал слова главы Демократического альянса, заявив, что текущие дебаты касаются не внешней политики, а исключительно состояния вооруженных сил Франции, дошедших до той грани, когда из-за отсутствия современных наступательных бронетанковых частей возникла ситуация, при которой «великая держава оказалась неспособной продвинуться на двадцать километров от своей границы»⁴⁴⁷. По свидетельству Рейно, к 1936 г. на вооружении Франции уже находилась одна легкая механизированная дивизия, но этого было недостаточно. Кроме того, из-за отсутствия механизированных танковых частей Франция не смогла бы оказать, ожидаемой от неё «помощи своим союзникам – Бельгии и странам Восточной Европы в случае нападения на них Германии», а также проводить эффективные наступательные и контрнаступательные операции при нападении Вермахта⁴⁴⁸. Рейно как и де Голль считали, что современные танковые формирования должны комплектоваться исключительно профессиональными солдатами, служившими по контракту, ибо резервисты за короткий период службы не сумели бы «научиться эффективно пользоваться новыми видами техники»⁴⁴⁹.

Предложения Рейно о контрактном комплектовании войск вызвали резкое неприятие большинства депутатов. Радикал Жорж Потю отмечал, что «Франция — мирная нация, которая в суровой школе жизни научилась придавать точное значение слову “безопасность”. Для неё безопасность – это, по сути, защита своей территории и её жителей»⁴⁵⁰. Безопасность страны, по

⁴⁴⁷ Ibidem.

⁴⁴⁸ Ibid. P. 170.

⁴⁴⁹ См. подробнее *Голль Ш. де*. Профессиональная армия. М., 1935. С. 24-30.

⁴⁵⁰ Jo. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1937. P. 196.

его мнению, должна была поддерживаться мощными оборонительными укреплениями, имея в виду строившуюся линию Мажино. Однако он не отрицал важность «современной быстрой техники», позволявшей в кратчайшие сроки доставить мобилизованных к оборонительным позициям в условиях, «когда нападение врага начнется внезапно». При этом политик прямо подчеркивал, что «не разделяет мнения Рейно» относительно войск по контракту, ибо профессиональная армия, оснащенная соответствующим вооружением, будет иметь существенный недостаток, заключающийся в неспособности восполнить свои ряды, если после «довольно крупного столкновения она будет дезорганизована»⁴⁵¹. По убеждению Потю, в случае своего быстрого наступления профессиональные бронетанковые войска рисковали бы натолкнуться на «мощные укрепления противника», которые они не смогли бы взять «без помощи многочисленных мобилизованных сил» и им пришлось бы долго ожидать их (мобилизованных) подхода в условиях боевых действий. Завершая своё выступление, депутат подчеркнул: «мне кажется необходимым сохранить в национальной армии то единство и сплоченность, которые являются образцом единства и сплоченности всей французской нации»⁴⁵².

Необходимость концентрации на обороне Третьей республики также подчеркивал правый консерватор А. де Кериллис. По его мнению, Германия тратила огромные деньги исключительно на перевооружение армии, но «почти ничего не шло на создание оборонительных сооружений... [все средства расходовались – *Н.Ш.*] на строительство колоссальной военной машины для ведения наступательной войны»⁴⁵³. Именно поэтому Франции было жизненно важно концентрироваться на обеспечении защиты страны. Депутат также отмечал, что немецкая авиация к началу 1937 г. превосходила французскую по количеству и качеству, что затрудняло бы проведение эффективной обороны для Третьей республики. Более того, трагизм ситуации

⁴⁵¹ Ibid. P. 197.

⁴⁵² Ibidem.

⁴⁵³ Ibid. P. 215.

состояли еще и в том, что французская промышленность, в том числе авиационная была сосредоточена на территории «в пределах досягаемости немецких бомбардировщиков». В этих обстоятельствах Кериллис призывал правительство сконцентрироваться на развитии «истребительной авиации, способной защитить французские укрепления в случае нападения Третьего рейха»⁴⁵⁴. О необходимости улучшения французских военно-воздушных сил для отражения атаки немецких самолетов в случае начала войны говорил депутат от Республиканской федерации Фредерик Дюпон⁴⁵⁵. В условиях, когда из-за численности населения вооруженные силы Третьей республики не могут превзойти Вермахт по «количественным показателям», акцент следовало сделать «на качественных», среди которых одним из наиболее важных, отмечал политик, являлась современная авиация⁴⁵⁶.

В ходе парламентских дебатов слово взял военный министр Даладье. Он решительно отверг предложения Рейно о формировании кадровой армии, назвав одной из причин своего несогласия «сложность её создания»: руководству страны потребуется не только набирать несколько сотен тыс. контрактников, но и обеспечивать постоянное функционирование этих войск⁴⁵⁷. Другой причиной Даладье считал необходимость сохранять армию, согласно традиции «единой и неделимой». Разделение вооруженных сил на резервистов и служащих по контракту привело бы к тому, что «последние перетянули бы на себя часть мощностей военных заводов и армейских офицеров, необходимых для организации и командования мобилизованными»⁴⁵⁸. Даладье был уверен, что «ни одна страна мира не способна предпринять эффективное наступление... предварительно не проведя мобилизацию»⁴⁵⁹. Кроме того, военный министр задавался вопросом,

⁴⁵⁴ Ibid. P. 217.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 209.

⁴⁵⁶ Ibid. P. 210.

⁴⁵⁷ Ibid. P. 291.

⁴⁵⁸ Ibidem.

⁴⁵⁹ Ibid. P. 292.

«какова была бы судьба страны», когда она осталась бы без войск в случае «разгрома профессиональной армии» в ходе наступательных действий?⁴⁶⁰.

Доводы Даладье поддержал глава военного комитета Палаты депутатов – радикал Ги ля Шамбр. По его утверждению, в случае создания наступательных танковых формирований, укомплектованных по кадровой системе, военное руководство вынуждено будет приписать к этим частям значительное число офицеров, крайне необходимых для службы в армии, состоявшей из резервистов⁴⁶¹. Такой подход «неминуемо расколол бы армию и её офицерский корпус». Единственной правильной стратегией в потенциальной войне Ги ля Шамбр считал оборону. По его словам, «наличие непрерывной линии укреплений» позволяло сдерживать немецкое наступление до тех пор, пока не будет проведена полная мобилизация.

В итоге Палата депутатов отклонила предложения Рейно, продолжая придерживаться строго оборонительной доктрины и поддерживать позицию Даладье о дальнейшей модернизации армии на основе механизации за счет использования бронетехники и перевозки войск при помощи бронетехники.

По справедливому замечанию А.А. Вершинина, акцент Рейно и де Голля на комплектовании новых формирований на контрактной основе значительным образом политизировал вопрос о создании бронетанковых частей. «С точки зрения французского республиканского дискурса, переход к профессиональной армии означал отказ от концепции вооруженной нации, тесно связанной с демократическими традициями страны»⁴⁶². Как впоследствии заявлял Гамелен, «именно связь идеи создания танковых подразделений с организацией профессиональной армии вызвала отрицательное отношение к предложению... [де Голля – *Н.Ш.*] при обсуждении в парламенте и в военных кругах»⁴⁶³. Объясняя причины отказа от введения исключительно контрактной службы, военный подчеркивал, что

⁴⁶⁰ Ibidem.

⁴⁶¹ Ibidem.

⁴⁶² Вершинин А.А. Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 83.

⁴⁶³ Les événements... Vol. 2. P. 385.

в 1935 г. немцы сами отказались от профессиональной армии, рейхсвера, которую им разрешили сформировать после Первой мировой войны, чтобы создать призывную армию. Французская профессиональная армия, какой бы мощной она не была, «насчитывала бы в лучшем случае 200 000 или 300 000 человек. Что бы она сделала против пятимиллионной [немецкой призывной – *Н.Ш.*] армии?.. Мы не могли, имея небольшую профессиональную армию, противостоять армии по призыву». Кроме того, Гамелен был уверен, что большинство людей избегало бы записи на контрактную службу – на подобную службу идут, «чтобы сделать карьеру, но не быть рядовым длительный срок... либо найти приключения [в колониальных войсках – *Н.Ш.*.]»⁴⁶⁴.

Тем не менее, даже модернизация армии по плану Даладье наталкивалась на преграды. Как впоследствии он сам отмечал, «мало было добиться кредитов, их надо было [эффективно – *Н.Ш.*] использовать»⁴⁶⁵. Именно с этой задачей возникли значительные трудности, связанные не с нерешительностью политиков, а с серьезными проблемами промышленной отрасли, хотя «к реализации государственной оборонной программы непосредственно или в качестве субподрядчиков были подключены около 6000 предприятий, в том числе множество мелких мастерских, поставлявших комплектующие на более крупные производства»⁴⁶⁶. Однако многие из них не соответствовали современным стандартам производства и изготавливали орудия полукустарным способом. Даладье в качестве серьезного препятствия для реализации программы модернизации армии называл технические проблемы военной промышленности, так как долгое время она не производила современного оборудования, а также отсутствие квалифицированных кадров⁴⁶⁷. По оценкам историка П. Джексона, «в 1937 г. военная и авиационная промышленность Франции оказалась совершенно неспособной справиться с

⁴⁶⁴ Ibidem.

⁴⁶⁵ Les événements... Vol. 1. P. 17.

⁴⁶⁶ *Вершинин А.А.* Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 83.

⁴⁶⁷ Les événements... Vol. 1. P. 17.

задачами, поставленными программой перевооружения 1936 г. Ни одна отрасль промышленности не располагала необходимой инфраструктурой: производственными площадями и современной производственной техникой»⁴⁶⁸.

Подобные структурные проблемы усугублялись экономическим кризисом и, как его следствие, возросшей социальной напряженностью. Размах забастовочного движения часто вел к срыву запланированных военных поставок. К примеру, летом 1936 г. Даладье сообщили, из-за стачек, «полностью парализовавших всё производство» противотанковые пушки для линии Мажино не будут поставлены в срок⁴⁶⁹. Рабочее движение затронуло практически все главные предприятия военного производства. Из-за волнений на сталелитейных заводах не хватало металла для создания военной техники. Для изготовления танков и бронев автомобилей не доставало оптики, брони, вооружений. Ставшее к началу 1937 гг. очевидным для многих правых политиков решение проблемы – отмена 40-часовой рабочей недели и ограничение прав рабочих на забастовку – встречало резкое сопротивление левых сил коалиции Народного фронта. Владельцы заводов не раз акцентировали внимание правительства, что в связи «с последствиями экономической депрессии и новыми потребностями обороны» исполнение 40-часовой рабочей недели создавало для французского производства серьезные проблемы⁴⁷⁰.

Если в 1936 г. Второе разведывательное бюро в своих донесениях указывало на отставание немецкой авиации от французской в силу нехватки оснащения современным вооружением, недостатка опыта у летного экипажа и офицерского состава, то уже с весны 1937 г. появились сведения о резком росте как количественных, так и качественных показателей ВВС Германии⁴⁷¹.

⁴⁶⁸ Jackson P. Op. cit. P. 220.

⁴⁶⁹ Alexander M. Op. cit. P. 116.

⁴⁷⁰ РГВА. Ф. 46к. Оп. 2. Д. 21. Л. 19.

⁴⁷¹ Jackson P. Op. cit. P. 213-214.

По прогнозам французской разведки, к концу года Третий рейх сможет выставить почти три тыс. ультрасовременных боевых машин.

Становившееся критическим положение французской авиации помимо указанных структурных проблем, связанных с экономическим кризисом и слабостью производственных мощностей, объяснялось также стремлением министра финансов радикала Ж. Бонне к экономии государственных средств в условиях экономического спада, ибо, по его мнению, финансовая стабильность и благополучие – как гарантия социального спокойствия в стране – были более значимы, чем вопросы перевооружения. Не последнюю роль сыграло шаткое положение министра авиации П. Кота, который из-за своих призывов к сближению с СССР подвергался все большей критике справа и весь 1937 г. пытался удержаться на посту⁴⁷². В подобных условиях он не рисковал требовать увеличения финансирования и даже специально преувеличивал успехи французской авиационной промышленности. Лишь к концу 1937 г. Кот решился признать острую необходимость модернизации авиации, но вскоре потерял свой пост. Нараставшее отставание французских военно-воздушных сил заставило начальника генштаба французских ВВС генерала Жозефа Вюймэна напрямую сообщить об этом новому молодому министру авиации, радикалу и соратнику Даладье – Ги ля Шамбру. По признанию генерала, имевшиеся на вооружении Франции боевые единицы устарели, моральный дух летного корпуса упал до небывалых масштабов: «если война с Германией начнется в этом году, ВВС Третьей Республики будут уничтожены в течение нескольких дней»⁴⁷³.

Ускорить полномасштабное перевооружение Франции, удалось лишь Э. Даладье. Став Председателем Совета министров в апреле 1938 г., он смог получить от парламента чрезвычайные полномочия для стабилизации экономического и финансового положения в стране. По словам С. Берстайна, Даладье во внутренней политике вплоть до лета 1938 г. так и не определился

⁴⁷² Ibid. P. 232.

⁴⁷³ Les événements... Vol. 3. P. 34.

с вопросом, сохранить ему коалицию трех партий Народного фронта или выступить за её распад⁴⁷⁴. Его кабинет все дальше отходил от курса, предусмотренного программой избирательного блока. Последний серьезный раскол по вопросам внутренней политики произошел 21 августа 1938 г., когда в радиообращении к нации Даладье объявил о своем намерении «вернуть Францию к работе»⁴⁷⁵. Это означало отказ от 40-часовой рабочей недели – главного завоевания Народного фронта в глазах многих французов – и повышенной платы за сверхурочные. По убеждению Даладье, сохранение этих социальных завоеваний в сложившихся обстоятельствах «могло бы окончательно парализовать все производства и сорвать программу перевооружения, тем самым поставив под угрозу национальную безопасность Третьей республики»⁴⁷⁶. Вскоре права рабочих на забастовку были ограничены, а оборонные заводы перешли на 50–60-часовую рабочую неделю, за отказ от работы сверхурочно к рабочим стали применять штрафы. Благодаря предпринятым мерам французский военно-промышленный комплекс постепенно начал выходить из кризиса. Однако драгоценное время уже оказалось упущенным – первые полноценные танковые формирования у Третьей республики появились лишь к началу 1940 г.⁴⁷⁷, а французская авиация по-прежнему значительно отставала от Люфтваффе. Неудивительно, что большинство политиков довольно низко оценивало шансы Франции на победу в потенциальной войне с Германией.

Вместе с тем, новые правительственные меры вызвали резкое сопротивление коммунистов и социалистов. Двое министров социальных республиканцев (парламентской группы умеренно левой направленности) – общественных работ Л.-О. Фроссар и труда П. Рамадье, в знак протеста ушли в отставку; их освободившиеся посты заняли Анатоль де Монзи и Шарль Помаре, также придерживавшиеся левых взглядов, но склонные к

⁴⁷⁴ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1982. P. 536.

⁴⁷⁵ *L'Humanité*. 22 août 1938.

⁴⁷⁶ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1982. P. 148.

⁴⁷⁷ *Doughty R.A.* Op. cit. P. 170-171.

сотрудничеству с кабинетом Даладьё. Коммунисты раскритиковали решения правительства, но из-за роспуска парламента на каникулы 17 июня 1938 г. устроить протестное голосование они не смогли, и коалиция Народного фронта формально сохранялась. После беспорядков в связи с делом Ставиского 6 февраля 1934 г. многие считали Францию «больной женщиной Европы». Непрерывная правительственная нестабильность последнего десятилетия — 24 смены кабинетов в период с 1930 по 1940 гг. — казалась достаточным свидетельством упадка парламентского режима. Вместе с тем, подчеркивает британский историк Э. Адамсвейт, «постоянное присутствие в ключевых министерствах, таких людей как Бриан, который неизменно возглавлял Кэ д'Орсе с 1925 по 1932 г., и Даладьё в военном министерстве с 1936 по 1940 г. — оказывало [на систему – *Н.Ш.*] серьезное, устойчивое влияние». ⁴⁷⁸

В условиях усиления угрозы со стороны Германии и риска начала войны в Европе для Третьей республики со все большей актуальностью вставал вопрос о необходимости укрепления военной мощи страны. Несмотря на то, что председатель Совета министров социалист Блюм добился запуска программы перевооружения страны, её выполнение периодически срывалось из-за социальных выступлений и структурных проблем французской промышленности. Как итог, даже с учетом предпринимаемых Третьей республикой мер в военной сфере, её руководство продолжало ощущать отставание от Германии. В политической элите Франции сложилось устойчивое убеждение в превосходстве Германии в авиационной, военной и промышленной сферах. Подобный образ мышления препятствовал выработке эффективных механизмов сдерживания Третьего рейха и поддержания европейской безопасности.

⁴⁷⁸ *Adamthwaite A. Op. cit. P. 28.*

2.3. Начало гражданской войны в Испании в оценках французской прессы

Гражданская война, начавшаяся 17 июля 1936 г. с мятежа военных в испанском Марокко, стала серьезным внешнеполитическим вызовом для Третьей республики. В обеих странах у власти находились правительства коалиции Народного фронта, созданные на основе левоцентристских сил. Испания, соседствующая с Францией, имела с ней протяженную сухопутную границу. Стабильность на Пиренеях и сохранение дружественных отношений между двумя государствами играли важную роль в обеспечении безопасности Третьей республики. Тем серьезнее перед официальным Парижем вставал вопрос о поддержке правительства испанского Народного фронта, когда против последнего был поднят вооруженный мятеж консервативно-националистических сил во главе с генералом Франко, солидаризировавшихся с режимами Гитлера и Муссолини. Наличие во главе Испании власти, союзной Германии, серьезным образом подрывало положение Франции и создавало с этой точки зрения серьезную угрозу для европейской безопасности в глазах руководства страны.

Глава республиканского правительства Испании Хосе Хираль вскоре после начала военного мятежа обратился к французскому правительству с просьбой о поставках вооружения и самолетов для его подавления. Председатель Совета министров Л. Блюм дал своё согласие, в чём получил поддержку министра иностранных дел радикала Дельбоса и министра авиации П. Кота. В тот же день Блюм встретился с испанским посланником в Париже Карденасом. Последний сообщил конкретные цифры запрашиваемых поставок: 20 бомбардировщиков, 8 пулеметов, 8 пушек, 250 000 пулеметных патронов, 4 млн. патронов и 20 000 бомб⁴⁷⁹. По словам историка и биографа главы СФИО Ж. Лакутюра, «просьба Хиралья отнюдь не была непомерной». К тому же международное право санкционировало помощь законному правительству, борющемуся против восстания, а в 1935 г. Мадрид и Париж

⁴⁷⁹ *Frank R. Le Prix du réarmement français, 1935–1939, Paris, 1982. P. 67-71.*

подписали торговое соглашение, «предусматривающее поставку французской военной техники в Мадрид на сумму до 20 млн. франков»⁴⁸⁰. Состоявшееся после получения телеграммы от Хираля заседание французского правительства одобрило поставку 20 бомбардировщиков Мадриду. Однако во время своего визита в Лондон 22 июля Блюм столкнулся с полным нежеланием Великобритании принимать какое-либо участие в развернувшемся на Пиренеях вооруженном конфликте, а также с резким осуждением британским политическим классом решения Третьей республики оказать содействие законному испанскому правительству. Блюму отчетливо дали понять, что, если он поставит вооружение официальному Мадриду, Франции придется разбираться с последствиями в одиночку, не рассчитывая на помощь Англии. Премьер-министр С. Болдуин и глава МИДа Э. Иден требовали от Блюма не соглашаться на поставки оружия испанским республиканцам. Английские политики и общественное мнение не скрывали намерения самоустраниться от конфликта. Главной целью для них было «изолировать гражданскую войну» и не допустить, чтобы она переросла в общеевропейскую. В британской прессе развернулась широкая кампания с призывом не вмешиваться в конфликт на Иберийском полуострове. Журнал «Экономист» 8 августа призвал «без промедления, дабы не быть втянутым в войну... изолировать конфликт... в Испании»⁴⁸¹.

Во время допроса на специальной парламентской комиссии второй половины 1940-х гг. Блюм утверждал, что глава Форин Офис Иден навестил его в отеле после переговоров и прямо спросил, намерен ли официальный Париж оказать поддержку республиканцам. Услышав утвердительный ответ, Иден заявил: «Это ваше дело. Но я прошу вас об одном – будьте осторожны»⁴⁸². Как отмечал С. Берстайн, любое давление Блюма на дипломатические решения Лондона в испанском вопросе было невозможным: ни премьер-министр Болдуин, ни министр иностранных дел Иден не верили,

⁴⁸⁰ *Lacouture J.* Op. cit. P. 306-307.

⁴⁸¹ *The Economist.* 8 august 1936.

⁴⁸² *Les événements...* Vol. I. P. 216.

что французский Народный фронт просуществовал дольше лета и уклонялись от просьб о встрече с председателем Совета министров. С их точки зрения, «большинство, включающее коммунистическую партию, и слабое правительство не могли быть союзником для англичан»⁴⁸³.

Непоколебимость позиции Великобритании продемонстрировали и дальнейшие переговоры между английскими и французскими представителями. К примеру, 7 августа в Париже состоялась встреча между Дельбосом и британским посланником Джорджем Клерком. Подчеркивая, что его визит носит исключительно «личный характер», посол предупредил о последствиях вмешательства Франции в конфликт на Пиренеях и поставок оружия в Испанию: «В столь критической ситуации я должен был предупредить об опасности любых действий, которые могли бы вовлечь французское правительство в качестве союзника одной из сторон конфликта и затруднить тесное сотрудничество между нашими двумя странами»⁴⁸⁴. В историографии нет разногласий между учеными о значительном влиянии Великобритании на окончательное решение Блюма о невмешательстве в испанские дела⁴⁸⁵. Однако, рассматривая обстоятельства его принятия, нельзя не учитывать и события, происходившие во внутривнутриполитической жизни Франции.

Французская пресса живо реагировала на начавшуюся в Испании гражданскую войну и сразу же приступила к обсуждению планов Л. Блюма осуществить поставки вооружения правительству в Мадриде. Испанский военный атташе в Париже Антонио Барросо, симпатизировавший франкистам, передал информацию о готовящихся французских поставках в правую газету «Эко де Пари». 23 июля на её передовице вышла статья Раймона Картье под названием «Посмеет ли французский Народный фронт вооружить Народный

⁴⁸³ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1988. P. 781.

⁴⁸⁴ DDF. 2 serie. T. 3. № 108. P. 158-159.

⁴⁸⁵ *Овинников Р.С.* За кулисами политики «невмешательства». М., 1959; *Малай В.В.* Указ. соч.; *Наумов А.О.* Указ. соч. // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 56. Июнь 2016; *Carlton D. Eden, Blum and the Origins of Non-intervention* // *Journal of Contemporary History*. Vol. 6. 1971; *Berstein S.* Op. cit. Paris, 2006.

фронт Испании?»⁴⁸⁶. В ней сообщалось, что посланники республиканского правительства Мадрида прибыли в Париж, чтобы добиться военных поставок, на что услышали одобрение Блюма. По утверждению журналиста, повстанцы во главе с Франко могли одержать победу и, зная, что их оппоненты получали военную помощь от Третьей республики, стали бы её врагами. «У Франции есть только одна граница, от которой не исходит угроза, – граница с Испанией. Увидим ли мы, что французский Народный фронт во имя революционной солидарности создаст [для нас – *Н.Ш.*] угрозу на Пиренеях, которые были безопасны в течение ста пятнадцати лет?».

Статья в «Эко де Пари» вызвала эффект разорвавшейся бомбы и способствовала дальнейшей поляризации общественно-политических сил. Как уже говорилось, в середине 1930-х гг. Третья республика находилась в состоянии политического кризиса и новые внешнеполитические вызовы лишь обостряли положение. По словам отечественного историка В.В. Малай, «начавшаяся в правой французской печати антиреспубликанская и антиправительственная кампания, наложившаяся на впечатления премьера от поездки в Лондон, вынудили Блюма отступить»⁴⁸⁷.

Вот как Блюм описывал своё возвращение из Лондона после переговоров 22 июля в выступлении на парламентской комиссии, заседавшей во второй половине 1940-х гг. Когда он приземлился на аэродроме Ле Бурже, на посадочной полосе он увидел вместе с несколькими ожидавшими его друзьями государственного министра Камиля Шотана. Тот заявил Блюму: «хочу сообщить вам о происходящем в Париже; все сложно... поскольку вы были в Лондоне, вы, возможно, не знали, что Кериллис начал громкую кампанию в “Эко де Пари”, что все достигнутые [с испанскими республиканцами – *Н.Ш.*] договоренности были обнародованы и опубликованы самым точным образом, вызвав значительные эмоции, особенно в парламентских кругах»⁴⁸⁸. Председатель Сената Ж. Жаннене

⁴⁸⁶ L'Écho de Paris. 23 juillet 1936.

⁴⁸⁷ Малай В.В. Указ. соч. С. 46-47.

⁴⁸⁸ Les événements... Vol. 1. P. 216.

спрашивал у Блюма в тот же день: «Как вы могли это совершить [согласиться на поставки вооружений Мадриду – *Н.Ш.*]? Никто здесь этого не понимает». По словам сенатора, намерения Блюма «начать предприятие, последствия которого нельзя точно измерить», мысль, что Франция возможно движется к войне во имя Испании, «в то время как 7 марта прошлого года колебалась» и, наконец, сдалась, когда дело касалось ремилитаризации Рейнской области и прямой, непосредственной безопасности Франции, – «вот, чего здесь никто не может понять... Мы знаем... что, если бы из-за вмешательства в испанский вопрос в Европе возникли сложности, Англия не поддержала бы нас»⁴⁸⁹.

Вскоре стало ясно, что серьезный раскол намечался не только в рядах политиков, но и в правительственном кабинете. Совет министров по вопросу военной помощи Мадриду состоялся 25 июля. Однозначными сторонниками невмешательства выступили радикалы Камиль Шотан, Ивон Дельбос и Поль Бастид. В лагере их противников оказались государственный министр Морис Виоллет, министр финансов Венсан Ориоль, министр авиации Пьер Кот, министр национального образования Жан Зей⁴⁹⁰. В условиях отсутствия единого мнения членов правительства Блюм решил отступить и взять курс на невмешательство в испанские дела.

Одновременно 2 августа 1936 г. Третья республика обратилась к ведущим европейским странам с предложением запретить любые поставки вооружения в Испанию и строго придерживаться принципов невмешательства. В обращении подчеркивалось, что до достижения необходимого соглашения Франция будет сохранять свободу действия в предоставлении помощи законному испанскому правительству. Однако уже 8 августа первый кабинет Народного фронта в одностороннем порядке отказался от любой поддержки республиканского Мадрида. По поручению Блюма французский МИД разработал «Декларацию о невмешательстве в дела

⁴⁸⁹ Ibidem.

⁴⁹⁰ Léon Blum, chef de gouvernement 1936–1937. Paris, 1967. P. 409.

Испании»⁴⁹¹. После одобрения документа 27 европейскими государствами, в том числе Италией и Германией, он вступил в силу 24 августа 1936 г.

Несмотря на официально заявленную готовность следовать принципам нейтралитета, Германия и Италия бесперебойно снабжали мятежников вооружением и авиацией практически с первых дней войны. 22 июля представители Франко прибыли в Рим для того, чтобы запросить военные поставки у Муссолини, и уже через несколько дней в испанское Марокко было переброшено 11 итальянских грузовых самолетов «Савойя-81»⁴⁹². С этого момента не прекращалась постоянная помощь фашистского режима мятежным военным. Аналогичная просьба 22 июля поступила к Германии. Во время личной встречи с эмиссарами Франко Гитлер гарантировал им полную поддержку. Сразу после переговоров он распорядился организовать набор «добровольцев» (первые из них прибыли в Испанию 5 августа) и поставки военных материалов.

Обострившиеся в конце июля – начале августа 1936 г. общественно-политические дискуссии во Франции вокруг гражданской войны в Испании приобрели ожидаемую полярность в зависимости от политической направленности их участников. Оценки разнились – и порой радикально – с продвижением от крайне правого фланга к крайне левому. Принадлежность к тому или иному политическому крылу политиков или общественных деятелей, предопределяло их отношение к сторонам конфликта и рекомендации правительству Третьей республики по поводу необходимых внешнеполитических шагов. Блюм вынужден был считаться с этими мнениями при выработке линии взаимодействия с республиканской Испанией.

Несмотря на тот факт, что однозначная приверженность Великобритании политике невмешательства серьезным образом повлияла на выбор Блюма, по словам Э. Адамсвейта, важнейшей причиной для главы

⁴⁹¹ DDF. 2 serie. T. 3. № 150. P. 231.

⁴⁹² Томас Х. Указ. соч. С. 208-220.

правительства все же стал колоссальным раскол во французских общественно-политических кругах, грозивший, как тому казалось, развертыванием гражданской войны уже в пределах Третьей республики⁴⁹³. Реакция крайне правых политических сил на мятеж Франко в качестве выступления «сил порядка» против «хаоса и анархии», якобы порожденных левоцентристским испанским правительством, полностью соответствовала характерному для них яростному антикоммунизму. На страницах газеты «Аксьон франсез» один из лидеров правых националистов Л. Доде писал: «Само собой разумеется, я желаю окончательной победы Военному фронту, который спасет эту великую цивилизованную страну от коммунистического варварства»⁴⁹⁴. Крайне правые не сомневались в победе мятежников в «священной войне», предрекая «скорый крах» левых сил на Пиренеях⁴⁹⁵. По мнению «Аксьон франсез», поддержка нейтралитета в испанских делах была особенно важна в условиях угрозы, исходившей от Третьего рейха: выступив на стороне испанского Народного фронта, Франция рисковала «настроить против себя испанских контрреволюционеров и в случае [будущего глобального – *Н.Ш.*] конфликта ей пришлось бы защищать границу на Пиренеях, отвлекая ресурсы от обороны границы с Германией»⁴⁹⁶.

Общий антикоммунистический посыл и вера в победу Франко смешивались с взятым на вооружение крайне правыми пацифизмом. В конце июля 1936 г. глава «Аксьон франсез» Ш. Моррас пугал читателей скорым началом «новой европейской войны», если французское правительство станет поддерживать республиканский Мадрид: «Как только ваше государство [имеется в виду правительство Народного фронта – *Н.Ш.*], которым вы управляете, перейдет на сторону испанского правительства, другие государства [Германия и Италия – *Н.Ш.*] встанут на сторону его

⁴⁹³ Adamthwaite A. Op. cit. P. 44.

⁴⁹⁴ L'Action française. 28 juillet 1936.

⁴⁹⁵ Ibid. 29 juillet 1936.

⁴⁹⁶ Ibid. 26 juillet 1936.

противников»⁴⁹⁷. По убеждению Морраса, это неизбежно приведет к вооруженному столкновению двух образовавшихся коалиций и даже поставка самолетов сможет превратиться в повод к его развертыванию: «французский самолет имеет все шансы столкнуться в небе Африки или Европы с самолетами других наций [Германии и Италии – *Н.Ш.*]. Но это будет означать войну. Войну! Войну! ... противоположность “Миру”, включенному в вашу предвыборную программу [Народного фронта – *Н.Ш.*] с “Хлебом” и “Свободой”. Если вы этого не понимаете, то мы, видимо, должны обратиться ко всем женам и всем матерям, ко всем молодым людям, занятым другой работой, кроме профсоюзной или политической болтовни!»⁴⁹⁸.

Несмотря на столь безапелляционные требования нейтралитета Франции со стороны крайне правых, они на протяжении июля – августа 1936 г. полностью игнорировали призывы левых газет прекратить вмешательство в гражданскую войну Германии и Италии, которые продолжали отправлять Франко военные поставки. По мнению газеты «Аксьон франсез», попытка заблокировать действия фашистских государств была чревата «открытым столкновением Франции с ними». Немецкую и итальянскую военную помощь Морис Пужо на страницах газеты «Аксьон франсез» объяснял «идиотским упрямством Блюма и Кота», которые, невзирая на все риски, стремятся организовать военную помощь республиканцам Мадрида, что «не оставляет Муссолини иного выбора», кроме как поддержать Франко в ответ на французские инициативы: «Вот они, труды Блюма и Кота. Вот и она – интернационализация гражданской войны в Испании... Французские самолеты, с одной стороны, немецкие и итальянские – с другой, будут мериться силами в испанском небе? Нужно быть большим оптимистом, чтобы надеяться, что поле битвы не разрастется!»⁴⁹⁹.

Моррас приветствовал решение о невмешательстве, принятое Францией 8 августа, и еще раз предостерег политиков Народного фронта от опасных

⁴⁹⁷ Ibid. 28 juillet 1936.

⁴⁹⁸ Ibidem.

⁴⁹⁹ Ibid. 30 juillet 1936.

авантюр: «Политическое благоразумие говорит: мы не должны вмешиваться. А если вмешиваются другие [Германия и Италия – *Н.Ш.*], то еще сильнее надо стремиться оставаться в стороне. И чем больше будут вмешиваться другие, тем больше Франции придется остерегаться всякой интервенции... Силой обстоятельств мы получим в качестве непосредственных противников два крупнейших в военном отношении государства Европы [Германию и Италию – *Н.Ш.*], одно из которых является нашим естественным врагом, а другое легко могло бы снова стать другом и союзником, если бы французские поджигатели войны [из левых партий – *Н.Ш.*] не выступали против него, мечтая нанести по нему жестокие удары»⁵⁰⁰. Французские правые сохраняли уверенность в возможном сближении с дуче как союзником в будущем противостоянии с Германией и тем яростнее реагировали на первоначальные планы Блюма об отправке вооружений, рискующие окончательно оттолкнуть Италию и сделать её врагом Третьей республики.

Отечественный исследователь В.Э. Молодяков отмечает, что позиция французских крайне правых была обусловлена несколькими факторами: «с одной стороны, идеологическими мотивами (исходя из идеи “латинского единства”, были “хорошие” и “плохие” испанцы, но не было «хороших» немцев и русских); с другой, соображениями практической политики и их понимания национальных интересов Франции (не помогать “плохим” республиканцам, не конфликтовать с “хорошими” националистами, имевшими большие шансы на победу)»⁵⁰¹. Моррас и его соратники считали фатально неизбежным начало новой войны с Германией и поэтому выступали за обеспечения безопасности границ на Пиренеях и в Альпах, главным условием которой называли отсутствие конфликтов и дружественные отношения с Испанией и Италией. По убеждению националистов, политический курс правительственной коалиции Народного фронта мог провоцировать подобного рода конфликты⁵⁰².

⁵⁰⁰ Ibid. 10 août 1936.

⁵⁰¹ Молодяков В.Э. Указ. соч. 2019. Т. 12. № 4. С. 180.

⁵⁰² Там же.

На схожих позициях стояла и традиционная правая пресса. Газета «Эко де Пари», с которой в 1936 г. активно сотрудничал правый депутат от политического объединения Независимые республиканцы Анри де Кериллис, практически с первых дней гражданской войны называла её виновниками испанских коммунистов и «стоявшую за ними Москву»⁵⁰³. «Крайне левые в Испании, – писала газета, – стремились к “уничтожению капитала”, “национализации банков”, “рабочему контролю на предприятиях”», что сопровождалось «грабежами, пожарами, всеобщими или частичными забастовками»⁵⁰⁴. В подобной ситуации, полагали правые, патриоты-военные не могли бездействовать. Сам конфликт газета вскоре стала рассматривать как борьбу не «между демократическими принципами и фашизмом, а между большевизмом и фашизмом»⁵⁰⁵. Де Кериллис выступил резко против французской военной помощи официальному Мадриду, т. к. она, «вероятно, приведет к вмешательству [Германии и Италии – *Н.Ш.*] и превратит Испанию в поле битвы, где коммунизм и фашизм столкнутся друг с другом в решающей борьбе», а передача правительству испанского Народного фронта военных поставок неизбежно ввергнет Францию в европейскую войну «на стороне СССР». Де Кериллис требовал, чтобы «Франция не ввязывалась в испанскую драму». По его убеждению, «подавляющее большинство французов ничего другого и не желает»⁵⁰⁶.

Стоит вспомнить, что именно де Кериллис сделал сведения о планируемых поставках французских бомбардировщиков Мадриду достоянием широкой общественности, когда получил их от испанского профранцистски настроенного военного атташе майора А. Бароссо. Тем самым, политика можно по праву назвать инициатором масштабной антивоенной кампании, запущенной в СМИ. По утверждению «Эко де Пари», Третья республика, выражая свои симпатии испанскому правительству

⁵⁰³ L'Écho de Paris. 21 juillet 1936.

⁵⁰⁴ Ibidem.

⁵⁰⁵ Ibid. 28 juillet 1936.

⁵⁰⁶ Ibid. 25 juillet 1936.

Народного фронта, в глазах мировой общественности создает образ «сторонника большевизма и коммунистической революции», в то время как «образ Германии, стремящейся поглотить мир, приобретает черты государства, желающего спасти великие принципы [порядка и стабильности – *Н.Ш.*]». В итоге «страны, отвергавшие фашизм, от ужаса перед большевизмом встают на сторону первого. И, в частности, от нас [французов – *Н.Ш.*] отворачиваются Англия и все англо-саксонские народы»⁵⁰⁷.

Главную угрозу для европейской безопасности де Кериллис по-прежнему видел в Германии, поэтому разрыв близких отношений между Англией и Францией из-за конфликта на Пиренеях представлялся ему серьезной опасностью, как и приближение начала войны с рейхом из-за поддержки испанских республиканцев. Политик не сомневался: даже если Франко станет верным союзником Гитлера, это не будет иметь столь страшных для Третьей республики последствий, как «победа коммунизма на Пиренеях», поскольку «коммунистическая Испания немедленно охватила бы революционным огнем [французские владения – *Н.Ш.*] в Северной Африке, в которые он проник бы через испанское Марокко». Следствием этого будет европейская война с предсказуемыми последствиями: «Англия, безусловно, предпочтет гитлеровский режим русскому режиму. В войне, отправной точкой которой станет Испания, консервативная и колониальная Англия более или менее открыто выступит против нас»⁵⁰⁸. Даже после того, как появилась информация о немецких и итальянских поставках мятежникам Франко, де Кериллис призывал сохранять нейтралитет, ибо в противном случае Франция «будет ввергнута в войну под флагом коммунизма»⁵⁰⁹.

По его убеждению, лидеры восставших всегда благосклонно относились к Франции и, даже если среди них и находились симпатизировавшие нацистской Германии, не стоило предоставлять им повод разочаровываться в Третьей республике: «В Испании граждане никогда не совершали ни

⁵⁰⁷ Ibidem.

⁵⁰⁸ Ibidem.

⁵⁰⁹ Ibid. 5 août 1936.

малейшего враждебного действия против нашей страны. Генерал Франко всегда проявлял себя горячим другом... Если правда, что некоторые части армии имеют прогерманскую направленность, то это стало бы еще одной причиной для нашей дипломатии быть осмотрительной и не давать им ни малейшего предлога для недовольства»⁵¹⁰.

Другой видный деятель Независимых республиканцев – Жорж Мандель также однозначно выступил за политику невмешательства. Он предупреждал: если Франция включится в конфликт, «мы окажемся на прямом пути к [европейской – *Н.Ш.*] войне без помощи со стороны англичан... в этой битве двух радикальных идеологий [фашизма и коммунизма – *Н.Ш.*] демократические страны должны остаться в стороне. Франция должна сохранять хладнокровие и защищать свои национальные интересы»⁵¹¹. Эти интересы, по мнению Манделя, заключались в том, чтобы не допустить начала войны с Германией в тот момент. Одновременно он хотел, чтобы «Франция и Англия предупредили Германию, что они не потерпят прямого вторжения рейха в Испанию... Мы не хотим второй границы с Германией»⁵¹². Не случайно в 1938 г., когда возникнет реальная угроза превращения Испании в базу стран оси, Мандель выступит за военные поставки республиканскому правительству⁵¹³.

Схожие точки зрения звучали и на страницах других ведущих правых буржуазных газетах. К примеру, известный французский писатель Франсуа Мориак, сотрудничавший с «Фигаро», признавался, что его «сердце разрывается» при виде фотографий погибших в конфликте испанцев, неважно, были ли они республиканцами или сторонниками Франко; но «какими бы стали боль и позор [для Франции – *Н.Ш.*]», если бы житель Испании смог заявить, что его соотечественники гибнут от пуль, поставленных правительством Блюма. «Если бы было доказано, – продолжал Мориак, – что

⁵¹⁰ L'Écho de Paris. 28 juillet 1936.

⁵¹¹ L'Ami du peuple. 9 octobre 1936.

⁵¹² Ibid. 24 décembre 1936.

⁵¹³ Sherwood J. Op. cit. P. 192.

наши лидеры активно сотрудничают в бойне на Полуострове, то мы бы узнали, что Францией правят не государственные деятели, а главари банды, подчиняющиеся приказам организации, которую по праву можно назвать интернационалом ненависти [речь идет о Коминтерне – *Н.Ш.*]... И мне кажется, что я выступаю от имени огромного числа людей, принадлежащих к разным партиям... когда говорю Леону Блюму, который горит желанием вмешаться, который, возможно, уже вмешался в эту резню: “Будьте осторожны, мы никогда не простим вам этого преступления”»⁵¹⁴.

«Фигаро» с радостью встретила одобренное 8 августа 1936 г. левоцентристским кабинетом Народного фронта решение сохранить нейтралитет. При этом газета отвергала аргументы тех, кто утверждал, что фашистские государства нарушают призыв к невмешательству и осуществляют военные поставки Франко: «На самом деле речь не идет о том, чтобы играть в отвратительную детскую игру, которая состоит в том, чтобы сказать: “Это другой начал [речь о вмешательстве Италии и Германии на стороне Франко – *Н.Ш.*]”, а затем добавить: “Поскольку такой-то сделал это, я могу повторить”. Несомненно, найдется какая-нибудь горячая голова, готовая рассуждать таким образом. Опять же, это было бы безумием. Если какая-то страна совершает то, что является нарушением международного права, это не повод ей подражать»⁵¹⁵.

Об однозначной приверженности к нейтралитету заявили и другие правые печатные издания Третьей республики. 1 августа 1936 г. «Пети Паризьен» писала, что «в интересах мира необходимо соблюдать строгий нейтралитет»⁵¹⁶, а на страницах «Ле Журналь» журналисты рассуждали о недопустимости отступления от международного права и вмешательства во внутренние дела другого государства: «Франция, обязанная оставаться нейтральной, не имеет возможности поставлять оружие в Испанию... Сейчас

⁵¹⁴ Le Figaro. 25 juillet 1936.

⁵¹⁵ Ibid. 1 août 1936.

⁵¹⁶ Le Petit Parisien. 1 août 1936.

не время и не место для подобного»⁵¹⁷. При этом большинство правых газет, не являвшихся печатными органами политических партий, не публиковали крупных аналитических статей, в основном уделяя внимание подробному пересказу хода боевых действий, сведения о которых они получали от специальных корреспондентов, работавших на месте событий с первых дней гражданской войны. Они не занимались поисками виновных во вспыхнувшем конфликте, сосредоточившись на описании ужасов боевых действий. Журналисты как бы предупреждали читателей о том, что может грозить их собственной стране в случае дальнейшего укрепления позиций левых партий французского Народного фронта, коммунистов и социалистов, между которыми правые часто ставили знак равенства и единства действий которых – особенно в Палате депутатов – они опасались.

Анализ крайне правой и правой прессы свидетельствует, что Л. Блюм, изначально собиравшийся поддержать республиканское правительство Испании поставками вооружения, столкнулся с серьезной оппозицией со стороны правых политических сил. Возможно, Блюму удалось бы сохранить верность изначальному замыслу, если бы он встретил содействие и понимание в рядах левоцентристских сил Народного фронта, но и там ему не удалось найти прочной опоры.

Радикалы уже в июле 1936 г. в своей прессе высказались против вмешательства в испанские дела. Официального печатного органа у партии не было. Но их взгляды выражали многие издания – «Эвр», «Депеш», «Эр Нувель». С одной стороны, радикалы демонстрировали симпатии законному испанскому правительству. «Несомненно, – писала “Депеш” 31 июля, – если бы мы только слушали свое сердце, если бы позволяли себе руководствоваться только сочувствием, мы бы сказали: “поскольку генерал Франко является представителем и агентом фашистских сил, наш долг — прийти на помощь испанским республиканцам всеми имеющимися в нашем распоряжении

⁵¹⁷ Le Journal. 27 juillet 1936.

средствами”»⁵¹⁸. В то же время радикалы подчеркивали, что, несмотря на немецкую и итальянскую помощь мятежникам, Франции следует сохранять нейтралитет, так как в противном случае вся Европа втянется в войну: «Да, конечно, у нас складывается впечатление, что из определенных стран генералу Франко идут подкрепления в виде самолетов, оружия, боеприпасов, денег, но эти подкрепления, эта помощь, эта поддержка не являются ли они приманкой на конце крючка [поводом к развязыванию мировой войны – *Н.Ш.*]? Мы задаем вопрос со всей откровенностью и с необходимым хладнокровием и говорим в заключение, что мы полностью одобряем позицию благоразумия, принятую французским правительством, позицию, которая, может быть, оскорбляет, на первый взгляд, наши глубокие чувства, наше природное великодушие, но которая, если вдуматься всерьез, является единственным способом сорвать намерения реакционных и фашистских сил и их провокации. Мы занимаемся политикой, исходя не из чувств, а из разума»⁵¹⁹.

На страницах «Депеш» в августе 1936 г. видный сенатор-радикал Эме Бертод писал, что цель невмешательства – «не допустить, чтобы эти два блока [фашистских государств и коммунистов – *Н.Ш.*] быстро ввергнули нас как внутри, так и за пределами наших границ в темное, давно минувшее время религиозных войн, войн без жалости»⁵²⁰. В нынешней международной обстановке, продолжал политик, «Франция вынуждена думать прежде всего о своем спасении, и если мы начнем сражаться на испанской земле, сторонники и противники фашизма, немцы и итальянцы, с одной стороны, французы, с другой, то где мы окажемся?»⁵²¹. Радикал, бывший главный секретарь партии, Альбер Мило со страниц другой крупной газеты также приветствовал выбор нейтралитета правительством Третьей республики. В «Эр Нувель» он с удовольствием декларировал: «Если политика – это искусство избегать

⁵¹⁸ La Dépêche. 31 juillet 1936.

⁵¹⁹ Ibidem.

⁵²⁰ Ibid. 13 août 1936.

⁵²¹ Ibidem.

сложностей вдоль своих границ, правительство следует поздравить с тем, что оно, наконец, отказалось вмешиваться в жестокую ссору в Испании»⁵²².

Точка зрения, отображенная на страницах радикальной прессы, полностью совпадала с общими настроениями в партии радикалов. Так, председатель Палаты депутатов радикал Э. Эррио в конце июля при личной встрече с Л. Блюмом сказал ему: «Ох! Я тебя прошу, мой мальчик, я тебя прошу, не ввязывайся в это»⁵²³. Схожее мнение было и у министров-радикалов. По утверждению С. Берстайна, министр иностранных дел И. Дельбос, изначально пусть и сдержанно, но поддержавший план Блюма о военных поставках испанским республиканцам, вскоре высказался о нем с непримиримой враждебностью и «увлек за собой большинство радикалов»⁵²⁴.

Социалистическая «Попюлер» заняла неоднозначную позицию. На протяжении июля 1936 г. газета критиковала правую французскую прессу за излишние нападки на официальный Мадрид. Социалисты отмечали, что мятежники выступили против «законно избранного народом правительства, против конституции», а военные проявляли к населению «жестокость» и «насилие»⁵²⁵. «Попюлер» осуждала французских правых, которые «делают все, чтобы офицеры-преступники и мятежные генералы» воспринимались в глазах читателей как служители порядка, не желая признавать, что «военная диктатура подчинит рабочих, разрушит демократию и поддержит несколько сотен эксплуататоров труда... Порядок, Родина, армия для этих консерваторов представляют интерес только при условии служения капитализму и его целям»⁵²⁶.

Деятели СФИО обличали вмешательство в испанские события фашистских государств: «Дело в том, что ни немецкий, ни итальянский фашизм не ограничиваются тем, что просто выражают свои симпатии к

⁵²² L'Ère Nouvelle. 1 août 1936.

⁵²³ Les événements... Vol. 1. P. 216-217.

⁵²⁴ Berstein S. Op. cit. Paris, 1982. P. 476.

⁵²⁵ Le Populaire. 22 juillet 1936.

⁵²⁶ Ibidem.

мятежникам в Испании, которые, по их собственному признанию, охотно откликаются на название “фашисты”. Они, не стесняясь, оказывают материальную помощь военным, участвовавшим в гражданской войне, поставками самолетов и заявляют, что при случае будут поддерживать их отправкой кораблей»⁵²⁷. В связи с вышеупомянутым «Попюлер» еще более возмутилась позицией французской правой прессы, которая, по ее мнению, «ставит политику своей страны в зависимость от фашистских диктаторов. Под предлогом осторожности она просто опускает флаг, причем на поистине унижительных условиях». Несмотря на то, что малейший намек на солидарность с испанским правительством со стороны Третьей республики вызывал осуждение правых, в их статьях, писали социалисты, «вы не найдете ни слова протеста против этого нарушения прав народов [со стороны Италии и Германии – *Н.Ш.*]»⁵²⁸. СФИО осознавала угрозу для страны победы франкистов в Испании и считала, что она еще больше укрепит позиции Третьего рейха и подтолкнет его к дальнейшим агрессивным шагам: победа Франко в Испании — это «Франция, окруженная фашистскими державами, и серьезно возросшая угроза крупномасштабной европейской войны»⁵²⁹.

Вместе с тем, газета «Попюлер» избегала любой критики политических шагов кабинета Блюма. В её номерах за июль – август не прозвучало ни одного призыва поддержать испанских республиканцев вооружением или оценить, правильный ли курс проводит правительство Третьей республики. Эти вопросы полностью игнорировались изданием. Первоначальное намерение Блюма отправить республиканцам французские военные самолеты обходилось молчанием, из чего можно предположить, что далеко не все социалисты разделяли подобные устремления своего лидера. Единственное открытое недовольство звучало по поводу помощи, оказываемой франкистам Германией и Италией. «Попюлер» предлагала ввести международным сообществом мораторий на военные поставки из фашистских государств:

⁵²⁷ Ibid. 31 juillet 1936.

⁵²⁸ Ibidem.

⁵²⁹ Ibid. 1 août 1936.

«Нельзя упускать из виду ни один способ прорвать блокаду, которую следовало бы установить вокруг Испании»⁵³⁰.

Чуть ли не единственными сторонниками всесторонней поддержки официального Мадрида были деятели французской компартии. Для них генерал Франко и его соратники безоговорочно являлись «фашистскими варварами»,⁵³¹ мятежниками, выступившими «против своей страны, против ее законно изъявленной воли»⁵³². Печатный орган ФКП «Юманите» утверждал, что франкисты, именовавшие себя «защитниками порядка, могут создать только анархию, их “порядок” — это несправедливость». Коммунисты постоянно подчеркивали «законность избрания [республиканского правительства – *Н.Ш.*] как выражения всеобщей воли испанского народа», называли его «кабинетом приверженцев мира»⁵³³. «Юманите» жестко полемизировала с авторами передовиц ведущих буржуазных французских газет. Коммунисты считали клеветой обвинения в том, что именно их испанские однопартийцы развязали гражданскую войну в Испании, возлагая всю ответственность за неё на сторонников Франко, против которых объединилась большая часть демократических сил: «Правда в том, что весь испанский народ встает на защиту [своей страны – *Н.Ш.*]: республиканцы, радикалы, либералы, социалисты, коммунисты, анархисты, мужчины, женщины, дети, часть армии, флота, республиканской полиции, все те, у кого в сердце любовь к свободе Испании»⁵³⁴.

В первые дни гражданской войны ФКП делала основной акцент на необходимости единства антифашистских сил внутри Франции и организации помощи Испании: «для окончательной победы Республики над вождями мятежников более чем когда-либо требуется единство!»⁵³⁵. В противном случае, это только бы усилило позиции Третьего рейха и в еще большей

⁵³⁰ Ibid. 14 août 1936.

⁵³¹ РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 3. Д. 18. Л. 28.

⁵³² L'Humanité. 23 juillet 1936.

⁵³³ Ibidem.

⁵³⁴ Ibid. 29 juillet 1936.

⁵³⁵ Ibid. 21 juillet 1936.

степени создало угрозу для безопасности в Европе. 23 июля 1936 г. ведущий внешнеполитический аналитик «Юманите» Габриэль Пери выдвинул тезис, ставший главным аргументом ФКП в защиту республиканской Испании: «[Если франкисты победят – *Н.Ш.*], Гитлер получит форпост в Средиземном море недалеко от Франции. Подкрепленный союзом с Италией, австро-германским соглашением, Третий рейх устремится к самым безумным авантюрам». Свою статью Пери закончил следующими словами: «Мы, которые хотим защитить дома рабочих от войны, от всего сердца желаем победы республики в Испании, победы сторонников мира в Европе»⁵³⁶.

С критикой публикаций правой прессы выступил и лидер компартии Марсель Кашен: «все газеты французского буржуазного класса находятся на стороне военачальников повстанцев. Наша пресса [имеется в виду правая – *Н.Ш.*] представляет собой самое грустное зрелище. Она призывает Леона Блюма отказаться от помощи республиканцам, которых убивают тысячами. Мы не должны забывать, что единственными виновниками гражданской войны в Испании, единственными ее инициаторами являются фашистские генералы. [Мы должны ответить на ложь тех – *Н.Ш.*] в нашей стране, кто цинично аплодирует преступлениям своих друзей в Испании. По правде говоря, французские фашисты предают свою страну в угоду Гитлеру и Муссолини. Потому что, если бы франкистский фашизм восторжествовал в Испании, он стал бы союзником Гитлера против Франции!»⁵³⁷. Французская пресса, которая подняла много шума из-за так называемой помощи правительства Народного фронта испанской республике, старается не показывать происки нацизма и итальянского фашизма в Италии⁵³⁸, – отмечал в своих записях коммунист, деятель Коминтерна А. Марти. Он критиковал также и некоторых членов коалиции Народного фронта, например, радикала, основателя и одного из главных авторов газеты «Републик» Э. Роша, который после начала гражданской войны в Испании объявил, что французскому

⁵³⁶ Ibid. 26 juillet 1936.

⁵³⁷ Ibid. 25 juillet 1936.

⁵³⁸ РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 3. Д. 18. Л. 26.

правительству «требуется задуматься о допустимом размахе социальных реформ, чтобы не спровоцировать такой же конфликт в своей стране»⁵³⁹.

Г. Пери в статье 27 июля 1936 г. доказывал, что нейтралитет в понимании французских правых равносителен поддержке сторонников фашизма: «бывшие поборники “полезной интервенции” против русской революции морщатся и комичным тоном говорят Леону Блюму: “Мы призываем вас к нейтралитету”. Что это значит? Что Франция, французское государство, французская армия не вмешиваются в политику соседней страны? Если бы это было так, то у нас не было бы возражений. Никто в Народном фронте не выступал за интервенцию в такой форме... Быть нейтральным [для правых – *Н.Ш.*] означает лишь запретить нам выражать сочувствие демократии, подвергшейся нападению фашизма. Быть нейтральным в их понимании — значит запрещать французским гражданам помогать законному правительству Испании, снабжать его материальными средствами для подавления мятежа. Короче говоря, быть нейтральным — значит поступать так, чтобы способствовать победе мятежников»⁵⁴⁰. В другой статье Пери написал: «Термин “нейтралитет” используется слишком часто, неправильно и без разбора. Правительство, которое мешает предоставлению военных средств другому законному правительству, не будет нейтральным. Оно будет сообщником повстанцев»⁵⁴¹.

По мнению «Юманите», не существовало никакой надежды на соблюдение фашистскими государствами этой внешнеполитической линии: «вообразать, что Гитлер и Муссолини стараются не снабжать повстанцев, потому что Франция соблюдает строжайший нейтралитет, — это иллюзия, граничащая с безумием. Чем больше колеблется французское правительство, тем больше фюрер считает себя вправе проявлять цинизм»⁵⁴². Сама политика невмешательства, отмечала «Юманите», серьезным образом влияет на ход

⁵³⁹ Там же. Л. 18.

⁵⁴⁰ L'Humanité. 25 juillet 1936.

⁵⁴¹ Ibid. 31 juillet 1936.

⁵⁴² Ibid. 9 août 1936.

конфликта. Мятежники неспособны победить законное правительство без поддержки Гитлера и Муссолини. И когда французские политики призывают к невмешательству, они блокирует возможность для республиканского правительства бороться с превосходящими их силами объединенных фашистских режимов: «помешать законному и дружественному правительству вести торговую деятельность так, как ему заблагорассудится, значит организовать невыносимую блокаду, это значит посягнуть на суверенитет государства, это значит ВМЕШАТЬСЯ»⁵⁴³. Однако подобные аргументы оставались не услышанными в других партиях, французскими СМИ и большей частью населения Третьей республики.

Как известно, скорость распространения сведений в прессе в одночасье может сделать любую информацию достоянием широкой общественности. Полученные правыми данные о возможных французских поставках испанским республиканцам в августе 1936г. моментально стали основной темой обсуждения ведущих французских газет, общий тираж которых составлял несколько миллионов экземпляров ежедневно. Пресса Третьей республики оказалась разделенной, позиции могли быть прямо противоположными, а следовательно, такая же картина наблюдалась среди её читателей. Однако, несмотря на различия во взглядах на действия участников конфликта на Пиренеях и его причины, значительную часть крайне правых, право- и левоцентристских общественно-политических сил объединяла приверженность политике «нейтралитета» как единственно верного способа поддержания европейской безопасности в целом и французской, в частности. Большинство общественных и политических деятелей видели в действиях Гитлера существенную угрозу для Франции и европейской безопасности, но считали, что помощь испанским республиканцам подтолкнет Франко (в победе которого правые не сомневались) к союзу с Гитлером и сделает его врагом Франции, чем еще больше подорвет её безопасность. Более того, поддержка левых сил в Испании, по мнению многих правых, угрожала оттолкнуть

⁵⁴³ Ibidem.

Великобританию от Третьей республики и ускорить начало войны с Третьим рейхом в тех условиях, когда страна еще не была к ней готова и привести к победе мирового коммунизма. Пресса создавала общественное мнение, чаще всего являясь рупором определенных политических партий страны. К мнению национальной прессы по вопросу военной помощи испанскому Народному фронту не мог не прислушиваться кабинет Блюма. Консерваторы-националисты, колеблющиеся правые и левые центристы, развернувшие на страницах газет беспрецедентную по своим масштабам кампанию, взяли верх и, используя прессу как инструмент давления, вынудили правительство, не сумевшее выработать единой линии поведения, проводить нужный им политический курс.

Социалист Л. Блюм, скорее склонявшийся к необходимости поддержки испанских республиканцев, оказался лишенным опоры и внутри своей собственной партии, которая, симпатизируя законно избранному испанскому правительству Народного фронта, все же не желала вмешиваться в военный конфликт. Еще более определенно и негативно высказывались радикалы – союзники социалистов по правительственной коалиции, недвусмысленно давшие понять о своей приверженности к нейтралитету, чтобы не спровоцировать войну с Германией. Пойти наперекор как собственным однопартийцам из СФИО, так и соратникам по объединению Народного фронта, опираясь главным образом на поддержку коммунистов, в отношении с которыми у соцпартии сохранялись многочисленные «подводные камни», Блюм не решился⁵⁴⁴. Голос консервативной и правоцентристской прессы громко прозвучал и завладел пацифистски настроенным французским общественным мнением. Страх перед крупномасштабной войной с Германией, перед возможной в условиях гражданской войны и обострения социальной напряженности коммунистической революцией на Пиренеях и, как следствие, ростом влияния радикальных левых во Франции, перед угрозой испортить

⁵⁴⁴ См. подр.: *Monier F.* Op. cit.

отношения с перспективной для многих в стране политической фигурой Франко и тем самым еще сильнее подорвать безопасность Третьей республики в Средиземноморском регионе в случае победы последнего, а также отказ от помощи республиканскому Мадриду со стороны британских властей – все это укрепляло руководителей Третьей республики в правильности и целесообразности выбора политики нейтралитета. В итоге Франция была вынуждена следовать в русле британского курса, стремясь изолировать конфликт и не допустить его разрастания в общеевропейскую войну. Однако в условиях несоблюдения нейтралитета Гитлером и Муссолини подобная стратегия Англии и Франции оказывалась только на руку Франко и вела к усилению позиций фашистских режимов. Правые во Франции оказались неспособными оценить степень угрозы, исходившей от победы Франко в Испании и, тем самым, усиления позиций Германии, для существования Третьей республики, а левые – выработать единую позицию по вопросу о военной и экономической поддержке испанских республиканцев.

2.4. Парламентские дискуссии по поводу внешнеполитического курса правительства в испанском вопросе (1936 г.)

На фоне противоречий по поводу политики невмешательства в конфликт на Пиренеях в рядах коалиции Народного фронта наметился раскол. Французские коммунисты начали активную кампанию, включавшую в себя распространение листовок, плакатов, проведение публичных собраний, призывавших отправить «пушки и самолеты для Испании!». Кампания получила значительный отклик в левых кругах – среди части радикалов, социалистов, профсоюзных деятелей ВКТ. Её активно поддерживал лидер левого крыла СФИО Жан Жиромски, а также социалисты Луи Леви и Жан Лонге.⁵⁴⁵ Несмотря на то, что именно правительство Народного фронта инициировало декларацию о нейтралитете, генеральный секретарь ФКП Торез, выступая 2 сентября перед 15 тыс. рабочих в Булоне, заявил: «Мы не поможем делу мира, позволяя разрушать и ослаблять дружественную

⁵⁴⁵ *Berstein S. Op. cit. Paris, 1988. P. 825.*

демократическую Испанию. Мы должны предоставить испанскому правительству средства для подавления восстания»⁵⁴⁶. Политик призывал во имя противодействия Гитлеру и поддержания мира и безопасности в Европе перейти к тактике «французского фронта», то есть включить в правительственную коалицию правых политиков, готовых к сотрудничеству с левыми. Однако руководство СФИО решительно отвергала подобную идею⁵⁴⁷.

Пытаясь хоть как-то примириться с несогласными в лагере левоцентристской коалиции, а также оправдать свою примиренческую позицию по отношению к событиям в Испании, Блюм решил выступить 7 сентября с длинной речью на социалистической демонстрации в Париже⁵⁴⁸. По признанию председателя Совета министров, если строго следовать международному праву, «только законное правительство будет иметь право получать поставки оружия из-за границы, тогда как руководителям военного мятежа в этом праве следует решительно отказать». Но исходя из этой логики, фашистские режимы в Германии и Италии имели бы возможность признать «повстанческую хунту в качестве законного правителя» и на основании этого «поставки оружия могли бы осуществляться как мятежному правительству, так и регулярному правительству». Блюм говорил, что прекрасно понимает стремление многих сочувствующих республиканскому правительству Мадрида: «Я хорошо знаю, чего каждый из вас хочет в глубине души... Я это очень хорошо понимаю. Вы хотите, чтобы мы пришли к такому положению, что поставки оружия будут осуществляться в пользу регулярного правительства и не смогут осуществляться в пользу повстанческих сил. Естественно, вы этого хотите...». Однако, по убеждению Блюма, вмешательство Франции в конфликт сделало бы Испанию местом противостояния фашистских и демократических государств. Решением, которое, возможно, обеспечило бы спасение Испании, и сохранило мир в Европе, является заключение международной конвенции. Следуя ей,

⁵⁴⁶ L'Humanité. 3 septembre 1936.

⁵⁴⁷ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1988. P. 825.

⁵⁴⁸ Его речь см. по.: Le Populaire. 7 septembre 1936.

европейские державы взяли бы на себя обязательства «воздержаться от поставок оружия и запретить экспорт в Испанию военной техники». Для осуществления этого плана Блюм решил поддержать политику нейтралитета, так как в противном случае Франция была бы ввергнута в крупномасштабную войну с Германией и Италией, а он отказывался верить, что «война неизбежна и фатальна. До последнего предела своих сил и до последнего вздоха своей жизни, если потребуется, я сделаю все, чтобы изгнать её из этой страны».

По убеждению руководителя кабинета, в условиях, когда всем странам будет запрещено оказывать поддержку противоборствовавшим в гражданской войне силам, законному испанскому правительству окажется легче одержать победу. Явно искажая действительность, Блюм заявил, что на текущий момент не существует ни одного убедительного свидетельства нарушения декларации о невмешательстве. Кроме того, Блюм обратился к ФКП, «напомнив, что он возглавляет не социалистическое и не пролетарское правительство, а правительство Народного фронта», действия которого определяются общей программой, принятой в январе 1936 г. В случае, когда большинство стран согласилось с конвенцией о невмешательстве, Блюм никак не мог пойти наперекор принятому всеми решению.

Слушатели встретили слова Блюма оглушительными овациями. По-другому отреагировал его союзник по Народному фронту компартия. В день выступления главы правительства на страницах «Юманите» вышла очередная статья, призывавшая поддержать республиканскую Испанию. Коммунисты были солидарны с Блюмом в его сочувствии левым силам Испании и критике профашистских сил, но настаивали, что политика невмешательства «лишает поставок только законное испанское правительство, тогда как фашистские режимы открыто поддерживают мятежников»⁵⁴⁹. В статье еще раз подчеркивалось, что «во имя чести Франции», «во имя сохранения мира» и европейской безопасности, Третья республика должна помочь Мадриду, чтобы не позволить близкому к Гитлеру режиму укрепиться на Пиренеях. На

⁵⁴⁹ L'Humanité. 7 septembre 1936.

таких же позициях продолжало стоять левое крыло СФИО во главе с Жиромским. Блюму не удалось зацементировать наметившиеся трещины ни внутри его собственной партии, ни в коалиции Народного фронта.

Почти сразу же стало очевидно: ни Гитлер, ни Муссолини не собирались соблюдать эмбарго на поставки оружия в Испанию, то есть они открыто нарушали принцип августовской конвенции. 18 ноября 1936 г. Германия и Италия официально признали генерала Франко, и численность итальянских войск, сражавшихся на стороне мятежников, резко увеличилась. По мнению отечественного историка и специалиста по вооруженному конфликту в Испании А.О. Наумова, «если раньше державы “оси” (25 октября 1936 г. были подписаны так называемые Берлинские протоколы, обозначившие рождение итало-германского союза – “оси Берлин – Рим”) посылали только военную технику и специалистов, то теперь направляли на Пиренейский полуостров целые воинские подразделения, причем этот факт являлся “секретом полишинеля” для всей Европы»⁵⁵⁰. Понимая бесперспективность попыток обеспечить невмешательство всех стран в испанский конфликт, руководство СССР в конце сентября 1936 г. приняло решение оказать военную помощь официальному Мадриду⁵⁵¹. Уже в октябре Сталин объявил об этом публично. В Испанию начались поставки советского вооружения и специалистов, что было серьезной помощью для республиканцев в борьбе с Франко. В конце 1936 г. восставшие потерпели военное поражение и не смогли занять Мадрид, после чего гражданская война стала приобретать затяжной характер.

В сложившихся обстоятельствах Блюм пошел на то, что он позже называл «смягченным режимом невмешательства»: «мы добровольно и систематически закрываем глаза на контрабанду оружия [в Испанию –

⁵⁵⁰ Наумов А.О. Указ. соч. // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 56. Июнь 2016. С. 49.

⁵⁵¹ Про особенности советской позиции см. по: Рыбалкин Ю.Е. «Операция „X“. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939)». М., 2000; Малай В.В. Невмешательство в дела Испании в контексте советской внешней политики на начальном этапе гражданской войны // Вестник МГЛУ. Выпуск 24 (710). 2014.

*Н.Ш.]»*⁵⁵². Подобная тактика явилась единственным возможным способом для Блюма облегчить свою совесть и ослабить недовольство противников политики нейтралитета. Кроме того, Третья республика не препятствовала отправке французских добровольцев на Пиренеи: четверть из 40 000 членов «интернациональных бригад» в Испании составляли французы — самый крупный национальный контингент. Министр авиации Кот при содействии социалиста Жюля Мока, главы секретариата Блюма, и Винсента Ориоля, министра финансов, нашел способы обеспечить испанским республиканцам поставки оружия и в течение 1937 и 1938 гг. осуществлял их тайно с молчаливого одобрения Блюма⁵⁵³. Однако подобная помощь не шла ни в какое сравнение ни с качеством, ни с количеством военных материалов, поступавших в Испанию от фашистских держав или Советского Союза. Тем не менее, левые деятели продолжали критиковать политику Блюма. В личном архиве главы СФИО сохранилось персональное письмо французского писателя Ромена Роллана: «Позиция Франции [отказ поставлять оружие республиканскому правительству в Испании – *Н.Ш.*]... приводит нас в замешательство»⁵⁵⁴. Автор отмечал, что подобная политика только подтолкнет Гитлера к «общеевропейской войне, которую мы хотим избежать. Поражение [законного правительства – *Н.Ш.*] Испании будет означать поражение самой Франции». В конце письма Роллан подчеркнул, что не может поверить, чтобы Блюм продолжал политику невмешательства, которая ставит под угрозу «мир, свободу Европы, честь и безопасность Франции»⁵⁵⁵.

Глубокие разногласия между различными политическими деятелями проявились во время парламентского голосования по одобрению внешнеполитического курса правительства в начале декабря 1936 г. Блюма критиковали как правые депутаты, так и его соратники по Народному фронту — коммунисты.

⁵⁵² Цит. по.: *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 46.

⁵⁵³ *Steiner Z.* Op. cit. P. 206.

⁵⁵⁴ РГВА. Ф. 46к. Оп. 2. Д. 176. Л. 2.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 3.

Независимый депутат Феликс Гра, близкий по взглядам к Республиканской федерации, выразил своё одобрение курсу кабинета Блюма на нейтралитет в испанском вопросе: «это была мудрая политика, и я считаю, что ни одно французское правительство не могло следовать другой линии». По его мнению, если на Пиренеях установится враждебное Франции правительство [речь о правительстве Франко, который воспринимал бы Францию как противника, если бы она совершала военные поставки республиканцам – *Н.Ш.*], это серьезно подорвет безопасность последней. Но выход из этого он видел в диаметрально противоположном от коммунистов курсе. «[Коммунисты – *Н.Ш.*] говорят, что Франко настроен к нам враждебно... но сделали ли мы хоть что-то, чтобы это исправить?»⁵⁵⁶. Явно симпатизировавший мятежникам депутат Гра настаивал, что поставлять оружие испанским республиканцам по предложению коммунистов «не самая удачная тактика», и призывал для укрепления безопасности Франции как можно скорее установить доверительные отношения с Франко, забыв об «идеологии» и «возгласах коммунистов». По его убеждению, в интересах Третьей республики следует договориться с той политической силой Испании, которая победит в гражданской войне, хотя её исход пока не ясен⁵⁵⁷.

Своё недоверие действиям правительства высказал де Кериллис. Он считал нецелесообразным и опасным вмешательство в испанский конфликт, ибо это «могло спровоцировать общеевропейскую войну». По его мнению, правительство Блюма не было последовательным в вопросе поддержания нейтралитета, поскольку, несмотря на свои декларации, открывало французские границы «для пропуска 12 тыс. французских добровольцев»⁵⁵⁸. Сразу после этих слов Кериллиса перебил министр иностранных дел Дельбос и уточнил, что приведенная цифра неверная, и речь идет не «о французских, а о добровольцах из разных стран»⁵⁵⁹. Де Кериллис возразил, указав, что

⁵⁵⁶ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1936. № 98. P. 3340.

⁵⁵⁷ Ibid. P. 3341.

⁵⁵⁸ Ibid. P. 3342.

⁵⁵⁹ Ibidem.

большая часть интербригад состоит из французов, и они столь многочисленны, что «французский язык используется в официальных приказах». По его утверждению, «политика французского правительства привела к тому, что Испания превратилась в поле битвы между немцами, итальянцами и русскими». Под неодобрительные возгласы депутатов компартии де Кериллис заявил, что в условиях угрозы со стороны Третьего рейха в интересах Третьей республики было бы встать на сторону Франко, «друга Франции», и «не дать ему попасть в объятия Гитлера»⁵⁶⁰.

Примечательно, что де Кериллис не возражал против заключения военного соглашения с СССР. Он говорил, что, если Гитлер нападет на Францию, ей понадобится помощь Польши, Чехословакии, Румынии и Югославии. Однако «эти 70 миллионов европейцев» выступят на стороне Франции только в том случае, если не будут чувствовать «угрозу нападения со стороны России и, если она будет поставлять им сырье, технику, авиацию и солдат». Де Кериллис призывал четко прописать условия военного соглашения, чтобы Третья республика не оказалась втянутой в войну на стороне СССР из-за его единоличных идеологически обусловленных действий во имя борьбы с фашизмом, как это могло бы произойти в Испании, где Советский Союз «действует без нас, вопреки нам, против нас, рискуя втянуть нас в войну, которую нам придется вести в одиночку, без поддержки Англии и англосаксонского мира, отражая нападения вдоль всей нашей границы»⁵⁶¹.

Де Кериллис осудил руководство СФИО за их «излишне пацифистский подход» и призывы к разоружению в течение всех послевоенных лет. По его убеждению, теперь уже слишком поздно «воспевать и превозносить» политику разоружения, когда перед французскими границами виднеются немецкие пулеметы и пушки. Де Кериллис пророчествовал: «Я боюсь, что мы находимся на пороге войны. Я боюсь, что, по мнению Гитлера, она уже предрешена... не питайте никаких иллюзий, он хочет вести её на западе, он

⁵⁶⁰ Ibidem.

⁵⁶¹ Ibid. P. 3343.

хочет вести её против нас»⁵⁶². В конце своего выступления де Кериллис объявил, что его не волнует, если его упрекут в том, что в сегодняшних дебатах, критикуя правительство, он еще больше укрепит союз коммунистов и социалистов. В любом случае, провозгласил депутат, он будет голосовать против кабинета, чья внешняя политика привела к плачевному итогу и поставила Францию на грань войны из-за конфликта в Испании: «Я буду голосовать против правительства, глубоко заблуждающегося в том, что эпоха партийной борьбы не закончилась»⁵⁶³.

Депутат близкий к Республиканской федерации Жан Ибернегаре, под одобрительные возгласы правых политиков, поддержал слова де Кериллиса и заявил о необходимости перейти от политики нейтралитета на словах к «её реальному исполнению»⁵⁶⁴. По его утверждению, пришло время прекратить рассчитывать на Лигу Наций: если Германия нападет на Чехословакию или вторгнется в Лотарингию, пока «немецкие танки и самолеты будут наступать, пока будет решаться судьба первых боев», от разговоров и дипломатических процедур Лиги Наций не останется ничего, кроме «образа скорбящей химеры». Сохранение безопасности как Франции, так и всей Европы, полагал Ибернегаре, должно основываться на «военной мощи» Третьей республики, способной противостоять Третьему рейху. Франция не должна забывать также о своих восточных союзниках и укреплять военное сотрудничество с Польшей и странами Малой Антанты, которые в случае войны с Германией «смогут бросит в бой 75 дивизий». Но главным требованием депутата, как и большинства правых и крайне правых политиков, было сближение Франции с фашистской Италией, ибо единственной твердой Гарантией сдерживания Гитлера и поддержания европейской безопасности является «союз трех великих стран: Англии, Франции и Италии»⁵⁶⁵.

⁵⁶² Ibidem.

⁵⁶³ Ibidem.

⁵⁶⁴ Ibidem.

⁵⁶⁵ Ibid. P. 3346.

К этому же призывали и другие депутаты Республиканской федерации. Луи Марен настаивал, что «соглашение Италии и Франции... необходимо для мира в Европе», и эти страны связывают вековая общая история, традиции и единые намерения поддерживать европейскую безопасность⁵⁶⁶. Другой депутат от Республиканской федерации – Фредерик Дюпон – обрушился с критикой на ФКП, заявляя, что та лишит Третью республику союзников и приведет её к международной изоляции. Правительство, согласившись на союз с коммунистами, тем самым допустило усиление «во Франции агитаторов, профессионалов в области пропаганды... которые спровоцировали в стране беспорядки». ФКП и те представители СФИО и других левых сил, кто выступает за военную поддержку испанским республиканцам, уверял правый депутат, отталкивают Англию от Франции и неизбежно подводят Третью республику к войне против Германии. По словам Дюпона, «пока коммунисты входят в правительственное большинство, проведение мирной политики невозможно, как и невозможно вывести Францию из международной изоляции, в которой она оказалась»⁵⁶⁷.

Подобные идеи, пусть и в более умеренных тонах, выражали правоцентристы. Лидер Демократического альянса Фланден с полной уверенностью убеждал депутатов в отсутствии каких-либо общих интересов у Германии и Италии кроме испанского вопроса. «С идеологической точки зрения эти две системы, какими бы тоталитарными чертами они ни обладали, тем не менее в корне несхожи», между ними существует больше разногласий, чем общих интересов. Именно поэтому важно, чтобы «мелкие ссоры и конфликты не помешали необходимому примирению между Италией и Францией»⁵⁶⁸. Фланден однозначно поддерживал политику невмешательства в гражданскую войну в Испании, считая любую другую тактику способной вовлечь Францию в большую европейскую войну. По его мнению, коммунисты, «умело прикрывая свои намерения, с некоторым лицемерием

⁵⁶⁶ Ibid. P. 3347.

⁵⁶⁷ Ibid. P. 3349.

⁵⁶⁸ Ibid. P. 3359.

говорят о защите [испанской – *Н.Ш.*] республики, фактически преследуя цель её разрушения» ради создания там советского строя. В то же время он отмечал бессмысленность заявлений социалистов о необходимости разоружения, так как сейчас уже никто не питает «иллюзий относительно практической судьбы этих предложений в Женеве [речь о женевской конференции о разоружении 1932–1934 гг. – *Н.Ш.*], когда вся Европа гудит от грохота кузниц, готовящих оружие». Версальский договор, идеи коллективной безопасности и взаимопомощи Фланден называл не более чем «призраком». В условиях ухудшения политического климата в Европе правоцентрист горячо приветствовал решения Блюма, который, невзирая на положения социалистической доктрины, начал проводить перевооружение страны и отказался вмешиваться в испанский конфликт на стороне дружественной коалиции Народного фронта.

Однако, признавая «износ» сложившихся в международной системе механизмов, лидер Демократического альянса не считал, что перед Третьей республикой есть только две альтернативы – «сближение с Германией или заключение военного соглашения с СССР»⁵⁶⁹. По его мнению, важнейшей гарантией европейской безопасности являлся союз Франции и Британии, так как демократии, которые остаются верными своим институтам и основополагающим доктринам, легче преодолевают экономические и финансовые кризисы и сохраняют стабильность, всеобщее процветание, а уровень жизни в них выше, чем в тоталитарных государствах. Подытоживая своё выступление, Фланден говорил: «Мы всегда выступали против войны. Мы остаемся верны памяти о славных героях, погибших в Великой войне. Голосуя за правительство, мы будем голосовать против войны в Испании... против всех безрассудств, которые привели бы нас к войне»⁵⁷⁰.

Несколько отличной от большинства коллег по Демократическому альянсу была позиция Поля Рейно. Он, как и его однопартийцы, поддержал

⁵⁶⁹ Ibid. P. 3360.

⁵⁷⁰ Ibidem.

правительственный курс на невмешательство в испанский конфликт. Но Рейно считал целесообразным в случае стабилизации фронта между противоборствующими сторонами дать возможность европейским державам выступить посредниками в переговорах. Какая бы из сторон ни победила, Франция была обязана проводить по отношению к ней взвешенную и объективную политику. Главным способом поддержания европейской безопасности и противодействия Германии Рейно называл союз с СССР. По его убеждению, важнейшим союзником Третьей республики, конечно же, остается Великобритания, но «её помощь сухопутными силами в случае войны ограничена», в связи с чем следовало бы заручиться военной и дипломатической поддержкой Советского Союза. Рейно говорил о наличии «современных танков в российской армии... о бомбардировочной авиации, более мощной, чем немецкая». Он указывал, что СССР по результатам форсируемой индустриализации превратился в крупную промышленную державу, на которую могли бы опереться Франция и страны Малой Антанты, если потенциальная война с Германией затянется⁵⁷¹.

Однако большинство других правых политиков скептически относилось к заявлениям подобного рода. За исключением немногих деятелей (например де Кериллиса), представители правого лагеря не скрывали своей ненависти к марксистской идеологии и видели в коммунизме колоссальную угрозу как для демократической политической системы Франции, так и всей европейской безопасности, опасаясь, что Москва ввергнет Третью республику в войну с Италией и Германией против её воли. Несмотря на одобрение правительственного курса на невмешательство, правые являлись серьезной оппозицией коалиционному кабинету Л. Блюма и блоку Народного фронта в целом, которая не желала идти на компромиссы перед лицом внешних угроз.

Социалист С. Грумбах называл Третий рейх главной угрозой для европейской безопасности, так как с приходом Гитлера к власти «Германия накапливает военную мощь, а милитаризм стал главным элементом её режима

⁵⁷¹ Ibid. P. 3361-3362.

и условием его существования»⁵⁷². Отвечая на нападки со стороны правых в адрес СССР, депутат отмечал, что именно Германия, а «не Советская Россия отказывается следовать принципам коллективной безопасности» и международным соглашениям. По его мнению, франко-советское сближение укрепляет безопасность в Европе, но оно должно строиться на политическом сближении, а «не на основе военного союза». Грумбах считал, «согласие между Англией и Францией» залогом предотвращения войны в Европе. По его мнению, Франция не могла противодействовать возможной агрессии со стороны Германии без помощи Великобритании. Именно поэтому, настаивал депутат, несмотря на симпатию к испанскому Народному фронту, «Третья республика должна была сохранять нейтралитет», так как в противном случае она рисковала бы настроить против себя Великобританию (однозначно выступавшую за невмешательство) и остаться в изоляции перед лицом немецкой угрозы⁵⁷³.

Социалист М. Бебье, одобрил занятую правительством позицию нейтралитета, хотя и отмечал, что «душевные чувства, демократический дух, республиканские взгляды, идеи Народного фронта» побуждали поддержать Мадрид военными поставками. Однако «разум говорил, что во имя обеспечения интересов Франции» и чтобы помешать перерастанию гражданской войны в Испании в европейскую, необходимо было пойти по пути невмешательства⁵⁷⁴. Тем не менее, Бебье критиковал руководство Третьей республики за то, что оно не смогло обеспечить реальное невмешательство других держав в конфликт, поскольку Италия и Германия продолжали оказывать военную помощь Франко, а «их солдаты действуют на его стороне под видом добровольцев»⁵⁷⁵. Депутат был убежден, если установить реальный контроль за соблюдением нейтралитета «гражданская

⁵⁷² Ibid. P. 3353.

⁵⁷³ Ibid. P. 3354.

⁵⁷⁴ Ibid. P. 3360.

⁵⁷⁵ Ibid. P. 3361.

война будет локализована и вскоре закончится», не став серьезной угрозой для безопасности в Европе.

Выступая на парламентских дебатах, М. Торез еще раз повторил все аргументы, прозвучавшие на страницах «Юманите» и в публичных выступлениях деятелей ФКП в течение лета – осени 1936 г.⁵⁷⁶. Он убеждал коллег по парламенту, что войной в Испании «Гитлер и Муссолини хотят отрезать Францию от Северной Африки, обеспечить контроль над коммуникациями в Средиземном море. Они хотят угрожать нам напрямую с юга»⁵⁷⁷. Он цитировал «Майн Кампф», где прямо говорилось, что Франция, будь она «якобинской», «республиканской» или «большевистской», всегда остаётся «наследственным врагом Германии», и «ради чести нашей страны, ради своего собственного спасения Франция должна положить конец блокаде, которая убивает Испанскую Республику».

Торез прямо обрушился с обвинениями на Блюма: «Вы не устранили ни одной из угроз, которые стоят перед Испанией, Францией и делом мира. Вы их только умножили». Блокада Пиренеев, говорил лидер ФКП, ставит под угрозу безопасность страны и способствует усилению позиций Третьего рейха, «противоречит идеалам мира и демократии» и «отходит от программы Народного фронта». Именно поэтому, заявлял Торез, компартия не может голосовать в поддержку правительства, она воздержится из «заботы о единстве Народного фронта, о сплоченности народных масс, которые многого ждут от всех нас... поскольку мы не хотим терять надежду [и верим – *Н.Ш.*], что нашему Народному фронту удастся, несмотря на все трудности и препятствия, обеспечить мир и интересы нашей страны». Главе правительства нечего было ответить на обвинения Тореза и других депутатов. Его выступление свелось к изложению доводов в духе пацифизма: «у нас было единственное намерение – сохранить мир, в этом никто не может сомневаться. Нашей единственной целью был мир. В чем нас можно упрекнуть? Что мы

⁵⁷⁶ L'Humanité. Août-novembre 1936.

⁵⁷⁷ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1936. № 98. P. 3364.

слишком боялись войны? Что мы слишком многое сделали для сохранения мира?.. Мы готовы принять этот упрек»⁵⁷⁸.

По итогу голосования Палата депутатов выразила правительству доверие 350 голосами против 171. Коммунисты, как и обещали, от голосования воздержались, что обозначило первый серьезный раскол в коалиции Народного фронта. Блюм был склонен рассматривать подобный демарш депутатов ФКП как проявление недоверия к нему и всерьез размышлял об отставке. По предположению С. Берстайна, не исключено, что коммунисты рассчитывали добиться замены председателя Совета министров человеком, более близким к их взглядам на помощь Испании, «к примеру Жуайо или Котом»⁵⁷⁹.

Реакция французских политиков на события гражданской войны в Испании и ход декабрьского обсуждения депутатами внешнеполитического курса правительства продемонстрировали глубокий раскол, существовавший в политических кругах Третьей республики, и обнажили кризис, который переживала Третья республика, несмотря на приход к власти левоцентристской коалиции Народного фронта, имевшей общую программу действий и намерение вывести страну из экономических и политических пертурбаций. Кажущаяся на первый взгляд солидарность руководства большинства партий относительно политики невмешательства не скрывает серьезные противоречия между правыми и левыми и даже внутри каждого из лагерей.

Многие правые, признавая, что режим Франко получает поддержку от Гитлера и Испания будет поддерживать с ним дружественные отношения в случае победы военных, считали, что в гражданскую войну нельзя было вмешиваться, чтобы не настроить испанцев против французов, кто бы ни победил в гражданской войне. С их точки зрения невмешательство в испанские дела позволяло сохранить спокойствие на границе в Пиренеях,

⁵⁷⁸ Ibid. P. 3370.

⁵⁷⁹ *Berstein S. Op. cit. Paris, 1988. P. 825.*

активнее сконцентрироваться на восточных рубежах и противодействовать угрозе европейской безопасности, исходившей от Третьего рейха. Для этого, по их мнению, следовало как можно быстрее наладить дружественные отношения с Муссолини – путь, который оказался бы полностью неосуществимым в случае сотрудничества Франции с законным правительством в Мадриде. Любое вмешательство в конфликт, чреватый войной с Германией, рассматривалось французскими политиками «как благо для СССР» и, по их мнению, вело к охлаждению отношений с Великобританией, союз с которой, по убеждению подавляющего большинства депутатов, являлся залогом сохранения мира в Европе.

Доводы представителей левых депутатов о необходимости сближения с СССР для противостояния Гитлеру и поддержания европейской безопасности, особенно в условиях, когда на Пиренеях мог утвердиться враждебный к демократической Франции режим, правые игнорировали. В рядах самих левых, как уже отмечалось, также наметился раскол. Коммунисты однозначно не хотели допускать победы Франко и призывали оказать помощь Мадриду поставками вооружения, дабы не дать фашизму победить еще в одной соседней Франции стране. Социалисты и радикалы опасались, что вмешательство может спровоцировать общеевропейскую войну, к которой Франция пока была не готова, и не позволит найти дипломатические инструменты урегулирования всё новых противоречий с Германией и Италией. Многими – в парламентских дискуссиях и в СМИ – поднимался вопрос дальнейшего укрепления союзов с странами Восточной Европы для противодействия Гитлеру. Именно на развитие этого вектора внешней политики в 1937 г. будут направлены дипломатические усилия Третьей республики.

Конфликт в Испании имел два важных последствия для внешней политики Франции. Во-первых, он усилил доминирующую роль Великобритании во взаимоотношениях двух стран. Страх перед окружением Франции государствами с фашистскими диктаторскими режимами заставил её

политиков еще теснее сплотиться с официальным Лондоном. Во-вторых, стратегическая неопределенность, созданная гражданской войной, практически продиктовала отступление Франции из Центральной Европы. Столкнувшись с угрозами своему положению в Средиземноморье и учитывая удаленное от Франции положение её союзников в Центральной Европе, Третья республика «неизбежно отдала приоритет своей собственной безопасности»⁵⁸⁰. Блюм и его кабинет пошли по пути наименьшего сопротивления. В рядах многих общественных и политических деятелей, по справедливому замечанию З. Стайнер, «сохранялась вера, что политика невмешательства в дела Испании являлась лучшим способом предотвратить континентальную войну и сохранить перспективу европейского примирения»⁵⁸¹. Так начался путь Французской республики от победы в Первой мировой войне к катастрофическому поражению летом 1940 г.⁵⁸².

2.5. Борьба французского политического и военного руководства за сохранение мира в Европе в конце 1936 – 1937 гг.

Зимой 1936–37 гг. Блюм и министр иностранных дел Дельбос в своей внешнеполитической деятельности были нацелены на решении трёх задач: обеспечение соблюдения соглашения о невмешательстве в испанские дела августа 1936 г., укрепление восточных альянсов и нормализации отношений с Германией. Однако, как справедливо отмечает историк Э. Адамсвейт, ни одна из них «не увенчалась успехом, и международное положение Франции продолжало ухудшаться»⁵⁸³. Сами цели противоречили друг другу. Укрепление союзов со странами Восточной Европы, особенно дальнейшее развитие франко-советского договора, неизбежно оказывало влияние на франко-германские отношения. Равным образом, достижение взаимопонимания с Берлином не могло не привести к некоторому отстранению Третьей республики от участия в делах Восточной Европы.

⁵⁸⁰ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 45.

⁵⁸¹ *Steiner Z.* Op. cit. P. 206.

⁵⁸² *Вершинин А.А., Наумова Н.Н.* Указ. соч.

⁵⁸³ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 46.

В контексте попыток франко-германского сближения представляется важным упомянуть так называемую миссию Шахта. Летом 1936 г. Я. Шахт – министр экономики Третьего рейха и глава Рейхсбанка – путешествовал по Европе и нанес визит в Париж. Во время его пребывания в столице состоялась их встреча с Блюмом. На ней Шахт заверял, что Германия считает вопрос об Эльзасе-Лотарингии окончательно решенным и не намеривается претендовать на возвращение этих территорий. Он также много рассуждал о потребности Германии в колониях и рынках сбыта. Во время переговоров с Шахтом Блюм продемонстрировал, что он ставит реализм во внешней политике Третьей республики выше идеологических разногласий. Социалист Блюм напомнил Шахту, что «Германия разделяет антикоммунистическую идеологию, её курс направлен против Лиги Наций... Во Франции же распространена антифашистская идеология»⁵⁸⁴. По признанию Блюма, «марксиста и еврея... ничего не получится достичь, если относиться к идеологическим барьерам, как к непреодолимым». По его словам, в обмен на миролюбивое сотрудничество Франции с Германией он «не считал невозможным» изучить колониальные притязания Германии и обсудить их с британским правительством. Однако в то же время Блюм предупредил Шахта: «Франция хочет сделать все возможное, чтобы избежать войны, но угроза войны не пугает её и не заставляет её руководителей дрожать»⁵⁸⁵.

Колониальный вопрос, поднятый на встрече с Шахтом Блюм решил обсудить с министром иностранных дел Великобритании Э. Иденом 20 сентября, когда последний прибыл с визитом в Париж. На предложение переговоров по колониальной проблеме глава британского МИД ответил решительным отказом. Идея двухсторонних переговоров Франции и Третьего рейха не оправдывала себя. По словам Ж.-Б. Дюрозеля, к концу сентября 1936 г. влияние Шахта в Германии ослабло⁵⁸⁶. Французский посол в Берлине А.

⁵⁸⁴ DDF. 2 série. T. 3. № 213. P. 307.

⁵⁸⁵ Ibidem.

⁵⁸⁶ Duroselle J.-B. Op. cit. New-York, 2004. P. 340.

Франсу-Понсе после личной встречи с Шахтом 3 октября сообщал в Париж, что авторитет главы Рейхсбанка подорван⁵⁸⁷.

В речи в Лионе 24 января 1937 г. Блюм предпринял еще одну попытку сближения с Германией⁵⁸⁸. Франция и Германия, заявил председатель Совета министров, «могли достигнуть прочного соглашения после переговоров один на один... Если Германия, как мы надеемся, продемонстрирует своё желание к сотрудничеству, мы готовы работать с ней»⁵⁸⁹. Однако на следующий день Й. Геббельс, министр пропаганды, заявил французскому послу Франсуа-Понсе, что в речи Блюма он не увидел ничего «практического» или «позитивного»⁵⁹⁰. В итоге выстраивания отношений на примирение с Германией у французского правительства не получилось.

Подобные попытки двухсторонних контактов с Берлином подвергались серьезной критике со стороны ФКП. 25 августа 1936 г. Торез отправил Блюму письмо со следующими словами: «в то время, когда Гитлер провоцирует гонку вооружений, серьезно угрожая миру во всем мире и безопасности Франции, нам кажется не совместимым с достоинством нашего народа и делом мира оказывать особые почести Директору Рейхсбанка»⁵⁹¹. Отвечая на критику коммунистов, Блюм подчеркнул, что встреча была запланирована за несколько недель и никак не дискредитировала руководство Третьей республики. Более того, правительство не станет отказываться от переговоров в финансовой, экономической или политической областях, если они смогут «поспособствовать урегулированию общеевропейских проблем»⁵⁹².

Очевидно, что Блюм как глава правительства в первую очередь стремился защищать национальные интересы страны и поддерживать безопасность в Европе. По верному утверждению Берстайна, «приход

⁵⁸⁷ DDF. 2 série. T. 3. № 354. P. 542.

⁵⁸⁸ Le Populaire. 25 janvier 1937.

⁵⁸⁹ Ibidem.

⁵⁹⁰ DDF. 2 série. T. 4. № 347. P. 521.

⁵⁹¹ Lefranc G. Histoire du Front populaire, 1934–1938. Paris, 1974. P. 192.

⁵⁹² Ibid. P. 193.

Гитлера к власти, агрессивная война, начатая Муссолини в Эфиопии, крушение надежд на коллективную безопасность заставили лидера СФИО выступить за то, что он когда-то критиковал: союзы и перевооружение»⁵⁹³. Важнейшей целью для Блюма было поддержание мира в Европе, и именно с этой точки зрения нужно рассматривать его переговоры с Шахтом. Однако Блюм не мог не осознавать, что от Германии исходила всё более возрастающая угроза безопасности Франции и всей Европы, что требовало от него диверсификации его внешнеполитических действий по её защите. Одним из наиболее значимых способов предотвратить военный конфликт для Блюма были реализация масштабной программы перевооружения Третьей республики, а также тесное сотрудничество с Англией, ярко продемонстрированное во время начала гражданской войны в Испании.

Серьезной альтернативой британской политике «умиротворения» могло бы стать дальнейшее сближение с СССР. Но, как уже показали парламентские дебаты по ратификации франко-советского договора 1935 г., существовали глубокие противоречия по этому вопросу в общественно-политических кругах Франции. Активная критика Советского Союза практически не прекращалась на страницах правых газет все 1930-е гг.

Однако следует отметить, что далеко не все правые политики негативно воспринимали сближение Франции с СССР, особенно по мере обострения напряженности в Европе. Одним из таких примеров были Поль Рейно и Жорж Мандель. В мае 1937 г. Рейно опубликовал работу о военном положении Франции, где рассуждая о помощи России в 1914 г., написал, что Третья республика и сейчас нуждается в подобной поддержке: «правда в том, что при взгляде на карту Европы становится очевидно, что союз с Россией с географической точки зрения является необходимостью для Франции»⁵⁹⁴. А Мандель заявил в «Ами де Пёпль» в конце 1936 г.: «мы должны наконец организовать сопротивление пангерманизму. Мы должны закрыть бреши в

⁵⁹³ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1988. P. 775.

⁵⁹⁴ *Reynaud P.* Le problème militaire français. Paris, 1937. P. 60.

нашей системе союзов, усилить их, заключив военные соглашения. Так мы добьемся поддержки Италии»⁵⁹⁵. По его убеждению, Франции следовало «заключить союз со всеми, кто готов нас защищать и сражаться с каждым, кто готов на нас напасть»⁵⁹⁶. Как и многие другие правые, Мандель считал возможным разрыв Муссолини с Гитлером и сближение Франции и Италии, союз которых являлся «важным элементом европейской безопасности». Для достижения этой цели Мандель выступал за то, чтобы Франция «отгородила» Восточную Европу от Германии, заключив с её государствами военные соглашения. «До сих пор мы не осмелились заключить пакт с Югославией, опасаясь недовольства Италии». В случае заключения военных соглашений с восточноевропейскими странами, утверждал Мандель, Третий рейх, сдерживаемый на востоке и на западе, попытается распространить своё влияние на юг, где он уже укрепился в Вене и Будапеште. В подобной ситуации Рим откажется от сближения с Германией и будет искать сближения с Парижем и Лондоном. Для такой политики, исправляющей ущерб, «нанесенный годами ошибок и слабости, было бы достаточно небольшой резолюции. Но можем ли мы ожидать этого от безвольных людей, которые нами управляют?» – вопрошал Мандель⁵⁹⁷.

Мандель, одновременно демонстрируя своё негативное отношение к левоцентристской коалиции Народного фронта, исходя из национальных интересов Франции и военной необходимости, ясно осознавал целесообразность заключения франко-советского союзного договора. В своей речи в Сулаке в 1936 г.⁵⁹⁸ он заявил, что Франция должна решить, предпочитает ли она спокойную праздность независимой внешней политике. Мандель не сомневался: «рано или поздно Франции придется столкнуться с немцами». Да, она «получит несколько лет спокойствия, если устранился от поддержки стран Восточной Европы», но тогда Третий рейх подчинит себе

⁵⁹⁵ L'Ami du peuple. 27 décembre 1936.

⁵⁹⁶ Ibid. 26 novembre 1936.

⁵⁹⁷ Ibid. 22 novembre 1936.

⁵⁹⁸ Le Temps. 12 novembre 1936.

эти территории, и Франция не сумеет «противостоять этому колоссу, население которого увеличится на 15–20 млн. человек». Мандель настаивал: «Мы должны быть готовы сотрудничать с любой страной, невзирая на её внутренний режим... если необходимо, мы должны объединиться с злейшими врагами демократии – будь то большевики или фашисты – чтобы [иметь возможность противостоять Германии – *Н.Ш.*]». Франция, по мнению политика, могла надеяться на поддержку союзников только в том случае, если она покажет готовность прийти на помощь другим государствам в случае агрессии. «Воевать за своих союзников — значит сражаться за себя».

Советская сторона предпринимала попытки заключения военного соглашения с Третьей республикой, и возможность его подписания рассматривалась руководством Франции. В сентябре 1936 г. Советский Союз приглашал Париж начать переговоры между штабами двух стран. Активным сторонником диалога с Москвой был министр авиации П. Кот. В июне 1936 г. во время беседы с временным поверенным в делах СССР во Франции он «интересовался состоянием [франко-советского – *Н.Ш.*] сотрудничества, вытекающего из пакта, в частности по линии авиации». Кот в самых дружественных выражениях высказывал своё мнение о необходимости всяческого расширения этого сотрудничества⁵⁹⁹. Кот выступал за обмен специалистами, указав, что французы особенно заинтересованы в посылке в СССР танкистов и парашютистов, и обещал всячески поддерживать советские «пожелания по линии направления специалистов во Францию, в частности артиллеристов»⁶⁰⁰.

В ноябре 1936 г. состоялось заседание узкого круга министров, по итогам которого, несмотря на возражения военного министра Даладье, было принято решение отправить в СССР представителя французского генштаба для переговоров о возможном взаимодействии армий двух стран⁶⁰¹. Как отмечает Э. Адамсвейт, «создается впечатление, что Блюм лично вел

⁵⁹⁹ Документы внешней политики СССР. Т. 19. М., 1974. С. 305.

⁶⁰⁰ Там же.

⁶⁰¹ *Вершинин А.А., Наумова Н.Н.* Указ. соч. С. 251.

переговоры. Удивительным фактом было не то, что переговоры сорвались летом 1937 г., а то, что они вообще состоялись»⁶⁰². Однако сам Блюм не являлся ярким сторонником подобных переговоров. Его ближайшее окружение было настроено скептически. Дельбос не скрывал своих подозрений, что Сталин мог планировать подтолкнуть Францию к войне с Германией⁶⁰³. Даладье разделял взгляды военного командования о недостаточной мощи Красной Армии⁶⁰⁴. Французский посол в Москве Р. Кулондр повторял советскому руководству, что Франция не намерена заключать военное соглашение, пока Коминтерн не прекратит вмешательства в её внутренние дела⁶⁰⁵. На одной из встреч с Литвиновым французский посол заявил: «Французское общественное мнение возмущено вмешательством Коминтерна во внутренние дела Франции, вмешательством, которое, как мы знаем, хотя нам и говорят обратное... осуществляется самим советским правительством»⁶⁰⁶. По свидетельствам П. Рейно, значительная часть СФИО выступала против союза с СССР, ибо в политике сближения с ним видело угрозу формирования противоборствующих военных блоков и втягивания Франции в войну. Возглавив правительство, Блюм был вынужден учитывать подобные настроения внутри партии. «Его стремление не нарушить социалистическую солидарность, несомненно, было одним из мотивов бездействия, проявленного в этой области», – утверждал П. Рейно⁶⁰⁷.

В докладе генерального штаба Третьей республики от 24 июня 1936 г. излагалось его отношение к заключению военного соглашения с СССР⁶⁰⁸. Как отмечалось, Германия могла воспринять подобный договор в качестве попытки окружить её с востока и запада, что привело бы к еще большей нестабильности в Европе. Кроме того, ожидалась негативная реакция со

⁶⁰² *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 48.

⁶⁰³ *Coulondre R.* Op. cit. P. 13.

⁶⁰⁴ *Reynaud P.* Op. cit. Paris, 1951. P. 160-162; *Les événements...* Vol. 1. P. 128.

⁶⁰⁵ *Coulondre R.* Op. cit. P. 31-43.

⁶⁰⁶ *Ibid.* P. 31.

⁶⁰⁷ *Reynaud P.* Op. cit. Paris, 1951. P. 57.

⁶⁰⁸ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 48.

стороны союзников Франции в Восточной Европе. Польша, чувствуя угрозу от СССР, вероятно, пошла бы на сближение с Берлином. К тому же, отсутствие общей границы между рейхом и СССР не позволяло последнему оказать хоть сколько-нибудь эффективную помощь Франции. В итоге, говорилось в докладе, минусы заключения военного соглашения с советским государством намного превышали его гипотетические преимущества. Следовательно, Третьей республике «следовало поддерживать контакты по дипломатическим каналам, но от переговоров штабов отказаться». Как отмечал позже Блюм, он столкнулся не столько «с сопротивлением Генерального штаба, сколько с его нежеланием»⁶⁰⁹, вести переговоры о подписании военной конвенции с СССР.

К этому добавлялся уже упомянутый общий скептицизм военного руководства Франции в отношении возможностей СССР осуществлять эффективные боевые действия. Так, генерал В.-А. Швейсгут, присутствовавший на военных учениях Красной армии в 1936 г., в отчете указывал на явную неспособность коммунистического режима противостоять ведущим европейским державам, несмотря на «внешний красивый фасад»⁶¹⁰. Впоследствии Блюм отмечал: «Генеральный штаб [Третьей республики – *Н.Ш.*] считал вооруженные силы Польши превосходящими или, по крайней мере, более значимыми для нас, чем вооруженные силы СССР, за исключением, может быть, авиации»⁶¹¹. По словам А.А. Вершинина, «в отсутствии политической воли со стороны Блюма, при неопределенной позиции Даладье, который, скорее, колебался, чем выступал против предложений Кота, французской военной бюрократии удалось успешно торпедировать всё предприятие»⁶¹².

Ко всему прочему, французскому правительственному кабинету приходилось учитывать отношение официального Лондона к возможному

⁶⁰⁹ Les événements... Vol. 1. P. 127-129.

⁶¹⁰ Alexander M. Op. cit. P. 299.

⁶¹¹ Les événements... Vol. 1. P. 128.

⁶¹² Вершинин А.А., Наумова Н.Н. Указ. соч. С. 251.

военному пакту Парижа с Москвой. 15 мая 1937 г. Иден предупредил Дельбоса, что подобный союз способен «оттолкнуть от Третьей республики значительные круги британского общественного мнения»⁶¹³. Еще раньше заместитель министра иностранных дел Великобритании Роберт Ванситтарт также говорил французскому послу в Лондоне, что военное соглашение с Советским Союзом рискует «привести к потере симпатий значительной части [английской – *Н.Ш.*] консервативной партии» и вызвать опасения США⁶¹⁴. На возражение посланника, что затягивание переговоров может вынудить СССР встать на путь политики изоляции или предпринять шаги по сближению с Германией, Ванситтарт ответил, что слухи об этом надо воспринимать «не более как инструмент советского давления» на Третью республику с целью побудить её к военным переговорам.

Подобные комментарии оказывали серьезное давление на французское руководство. По свидетельству главы правительства Блюма, тогда он не сомневался, что сближение Франции и Англия, с одной стороны, и СССР, с другой стороны, должно было предшествовать соглашению Англии и СССР, «повторив [историю складывания – *Н.Ш.*] Тройственной Антанты, возникшей до 1914 г.»⁶¹⁵. В донесении правительству Третьей республики от мая 1937 г. французский генеральный штаб настаивал на том, что безопасность Франции основывается прежде всего на «тесном союзе с Англией». В случае конфликта британская поддержка будет преобладающей по силе, определенности и последовательности по сравнению с помощью, «которую может предоставить СССР». Военные опасались, что франко-советское соглашение рискует поставить под угрозу «сердечность франко-английских отношений». Поэтому, полагал генштаб, прежде чем приступить к переговорам о заключении военного соглашения с СССР, «уместно в первую очередь проконсультироваться по этому вопросу с британским правительством»⁶¹⁶.

⁶¹³ DDF. 2 série. T. 5. № 429. P. 728.

⁶¹⁴ Ibid. № 299. P. 479.

⁶¹⁵ Les événements... Vol. 1. P. 127-129.

⁶¹⁶ DDF. 2 série. T. 5. № 480. P. 828.

Весной 1937 г. посол СССР в Париже В.П. Потемкин еще раз попытался прозондировать почву и пообещал французскому правительству, что СССР, в случае если Польша и Румыния откажутся открыть границы для прохода советских войск, отправит на помощь Франции солдат по морю и вышлет свои самолеты в Чехословакию, откуда было легко осуществлять бомбардировку ключевых немецких промышленных и стратегических центров. Однако предложения советского дипломата не показались убедительными французскому военному и политическому руководству. Окно возможности для более тесных переговоров, возникшее в первой половине 1937 г., быстро закрылось с началом репрессий в верхах командования Красной армии и отставкой Блюма. Речь о дальнейших переговорах вновь зашла только весной 1939 г.

Как видно из документов, французское руководство с самого начала скептически относилось к военному соглашению с Москвой. Однако окончательной причиной их провала исследователи склонны считать начавшиеся летом 1937 г. репрессии в руководстве Красной армии⁶¹⁷. Да и большая часть правых и крайне правых представителей общественно-политических кругов демонстрировали резко негативный настрой как к самому режиму СССР, так и к перспективе обращения к нему за военной помощью демократической Франции. Подобное сближение одобряли преимущественно представители ФКП, часть социалистов и радикалов. Немаловажной причиной отказа от военных переговоров с СССР стоит считать позицию французского генералитета. В итоге руководство Франции так и не решилось выстраивать систему сдерживания Третьего рейха на базе франко-советского взаимодействия.

Не увенчались успехом и попытки Третьей республики возобновить военные союзы с малыми странами Восточной Европы. По свидетельству военных, «немедленная помощь» французских союзников вряд ли оказалась бы надежной. Как пишет историк М. Александер, в январе 1935 г. маршал

⁶¹⁷ *Alexander M.* Op. cit. P. 301.

Петэн заявлял коллегам по генштабу, что им не следует слишком рассчитывать на помощь с востока. Под вопрос была поставлена даже способность чехословацких войск на короткий срок отвлечь на себя наступательные силы Германии⁶¹⁸. Кроме того, с 1927 г. во Франции действовал военный план, согласно которому во главу угла ставилась защита исключительно своих границ и границ своей колониальной империи, а соблюдение Версальских соглашений отодвигалось на задний план⁶¹⁹. Франция постепенно отходила от идеи первоочередности исполнения восточных союзов в случае войны и полностью переориентировалась на укрепление национальной обороны. Итальянский историк Э. Ди Нольфо так оценивал последствия перехода к оборонительной тактике: «Более того, они [французы – *Н.Ш.*] все больше уповали на стратегию “пассивной обороны”, символом которой стала линия Мажино: эта стратегия подрывала доверие союзников Франции в Восточной Европе»⁶²⁰.

При допросе на специальной парламентской комиссии в 1947 г.⁶²¹ Блюм признал, что после ремилитаризации Рейнской области Франция оказалась в серьезной изоляции, а союзники по Малой Антанте стали утрачивать веру в способность Франции защитить их: «в течение нескольких месяцев мы кропотливо пытались воссоздать Малую Антанту, сделать из неё общий оборонительный союз, а затем заключить пакт между Францией и Малой Антантой... но сразу же почувствовали барьер [на этом пути – *Н.Ш.*]». На первой встрече Блюма в должности главы правительства с премьер-министром Югославии М. Стоядиновичем тот заявил: «Нет, мы не будем укреплять наши отношения с Францией. Это больше невозможно. Теперь мы вынуждены считаться с опасностью, исходящей от Германии, которой [Франция – *Н.Ш.*] позволила усилиться»⁶²². Даже «наиболее верная союзница»

⁶¹⁸ *Alexander M.* Op. cit. P. 215-216.

⁶¹⁹ *Ференчугова Б.* Указ. соч. С. 55.

⁶²⁰ *Ди Нольфо Э.* Указ. соч. С. 219.

⁶²¹ *Les événements...* Vol. 1. P. 127-129.

⁶²² *Ibid.* P. 128.

Третьей республики – Чехословакия – задавалась в то время вопросом, «не стоит ли ей искать пути к достижению взаимопонимания и сближения с Германией». Схожие настроения наблюдались и в Румынии. По свидетельству Блюма, Франция продолжала помогать союзникам финансами или поставками вооружения: «мы делали все, что могли, но что-то было нарушено: принцип, доверие...»⁶²³.

Сложно развивались отношения Третьей республики с Польшей. После заключения соглашения о ненападении между Варшавой и Берлином в 1934г. французские правительственные и военные круги все больше опасались потерять этого важного союзника на востоке⁶²⁴. Пытаясь нормализовать отношения между двумя странами, генерал Гамелен летом 1936 г. посетил Варшаву, а 6 сентября два государства подписали соглашение в Рамбуйе, по которому Польше выделялся займ в два млрд. франков для развития вооруженных сил и железнодорожной сети⁶²⁵. Однако французские усилия по улучшению отношений между Варшавой и Прагой не увенчались успехом. Гамелен, действуя в качестве посредника, передал польскому лидеру маршалу Э. Рыдз-Смиглы меморандум от президента Чехословакии Э. Бенеша, в котором содержалось предложение о заключении договора о дружбе между Чехословакией и Польшей. Но Рыдз-Смиглы отказался брать на себя обязательства, заявив лишь, что «не может представить, чтобы Польша напала на Чехословакию»⁶²⁶.

Очередную попытку укрепления союза с Малой Антантой Франция предприняла 22 октября 1936 г. Париж предложил заключить пакт о взаимопомощи с Югославией, Румынией и Чехословакией при условии, что три страны изменят свои обязательства по обороне от Венгрии⁶²⁷ на общий

⁶²³ Ibid. P. 129.

⁶²⁴ См. подр.: Кузьмичева А. Е. Польско-французские отношения в 1933–1935 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 2022.

⁶²⁵ DDF. 2 série. T. 3. № 259. P. 378.

⁶²⁶ Ibid. Vol. 3. № 301.

⁶²⁷ С момента возникновения в 1920–1921 гг. Малая Антанта ставила своей главной целью противодействовать возможной агрессии со стороны Венгрии.

военный пакт о помощи в случае любого нападения. В обращении к трем государствам Дельбос подчеркивал, что французское правительство «готово немедленно, со всей необходимой осмотрительностью рассмотреть, в какой форме и в каких пределах сотрудничество Франции и трех стран Малой Антанты могло быть подтверждено»⁶²⁸. По обещанию руководства Третьей республики, «страна была готова укрепить связи с Малой Антантой, как только последняя сама прояснит отношения, существующие между тремя её членами»⁶²⁹. Президент Чехословакии Бенеш в беседах с французским посланником В. де Лакроа высказал убежденность, что «между государствами будет достигнуто соглашение о взаимной военной помощи против агрессора, но добавлял, что переговоры могут занять несколько недель или даже месяцев»⁶³⁰. Однако после долгих переговоров французское предложение было отвергнуто на встрече представителей трех стран в Белграде 2 апреля 1937 г. Как отмечает отечественный историк С.В. Морозов, к 1937 г. Белград и Бухарест все больше «обособлялись от Праги внутри Малой Антанты, оказывались в зоне экономического влияния Германии»⁶³¹, а Югославия заключила договор о нейтралитете с Италией.

Для укрепления положения Франции в восточноевропейском регионе глава Кэ д'Орсе Ивон Дельбос предпринял в декабре 1937 г. поездку в Польшу и государства Малой Антанты⁶³². Итоги этой миссии оказались весьма неутешительными: «Французскому министру было сделано вполне официальное заявление, что подобно Югославии Румыния будет стремиться к большей дружбе с Германией и Италией»⁶³³.

Становилось понятно, что Третья республика не может рассчитывать на восточные союзы для эффективного противодействия Германии и сохранения

⁶²⁸ Ibid. № 391.

⁶²⁹ Ibid. № 448.

⁶³⁰ Ibidem.

⁶³¹ Морозов С.В. Указ. соч. С. 347.

⁶³² См. по: DDF. 2 série. Т. 7. № 327; № 349. Р. 694-702.

⁶³³ Смирнова М.Д. Союзы стран Балкано-дунайского региона в системе Европейской безопасности // Европа между миром и войной 1918–1939. М., 1992. С. 149.

европейской безопасности. Попытки достижения соглашения с Германией, предпринимаемые в конце 1936 г., также не дали ожидаемого эффекта. Большая часть французских правых отвергала военное соглашение с Советским Союзом и продолжала полагать, что залог поддержания безопасности в Европе кроется в союзе с фашистской Италией. Однако с приходом к власти во Франции левоцентристской коалиции Народного фронта, партии которого открыто осуждали фашистскую идеологию, Муссолини окончательно отказался от идеи союза с северо-западным соседом и развернул вектор своей европейской политики в сторону создания «оси Берлин – Рим». 4 июня 1936 г. в Риме прошла встреча между Муссолини и депутатом от французской партии радикалов Л.-Ж. Мальви, в ходе которой дуче заявил, что из-за изменения отношения Третьей республики к Италии в ходе её вооруженного конфликта с Эфиопией «у него не остается другого выбора, кроме как пойти на союз с Германией»⁶³⁴. По возвращении на родину французские представители передали содержание беседы Л. Блюму, но тот отказался что-либо делать для сближения с Италией, учитывая антифашистский характер Народного фронта. Подобная правительственная линия вызывала недовольство правого крыла партии радикалов – Л.-Ж. Мальви, Ж. Кайо и Ляморо, а также «стоявшего на позициях рационализма» военного министра Э. Даладье, полагавшего, что во имя сохранения мира и для сдерживания Третьего рейха можно поступиться идеологическими принципами. В итоге французское руководство отказалось признать провозглашенную Муссолини 1 июня 1936 г. Итальянскую империю в Восточной Африке. После того, как французский посол в Италии Ш. Шамберен (1934–1936 гг.) покинул свой дипломатический пост, новый посол не был назначен, так как по требованию Муссолини в верительных грамотах посланника Третьей республики теперь прописывался титул «императора

⁶³⁴ *Berstein S. Op. cit. Paris, 1982. P. 452.*

Эфиопии», что означало недопустимое для Парижа признание её завоевания итальянцами⁶³⁵.

Не дождавшись никаких существенных уступок от Франции в вопросе отмены санкций из-за конфликта в Эфиопии, недовольный ростом напряженности между Парижем и Римом в связи с развернувшейся гражданской войной в Испании, Муссолини окончательно сделал выбор в пользу сотрудничества с Третьим рейхом. В октябре 1936 г. между двумя странами были подписаны Берлинские соглашения, положившие начало «оси Берлин – Рим».

Постепенно все больше правых политиков Франции склонялись к ошибочной точке зрения, что союз с Италией смог бы предотвратить потенциальную европейскую войну, а Муссолини пророчили роль умиротворителя Германии, умевшего сглаживать агрессивные устремления Гитлера. Это мнение части французской политической элиты совпадало с соображениями премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена, который 16 апреля 1938 г. подписал соглашение с Италией о признании за ней суверенитета над Эфиопией и стал оказывать давление на кабинет Третьей республики с целью убедить его следовать британским курсом. Однако никакого сближения между Италией и Францией так и не было достигнуто.⁶³⁶

В условиях отсутствия надежных союзников на востоке Европы Третьей республике приходилось считаться и даже соглашаться с английским курсом на «умиротворение» Германии. Несмотря на разногласия в общественно-политических кругах, практически все политические течения сходились в одном – англо-французское сотрудничество являлось залогом поддержания европейской безопасности на фоне нарастания международной напряженности. Этому же мнению придерживалось французское военное руководство. По словам крупного исследователя П. Джексона, глава Второго

⁶³⁵ Савинова А.Г. Проблема средиземноморской безопасности во взаимоотношениях Великобритании и Франции в середине – второй половине 1930-х гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 2022. С. 236.

⁶³⁶ См. подр.: Guillen P. Op. cit. P. 158.

разведывательного бюро полковник «Гоше считал, что императивом для Франции должно быть обеспечение её способности отразить первоначальный натиск [Германии – *Н.Ш.*] и поиск союзников для долгой борьбы, которая за этим последует. Поэтому он пришел к выводу, что участие Великобритании должно стать “ключевым звеном” французской стратегической концепции»⁶³⁷.

Однако английский кабинет избегал любых инициатив, способных обострить международную ситуацию, поэтому совместной эффективной системы поддержания европейской безопасности двум странам выработать не удалось. Единственным официальным обязательством Великобритании перед Третьей республикой стали обещания отправить во Францию в случае войны две пехотные дивизии, данные Парижу после ремилитаризации Рейнской области немцами в марте 1936 г. По словам Р.А. Сетова, лидер Великобритании Н. Чемберлен «вполне серьезно, хотя и не публично» рассматривал перспективу возникновения войны с Германией и полагал, что у «Великобритании явно недостаточно ресурсов для ведения такой войны». Именно по этой причине британское руководство предпринимало попытки сочетать методы политики «умиротворения» с расширением возможностей для военного противостояния агрессорам⁶³⁸. Основные расходы англичан по перевооружению страны шли на флот и военно-воздушные силы при сокращении усилий по развитию и вооружению сухопутной армии. Однако основополагающим для официального Лондона был тезис о недопустимости войны как таковой в надежде достичь договоренностей путем двухсторонних переговоров ведущих европейских держав. При этом, как отмечает Р. Янг, до конца 1938 г. для английского руководства существовала следующая константа – «расширенные переговоры о [военном сотрудничестве с Третьей республикой – *Н.Ш.*] рисковали оттолкнуть Германию и/или Италию и вовлечь Великобританию в сеть восточных альянсов Франции»⁶³⁹. Именно

⁶³⁷ Jackson P. Op. cit. P. 223.

⁶³⁸ Сетов Р.А. Указ. соч. С. 104.

⁶³⁹ Young R.J. A very English channel: Britain and French appeasement // The origins of the Second World War. London, 2011. P. 251.

поэтому путь «умиротворения» представлялся намного более предпочтительным для Великобритании. Объясняя причины эволюции курса Третьей республики в сторону политики «умиротворения», исследователь утверждает, что французы «просто не могли выдержать еще одну франко-немецкую войну без потенциальных ресурсов Британии и её империи». В это же время само восприятие Лондоном степени угрозы со стороны Германии оказалось в корне неверным. По справедливому замечанию З. Стайнер, столь же важным, как и чрезмерная самоуверенность премьер-министра Чемберлена в достижении дружественного взаимодействия с Гитлером, было «его неуместное предположение, что лидер Германии, должно быть, разделяет его отвращение к войне». По своей природе Гитлер был готов пойти на риск, о котором Чемберлен даже не думал. Между двумя лидерами, утверждает исследователь, существовала «фундаментальная разница, которую Чемберлен так и не осознал до конца». Гитлер готовился к войне не только с Чехословакией, но и с западными державами. Вопрос заключался в сроках. Гитлер предпочел бы воздержаться от войны с Великобританией (и Францией) до более «позднего срока, в идеале с 1943 по 1945 г. Но он был готов начать войну раньше, если внешние обстоятельства изменятся. Чемберлен не только хотел избежать войны в 1938 г.; он надеялся избежать войны и в будущем»⁶⁴⁰.

2.6. Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам европейской безопасности в связи с аншлюсом Австрии (февраль – март 1938 г.)

К 1937 г. Гитлер сумел выполнить две главные задачи своей внешнеполитической программы – преодоление ограничительных статей Версальского договора и поиск союзников. 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией было заключено «Соглашение против Коммунистического интернационала», так называемый Антикоминтерновский пакт, а через год, 6 ноября 1937 г., к нему присоединилась Италия. В результате возникла «ось Берлин – Рим – Токио».

⁶⁴⁰ Steiner Z. Op. cit. P. 651.

После сближения Италии и Германии Муссолини перестал занимать непримиримую позицию по поводу аншлюса Австрии и передал через немецкого посланника, что «Австрия ему безразлична», предоставив Гитлеру свободу действий в регионе.

Следующей задачей, поставленной фюрером, становилось «собрание» немецких земель, которое происходило на фоне усилившейся немецкой агрессивной риторики, пугавшей европейские державы. Их руководство всё больше склонялось к проведению политики «умиротворения», желая любыми способами избежать повторения кровопролитной мировой войны. 20 февраля 1938 г. в отставку ушел министр иностранных дел Великобритании А. Иден, бывший противником излишних уступок Италии и Германии⁶⁴¹, и на его место встал последовательный умиротворитель Э. Галлифакс.

В ходе секретного совещания между Гитлером, министром иностранных дел Германии К. фон Нейратом и представителями военных 5 ноября 1937 г. фюрер обозначил одну из главных внешнеполитических задач Третьего рейха в ближайшем будущем: «для начала требовалось подчинить Австрию и Чехословакию», затем предполагалось «разобраться» с Англией и Францией. Наилучшим временем для реализации последней части плана назывался 1942 г., когда военная мощь Третьего рейха превзойдет вооруженные силы его главных противников бывших членов Антанты⁶⁴². Перед Францией вставал серьезный вопрос о том, как реагировать на усиливающуюся Германию, которая выдвигала свои притязания на территории, выходявшие далеко за пределы указанных в Версальском договоре.

Первые шаги к аншлюсу Австрии Гитлер стал предпринимать уже в начале 1938 г. 12 февраля он пригласил канцлера Австрии К. Шушнига в свою резиденцию в Берхтесгадене и предъявил ультиматум, по которому от австрийского правительства требовалось легализовать деятельность нацистской партии на своей территории, согласовывать внешнюю политику с

⁶⁴¹ См. подр.: *Hefler M.* «In the way»: intelligence, Eden and British foreign policy towards Italy, 1937–1938 // *Intelligence and National Security*. 2018. № 33(6).

⁶⁴² *Watt D.C.* Op. cit. P. 24.

Третьим рейхом и назначить на пост министра внутренних дел пронацистского лидера А. Зейсс-Инкварта. Шушниг, ненамеренный так легко отказаться от независимости страны, назначил на 13 марта плебисцит с вопросом о том, хочет ли австрийский народ сохранить «свободную, независимую, христианскую и единую Австрию». Канцлер не сомневался в желании австрийцев жить в независимом государстве. Тогда Гитлер решил действовать на опережение и, не дожидаясь проведения плебисцита, ночью 12 марта отдал приказ немецким формированиям вступить на территорию Австрии, где они без всякого сопротивления быстро оккупировали страну и включили её в состав Германии. Третья республика встретила эти события без действующего правительственного кабинета. 10 марта председатель Совета министров К. Шотан подал в отставку, не получив от парламента чрезвычайных полномочий в области финансовой политики. Новый кабинет во главе с Л. Блюмом был сформирован на следующий день после аншлюса – 13 марта 1938 г.

Французская пресса тут же отреагировала на новый агрессивный шаг Гитлера. Дискуссии, вспыхнувшие на страницах ведущих французских изданий уже 12 марта, сводились к поиску виновников, позволивших аншлюсу состояться. По мнению левых, присоединение Гитлером Австрии стало закономерным итогом отказа руководства Франции от сопротивления Третьему рейху со времён ремилитаризации Рейнской области. Первую скрипку в критике пассивных шагов французской политической элиты играли деятели ФКП. Г. Пери полагал, что после случившегося можно утверждать: «пожар в Центральной Европе только начинает разгораться», и следующий целью Гитлера будет Чехословакия⁶⁴³. По его мнению, «укоры в адрес Гитлера» это всего лишь «сила на словах... а двадцать месяцев капитуляции и невмешательства [в Испанский конфликт – *Н.Ш.*] побудили Гитлера применить [настоящую – *Н.Ш.*] силу ... Европа рискует заплатить своей

⁶⁴³ L'Humanité. 12 mars 1938.

кровью за трагическую ошибку тех, кто не прислушался к нашим предупреждениям»,⁶⁴⁴ – подводил итог событий последних лет Пери.

Французские коммунисты обвиняли тех в руководстве страны, кто последовательно проводил политику «умиротворения» – «кто поощрял итальянское нападения на Эфиопию в 1935 г., кто не стал сопротивляться занятию немцами Рейнской области 7 марта 1936 г.»⁶⁴⁵. С точки зрения ФКП, убеждение, что гарантом европейской безопасности является франко-британское взаимодействие, хотя официальный Лондон давно устранился от защиты Центральной Европы, являлось непростительной ошибкой, как и надежда многих правых на то, что Муссолини мог бы помешать Гитлеру осуществить аншлюс⁶⁴⁶. После 12 марта главное, что могло бы сделать руководство Третьей республики для сохранения мира в Европе, по мнению коммунистов, – поддержать законное испанское правительство и пресечь помощь мятежникам Франко со стороны фашистских государств. Пери призывал сформировать во Франции правительство, которое откажется от курса на «умиротворение» и начнет решительно противодействовать демаршам Германии.

Схожей риторике придерживались соратники коммунистов по Народному фронту – деятели партии СФИО. 12 марта Андре Леру на страницах «Популер» выразил надежду, что после такого серьезного удара по европейской безопасности, как аншлюс, уступки, «начавшиеся в 1935 г. с Эфиопии и продолжавшиеся в 1936 г. в Испании ... закончатся», а Франция и Англия перестанут питать «иллюзии» и окажут отпор агрессивным шагам фашистских государств⁶⁴⁷. Социалисты призывали не надеяться на противодействие Гитлеру со стороны Муссолини, ибо он окончательно сделал выбор в пользу сотрудничества с Германией и тех «преимуществ, которые

⁶⁴⁴ Ibidem.

⁶⁴⁵ Ibid. 13 mars 1938.

⁶⁴⁶ Ibidem.

⁶⁴⁷ Le Populaire. 12 mars 1938.

может принести ему политика «оси Берлин – Рим» в Средиземноморье и Северной Африке»⁶⁴⁸.

На страницах радикальной прессы не встречалось какой-либо серьезной критики ни французского, ни британского правительства по поводу «их вины» в нарастании германской агрессии. По убеждению издательства газеты «Депеш», «произошедшее уже невозможно исправить», но в создавшихся условиях руководству Третьей республики следует заявить о своей решимости поддерживать союзников в Центральной Европе, что, как считали некоторые представители партии радикалов, может побудить Англию взять на себя схожие обязательства и тем самым помочь совместными усилиями «остановить дальнейшие агрессивные шаги Гитлера»⁶⁴⁹. Так же, как и деятели СФИО, радикалы указывали на страницах «Эр Нувель» на разворот итальянской внешней политики в сторону сотрудничества с Третьим рейхом: «события аншлюса продемонстрировали, что отныне Италия будет действовать во благо интересов Германии»⁶⁵⁰. Радикальная пресса не содержала анализа факта исчезновения Австрии, ограничиваясь общими сводками с фактическим описанием хода событий. Значительно большее внимание радикалы уделяли формированию нового правительственного кабинета после отставки Шотана. По их мнению, в условиях серьезной угрозы для европейской безопасности правительство Франции должно состоять из небольшого количества людей, обладающих компетентностью, честностью, энергией, преданностью национальным интересам, сгруппированных вокруг лидера, власть которого «признается и уважается всей страной»⁶⁵¹.

Правые и крайне правые издания остались практически безучастными к произошедшим событиям, обвиняя в случившемся «левых» политиков Народного фронта, которые оттолкнули Муссолини от Франции и сделали

⁶⁴⁸ Ibid. 13 mars 1938.

⁶⁴⁹ La Dépêche. 12 mars 1938.

⁶⁵⁰ L'Ère nouvelle. 15 mars 1938.

⁶⁵¹ Ibid. 12 mars 1938.

невозможным сотрудничеством двух соседних стран в деле защиты Австрии⁶⁵². По их мнению, за последние годы левоцентристские правительственные кабинеты только препятствовали перевооружению Третьей республики и провоцировали конфликты внутри общества. Обстоятельства сложились так, что за день до аншлюса кабинет Шотана ушел в отставку. Вот почему внимание большей части национальной прессы, за исключением «Юманите», было приковано к правительственному кризису и формированию нового состава Совета министров. Показательно, что эти события отодвинули на второй план происходившее в Австрии.

Впрочем, совершенно неверно считать, что судьба Австрии не беспокоила французских политиков, о чем свидетельствовали двухдневные дебаты в Палате депутатов по вопросам внешней политики, состоявшиеся 25 и 26 февраля, еще до отставки правительства Шотана. Между правыми и левыми депутатами вновь разгорелись серьезные споры о способах поддержания европейской безопасности, в ходе которых рассматривался и вопрос о возможном аншлюсе Австрии со стороны Германии. Одним из первых взял слово христианский демократ Эрнест Пезе, выступавший за безусловное сохранение независимости Австрии. Депутат обратился к министру иностранных дел Дельбосу с вопросом, собирается ли правительство «пожертвовать [статьями – *Н.Ш.*] Сен-Жерменского и Версальского договоров» и «пренебречь поддержкой Австрии»⁶⁵³. По его мнению, независимая Австрия являлась залогом сохранения безопасности в Европе и, в первую очередь, в Дунайском регионе: «факт остается фактом, господа, если Австрия падёт [будет захвачена Германией – *Н.Ш.*], о чем я даже отказываюсь думать, мы увидим, что сохранение её независимости было необходимо для Европы и что она [независимая Австрия – *Н.Ш.*] давала... свободную и полноценную жизнь странам Дунайского бассейна». Депутат указал на реальную угрозу аншлюса, если «мы [не попытаемся – *Н.Ш.*] всеми

⁶⁵² La Nation. Mars 1938; L'Action française. 12 mars 1938.

⁶⁵³ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 574.

мирными средствами, которыми мы обладали, помочь Австрии сохранить независимость»⁶⁵⁴. Пезе хотел услышать от французского правительства ответ на вопрос, если обращение к Лиге Наций для защиты независимости Австрии окажется недейственным, будет ли правительство предпринимать другие меры, чтобы гарантировать, несмотря ни на что, австрийское существование и суверенитет, а также считает ли французское правительство, что Англия присоединится к действиям по обеспечению независимости Австрии⁶⁵⁵.

По словам Пезе, существовало «два аншлюса» – «мирный» и «военный»⁶⁵⁶. Под первым подразумевалось, не присоединение к Германии, а мирное сотрудничество между странами Дунайского бассейна, «свободными и суверенными, находящимися в дружеских отношениях с Германией и ведущими с ней обширную торговлю. Вот, что следовало бы понять Будапешту, но также Праге, Белграду и Бухаресту». Но подобного взаимодействия в годы, когда Германия не проводила агрессивную политику, достичь не удалось, упущенная возможность «мирного аншлюса» сменилась реальностью «военного аншлюса», планируемого Гитлером. В этих обстоятельствах, считал Пезе, Третьей республике предстояло или «отречься [от Австрии – *Н.Ш.*]», или «поддержать её»⁶⁵⁷. В первом случае от Франции требовалось «из элементарной честности предупредить наших союзников о нашем упадке», во втором – осуществлять «решительную и независимую политику». Пезе, как и другие христианские демократы, настаивал на безоговорочной поддержке Австрии. Они не соглашались с прозвищем «разжигателей войны», данным им правоцентристами, предпочитая называть себя «людьми мира, которые не хотят подчиняться блефу и шантажу [Гитлера – *Н.Ш.*]»⁶⁵⁸. По мнению христианских демократов, политика нацистской Германии представляла собой первостепенную угрозу европейской

⁶⁵⁴ Ibidem.

⁶⁵⁵ Ibid. P. 575.

⁶⁵⁶ Ibidem.

⁶⁵⁷ Ibid. P. 576.

⁶⁵⁸ Ibidem.

безопасности, а захват Австрии еще больше приблизил бы потенциальную войну. Однако в выступлении Пезе прямо не прозвучал призыв применить силовые действия для предотвращения аншлюса. Все предложенные им меры сводились скорее к мирным инициативам и дипломатическому давлению на Третий рейх со стороны Лондона и Парижа.

Представитель Демократического альянса Франсуа де Шампо в своем выступлении 25 февраля много рассуждал о проблемах европейской безопасности, уделив большое внимание потенциальному союзу Франции и СССР, которого он отказывался считать надежным союзником. По убеждению депутата, достижения советской индустриализации слишком преувеличивались: «бетонные автомагистрали, такие широкие на выезде из городов, теряют свою протяженность и переходят в грунтовые дороги, по которым легко могут проехать только танки или всадники. Двадцать лет – это небольшой срок в жизни народа, и, несмотря на все усилия сталинской диктатуры по современному обустройству советской степи, пути сообщения в целом остаются примитивными... Советская промышленность испытывает нехватку квалифицированной рабочей силы», а армия «была обезглавлена» в ходе репрессий⁶⁵⁹. Наряду с этим, ни Польша, ни Румыния, отмечал де Шампо, не согласятся пропустить Красную армию через свою территорию, и все страны Восточной Европы – Польша, Румыния, Югославия и даже Чехословакия – видят в коммунистическом государстве угрозу своей независимости и внутренней стабильности. Де Шампо настаивал, что в подобных обстоятельствах усиление сотрудничества с СССР подтолкнет эти страны «в объятия Гитлера» и приведет к «денонсации всех Восточных союзов», что никак не способствует поддержанию мира в Европе.

В неспособности предотвратить готовящийся аншлюс политик обвинял левые правительственные кабинеты, которые последовательно проводили политику санкций против Италии из-за конфликта в Эфиопии и тем самым сделали невозможным её сотрудничество с Францией против Третьего

⁶⁵⁹ Ibid. P. 578.

рейха: «Крайне прискорбно, что французские правительства с 1936 г. не приложили всех усилий для поддержания добрососедских отношений с Италией»⁶⁶⁰. Де Шампо был уверен, что интересы Рима идут вразрез с устремлениями Берлина и франко-итальянское сотрудничество смогло бы сохранить европейскую безопасность, хотя основным инструментом её поддержания депутат по-прежнему называл англо-французский союз. Он призывал также «в срочном порядке» «восстановить Франции имидж сильной и единой нации», преодолеть экономические и военные проблемы, добиться, «чтобы внутри страны царил мир, а классы тесно сотрудничали для возрождения её процветания и величия»⁶⁶¹.

После де Шампо слово взял близкий к Республиканской федерации и яростный противник Народного фронта депутат Марсель Буше. По его мнению, политика левых уже привела страну «к финансово-экономическому краху» и неминуемо подталкивает её к «краху внешнеполитическому»⁶⁶². Из-за санкций против Италии и последовательной критики действий Муссолини в Испании со стороны партий Народного фронта, он перестал быть надежным союзником Третьей республики. Антиитальянские действия Франции избавили «Гитлера от единственного препятствия, которое сдерживало его, – угрозы итальянских дивизий, уже однажды направленных Муссолини [речь идет о событиях 1934 г., когда Муссолини помешал нацистскому перевороту в Австрии]»⁶⁶³. Буше настаивал, что именно левые партии ответственны за сближение Италии и Германии: «“Ось Берлин – Рим” – это вы ее создали!». Чтобы добиться сохранения европейской безопасности, политик считал необходимым вернуться к сотрудничеству с Муссолини и отказаться от социально-экономических мероприятий Народного фронта, которые «только провоцируют классовую борьбу и мешают сплочению нации».

⁶⁶⁰ Ibid. P. 579.

⁶⁶¹ Ibidem.

⁶⁶² Ibid. P. 580.

⁶⁶³ Ibid. P. 581.

Правый политик Жан Ибернегаре в своей речи 25 февраля призвал правительство к проведению жесткой линии в отношении Третьего рейха. По его убеждению, именно от Германии, «которая увеличила численность своей армии до невиданных размеров», исходит главная угроза европейской безопасности⁶⁶⁴. Все попытки сближения Парижа с Берлином за последние годы не возымели никакого эффекта, «на них не последовало никакого ответа», поэтому Франция должна отказаться от примирения с Германией и заключения с ней «рабского мира вопреки международному праву»⁶⁶⁵.

Ибернегаре призывал Францию помешать возможному аншлюсу. Если Гитлер захватит Австрию, «Чехословакия окажется в окружении, [откроется путь – *Н.Ш.*] для порабощения [немцами – *Н.Ш.*] Центральной Европы, захвата венгерской пшеницы и румынской нефти»⁶⁶⁶. Вывод политика был однозначным: «[Став – *Н.Ш.*] хозяином Австрии, Гитлер превратится в хозяина всей Европы». Депутат обращался к своим коллегам в парламенте: «Есть ли здесь кто-нибудь, кто думает, что тогда он остановится у границ Франции и пощадит нас? Какая неосторожность, господа, и какая ошибка!»⁶⁶⁷. Ибернегаре считал «слепой» и «малодушной» позицию тех, кто «не желал мобилизовать силы Франции во имя Австрии и Чехословакии», поскольку Третья республика делает это не столько ради своих союзников, а сколько ради собственной безопасности. При этом, в выступлении правого депутата не прозвучал призыв проводить мобилизацию и начинать войну с Германией. Предполагались исключительно дипломатические меры. Ибернегаре верил, что этот «решительный совместный демарш Англии и Франции заставит Гитлера отступить» и отказаться от идеи аншлюса, заставив «уважать международные договоры и границы других государств»⁶⁶⁸. Как и большинство французских политиков левого и правого лагеря залогом

⁶⁶⁴ Ibid. P. 593.

⁶⁶⁵ Ibidem.

⁶⁶⁶ Ibid. P. 595.

⁶⁶⁷ Ibidem.

⁶⁶⁸ Ibid. P. 596.

европейской безопасности Ибернегаре считал прочный англо-французский союз, который при условии проведения Францией независимой политики, укрепит её мощь. Важным элементом европейской безопасности представитель Республиканской федерации как практически все правые и правоцентристы, видел Италию. По его мнению, Франции следовало преодолеть все разногласия с Муссолини и тем самым побудить его отказаться от «оси Берлин – Рим»⁶⁶⁹.

Представитель Республиканской федерации Альфред Оберкирх также полагал, что аншлюс Австрии подорвет всю европейскую безопасность. После него Гитлер захочет присоединить судетских немцев, затем немецкое меньшинство в Польше, Швейцарии и, несмотря на свои торжественные заявления, в конце концов вспомнит, что Эльзас тоже долгое время принадлежал Германии, а значит Германия продолжает сохранять на него права⁶⁷⁰. По утверждению депутата, Третий рейх стремится увеличивать свой потенциал «до бесконечности», навязать «прусскую гегемонию» всем европейским народам. «Наш долг — громко заявить о своих симпатиях к этому доблестному маленькому австрийскому народу и предпринять официальные шаги в знак протеста против вопиющих нарушений договоров [Германией – *Н.Ш.*]»⁶⁷¹. Оберкирх выступал за дипломатическое давление со стороны Третьей республики против неправовых действий Гитлера, но при поддержке Англии, которая «нуждается в нас столь же сильно, потому что она сегодня находится в неизмеримо большей опасности, чем мы сами, и без нашей помощи она не сможет защитить свои находящиеся под угрозой позиции во всех точках земного шара»⁶⁷². Кроме того, настаивал Оберкирх, у Германии «есть слабые места как в политической, так и в военной структуре. Отсутствие подготовленных резервов, нехватка высших офицеров, недостаток сырья — все это делает сомнительным превосходство Германии». В подобных

⁶⁶⁹ Ibid. P. 597.

⁶⁷⁰ Ibidem.

⁶⁷¹ Ibid. P. 599.

⁶⁷² Ibidem.

условиях решительного дипломатического демарша с заявлением о том, что Англия и Франция готовы выступить против Гитлера в случае его агрессивных шагов было бы достаточно, чтобы вынудить его отступить, поскольку «военный и экономический потенциал двух великих демократий [Великобритании и Франции – *Н.Ш.*]... бесконечно больше, чем у диктатур»⁶⁷³.

Во время парламентских дебатов 25 февраля выступил и сам лидер Республиканской федерации Луи Марен, отметивший колоссальные темпы перевооружения Германии, милитаризацию её экономики, высокую степень военизированности немецкой молодежи. «Поэтому, – говорил Марен, – мы должны спросить себя, каков может быть смысл этих усилий. Народ не предпринимает таких усилий или, по крайней мере, его лидеры не предпринимает таких усилий без причины»⁶⁷⁴. По убеждению главы Республиканской федерации, для поддержания европейской безопасности, когда речь идет о политике Германии, больше нельзя «полагаться только на авторитет договоров 1919 г. и пактов, число которых увеличилось за последние двадцать лет»⁶⁷⁵. Марен предлагал использовать политические механизмы, способные обеспечить мир в Европе. Самым важным он называл союз с Великобританией, но при условии его заключения на партнерских, «равных» условиях⁶⁷⁶. Другим механизмом поддержания европейской безопасности он считал сотрудничество со странами Малой Антанты. Наконец, важная роль в противостоянии Гитлеру отводилась Италии. По убеждению политика, геополитические интересы последней «вынудят её однажды вернуться к фронту Стрезы»⁶⁷⁷. Великобритании следовало первой пойти на примирение с Муссолини, так как именно она «несет ответственность за санкции, которые сломали фронт Стрезы [речь о санкциях

⁶⁷³ Ibidem.

⁶⁷⁴ Ibid. P. 611.

⁶⁷⁵ Ibid. P. 612.

⁶⁷⁶ Ibid. P. 613.

⁶⁷⁷ Ibidem.

из-за нападения на Эфиопию – *Н.Ш.*]). После этого к переговорам присоединится Третья республика, чтобы добиться возобновления сотрудничества, способного «защитить в Европе свободу и безопасность многих народов»⁶⁷⁸. Кроме того, Марен призывал перевести французское «военное производство на полную мощность: без этого условия никаких дипломатических успехов не достигнуть», а закон о сорокачасовой рабочей неделе следовало отменить⁶⁷⁹. Политик восклицал, что сегодня французские военные заводы должны «работать на полную мощность, они должны работать днем и ночью», они должны работать несколькими бригадами без «промедления и без передышки», потому что все часы, «которые мы теряем, рискуют поставить нашу армию перед лицом возросших трудностей»⁶⁸⁰. Таким образом, позиция депутатов от Республиканской федерации была понятной – Германия представляет собой колоссальную угрозу европейской безопасности, и ей надо решительно противостоять, отказавшись от политики уступок. Однако Третья республика не может действовать в одиночку, и поэтому ей следует заручиться поддержкой Великобритании и примириться с Италией. Во внутренней жизни страны требовалось отказаться от социальной программы правительственной коалиции Народного фронта, которая препятствует перевооружению и единению нации. Антикоммунизм и глубокое недоверие к СССР, отказ от сотрудничества с левоцентристскими кабинетами и желание переложить на них ответственность за социально-экономические проблемы и военное отставание Франции мешали правому лагерю объективно оценить перспективы сотрудничества с Муссолини и увидеть преимущества военного союза с СССР.

Иную позицию в вопросе сохранения европейской безопасности занял лидер правоцентристского Демократического альянса П.-Э. Фланден. Если консерваторы однозначно считали Третий рейх главной угрозой миру в Европе, то в условиях приближающегося аншлюса Фланден настаивал на

⁶⁷⁸ Ibid. P. 614.

⁶⁷⁹ Ibidem.

⁶⁸⁰ Ibidem.

необходимости переговоров и примирения с нацистской Германией. По мнению политика, Франция не может позволить себя проводить жесткий курс до тех пор, пока «оборонные заводы [не заработают в полную силу – *Н.Ш.*]... пока не восстановятся финансы, экономика и моральный дух страны». Кроме того, подчеркивал Фланден, «Франция не имеет права рисковать, играя роль полицейского в Европе в одиночку»⁶⁸¹, и потому сотрудничество с Великобританией является императивом внешнеполитической стратегии Парижа. Ответственность за угрозу аншлюса Австрии лидер Демократического альянса возлагал на левых политиков, которые настаивали на введении санкций против Италии, что толкнуло Муссолини в объятия Гитлера. Лига Наций, считал Фланден, утратила свою силу и потому не может обеспечивать безопасность в Европе. В итоге у официального Парижа оставалась два возможных пути – либо действовать совместно с Англией в рамках стратегии примирения с диктаторскими режимами, либо вслед за ФКП выбрать сотрудничество с СССР, чреватое конфликтами и «противостоянием блока демократий с фашистскими странами»⁶⁸². По мнению Фландена, у Третьей республики имелись все шансы восстановить дружеские отношения с Италией и тем самым поддержать европейскую безопасность: «Верите ли вы, что не будет других трудностей в Центральной Европе [после аншлюса – *Н.Ш.*]? И верите ли вы, что сможете преодолеть их без помощи Италии?»⁶⁸³. Свою речь Фланден закончил однозначным выводом: французскому правительству «абсолютно необходимо объединить силы с британским правительством и, несмотря на систематическое противодействие со стороны одной из партий [ФКП – *Н.Ш.*], начать переговоры с Италией и Германией» для урегулирования всех существующих между ними противоречий, в том числе вопроса, связанного с возможным аншлюсом Австрии⁶⁸⁴.

⁶⁸¹ Ibid. P. 639.

⁶⁸² Ibid. P. 640.

⁶⁸³ Ibid. P. 644.

⁶⁸⁴ Ibid. P. 646.

Другой известный деятель Демократического альянса Поль Рейно 26 февраля выступил резко против тезисов, озвученных ранее Фланденом. По его убеждению, отказ от решительного противодействия Гитлеру неминуемо приведет к войне⁶⁸⁵. Политик называл ошибкой утверждения о слабости Третьей республики, которая с 1936 г. тратила огромные деньги на перевооружение армии. Рейно признавал, что он сам часто критиковал организацию вооруженных сил страны за отсутствие моторизованных частей и низкую производительность военной промышленности, но это вовсе не являлось поводом «умалять военные возможности Франции... так как наша мощь заключается в том, чего быстро не добьёшься: в кадрах армии и подготовленных резервах»⁶⁸⁶. Рейно напомнил депутатам, что помимо этого у Третьей республики есть уже заключенные союзы с Польшей, Чехословакией и СССР. Германия же испытывает недостаток в профессиональных офицерах, подготовленных резервах и сырье. Предложение Фландена о начале переговоров с Германией с целью добиться примирения и урегулирования противоречий между Францией и Третьим рейхом Рейно считал попросту бессмысленным, попытки неоднократно предпринимались в последние годы, но не встретили никакого ответа. Если Париж продолжит проводить политику уступок, то, по словам Рейно, «наступит день, когда требование [Гитлера – *Н.Ш.*] окажется невыносимым для гордости [французов – *Н.Ш.*], и в этот день мы вступим в войну униженные и без союзников»⁶⁸⁷.

Социалист Соломон Грумбах отверг обвинения правых в том, что именно политика Народного фронта и его правительств привела на международной арене к катастрофическому результату, с которым столкнулась страна⁶⁸⁸. Напротив, говорил депутат, социалистическая партия всегда проводила политику мира, во внешнеполитическом курсе «защита и поддержание мира» постоянно были её основной целью. «Я не обвиняю

⁶⁸⁵ Ibidem.

⁶⁸⁶ Ibid. P. 647.

⁶⁸⁷ Ibid. P. 648.

⁶⁸⁸ Ibid. P. 588.

никого в этой Палате, даже тех из моих коллег, которые сидят на крайнем правом фланге, в стремлении к какой-либо иной цели, кроме сохранения мира»⁶⁸⁹. По признанию Грумбаха, деятели СФИО пытались нормализовать отношения с Германией в 1920-е гг., когда она еще была демократической республикой, но те из правых, кто теперь хочет во что бы то ни стало «примириться с гитлеровской Германией», за попытку сближения с Веймарской республикой объявили нас «врагами страны»⁶⁹⁰.

Выступление представителя соцпартии постоянно прерывали возгласы правых, обвинявших социалистов в том, что они долгое время, оставаясь на позициях пацифизма, голосовали против перевооружения страны. Грумбах под аплодисменты левых и неодобрительные возгласы правых депутатов отверг все обвинения в том, что на СФИО лежит вина за разрыв отношений с Италией. По его словам, социалистам тоже хотелось бы, чтобы Италия оставалась союзником и другом Франции, но когда произошел разрыв между двумя странами, он оказался связан с событиями, над которыми социалисты не были властны, и в тот день, когда Италия, «нарушив международное право, приступила к завоеванию Эфиопии, именно она взяла на себя ответственность за гибель Стрезы»⁶⁹¹. Главной угрозой европейской безопасности Грумбах считал нацистскую Германию, попытки достижения соглашения с которой не дадут никаких результатов, так как после прочтения «Майн кампф» становится очевидным ответ на вопрос, «хочет ли Германия мира или её лидеры только говорят о мире, преследуя при этом другую цель»⁶⁹². По словам Грумбаха, вскоре после победы Народного фронта в 1936 г. Блюм пытался найти точки соприкосновения с Третьим рейхом в ходе переговоров с Шахтом, но они закончились безрезультатно⁶⁹³. В качестве мер поддержания европейской безопасности Грумбах предлагал активизировать тесное

⁶⁸⁹ Ibid. P. 589.

⁶⁹⁰ Ibid. P. 590.

⁶⁹¹ Ibidem.

⁶⁹² Ibidem.

⁶⁹³ Ibid. P. 591.

сотрудничество Третьей республики с Англией, СССР, США и всеми странами, выступавшими против фашизма за сохранение мира⁶⁹⁴.

Представитель левоцентристского парламентского течения социальных республиканцев Анатоль де Монзи своё выступление посвятил австрийской проблеме, подчеркнув, что «весь австрийский народ – и социалисты, и консерваторы – выступают за независимость страны»⁶⁹⁵. Де Монзи не одобрял идею укрепления сотрудничества с СССР, считая, что это не принесет Франции каких-либо серьезных выгод, грозя оттолкнуть Лондон от взаимодействия с Парижем. Для предотвращения аншлюса, полагал де Монзи, следовало активно сотрудничать с английским правительственным кабинетом, но одновременно проводить независимый внешнеполитический курс. Он предлагал правительству Шотана отправить Гитлеру «твердое и ясное послание без каких-либо двусмысленностей», которое покажет ему готовность Франции защищать суверенное австрийское государство силовыми методами, если Гитлер пойдет на агрессию⁶⁹⁶. Безусловно, политик не стремился к началу войны, но считал, что подобные угрозы вынудят Гитлера отступить.

Радикал Жан Мистле в речи 26 февраля также призывал проводить внешнюю политику «в тесном сотрудничестве с Великобританией»⁶⁹⁷. Депутат признавал военную слабость страны, но был уверен, что «еще есть время это исправить»⁶⁹⁸. Другой радикал – Андре Альбер считал, что все французские политики, невзирая на их политическую принадлежность, в той или иной степени несли ответственность за тяжелое положение, в котором оказалась страна. Особую вину он возлагал на тех депутатов, которые отказывались в предыдущие годы голосовать за военные кредиты и утверждали, что «разоружение само по себе помогает сохранять мир».

⁶⁹⁴ Ibid. P. 593.

⁶⁹⁵ Ibid. P. 610.

⁶⁹⁶ Ibid. P. 611.

⁶⁹⁷ Ibid. P. 600.

⁶⁹⁸ Ibid. P. 602.

Ответственность также и прежде всего несли те, кто сегодня «готов предоставить гитлеровской Германии всё, в чем они отказали республиканской Германии»⁶⁹⁹. Радикалы много рассуждали о необходимости преодолеть внутренние разногласия в обществе, решить экономические проблемы и нарастить военное производство, но в ходе парламентских дискуссий так и не смогли предложить какой-либо целостной программы выхода из сложившегося кризиса, скорее констатируя наличие глубинных проблем и призывая действовать в связке с Великобританией, в том числе в решении австрийской проблемы.

Наиболее последовательными критиками агрессивной политики Третьего рейха в Центральной Европе были французские коммунисты. В своей речи 26 февраля депутат Г. Пери назвал подрыв европейской безопасности и попытку Гитлера подчинить Австрию следствием политики уступок, продолжавшейся с начала гражданской войны в Испании. По его признанию, ФКП охотно согласилась бы с политикой уступок, если бы она способствовал сохранению мира в Европе, но результаты оказались «диаметрально противоположными»⁷⁰⁰. Пери вслед за Грумбахом отверг мысль о том, что сотрудничество Третьей республики с Италией подорвали санкции и отказ Франции признать захват Эфиопии, ибо причиной разрыва являлся «фашистский режим в Италии, сознательно поставивший перед собой цель пойти на союз с Германией»⁷⁰¹. По мнению коммунистов, утверждение, что, согласившись с агрессивной политикой Италии в Северной Африке, европейцам удалось бы остановить Гитлера, является «опасной иллюзией». «Эта иллюзия франко-британской дипломатии есть источник всех наших несчастий... Отдавая предпочтение одному агрессору, вы благопрियтствуете действиям другого»⁷⁰².

⁶⁹⁹ Ibid. P. 629.

⁷⁰⁰ Ibid. P. 604.

⁷⁰¹ Ibidem.

⁷⁰² Ibidem.

Угроза аншлюса Австрии, утверждал Пери, вынуждает Францию сделать выбор «между отступничеством [перед агрессором – *Н.Ш.*] и поддержкой международной солидарности»⁷⁰³. Он призвал срочно укрепить отношения с Польшей, Югославией и Румынией, которые, опасаясь за свою безопасность, стали охотнее идти на переговоры с Германией. Третий рейх «жаждет завоеваний», и в этой ситуации – в противовес Фландену – коммунисты видели главную проблему не в отсутствии активных франко-германских переговоров, а в необходимости обеспечить «сплочение сил мира перед лицом [немецкой – *Н.Ш.*] программы захватов»⁷⁰⁴. Политика уступок только подталкивает Гитлера к аншлюсу и, вопреки мнению многих, представляет собой «самую неосторожную из [возможных – *Н.Ш.*] политик». Пери выражал надежду, что Франция подтвердит свои союзнические обязательства перед Чехословакией и верность франко-советскому и франко-чехословацкому договорам, так как именно они «являются залогом сохранения европейской безопасности»⁷⁰⁵.

С речью также выступил министр иностранных дел И. Дельбос. Глава Кэ д'Орсе попытался синтезировать различные подходы к решению проблемы европейской безопасности. По его словам, Франция обязуется и дальше предпринимать самые решительные меры касательно перевооружения страны, она готова «поддерживать инициативы по всеобщему разоружению, но намерена развивать армию способную противостоять всем внешнеполитическим опасностям»⁷⁰⁶. Правительство, отмечал Дельбос, находит одинаково опасной, как и излишне агрессивную политику по отношению к Германии, так и политику уступок и отказа от активного участия в европейских делах. Для поддержания европейской безопасности Совет министров, со слов Дельбоса, собирался «укреплять сотрудничество с Великобританией», что станет «самым надежным барьером... против

⁷⁰³ Ibidem.

⁷⁰⁴ Ibidem.

⁷⁰⁵ Ibid. P. 608.

⁷⁰⁶ Ibid. P. 629.

опасностей, которые угрожают миру»⁷⁰⁷. Дельбос, соглашаясь с Пери, заявлял о том, что правительство предпримет новые попытки укрепить союзы Франции с странами Восточной Европы. Министр заверял парламентариев, что «независимость Австрии является важным элементом европейского баланса» и Третья республика осуществит в тесном взаимодействии с Великобританией все необходимые меры для сохранения статус-кво в Центральной Европе⁷⁰⁸.

Парламентские дебаты в очередной раз показали отсутствие единства взглядов у представителей законодательной власти на способы сохранения европейской безопасности. Консерваторы из Республиканской федерации однозначно считали главной угрозой действия Гитлера, намереваясь при этом добиваться урегулирования противоречий с фашистской Италией. Представители центра, признавая опасность, исходившую от Германии, за немногим исключением надеялись, что международную напряженность удастся преодолеть с помощью переговорного процесса и уступок Германии. Левые, в целом, справедливо утверждали, что угроза миру в Европе исходит как от Гитлера, так и от Муссолини, союз которых к 1938 г. окреп и казался нерушимым. К моменту аншлюса Австрии между правительственной коалицией и правой оппозицией, как и между партиями Народного фронта накопилось большое количество противоречий из-за разногласий по проблемам гражданской войны в Испании и внутренней политике. Однако практически все сходились в одном – потеря независимой Австрии серьезным образом подорвет безопасность в Европе и ухудшит геополитические позиции Третьей республики. В связи с этим причину примирительного курса в марте 1938 г. стоит искать не в позиции общественности и парламентариев. Пассивная реакция официального Парижа на аншлюс Австрии обуславливалась другими причинами.

⁷⁰⁷ Ibid. P. 630.

⁷⁰⁸ Ibid. P. 631.

Как отмечает Адамсвейт, «нарастание напряженности вокруг судьбы Австрии продолжалось месяц, и у британского и французского правительств имелись широкие возможности для выработки общей линии действий»⁷⁰⁹. Из дипломатических документов видно, что изначально французское руководство пыталось предпринять шаги в защиту австрийской независимости. 29 января 1938 г. министр иностранных дел Франции Дельбос встретился в Женеве с представителем австрийского правительства, который выразил серьезные «опасения по поводу аншлюса... и отставки канцлера Шушнига, на место которого может прийти пронацистский лидер»⁷¹⁰.

На фоне нарастающей напряженности между Германией и Австрией французский посол в Берлине А. Франсуа-Понсе 17 февраля во время беседы с Риббентропом заявил, что Третья республика намерена «проявлять самый живой интерес к судьбе Австрии»⁷¹¹. В ответ на это министр иностранных дел нацистской Германии напомнил, что австро-германская проблема «касается только двух государств и является семейной проблемой, которая должна быть решена внутри семьи, вмешательства в которую третьих лиц Германия не потерпит»⁷¹². После часового разговора французскому представителю так и не удалось добиться однозначного ответа на вопрос, обязуется ли Германия уважать независимость Австрии.

В это же время министр иностранных дел Дельбос сообщил французскому послу в Лондоне Корбену, что в текущих международных условиях Париж и Лондон должны решительно заявить Гитлеру, что независимость Австрии отвечает интересам сохранения мира в Европе, и они не могут оставаться равнодушными перед инициативами, ведущими к его разрушению. Силовой акт, направленный на разрушение «статус-кво в Центральной Европе, встретит решительное сопротивление со стороны

⁷⁰⁹ *Adamthwaite A.* Op. cit. P. 77.

⁷¹⁰ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 8. № 61. P. 131.

⁷¹¹ *Ibid.* № 189. P. 383.

⁷¹² *Ibidem.*

западных держав»⁷¹³. Послу предстояло убедить Лондон пойти на этот шаг. Французский зондаж вынудил главу английского МИДа лорда Галифакса ответить длинным меморандумом, переданным Дельбосу 25 февраля. Позиция Великобритании заключалась в следующем: формулы, предложенные французским правительством, подразумевают «готовность со стороны французского и британского правительств прибегнуть к войне», чтобы утвердить свою волю. Это повлечет за собой обязательства, которые правительство Ее Величества «до сих пор отказывалось принять»⁷¹⁴. В меморандуме подчеркивалось, что британский кабинет разделял озабоченность французского по поводу последствий, вытекающих из недавних инициатив Третьего рейха, но, тем не менее, не считает возможным «присоединиться к выдвинутому Францией предложению»⁷¹⁵ и намерен лишь «заявить в Берлине, что последние действия Германии затрудняют поддержания безопасности в Европе». В итоге Великобритания так и не согласилась предпринять решительных мер в защиту независимости Австрии. Таким образом, мартовский кризис показал, что Третья республика, хотя и сохраняла свободу действий, постепенно всё больше следовала за внешнеполитическим курсом Лондона, позиция которого серьезным образом влияла на политическое поведение руководства Третьей республики.

Как видно из мер, предпринятых Дельбосом, его можно отнести к сторонникам сопротивления агрессивным шагам Третьего рейха. В правительственном кабинете эту позицию разделял военный министр Даладьё. Как он позже говорил на заседаниях парламентской комиссии 1947 г., в начале 1938 г. «вопрос независимости Австрии был так же важен, как и вопрос о Рейнской области, Версальский договор еще сохранял силу... [и Франция – *Н.Ш.*] гарантировала независимость Австрии»⁷¹⁶. На встрече в отеле Матиньон с Дельбосом, Шотаном и Бонне 12 марта военный министр

⁷¹³ Ibid. № 190. P. 385.

⁷¹⁴ Ibid. № 304. P. 592.

⁷¹⁵ Ibidem.

⁷¹⁶ Les événements... Vol. 1. P. 26.

поставил вопрос о целесообразности применения военных мер при условии их одобрения со стороны Великобритании. Однако, как вспоминал Даладье, официальный Лондон ответил «решительным отказом на подобные инициативы», а какие-либо попытки французского и английского правительств добиться «поддержки Италии в противодействии аншлюсу не нашли никакого понимания в руководстве фашистского государства»⁷¹⁷. Несколько иную трактовку тех событий в своих мемуарах дает генерал Гамелен, отмечая, что 12 марта французское правительство решило «не принимать никаких военных мер»⁷¹⁸. Правда, по утверждению крупного французского историка и биографа Даладье Э. дю. Рео, информация французских архивных документов подтверждает слова военного министра⁷¹⁹.

Оригинальную точку зрения высказал Э. Адамсвейт. Ученый отмечал, что исходя из дипломатических переговоров между Парижем и Лондоном, могло сложиться впечатление о возможности спасения Австрии, если бы Великобритания согласилась вместе с Францией надавить на Берлин. На самом деле эта видимость была обманчивой. Просьбы Франции о поддержке Великобритании в деле защиты независимости Австрии «являлись не более чем дипломатическими фанфарами, используемые, во-первых, для успокоения парламента, а во-вторых, – Чехословакии»⁷²⁰. Однако подобная оценка историка представляется некоторым преувеличением, так как руководство Третьей республики со всей ответственностью воспринимало высокую степень угрозы европейской безопасности, которая исходила из аншлюса Австрии. Куда более верным объяснением подобного исхода мартовского кризиса кажутся размышления о событиях тех дней генерала Гамелена: «Италия определенно сотрудничала с Германией в Испании. Бельгия, казалось, более чем когда-либо была полна решимости сохранять нейтралитет. Вся информация, поступающая из Англии, показывала, что она готова вновь

⁷¹⁷ Ibid. P. 27.

⁷¹⁸ Gamelin M. Op. cit. P. 316.

⁷¹⁹ Réau E. du. Op. cit. P. 209.

⁷²⁰ Adamthwaite A. Op. cit. P. 79.

смириться со свершившимся фактом»⁷²¹. Минимальными оставались надежды на поддержку Польши и СССР. По прогнозам Второго бюро в начале 1937 г., уже к концу года Германия должна была располагать 38 пехотными дивизиями, четырьмя танковыми, 20 резервными и 24 дивизиями запаса. Все они, как утверждалось, будут вооружены на уровне, достаточном для проведения полномасштабных операций. «Демографическое превосходство Германии позволяло и в дальнейшем наращивать сухопутные силы. Численность Люфтваффе оценивалась в 1600 самолетов первой линии, при этом ежемесячно авиастроительные заводы поставляли по 360 новых машин»⁷²². И хотя, как отмечает А.А. Вершинин, некоторые цифры были преувеличены, французское руководство воспринимало их как реальность при выработке правительственных решений. «Завышенные оценки военной ситуации в Германии, – подчеркивал П. Джексон, – сочетались с острым ощущением уязвимости Франции, которое искажало восприятие военного баланса вплоть до осени 1938 г.»⁷²³. Как итог, невозможность, по мнению французского политического и военного руководства, применить военные методы и опереться на дипломатическую поддержку других государств стали основными причинами её бездействия в марте 1938 г. Позиция депутатов и партийных деятелей Третьей республики в данном случае оказалась на вторых ролях и не смогла переломить негативные тенденции на дипломатической арене и в военной сфере.

14 марта французскому правительству была представлена подробная записка генерального штаба, в которой говорилось о значительном ухудшении стратегического положения Чехословакии после аншлюса⁷²⁴. Военные отмечали, что «военный потенциал Германии возрос за счет присоединения 7 миллионов австрийцев и их десяти действующих дивизий». Предполагалось, что в скором времени Германия сможет мобилизовать армию «в 200 дивизий,

⁷²¹ *Gamelin M.* Op. cit. P. 316.

⁷²² *Вершинин А.А., Наумова Н.Н.* Указ. соч. С. 263.

⁷²³ *Jackson P.* Op. cit. P. 223.

⁷²⁴ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 8. № 432. P. 786-789.

позволяющую ей эффективно вести войну на два фронта... и атаковать Францию либо через Швейцарию, либо через Бельгию»⁷²⁵. И хотя угроза военной мощи, исходившая от Германии на тот момент, была преувеличенной, в докладе делался вывод о том, что для достижения победы в потенциальной войне и сохранения европейской безопасности Франции «более чем когда-либо необходима поддержка Англии и Польши, а также стран Малой Антанты»⁷²⁶.

Следующей целью Гитлера на пути «объединения всех немцев» становилась Чехословакия. После аншлюса правительство Франции вновь возглавил Леон Блюм, назначивший на пост министра иностранных дел противника политики «невмешательства» Жозефа Поля-Бонкура. 14 марта 1938 г. тот заверил чешского посланника Штефана Осуского, что Третья республика непременно выполнит свои союзнические обязательства в случае возникновения военного конфликта с Германией. На совещании главы Кэ д'Орсе с представителями Чехословакии, Польши и Румынии 4 апреля выяснилось, что Праге не следует надеяться на значительную поддержку двух последних⁷²⁷.

Таким образом, серьезные разногласия по вопросам европейской безопасности в рядах французской политической элиты наблюдались на протяжении всех 1930-х гг. Это касалось как споров между представителями отдельных партий и парламентских течений, так и внутри них. Часть политиков стремилась к сближению с Италией, другая – с СССР, некоторые не возражали даже против взаимодействия «во имя сохранения мира» с нацистскими кругами. Еще больший раскол в общественно-политических кругах Третьей республики обозначится по мере начала и развития чехословацкого кризиса весны – осени 1938 г. и необходимости определиться, оказывать поддержку Праге или нет.

Система коллективной безопасности в середине 1930-х гг. показала свою явную неспособность противодействовать колоссальным вызовам,

⁷²⁵ Ibidem.

⁷²⁶ Ibidem.

⁷²⁷ Ibid. № 446.

брошенным европейскому сообществу нацистской Германией и фашистской Италией. Руководство Третьей республики так и не решилось предпринять серьезных шагов для создания механизмов реального сдерживания, например, военного союза с СССР⁷²⁸. С каждым новым обострением ситуации на европейской арене внешнеполитический курс Франции все больше дрейфовал в сторону британской политики «умиротворения». Великобритания стремилась урегулировать европейские проблемы без привлечения Лиги Наций, напрямую с Германией, предпочитая решать конфликты уступками, ошибочно полагая, что Гитлер не стремится к войне и только с прагматических позиций добивается усиления позиции немцев. И хотя французы пытались проводить независимую линию, влияние Лондона на выработку внешнеполитических решений по вопросам гражданской войны в Испании и – в куда большей степени – аншлюса Австрии, было очевидным и значительным. Среди большинства общественно-политических сил был однозначный консенсус о необходимости тесного союза с Великобританией для поддержания европейской безопасности и защиты в случае немецкой агрессии против Франции. Но говорить о каком-либо единстве в рядах политиков и в правительственной коалиции Народного фронта не приходится. ФКП, часть социалистов, а также некоторые правые готовы были рассмотреть возможность политики сдерживания Гитлера при дальнейшем упрочнении сотрудничества с СССР, другая же часть как левых, так и правых все больше склонялась к необходимости поставить во главу угла примирение с Германией дабы избежать начала новой крупномасштабной войны. Отнюдь не малочисленными были и те, кто искренне считал, что противостоят Гитлеру удастся, если преодолеть все разногласия с Римом и выстроить с ним эффективное сотрудничество. После аншлюса Австрии Чехословакия была окружена немецкими границами с севера, запада и юга и становилась очевидной целью для следующего удара Гитлера.

⁷²⁸ Вершинин А.А. Указ. соч. М., 2024.

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. Ломоносова

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Шалдин Николай Николаевич

**Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросам
европейской безопасности (1936–1938)**

Специальность – 5.6.2. Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Том II

Научный руководитель:

кандидат исторических наук, доцент

Наумова Наталья Николаевна

Москва – 2025

Оглавление

Том II

Глава 3. Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросу преодоления чехословацкого кризиса (апрель – сентябрь 1938 г.)	3
3.1. Реакция французских коммунистов на возникновение и протекание чехословацкого кризиса	3
3.2. Политики-социалисты о чехословацком кризисе: внутренние разногласия перед лицом внешней угрозы	27
3.3. Позиция партии радикалов в отношении мер по обеспечению европейской безопасности в условиях чехословацкого кризиса.....	45
3.4. Французские правоцентристы о путях выхода из чехословацкого кризиса	63
3.5. Взгляды французских консерваторов на проблему сохранения европейской безопасности в связи с чехословацким кризисом	82
3.6. Позиция руководства крайне правых партий «Аксьон франсез» и Социальной партии в вопросе поддержания европейской безопасности	100
Заключение	117
Список источников и литературы	130

Глава 3. Общественно-политические дискуссии во Франции по вопросу преодоления чехословацкого кризиса (апрель – сентябрь 1938 г.)

3.1. Реакция французских коммунистов на возникновение и протекание чехословацкого кризиса

На территории Чехословакии одновременно проживали 7,5 млн. чехов, 2,5 млн. словаков и около 3 млн. немцев, компактно располагавшихся в Судетской области – пограничном регионе на севере и северо-западе государства. Стремление Германии присоединить к себе Судетскую область можно объяснить несколькими причинами. Нацисты не скрывали своих намерений объединить в пределах единого государства – Третьего рейха – всех лиц немецкой расы. К тому же, захват Чехословакии обеспечивал бы Германии защиту с флангов при наступлении на запад. Стоит отметить наличие высокоразвитой промышленности и военного производства в Судетской области. В ней находились мощные военные укрепления, не уступавшие французской линии Мажино. По словам отечественного историка А.О. Наумова, «Чехословакия располагала мощнейшими фортификационными сооружениями для защиты своих границ, преодоление которых требовало длительного времени. Даже австрийская часть чехословацко-германской границы за время, прошедшее после аншлюса, была существенно укреплена»⁷²⁹. Кроме того, на территории Чехословакии располагались аэродромы, которые в случае начала войны с Германией позволяли принять советскую помощь и предпринимать бомбардировки крупнейших немецких городов – Берлина, Вены, Дрездена, Бреслау и др. В это время чехословацкая армия насчитывала 40 хорошо экипированных и вооруженных современным оружием дивизий. Таким образом, Чехословакия являлась очень мощной силой, способной сдерживать немецкое наступление на востоке и была способна оказать существенную поддержку Франции в случае начале войны с Германией.

⁷²⁹ Наумов А.О. Указ. соч. М., 2007. С. 345.

Для реализации своих замыслов Гитлер рассчитывал использовать пронемецки настроенные политические силы в самой области – немецкую партию во главе с Конрадом Генлейном. Она возникла в октябре 1933 г. под названием «Судето-немецкий патриотический фронт» и пользовалась поддержкой немецкого населения Чехословакии. Нарастание недовольства этой этнической группы происходило на фоне последствий экономического кризиса, который сильнее всего затронул Судеты как наиболее развитый в промышленном плане регион. С 1934 г. Генлейн и его сторонники тайно получали финансирование от гитлеровской Германии. Вначале лозунги партии сводились к требованию автономного управления, однако к весне 1938 г. Гитлер взял курс на отторжение пограничных районов от Чехословакии. Сам фюрер 20 февраля 1938 г. с трибуны рейхстага заявил о готовности взять под защиту 10 млн. немцев, проживавших на территориях Австрии и Чехословакии.

Чехословацкий кризис продолжался с апреля по сентябрь 1938 г. Его кульминацией стала мюнхенская конференция 30 сентября, считающаяся апогеем политики «умиротворения». Эти события окончательно похоронили систему коллективной безопасности, ознаменовав полный крах Версальской системы международных отношений и Лиги Наций, как органа призванного урегулировать конфликты и поддерживать безопасность в Европе. По итогам кризиса ушла в прошлое политика «тыловых союзов» Третьей республики со странами Восточной Европы, прекратили своё действие франко-чехословацкий и советско-чехословацкий договоры, способные стать серьезными инструментами для сдерживания Германии. Гитлер сумел заполучить промышленный потенциал Чехословакии, заводы, которые преимущественно располагались в Судетах, и её военные укрепления, серьезным образом изменив баланс сил, существовавший после Первой мировой войны. В историографии мюнхенская конференция традиционно рассматривается как пролог ко Второй мировой войне. В самой Франции чехословацкий кризис привел к окончательному краху коалиции Народного

фронта и еще больше обострил раскол в политических кругах относительно мер, необходимых для поддержания европейской безопасности в условиях возросшей мощи Третьего рейха. Именно эти причины обуславливают то пристальное внимание, которое уделено в тексте кандидатской диссертации чехословацкому кризису.

Свое начало он берет весной 1938 г., когда после аншлюса Австрии западная часть Чехословакии оказалась с трех сторон окруженной германскими границами. Во Франции 8 апреля 1938 г. Второе бюро сообщило председателю Совета министров Э. Даладье, что из надежных источников стало известно об обсуждении на заседании немецких военачальников неизбежности нападения на Чехословакию. Лица, втайне в этом участвовавшие, надеялись, что оно может быть отложено до октября, дав, тем самым, немецкой армии время для необходимой подготовки. Генералы не верили в возможность мирного существования различных народов внутри Чехословакии, они считали, что аннексия Судет рейхом осуществится тем проще «из-за слабости СССР и бездействия со стороны Западных демократий»⁷³⁰.

С подачи фюрера Генлейн 24 апреля 1938 г. обнародовал требования к Праге в документе под названием «Карлсбадская декларация». Наиболее значимым являлся последний пункт, в котором Генлейн требовал полную свободу для судетских немцев разделять «мировоззрение» (Weltanschauung) нацистской Германии, что привело бы в конце концов к расколу населения Чехословакии на два идеологически непримиримых лагеря. Возникла вероятность вооруженного столкновения в Европе, так как Германия собиралась активно поддержать немецкое население ЧСР, правительство же республики, в свою очередь, намеревалось отстаивать свои государственные интересы.

Первым обострением чехословацкого кризиса стали события мая 1938 г. Тогда значительная часть немецких войск сосредоточилась на границе с

⁷³⁰ Lacaze Y. Op. cit. Paris, 1992. P. 66.

Чехословакией. Возникла угроза, что партия Генлейна предпримет какой-либо демарш, который послужит предлогом для вторжения немецких войск. В этих условиях президент страны Э. Бенеш объявил о частичной мобилизации. В Судетах вводилось осадное положение, граница полностью перекрывалась, а на территорию области вступили чешские войска. Одновременно с этим французское и британское правительство сделали заявления, что в случае начала масштабного конфликта в Центральной Европе они не смогут остаться в стороне.

В обстановке возраставшей напряженности в центре Европы английский посол в Берлине Гендерсон сообщил Риббентропу 21 мая, что, если, несмотря на усилия правительства Его Величества, возникнет конфликт, то немецкое правительство должно хорошо осознавать опасность, которую повлечет за собой такое развитие событий. У Франции есть обязательства перед Чехословакией, и она будет вынуждена вмешаться в силу своих обязательств, если произойдет немецкая агрессия против Чехословакии. Действительно, французские министры «неоднократно сообщали правительству Его Величества, что Франция непременно поступит так». В таких обстоятельствах «правительство Его Величества не могло гарантировать», что обстоятельства не вынудят их также принять участие в конфликте⁷³¹.

Гитлеру пришлось на время отступить. По мнению французского посла в Берлине А. Франсуа-Понсе, заявление Англии и «растущая уверенность в том, что Франция не оставит чехов, если те подвергнутся нападению, возымели определенный эффект». Чуть позже он напишет, что «возможность немедленной военной операции со стороны Германии исключена. Но было бы ошибкой считать кризис завершенным»⁷³². Уже на следующий день после своего демарша в поддержку ЧСР британская дипломатия поспешила уведомить французов, что заявление, сделанное Гендерсоном 21 мая, не

⁷³¹ DBFP. 3 series. Vol. 1. № 331. P. 331-332.

⁷³² DDF. 1932–1939. 2 série. T. 9. № 421-425. P. 850-855.

следует толковать буквально, если, однако, французское правительство предполагает, что правительство Его Величества немедленно предпримет совместные военные действия с ним, чтобы защитить Чехословакию от немецкой агрессии, то «было бы справедливо предупредить его, что наши заявления не оправдывают такого предположения»⁷³³. Британская сторона настаивала, что совместных сил Великобритании и Франции, даже при помощи со стороны СССР, оказалось бы недостаточно, чтобы остановить Гитлера, и выступление этих трёх стран только бы привело к затяжной войне. В тот же день министр иностранных дел Бонне заверил английского посла, что без предварительного обсуждения с Лондоном Францией не будет предпринято никаких действий. Однако скоординированные действия как внутри страны, так и во вне помогли избежать дальнейшего обострения.

В руководстве Третьей республики, а также в рядах политических и общественных деятелей развернулись масштабные дискуссии о способах поддержания европейской безопасности в подобных обстоятельствах. Правительство опасалось резкой поляризации взглядов, которая приведет к тому, что «полноценное обсуждение внешней политики будет сродни Вавилонской башне. Существующие противоречия только возрастут», что помешает выработке эффективного курса⁷³⁴. Поэтому уже в июне 1938 г. Даладье отправил на каникулы парламент, который не созывался вплоть до начала октября, когда возникла необходимость ратификации мюнхенского соглашения. Лишившись парламентской трибуны, французские депутаты, представители разных партий и политических течений обратились к СМИ, и основной площадкой для дискуссий по вопросам европейской безопасности стали передовицы ведущих газет и журналов Третьей республики. Практически любое политическое объединение, различные партии и даже некоторые течения внутри них имели свои газеты или журналы, где политики

⁷³³ DBFP. 3 series. Vol. 1. № 271. P. 346-347.

⁷³⁴ *Adamthwaite A. Op. cit. P. 127.*

открыто делились своими взглядами, внося собственную лепту в формирование французского общественного мнения.

Ярким сторонником защиты Чехословакии как важного инструмента поддержания европейской безопасности были коммунисты. Несмотря на явную неприязнь к английской политике «умиротворения», члены ФКП выступали за единство действий двух держав и всячески приветствовали их сближение как залог сохранения безопасности в Европе. Для представителей руководства ФКП союз с Великобританией не воспринимался как панацея лишь из-за факта своего существования. У коммунистов имелось четкое видение предназначения подобного альянса и его главных задач: ключевым условием успешной консолидации двух государств называлось их объединение «для проведения политики сопротивления, а не политики уступок», в противном случае его деятельность послужит на благо реализации планов Гитлера⁷³⁵. Г. Пери утверждал, что франко-британское сближение требовалось Британии не менее, чем Франции, и осуждал ситуацию, «когда альянс поставлен под контроль только одного из партнеров»⁷³⁶. Именно последнего крайне левые политики опасались больше всего в вопросе сближения с Великобританией. Сам курс консервативного английского кабинета вызывал у ФКП серьезную критику, как и деятельность министра иностранных дел Бонне, который, по их мнению, бездумно следовал в русле стратегии «умиротворения» Чемберлена в то время, как «залог поддержания европейской безопасности» заключался в политике сдерживания.

Майские события в Чехословакии вызвали бурные дискуссии в общественно-политических кругах Третьей республики. Решительными действиями Праги, а также заявлениями Франции, СССР и Великобритании о поддержке республики возникшую опасность удалось предотвратить. Именно эта совместная позиция, вынудившая Гитлера отступить, будет приводиться коммунистами вплоть до мюнхенской конференции в качестве удачного

⁷³⁵ L'Humanité. 30 avril 1938; Ibid. 19 juillet 1938.

⁷³⁶ Ibid. 30 avril 1938; Ibid. 19 juillet 1938.

примера политики сдерживания агрессора для сохранения европейской безопасности. 26 мая один из ведущих политиков ФКП Жак Дюкло заявил, что главный урок из майских событий – победа, которую удалось добиться после того, как «в эти тяжелые дни» был достигнут «союз народных масс демократических стран и великого советского народа»⁷³⁷. По убеждению Г. Пери, войну удалось предотвратить лишь потому, что «правительства миролюбивых стран впервые применили метод, рекомендованный коммунистами, – стойкость перед шантажистами»⁷³⁸. В связи с этим, подчеркивали в ФКП, больше не требовалось доказывать, когда французское правительство действует энергично, консервативный кабинет в Лондоне вынужден поддерживать действия официального Парижа. «Вот почему основная ответственность в будущем ложится на французское правительство»⁷³⁹. За этими комментариями скрывалось стремление укрепить франко-советский договор 1935 г. и дополнить его военными соглашениями, что, в свою очередь, могло создать ядро для выстраивания международной коалиции, способной проводить политику сдерживания по отношению к агрессору и сохранять европейскую безопасность.

С июня 1938 г. между Прагой и Судето-немецкой партией начались длительные переговоры. Во многом вина в отсутствии консенсуса между сторонами лежала на Генлейне, который умышленно затягивал обсуждение проблемных вопросов, выдвигая все новые и новые претензии. По мнению В.В. Марьиной, «когда казалось, что компромисс может быть достигнут, генлейновцы радикализировали свои требования в расчете на то, что власти откажутся их принять»⁷⁴⁰. Все это время Лондон последовательно придерживался курса на «умиротворение», считая эту стратегию единственным эффективным способом поддержания безопасности в Европе. Для помощи в урегулировании судетского вопроса Англия предложила ЧСР

⁷³⁷ L'Humanité. 26 mai 1938.

⁷³⁸ Ibid. 5 juin 1938.

⁷³⁹ Ibidem.

⁷⁴⁰ Марьяна В.В. Указ. соч. М., 2008. С. 28.

свое посредничество. С этой целью 3 августа в Прагу прибыла британская миссия во главе с лордом Рансименом, не добившаяся никакого успеха.

В это же время основное внимание коммунистической прессы было сосредоточено на советско-японском вооруженном инциденте у озера Хасан и победе в нём советских войск⁷⁴¹. Коммунист М. Маньян писал, что это «великий урок для демократий, пример того, как защищать мир». И народные массы будут решительнее требовать объединения демократий, сила которых должна отбросить фашистских «поджигателей войны» по всем направлениям⁷⁴². Одним из главных способов сохранения европейской безопасности коммунисты считали сближение западных демократий и СССР. Сенатор Марсель Кашен в июне 1938 г. заявлял, что СССР – это государство, которое «больше всего нуждается в мире, которое никогда не нападало и никогда не нападет ни на один народ». Коммунисты и СССР стремятся «объединить всех людей, все организации, все миролюбивые государства, чтобы прийти на помощь жертвам разжигателей войны»⁷⁴³. Еще раньше – в начале мая – М. Кашен приводил в «Юманите» слова У. Черчилля: «На Востоке Европы находится огромная мощная Россия. Я ненавижу форму её правления». Тем не менее, он считал фактом то, что она не угрожает никому из своих соседей военной агрессией, в то время как сама страна «подвергается нацистской угрозе». Британский политик считал «безрассудными и глупыми» тех, кто воздвигает непреодолимые преграды на пути к сближению с «российской мощью для противостояния нацистской агрессии»⁷⁴⁴. Кашен призывал французских консерваторов прислушаться к позиции Черчилля. Лидер французских коммунистов М. Торез также неоднократно заявлял о необходимости плотного сотрудничества Франции и СССР. На заседании ЦК ФКП в конце мая он подчеркивал, что именно Советский Союз позволил рабочим и крестьянам Чехословакии смело сказать, что с таким союзником

⁷⁴¹ L'Humanité. 4 août 1938.

⁷⁴² Ibid. 6 août 1938.

⁷⁴³ Ibid. 1 juin 1938.

⁷⁴⁴ Ibid. 12 mai 1938.

они не уступят натиску нацистов. Советский Союз дает рабочим и крестьянам Франции уверенность в том, что франко-советский пакт в случае агрессии Гитлера «будет стоить ему гораздо дороже, чем нам [французам – *Н.Ш.*]»⁷⁴⁵.

В решающую стадию – стадию обострения – кризис вступил в начале осени 1938 г., когда 12 сентября на съезде НСДАП в Нюрнберге Гитлер произнес речь, полную критики в адрес политики правительства Чехословакии: он требовал от ЧСР прекратить угнетать 3,5 млн. немцев, проживавших на территории республики, и предоставить им независимость, назвал Чехословакию «недальновидной конструкцией Версаля» и выразил готовность оказать помощь судетским немцам. Выступление фюрера сразу же вызвало беспорядки в пограничных районах Судетской области. Для их подавления чехословацкому правительству пришлось применить силу и ввести чрезвычайное положение⁷⁴⁶. После столкновения судетских немцев и правительственных войск были погибшие. 14 сентября Генлейн и его сторонники бежали в Баварию, а их партию пражское правительство запретило. Из Германии в радиообращении Генлейн заявил о невозможности сосуществования на одной территории судетских немцев и чехов и потребовал присоединения к Германии территорий, где проживает более половины населения немецкого происхождения: «Мы хотим жить как свободные мужчины и женщины. Мы снова хотим иметь мир и работу на нашей родине. Мы хотим домой в рейх».

На фоне обострения чехословацкого кризиса прозвучало наибольшее число аргументов в защиту ЧСР со стороны ФКП. Одним из главных доводов являлась военная мощь Чехословакии, гарантировавшая безопасность в Европе, так как Франции удастся избежать войны, поскольку у неё есть «союзник в центральной Европе», который сводит на нет возможность немецкой агрессии; устраните этого союзника – безопасности Франции и сохранению мира в Европе будет «вынесен смертный приговор»⁷⁴⁷. Комплекс

⁷⁴⁵ Ibid. 29 mai 1938.

⁷⁴⁶ РГВА. Ф. 46к. Оп. 1. Д. 8. Л. 5-6.

⁷⁴⁷ L'Humanité. 16 septembre 1938.

оборонительных сооружений Чехословакии, строительство которых финансировал Париж, сравнивался с французской линией Мажино, и их возможная потеря болезненно воспринималась ФКП.

Важным фактором военной мощи ЧСР коммунисты считали наличие у неё авиации. 1 октября член Палаты депутатов Пери с явным сожалением писал о потере военно-воздушных сил своего союзника после заключения мюнхенского соглашения: «Чехословакия обладала сильной авиацией. И эта авиация находилась в распоряжении Франции. В ее распоряжении был аэродром в центре Европы, откуда можно было достигнуть жизненно важных центров Германии и который одним только своим существованием затруднял возможность немецкой агрессии против Франции»⁷⁴⁸. Качество и количество ВВФ Третьей республики крайне низко оценивались даже её военными деятелями и считались слабым местом национальной обороны. В связи с этим, современная авиация ЧСР, а главное – удобное расположение её аэродромов, являлись действительно важным фактором и давали коммунистам серьезный аргумент в поддержку Чехословакии.

Коммунисты возражали тем, кто утверждал, что отсрочка, полученная за счет «выдачи» немцам Чехословакии, позволит Франции нарастить свой военный потенциал. По их мнению, выигранное время окажется слишком коротким: «Нам возражают, что за время короткой, крайне короткой отсрочки Франция сбережет свои силы, улучшит свою военную мощь. Прекрасная перспектива». Но в действительности принятие плана Берхесгадена (речь о плане по передаче Судетской области Германии, согласованном Чемберленом и Гитлером в резиденции последнего) устранил одним махом превосходство Франции, сведет на нет усилия, предпринимаемые в сфере «национальной обороны в течение последних двух лет»⁷⁴⁹. Большую тревогу у лидеров ФКП вызывала возможность денонсирования договоров о взаимопомощи Чехословакии с СССР и Францией, так как новое государство, потерявшее

⁷⁴⁸ L'Humanité. 1 octobre 1938.

⁷⁴⁹ Ibidem.

территорию и ослабленное, не смогло бы рассчитывать на французские и советские гарантии о взаимопомощи. «Эти гарантии были бы заменены на призрачную систему международной защиты при участии Великобритании»⁷⁵⁰.

Руководство ФКП справедливо указывало на очевидное усиление нацистской Германии в случае передачи ей Судетской области: мало того, что Франция лишалась важного союзника в Центральной Европе, но и столкнулась бы со значительно возросшей военной и промышленной мощью её врага. «До сих пор нехватка сырья была для Германии сдерживающим фактором»⁷⁵¹, – писала «Юманите» 18 сентября 1938 г. Захват же Чехословакии, уверяли коммунисты, только усилит дальнейшую немецкую экспансию и ограничит эффективность международных инструментов поддержания европейской безопасности: «Любой француз понимает, что гитлеровская Германия не остановится на пути авантюры, когда перед ней больше не окажется никаких препятствий, когда она будет обладать тем, чего сейчас ей не хватает – военной промышленностью Чехословакии, венгерской пшеницей, румынским топливом»⁷⁵². Коммунисты опасались и потери международного престижа Франции в случае выполнения требований Гитлера. По их убеждению, «отказываясь сопротивляться», Третья республика напрямую нарушала обязательства, данные ей по франко-чехословацкому договору 1924 г., что могло «отвернуть» от неё потенциальных и уже существующих союзников, показать ненадежность заверений её руководства.

Тем временем британское правительство стремилось не допустить скатывания чехословацкого кризиса в войну, в связи с чем уже традиционно использовало механизмы политики «умиротворения». 14 сентября министр социального обеспечения Чехословакии в письме к Блюму жаловался, что «в Великобритании и Франции существуют довольно сильные течения, которые не осознают, что падение чехословацкого демократического государства

⁷⁵⁰ Ibid. 18 septembre 1938.

⁷⁵¹ L'Humanité. 18 septembre 1938.

⁷⁵² Ibid. 17 septembre 1938.

приведет к гегемонии Гитлера во всей Европе»⁷⁵³. Принимая во внимание колебания правительственных кругов Третьей республики, британский кабинет решил действовать, не оглядываясь на Францию. 15 сентября 1938 г. Чемберлен прибыл в резиденцию Гитлера в Берхтесгадене для переговоров, в ходе которых он дал полное согласие на требования Гитлера – применение права нации на самоопределение в отношении судетских немцев. План, предложенный Чемберленом, сводился к следующему: передать без плебисцита Германии территории Чехословакии, где проживало 50% немецкого населения (Карловы Вары-Марианске, Лазне-Хеб), а остальным районам предоставить широкую автономию. Новые границы Чехословакии должны были гарантироваться Германией, Францией, Великобританией и Италией⁷⁵⁴. Советский посол в Лондоне И.М. Майский так охарактеризовал данное событие: «Каково! Глава Британской империи идет в Каноссу⁷⁵⁵ на поклон германскому фюреру»⁷⁵⁶.

Эту инициативу резко осудили лидеры ФКП. Коммунисты негодовали по поводу «заискиваний» британского премьер-министра перед главой Третьего рейха вместо оказания сопротивления его агрессивным планам: «Чемберлен... не предостерегает Германию, он обивает пороги Берхтесгадена ... Он умоляет: “позвольте, я подожду ваших требований. Не утруждайтесь сообщать их. Согласитесь, чтобы я сам прилетел за ними в Баварскую Каноссу”»⁷⁵⁷.

На заседании кабинета министров в Лондоне план Чемберлена получил поддержку, теперь его следовало урегулировать с парижскими коллегами, для чего Чемберлен 18 сентября пригласил Даладьё и Бонне в Лондон. Председатель Совета министров Франции начал переговоры с того, что

⁷⁵³ РГВА. Ф. 46к. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

⁷⁵⁴ DDF. 1932–1939. 2 série. Т. 11. № 155. P. 235.

⁷⁵⁵ Каносса — замок в Северной Италии, известный из истории борьбы между папской и светской властью. В этом замке император Священной Римской империи Генрих IV в 1077 г. униженно вымаливал прощение у папы Григория VII, с которым раньше вёл политическую борьбу.

⁷⁵⁶ Майский И.М. Указ. соч. С. 271

⁷⁵⁷ L'Humanité. 15 septembre 1938.

подтвердил свою решимость выполнить обязательства по франко-чехословацкому договору о взаимопомощи 1924 г., однако в ходе обсуждения отступил от своей первоначальной позиции и в конечном итоге согласился с предложенным британцами планом⁷⁵⁸. Основными аргументами в пользу удовлетворения требований Гитлера британский премьер-министр называл дефицит национального вооружения, слабость французской авиации и, кроме того, неясность позиции СССР по чехословацкому вопросу⁷⁵⁹. По словам советского посла в Лондоне И.М. Майского, о неопределенности намерений Советского Союза Чемберлену сказал Бонне, «недавно видевшийся с Литвиновым в Женеве. От него же он узнал о [плачевном – *Н.Ш.*] состоянии французской авиации»⁷⁶⁰.

Сразу после окончания переговоров лидеров Третьей республики и Великобритании коммунисты в очередной раз осудили следование французской дипломатии в фарватере британской политики «умиротворения», назвав союз глав Англии и Франции «союзом всадника и лошади, в котором Чемберлен всегда всадник, а Даладьё – его конь»⁷⁶¹. Естественно, негативной оценке подвергся план по передаче Германии Судет, принятый по итогам встречи и поддержанный французским правительством: «Гибельная франко-британская инициатива прошлой недели вместо того, чтобы служить разрядке международной напряженности, серьезным образом скомпрометировала возможность сохранения безопасности в Европе»⁷⁶². По свидетельству Пери, даже среди членов кабинета Даладьё существовало недовольство: «Совет министров не очень горд принятым в Лондоне решением Даладьё и Жоржа Бонне»⁷⁶³.

После получения англо-французского плана в Праге собралось заседание правительственного кабинета. Министрам предстояло принять

⁷⁵⁸ Les événements... P. 34.

⁷⁵⁹ Майский И.М. Указ. соч. С. 273.

⁷⁶⁰ Там же. С. 274.

⁷⁶¹ L'Humanité. 19 septembre 1938.

⁷⁶² Ibid. 21 septembre 1938.

⁷⁶³ Ibidem.

непростое решение. СССР заявил о готовности поддержать Чехословакию в случае немецкой агрессии⁷⁶⁴. Однако 21 сентября Бенеш имел беседу с английским и французским представителями, в ходе которой те твердо заявили, что в случае отказа от ранее предложенного плана Франция и Великобритания не окажут ЧСР содействия, если начнется вооруженное столкновение с Германией: «Французское правительство при таких обстоятельствах не могло бы вступить в войну, его помощь была бы недействительной. Принятие англо-французских предложений является единственным средством воспрепятствовать непосредственному нападению Германии»⁷⁶⁵. Ультиматум, по свидетельству И.М. Майского, был отправлен Бенешу главой французского МИДа Бонне и его британским коллегой «без ведома своих кабинетов»⁷⁶⁶. В итоге Прага была вынуждена подчиниться их нажиму.

Одновременно с этим по предварительной договоренности с Гитлером Польша и Венгрия предъявили ЧСР ультиматум с требованиями передачи им чехословацких территорий, где компактно проживали польские и венгерские национальные меньшинства. Подобную позицию Польши можно объяснить её стремлением ослабить своего главного конкурента в регионе – Чехословакию, «которая не только препятствовала Польше проявить себя в роли великой державы и сплотить под своим руководством страны Дунайского бассейна, но и являлась союзником СССР, которого в Варшаве рассматривали как «потенциального врага»⁷⁶⁷. В обстановке возросших угроз 23 сентября Прага объявила всеобщую мобилизацию. Республика готовилась защищать свою территорию, а СССР сообщил Варшаве, что в случае её нападения на Чехословакию он денонсирует польско-советский договор о ненападении 1932 г.⁷⁶⁸.

⁷⁶⁴ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. Док. 151. С. 244.

⁷⁶⁵ Там же. Док. № 156. С. 248; Док. № 163. С. 261.

⁷⁶⁶ *Майский И.М.* Указ. соч. С. 275.

⁷⁶⁷ *Волков В.К.* Указ. соч. С. 21.

⁷⁶⁸ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. Док. № 172. С. 267.

Французские коммунисты крайне негативно отреагировали на англо-французский ультиматум пражскому кабинету 21 сентября 1938 г. На следующий день руководство ФКП заявило, что «историки не смогут описывать произошедшее без чувства презрения и гнева»⁷⁶⁹. Компартия называла эти действия исключительно «бесстыдными», считая их серьезным подрывом системы европейской безопасности: «ужасная англо-французская инициатива – ультиматум Праге нанесла делу сохранения мира самый тяжелый удар»⁷⁷⁰. Подчеркивалась личная ответственность Бонне, совершившего этот демарш без одобрения остальных министров.

В выпуске от 23 сентября ФКП обвинила Бонне в том, что тот вводил Совет министров в заблуждение: это касалось, в первую очередь, позиции советской стороны, готовой, в отличие от того, что официально провозглашалось, выполнить свои договорные обязательства перед Чехословакией. Стоит еще раз отметить: министр иностранных дел Третьей республики был убежден, на основании полученных им сведений, в невозможности для СССР оказать реальную помощь ЧСР не только из-за низкой, по его мнению, боеспособности советских вооруженных сил, но и из-за отказа Польши и Румынии открыть свои границы для их пропуска⁷⁷¹. Речь М.М. Литвинова в Женеве 21 сентября, в которой тот заявил о готовности поддержать Чехословакию, политики-коммунисты расценивали как справедливый ответ на «ложь» Бонне. По их утверждению, после выступления Литвинова ответ на вопрос о советской поддержке Чехословакии не вызывал сомнений, так как Советский Союз не прекращал повторять, что он выполнит свои обязательства преданного союзника и члена Лиги Наций. «Он говорил это до кризиса. Повторял это во время кризиса». И, главное, повторил это еще раз после того, как «Чехословакия приняла англо-франко-немецкий ультиматум»⁷⁷².

⁷⁶⁹ L'Humanité. 21 septembre 1938.

⁷⁷⁰ Ibid. 25 septembre 1938.

⁷⁷¹ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 11. № 159. P. 240.

⁷⁷² L'Humanité. 24 septembre 1938.

Особое одобрение французских коммунистов получил советский демарш в отношении Варшавы, когда СССР предупредил о прекращении действия договора о ненападении с Польшей в случае её агрессии против Чехословакии. Руководство ФКП призывало своё правительство предпринять такие же жесткие ответные меры: «Советский Союз сообщил, что в случае нападения Польши на Чехословакию он денонсирует пакт о ненападении 1932 г. Почему Франция ждет? Что ей мешает сделать то же самое?»⁷⁷³. 25 сентября коммунисты обсуждали польские угрозы и пассивность Третьей республики в этом вопросе: «Если бы у Франции имелся настоящий министр иностранных дел, открытое предупреждение было бы уже направлено в Варшаву. Немыслимо, что французское правительство до сих пор не сообщило о разрыве франко-польского союза в случае, если Польша атакует Чехословакию»⁷⁷⁴.

Тем временем, 23 сентября в городе Иври М. Торез выступил на демонстрации в поддержку мира перед десятью тысячами слушателей. По его словам, «постыдный отказ от Чехословакии не предотвратит войны, а лишь увеличит её угрозу»⁷⁷⁵. Он также говорил о солидарности социалистов с коммунистами по чехословацкому вопросу и призывал создать правительственный кабинет единения левых сил: «объединившись, коммунисты, социалисты, синдикалисты, радикалы, республиканцы, сформируют истинное правительство Франции, верное воле людей, верное дружественным народам и делу прогресса, свободы и мира». Важно понимать: ФКП пыталась сохранить коалицию Народного фронта и поэтому стремилась не вступать в конфликт с его другими участниками. В первую очередь, это касалось социалистической партии, с которой коммунистам было легче найти точки соприкосновения. В чем-то их позиции сближались. 27 мая сенатор М. Кашен писал, что «нужно сохранять объединение Народного фронта, чтобы

⁷⁷³ Ibidem.

⁷⁷⁴ Ibid. 25 septembre 1938.

⁷⁷⁵ Ibid. 24 septembre 1938.

противостоять как внутреннему, так и международному фашизму»⁷⁷⁶. Эта идея была превалирующей для коммунистов, убежденных, что Народный фронт сможет противостоять фашистской угрозе.

После получения согласия Праги на передачу Судет Германии Чемберлен отправился в Бад-Годесберг для повторных переговоров с Гитлером. Они продолжались два дня – с 22 по 23 сентября. Британский премьер-министр рассчитывал, что в повестке будет стоять лишь реализация ранее принятого плана. Однако в ходе переговоров Гитлер предъявил новые требования, изложенные в виде меморандума с приложенной к нему картой. Нацистский фюрер настаивал, чтобы ЧСР удовлетворила претензии Польши и Венгрии, а также эвакуировала передаваемые Германии территории в срок с 26 по 28 сентября. По воспоминаниям переводчика Гитлера, «на Чемберлена и остальных англичан документ произвел сокрушительное впечатление. “Но это же ультиматум!” – воскликнул Чемберлен, возмущенно вздымая руки. “Ничего подобного!” – живо возразил Гитлер. “Diktat”, – вставил Гендерсон [посол Великобритании в Германии – *Н.Ш.*], который всегда любил вернуть в разговор немецкое слово. Гитлер парировал: “Это вовсе не диктат. Взгляните на документ, он озаглавлен меморандум”. Переговоры зашли в тупик»⁷⁷⁷. В итоге фюрер согласился на установку окончательной даты для чешской эвакуации на 1 октября, а Чемберлен пообещал передать требования Чехословакии и покинул Германию. 24 сентября британский посол в Праге Б. Ньютон вручил главе правительства немецкий меморандум, подчеркивая, что имеет указания только передать документ без каких-либо советов и давления. На следующий день ЧСР оповестила Лондон о своем решительном отказе от гитлеровских требований: «Народ святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет народом рабов»⁷⁷⁸.

В Париже в связи с новыми требованиями Гитлера начались военные приготовления. 23 сентября Даладьё встретился с генералом Гамеленом и

⁷⁷⁶ Ibid. 27 mai 1938.

⁷⁷⁷ Шмидт П. Указ. соч. С. 130-134.

⁷⁷⁸ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. № 83. С. 148.

обсудил перспективы франко-германской войны. Главнокомандующий армией снова подчеркнул те слабости французских вооруженных сил, которые делали проблематичными полноценные военные приготовления, однако председатель Совета министров был более настойчив, чем обычно. «Гамелен предложил провести частичную мобилизацию, которая позволила бы довести численность действующей армии до 1,2 млн. человек, уравнив ее с Вермахтом, разворачивавшимся для действий против Чехословакии»⁷⁷⁹. На следующий день она была действительно объявлена⁷⁸⁰, и на встрече Гамелена с Чемберленом 25 сентября французский командующий сообщил: «35 дивизий чехословаков могут в Судетах сдержать 40 немецких, в то время как несколько десятков французских дивизий прорвут немецкие заслоны на недостроенной линии Зигфрида»⁷⁸¹.

Коммунисты выразили одобрение совместному решению Франции и Великобритании не выполнять Годесбергский ультиматум, что должно было сплотить страны, выступавшие против войны. Это обещание в случае, если его не будут сопровождать аннулирующие поправки, коммунисты считали достаточным для предотвращения войны и «сохранения мира»⁷⁸². В своем выступлении на заседании Палаты депутатов 4 октября 1938 г. Г. Пери подчеркивал: «[Гитлер и его окружение – *Н.Ш.*] вновь стали колебаться, когда после Берхтесгадена вы вышли на общую линию сопротивления с Великобританией, когда в Лондоне и Париже были приняты мобилизационные меры»⁷⁸³. Представители компартии обращались к Даладьё с призывом отстранить Бонне от принятия важных внешнеполитических решений, а также нивелировать влияние сторонника «умиротворения» Фландена, чтобы не сойти с курса сопротивления немецким угрозам. Коммунисты заявляли, что глава правительства, на которого ложится бремя

⁷⁷⁹ Вершинин А.А. Указ. соч. // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 65.

⁷⁸⁰ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 11. № 343. P 518.

⁷⁸¹ Ibid. № 356. P 791.

⁷⁸² L'Humanité. 24 septembre 1938.

⁷⁸³ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1531.

такого числа грубых ошибок, должен бояться, «как чумы, подозрительных советчиков». Он должен учитывать, что Франция оказалась бы намного сильнее, если бы «Фланден был в тюрьме». Он должен заставить замолчать нескольких господ из своего кабинета, настроенных против Чехословакии. Он должен, наконец, учесть «всеобщее желание увидеть Жоржа Бонне удаленным от сколько-либо значимых решений»⁷⁸⁴. Главный редактор газеты «Юманите» Жорж Коньо 28 сентября заявил, что главной заботой компартии всегда было «дело сохранения мира», а единственный способ защититься от агрессии и гарантировать европейскую безопасность – это добиться «согласия между демократическими странами – Францией, Великобританией, Советским Союзом и США»⁷⁸⁵.

Британский премьер-министр, тем временем, не оставлял надежды решить конфликт мирным путем. 26 сентября по поручению Чемберлена британский дипломат Г. Вильсон отправился к Гитлеру для предоставления ему плана передачи Судет, но с предупреждением, что, если Вермахт войдет в Чехословакию и Франция решит выполнить свои союзнические обязательства, Великобритания выступит на стороне последней⁷⁸⁶. Вскоре после переговоров с британским представителем Гитлер произнес в берлинском Дворце спорта речь с резкими выпадами в адрес Чехословакии. В ней правительство ЧСР обвинялось в «истребительной войне» против судетских немцев. Одновременно Гитлер заверил, что после разрешения проблемы у Третьего рейха в Европе не останется никаких территориальных претензий. Таким образом, миссия Вильсона оказалась провальной, и Чемберлену не удалось снизить риски начала возможной войны.

Вечером 27 сентября Бонне получил сразу две телеграммы от британского посла в Париже Фипса. В первой говорилось, что британский флот будет предоставлен Франции только в крайнем случае, во второй английское правительство предостерегало французское от «любых

⁷⁸⁴ L'Humanité. 28 septembre 1938.

⁷⁸⁵ Ibid. 28 septembre 1938.

⁷⁸⁶ DBFP. 3 series. Vol. 2. № 1111. P. 550

опрометчивых действий» и просило все согласовывать с кабинетом Его Величества, в особенности в отношении чехословацкого вопроса, обострение которого могло привести к началу нового мирового конфликта без всякой надежды, как отмечалось в телеграмме, спасти Чехословакию⁷⁸⁷. Английская позиция решительно изменила мнение Э. Даладьё о возможном выступлении Третьей республики на стороне Чехословакии. Ночью 28 сентября французский посол в Берлине Франсуа-Понсе получил из Парижа указание встретиться с Гитлером и попытаться отговорить его от вторжения в Чехословакию. В ответ Гитлер пригласил Даладьё принять участие в конференции в Мюнхене, на которую, по его словам, он решил позвать, поддавшись уговорам Муссолини, представителей трех держав – Англии, Франции и Италии для окончательного решения проблемы Судет.

29 сентября вышел номер газеты «Юманите», на первой странице которого было написано крупным черным шрифтом: «Сегодня в 15 часов в Мюнхене встретятся Даладьё, Гитлер, Муссолини и Чемберлен»⁷⁸⁸. Решение французского председателя Совета министров отправиться в Мюнхен на переговоры с Гитлером вызывало серьезное опасение лидеров ФКП: «Известно, к чему приводят подобного рода переговоры, когда один из собеседников кладет на стол револьвер и угрожает при всяком удобном случае прибегнуть к помощи армии»⁷⁸⁹. Поездку французского главы правительства на встречу с фюрером для обсуждения выхода из чехословацкого кризиса «Юманите» назвала нецелесообразной: «Мы [коммунисты – *Н.Ш.*] не судим отправившихся в Мюнхен по их намерениям. Мы оцениваем предыдущие путешествия по их результатам. Мы считаем их плачевными, мы считаем, что хождения в Каноссу к Гитлеру привели к ужесточению требований и приблизили войну. Мы делаем вывод, что используемый метод не подходит»⁷⁹⁰.

⁷⁸⁷ DDF. 1932–1939. 2 série. T. 9. P. 402.

⁷⁸⁸ L'Humanité. 29 septembre 1938.

⁷⁸⁹ Ibidem.

⁷⁹⁰ Ibidem.

ФКП возмутил состав участников мюнхенской конференции. Относилось это как к тем, кто принял участие в обсуждении, так и к отсутствию других возможных участников: «Невыносимо думать, – заявляли коммунисты, – что за мюнхенским столом будет сидеть Италия, единственная роль которой – быть союзницей Германии и первой сторонницей расчленения Чехословакии, но что из переговоров исключен СССР – СССР, союзник Франции и государство, связанное с Чехословакией договором о взаимопомощи».⁷⁹¹ Кроме того, ФКП настаивала на необходимости пригласить на конференцию представителей ЧСР.

По мнению газеты, у глав Англии и Франции существовал только один способ спасения системы европейской безопасности в ходе мюнхенской конференции – «твердо придерживаться линии сопротивления, выработанной после Годесберга». Г. Пери от лица компартии напрямую обращался к Даладьё накануне конференции: «Мы просим главу французского правительства показать фюреру, что фронт сторонников мира – действительная реальность, мы просим его сказать наконец «нет», что отодвинет войну и позволит народам облегченно вздохнуть»⁷⁹². По убеждению коммунистического руководства, Франция рисковала остаться без международной поддержки, ибо вся тактика пангерманизма заключается в том, чтобы изолировать Францию от её союзников на востоке и юго-востоке. Это усилие увенчалось успехом в отношении Чехословакии после Берчесгадена. «Хотим ли мы того же в отношении Советского Союза? Осознает ли правительство Франции, что играет роль могильщика договоров, которые ее защищают?»⁷⁹³. Лидеры ФКП опасались также, что в ходе переговоров в Мюнхене Чемберлен и Даладьё попробуют добиться поддержки Муссолини в чехословацком вопросе взамен на уступки сторонникам фашизма в Испании. Коммунисты заявляли, что до возвращения Даладьё их будет мучать один вопрос: не собираются ли министры Франции и Британии, вдобавок ко всем уже совершенным ими

⁷⁹¹ Ibidem.

⁷⁹² Ibidem.

⁷⁹³ Ibid. 29 septembre 1938.

ошибкам, попытаться подкупить дуче, отдав ему Испанию, а договор в Мюнхене, не даст ли он разрешения установить завтра немецкие пушки в горах Богемии и итальянские на Пиренейских горах. «Какой пацифист осмелится утверждать, что подобные решения сохраняют мир?»⁷⁹⁴.

Мюнхенская конференция открылась 29 сентября в 12.45. После 13 часов переговоров, в 2 часа 30 минут ночи, 30 сентября, четырёхстороннее соглашение было подписано. Гитлера сопровождали Риббентроп и Геринг. Муссолини прибыл вместе со своим зятем и по совместительству министром иностранных дел Г. Чиано, Чемберлен – с советниками Вильсоном и Стренгом. Французскую сторону представляли Даладье, секретарь Кэ д'Орсе А. Лежер и посол Франсуа-Понсе. Согласно итоговому документу, Чехословакия обязывалась эвакуировать территорию Судет и ряда других районов в период с 1 по 10 октября, нести ответственность за сохранность сооружений и имущества на эвакуируемой территории; в районах со смешанным населением предполагалось провести референдумы об их дальнейшей судьбе⁷⁹⁵. ЧСР в течение трех последующих месяцев должна была удовлетворить территориальные претензии Польши и Венгрии на часть чешских земель по их границе. На следующий день правительство Чехословакии, опасаясь международной изоляции в случае войны, согласилось признать итоги мюнхенской конференции. Стоит отметить, что союзники ЧСР по Малой Антанте не оказали ей никакой ощутимой поддержки, в результате чего чехословацкий кризис фактически привел к разрыву этого союза.

Итоги мюнхенского соглашения коммунистическая партия Франции назвала «однозначно провальными». Сама конференция была расценена ею как возобновление провалившейся в 1933 г. политики Пакта четырех. «В ночь с 29 по 30 сентября Пакт четырех принес в жертву дружественный Франции народ, храбрый, демократический, народ – сторонник мира, который

⁷⁹⁴ Ibid. 29 septembre 1938.

⁷⁹⁵ Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. Док. № 216. С. 329-330.

гитлеризм решил уничтожить»⁷⁹⁶, – утверждал Кашен. Коммунисты не увидели в договоренностях мюнхенской конференции никаких гарантий предотвращения войны в отличие от того, как их пытались преподнести официальные власти: «Мы не аплодируем, так как это не в традиции французов аплодировать нарушению прав. Мы не аплодируем, ибо видим, что сохранять мир становится всё труднее с каждым разом, как слабеет безопасность Франции, что мюнхенское соглашение – дипломатический Седан»⁷⁹⁷. Выступая на специальной парламентской сессии 4 октября от фракции коммунистов, Г. Пери отказался поддержать действия правительства. Все представители компартии в Палате депутатов проголосовали против ратификации мюнхенского соглашения: «Для нас, смысл существования которых – борьба против войны и порождающих ее режимов, важным является один вопрос: после тяжелого выкупа, заплаченного в Мюнхене, стали ли гарантии сохранения мира более эффективными? Благодаря невероятной дани, которую вы заплатили под шантажом войны, могут ли народы чувствовать себя более защищенными от кровавых авантюр? Господа, именно потому, что мы не верим в это, мы голосуем против доверия правительству»⁷⁹⁸. В своей речи Г. Пери еще раз обвинил французских политиков в том, что они убили этот важный элемент демократии: доверие народов и продемонстрировали миру, что быть «другом Франции безрассудно и опасно»⁷⁹⁹.

Рассказывая об итогах мюнхенской конференции в своих мемуарах, глава ФКП Торез написал, что Гитлер одержал на ней полную победу: «Мюнхенское соглашение изменило стратегическую и политическую карту Европы. Гитлер уничтожил одну из главных опор французского плана

⁷⁹⁶ L'Humanité. 1 octobre 1938.

⁷⁹⁷ Ibidem.

⁷⁹⁸ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1531.

⁷⁹⁹ Ibidem.

обеспечения безопасности в Европе. Он завладел линией укрепления, построенной по образцу нашей «линии Мажино»⁸⁰⁰.

Таким образом, коммунисты решительным образом осудили внешнеполитическую линию правительства Народного фронта во время чехословацкого кризиса, а его исход рассматривали однозначно как провальный и подрывающий европейскую безопасность, но важно учитывать, что ни весной – летом, ни в сентябре, в самый разгар кризиса, ни в ходе парламентских дискуссий 4 октября коммунисты нигде не призывали к боевым действиям против Германии. Да, парламентарии и лидеры ФКП привели большое количество важных для понимания позиции партии аргументов; четко прослеживалось стремление коммунистического руководства защитить союзника Третьей республики, но исключительно дипломатическими методами. С мая по сентябрь 1938 г. в выступлениях членов ФКП речь шла только об оказании давления на Германию и отказе от удовлетворения ее претензий. В первую очередь ФКП стремилась избежать войны – Г. Пери прямо заявлял в парламенте: «Мы не хотим выбирать между капитуляцией и войной. Мы говорим: нет обеим. Мы не признаем, что мирная Европа была вынуждена сделать этот выбор»⁸⁰¹. Разумеется, речь не идет о том, чтобы утверждать, что коммунисты втайне были приверженцами «умиротворения», но и считать их однозначно готовыми отправиться с оружием в руках на линию Зигфрида в 1938 г. представляется преувеличенным. Руководство ФКП понимало бессмысленность и опасность «умиротворения», не преувеличивая мощь Германии; оно призывало сражаться с Третьим рейхом на дипломатических фронтах, а не начинать вооруженный конфликт.

Во многом подобное отношение коррелировало с линией, занятой самим Советским Союзом, от политического курса которого невозможно отделять позицию руководства французских коммунистов. СССР пусть и выражал

⁸⁰⁰ Торез М. Указ. соч. С. 119.

⁸⁰¹ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1531.

готовность выполнить свои обязательства, но в действительности крайне туманно отвечал на вопросы о реальных способах реализации данных им обещаний. Позиция коммунистов определялась необходимостью упрочнения франко-советского союза и его дополнения военной конвенцией⁸⁰². Такое соглашение могло встретить симпатии в рядах левых социалистов и потенциально стать эффективным средством поддержания европейской безопасности. Однако излишне пацифистские настроения в рядах социалистов, все еще делавших ставку на систему коллективной безопасности, закрывали путь к консолидации левых сил по этому вопросу.

3.2. Политики-социалисты о чехословацком кризисе: внутренние разногласия перед лицом внешней угрозы

Лидеры СФИО стояли на куда более умеренных позициях в ходе чехословацкого кризиса, чем коммунистическое руководство и их подходы к поддержанию европейской безопасности значительным образом отличались. Хотя и те, и другие одинаково оценивали степень угрозы, исходившей от Германии.

Социалисты всегда подчеркивали важность проведения «общей политики» с Великобританией. Если коммунисты были склонны критиковать британскую внешнеполитическую стратегию и требовали от Франции более независимого курса, то в СФИО с большим одобрением встретили усилившееся сближение двух государств на фоне чехословацкого кризиса и возлагали большие надежды на сотрудничество с Чемберленом. «У нас нет сомнений в желательности, скажем так, в необходимости тесного франко-британского взаимодействия во всех областях, включая национальную оборону», – писала газета «Попюлер» 30 апреля 1938 г., называя его новым «сердечным согласием»⁸⁰³. Однако политики-социалисты, как и коммунисты, подчеркивали, что Великобритания нуждается в Третьей республике не меньше, чем Франция в ней, поскольку вооруженные силы Франции являются

⁸⁰² Про франко-советское военное сотрудничество см. по: Вершинин А.А. Указ. соч. М., 2024.

⁸⁰³ Le Populaire. 30 avril 1938.

неотъемлемой частью системы обороны Великобритании. Существование Франции, играющей ведущую роль в Европе, есть «жизненная необходимость для Англии»⁸⁰⁴. Один из крупных деятелей соцпартии Жан Лонге утверждал, что никто в Англии, ни в парламентском большинстве, ни в лейбористской и либеральной оппозициях, не может утверждать, что необходимый союз между «нашими двумя народами должен включать для нас «политику унижения» и измены по отношению к народам Испании и Чехословакии»⁸⁰⁵.

Руководство СФИО с одобрением подчеркивало, что Даладье и Бонне в апреле 1938 г. официально еще раз подтвердили готовность следовать обязательствам перед Чехословакией: «таким образом, Чемберлен узнал, чего ожидать в этом отношении: обязательства Франции [перед Чехословакией – *Н.Ш.*] официальные, они представляют собой элемент, который Британия не может игнорировать»⁸⁰⁶. В случае нападения Германии на Чехословакию, она будет защищаться, и «Франция должна будет прийти ей на помощь. С этого момента у Англии больше не останется выбора [и ей придется вмешаться в конфликт – *Н.Ш.*]»⁸⁰⁷.

Впрочем, общий тон заявлений руководителей СФИО носил скорее примирительный характер. Весной 1938 г. они действительно резко возражали против нарушения территориальной целостности ЧСР, отмечая, что Прага не примет политического самоубийства, она не признает, что Судеты образуют нацистское государство внутри Чехословацкого демократического государства. Вместе с тем, по убеждению социалистов, Судетскую проблему следовало решить «умиротворением», под которым они понимали поиск решения, устроившего и Прагу, и судетских немцев, поэтому ждали от союзницы Франции любых «допустимых уступок» для выхода из сложившегося кризиса: «эти усилия должны оправдаться, и нужно сделать все,

⁸⁰⁴ Ibid. 2 mai 1938.

⁸⁰⁵ Ibid. 21 mai 1938.

⁸⁰⁶ Ibid. 2 mai 1938.

⁸⁰⁷ Ibidem.

чтобы они увенчались успехом»⁸⁰⁸. Таким образом, инструментом поддержания европейской безопасности и недопущения скатывания континента в войну становились примирение и поиск компромиссов.

Социалисты считали необоснованными надежды многих правых на сохранение европейской безопасности путем примирения Италии и Франции. Они полагали, что скорее всего Муссолини выберет, продолжая маневрировать до последнего момента, политику войны, ибо ради укрепления «оси Берлин – Рим» он даже отказался от итальянских интересов в Австрии и согласился на её передачу Третьему рейху⁸⁰⁹. К середине мая политики-социалисты совершенно перестали рассматривать возможность смены итальянского внешнеполитического курса, так как было «утопией думать о разрыве “оси Берлин – Рим”», разрыв возможен только в том случае, если общая политика итальянского фашизма «развернется на 180 градусов». Этот поворотный момент не состоялся. За Эфиопией последовала Испания, в которой Муссолини «желает победы Франко»⁸¹⁰. Выражавшая мнение Левого крыла соцпартии, газета «Батай сосьялист» давала однозначно негативную оценку действиям Муссолини. Она отмечала, что для решения международных проблем Италия полагается «только на грубую силу». Она продолжает в Испании стратегию, практикуемую в Эфиопии: ее войска и материальные средства участвуют в «войне на истребление народа Испании»⁸¹¹.

Весной 1938 г. в СФИО понимали всю угрозу, исходившую от нацистской Германии, отмечая, что дунайские и балканские государства никоим образом не смогут противостоять этому натиску, «если они не найдут поддержки со стороны великих западных держав». Но и это станет невозможным, если Чехословакия будет «колонизирована Берлином»⁸¹².

⁸⁰⁸ Ibidem.

⁸⁰⁹ Ibid. 9 mai 1938.

⁸¹⁰ Ibid. 15 mai 1938.

⁸¹¹ La Bataille socialiste. Mai 1938.

⁸¹² Le Populaire. 6 mai 1938.

Французские социалисты, анализируя майские события в ЧСР, видели главную заслугу в предотвращении нацистского переворота в позиции пражского правительства, но вместе с тем приветствовали конструктивные действия Великобритании⁸¹³. По мнению социалистов, в сложившейся ситуации безопасность в Европе удалось обеспечить в значительной мере за счет слаженных действий Франции и Великобритании, которые позволили сделать три вывода: «1) Англия не хочет повторения событий 11 марта [речь идет об аншлюсе – *Н.Ш.*]; 2) Франция полна решимости противодействовать агрессии против Чехословакии; 3) В случае нападения Германии на Чехословакию, Англия немедленно объединится с Францией»⁸¹⁴. Руководители социалистов не выступали за прямые уступки Германии. Да, во главе угла находилось примирение, но наряду с «осторожностью» они упоминали «твердость» и «решительность», считая, что Гитлера и Муссолини можно остановить только совместными действиями миролюбивых держав⁸¹⁵.

Намного более радикальных взглядов в вопросе поддержания европейской безопасности в ходе чехословацкого кризиса придерживались социалисты из левого крыла партии. На страницах «Батай сосьялист» один из них – Пьер Мери – резко раскритиковал господствовавший в то время в СФИО пацифистский настрой. По его мнению, внешнеполитический курс председателя Совета министров мало чем отличался от германофильских устремлений П.-Э. Фландена, а та самая «политика мира», на которую все уповают, приведет к принесению в жертву Испании и Чехословакии. Более того, этот «французский мир», оплаченный жертвами народов, которые хотят оставаться свободными, сделает войну еще более неизбежной, и она начнется в худших условиях для «пролетариата и демократии»⁸¹⁶. Мери призывал политиков честно взглянуть правде в глаза и признать, что «в Европе существует фашистский блок, который обладает непреодолимой силой

⁸¹³ Le Populaire. 23 mai 1938.

⁸¹⁴ Ibid. 23 mai 1938.

⁸¹⁵ Ibid. 22 mai 1938.

⁸¹⁶ La Bataille socialiste. Mai 1938.

расширения, приводя в действие грозный государственный, дипломатический, военный и полицейский аппарат с целью агрессии». Для поддержания европейской безопасности «политика Франции должна быть изменена без промедления», – считали в «Батай сосьалист», подразумевая под «исправлением» поддержку республиканской Испании, отказ от любых переговоров с фашистским блоком до тех пор, пока последний не прекратит свою интервенцию в Испании... и не гарантирует целостность границ Чехословакии⁸¹⁷. Примечательно, что воззрения левых социалистов оказались очень близкими к идеям ФКП. Они шли намного дальше в понимании реальной опасности, чем основное звено партии, но весной 1938 г. главным для них оставалась судьба испанского республиканского правительства и республики в целом, поэтому угроза расчленения ЧСР рассматривались как очень опасная, но все-таки перспектива. В отличие от коммунистов соцпартия не смогла добиться в своих рядах единства взглядов на внутри- и внешнеполитический курс Франции, необходимый для сохранения безопасности в Европе. Серьезные разногласия проявились на 35 съезде СФИО 4–7 июня 1938 г.⁸¹⁸.

Большинство членов партии во главе с ее секретарем Полем Фором выступало за политику «умиротворения» и разоружения. В межвоенные годы соцпартия была одним из проводников идей всеобщего примирения, пацифизма, что, по ее мнению, можно было достичь всеобщим разоружением. Ярким примером этого подхода стало выступление делегата от департамента Эна – Мокондюи⁸¹⁹. Он видел единственный способ поддержания европейской безопасности: «беспощадная борьба против капитализма, отказ от всякого империализма, пересмотр договоров, борьба за разоружение». Для Мокондюи гонка вооружений неизбежно вела к войне, сохраняла критикуемый им капитализм, ухудшала социальное положение рядовых французов. В похожем

⁸¹⁷ Ibidem.

⁸¹⁸ Parti Socialiste Français. XXXV Congrès national: 4,5,6 et 7 juin 1938: compte-rendu sténographiques. Paris, 1938.

⁸¹⁹ Ibid. P. 324-331.

ключе рассуждал делегат от департамента Морбиана, член Палаты депутатов Луи Леведер⁸²⁰. По его убеждению, большинство существовавших на тот момент международных проблем вытекало из несправедливых пунктов Версальского договора, который содержал в себе огромное количество противоречий. Разрешение испанского и чехословацкого кризисов он связал с «урегулированием всех территориальных споров, возникших в результате подписания Версальского соглашения. Общее урегулирование, осуществляемое демократическими и тоталитарными государствами, практически невозможно. Но мы обязаны настойчиво этого добиваться, широко освещая наши пацифистские инициативы». Леведер отказывался присоединиться к слишком упрощенным, в его глазах, взглядам тех, кто объяснял напряженность международной ситуации исключительно агрессивностью фашизма, вновь и вновь подчеркивая, что «народы платят за абсурдный Версальский договор», который «вулканизировал Европу и почти повсюду создал новые Эльзас-Лотарингии». Разумные политические решения могли бы ликвидировать многие спорные проблемы. «Почему, – спрашивает он, – не включиться в процесс пересмотра договоров? Почему бы не договориться с тоталитарными государствами, чтобы положить конец ужасной войне в Испании?» Важное значение социалисты, разделявшие позицию Леведера, а их было большинство, отводили Лиги Наций и попыткам через неё мирным путём разрешать европейские конфликты.

На пацифистских позициях стоял делегат от департамента Алье, член Палаты депутатов, Камиль Планш, утверждавший, что «мир – это все, чего мы хотим» и критиковавший тех, кто выступал за противостояние фашистского и демократического блоков⁸²¹. Для обеспечения безопасности в Европе он потребовал от Франции найти практические решения для взаимодействия со странами без потенциальных вооруженных конфликтов. Делегат от департамента Кальвадоса Зоретти сомневался в том, что «если испанская

⁸²⁰ Ibid. P. 332-342

⁸²¹ Ibid. P. 419-424.

граница станет фашистской, это сразу же повлечет за собой падение Чехословакии и фашизацию Франции»⁸²². Стоит отметить, что подобные подходы, крайне популярные в рядах партии и её сторонников весь межвоенный период, были оторваны от сложившихся к 1938 г. реалий международной ситуации. Конструктивных методов поддержания европейской безопасности они предложить не могли, но однозначно демонстрировали, что в рядах СФИО было большое число готовых поддержать логику «умиротворения» как возможную альтернативу рухнувшей системе коллективной безопасности под эгидой Лиги Наций.

У другой части делегатов съезда СФИО были противоположные взгляды на проблему поддержания европейской безопасности. Делегат от департамента Луары Луи Леви настаивал на необходимости оказать помощь Чехословакии в случае агрессии в её адрес со стороны нацистской Германии и использовании франко-советского договора как одного из способов сдерживания Гитлера, а также требовал разрешить официальному правительству Мадрида закупать вооружения для борьбы с Франко⁸²³. На съезде он вступил в полемику с Леведером, заявив о «нелогичности выступления» за независимость и свободу своей страны, когда потакаешь «экспансионистским устремлениям тоталитарных государств». Леви в ответ задал вопрос, «как, в одиночку и без поддержки, в случае «сдачи» малых государств тоталитарным, вы сможете защитить независимость своей демократической страны?». Единственным возможным методом сохранить мир он считал «политику твердости», имея в виду не вооруженную борьбу против Гитлера, а политику сдерживания и отказ от уступок.

Депутат нижней палаты парламента от департамента Буш-дю-Рон А. Филипп считал, что настало время сказать «нет» Гитлеру, так как уже был достигнут тот лимит уступок, после которого надо «перестать капитулировать». По мнению делегата из департамента Нижнего Рейна

⁸²² Ibid. P. 470-473.

⁸²³ Ibid. P. 348-351.

Марселя-Эдмунда Наежелана, «существует сходство понятий национальной обороны и защиты рабочего класса⁸²⁴. Обороняясь от фашизма, мы защищаем не только нашу землю, но и нашу свободу». Делегат резко осудил предложения о пересмотре послевоенных договоров и пересмотре территорий по требованию Гитлера, считая, что это только укрепит «воинственный настрой европейских диктаторов». При этом, однозначное осуждение большинства партии вызвала позиция, занятая Марсо Пивером, лидером течения «революционных левых», который призывал к «всеобщей забастовке» для противостояния внутреннему и внешнему фашизму с помощью революции. По решению съезда «революционные левые» были исключены из состава СФИО.

Отдельного внимания заслуживает длинная речь лидера левого крыла социалистической партии Ж. Жиромски⁸²⁵. В своем выступлении он изложил мнение о том, какую позицию должна занять СФИО, чтобы обеспечить европейскую безопасность. Нельзя отрицать, утверждал Жиромски, что «с июня 1936 г. мы не только не остановили наступление международного фашизма, но и не пытались ограничить его. Германская империя и Римская империя [речь о фашистской Италии – *Н.Ш.*] являются теперь реальностью, которую невозможно игнорировать. Фашизм распространяется повсюду. Сейчас он занимает важные стратегические позиции». Политик раскритиковал «пацифистские иллюзии», которые мешают создать единый лагерь противников Третьего рейха. «Не принимать идею войны, это очень хорошо», – считал социалист, но затем заявил, что «война уже здесь!». Для поддержания европейской безопасности и противодействию Гитлеру Жиромски считал необходимым укреплять сотрудничество между Третьей республикой и Советским Союзом, в вооруженных силах которого делегат «нисколько не сомневался». «Мы должны, – решительно потребовал Ж. Жиромски, – любой ценой спасти стратегические базы Испании и Чехословакии», если этого не

⁸²⁴ Ibid. P. 475-478.

⁸²⁵ Ibid. P. 351-367.

сделать, завтра Европа будет фашистской. Отступление гитлеровского фашизма в Чехословакии в мае 1938 г. являлось результатом совместной твердой позиции Великобритании и Франции, утверждал Жиромски, а также мобилизации резервистов в Чехословакии. Внутри соцпартии намечался раскол по вопросам внешнеполитического курса Третьей республики. Все активнее звучали голоса тех, кто был готов поддержать идею сдерживания Третьего рейха, что создавало потенциальную возможность для поиска консенсуса между социалистами и коммунистами. Однако пацифистские настроения в партии все же преобладали.

Своеобразным синтезом высказанных на съезде точек зрения стало выступление лидера социалистов Л. Блюма⁸²⁶, который в тот момент разделял пацифистские настроения большинства партии: «Социалистическая партия хочет мира. Она не уклонится ни от каких усилий, ни от каких жертв, чтобы избежать войны, которая приводит ее в ужас, потому что она содержит в себе все опасности, все риски человеческого регресса. Чтобы установить прочный и справедливый мир, партия готова ко всем призывам, всем боям, всем переговорам, в особенности тем, которые направлены на установление экономического сотрудничества между народами». Блюм согласился с Леведером в том, что «самая надежная гарантия мира заключалась в коллективной безопасности, то есть в сплочении международного сообщества, необходимой частью которого остается Лига Наций». Однако глава СФИО не разделял «пацифистской иллюзии», полагая, что излишние уступки фашизму вряд ли помогут поддерживать безопасность в Европе: «французский социализм хочет мира даже с тотальным империализмом, но он не склонен подчиняться всем его начинаниям. Если его [социализм – *Н.Ш.*] поставят на грань [национального унижения – *Н.Ш.*] и войны, которую он попытался бы предотвратить любыми средствами, он бы знал, как защитить независимость своей земли, независимость всех наций – союзников Франции». Блюм считал, что поддержания европейской безопасности надо было добиваться любыми

⁸²⁶ Ibid. P. 489-533.

возможными средствами, к которым он относил франко-советский договор. Самая важная дипломатическая задача, которую предстоит выполнить Франции, – «это, как и в 1914 г., обеспечивать посредничество между Лондоном и Москвой», а также добиться более согласованных и доверительных отношений между британским консервативным правительством и правительством Советского Союза. Любопытно, что левое крыло СФИО считало Блюма больше «пацифистом чем интернационалистом», имея в виду его колебания в вопросе о степени противостояния фашистским государствам⁸²⁷.

В итоговой резолюции съезда партии⁸²⁸ социалисты еще раз выразили приверженность идеям коллективной безопасности и Лиги Наций, а также подчеркнули необходимость проводить курс на всеобщее разоружение, как главного средства избежать войны. Вместе с тем, они, вслед за Блюмом, осудили крайний пацифизм, который граничит с капитуляцией перед фашистскими режимами и признали необходимость тесного сотрудничества всех демократических держав для поддержания европейской безопасности. В начале июня 1938 г. чехословацкий кризис не воспринимался как основополагающая угроза. Многие в СФИО продолжали надеяться, что его дальнейшего обострения удастся избежать дипломатическими инструментами.

Состоявшийся в июле 1938 г. визит английской королевской четы во Францию был очень восторженно встречен социалистами. Он стал для них ярким символом сближения двух стран, их солидарности, которую теперь видели все народы Европы. «Ни Англия, ни Франция не вынашивают ни малейшего замысла агрессии против какой бы то ни было державы. Но они обе знают, объединение их сил необходимо, прежде всего, для предотвращения любой возможной агрессии против них, а затем для того, чтобы вовремя остановить развитие конфликтов в остальной Европе. Поэтому, вооружаясь,

⁸²⁷ La Bataille socialiste. Juin 1938.

⁸²⁸ Parti Socialiste Français. XXXV Congrès national: 4,5,6 et 7 juin 1938: compte-rendu sténographiques. Paris, 1938. P. 569.

они также полны решимости не упускать ни одной возможности добиться всеобъемлющего урегулирования европейских проблем».⁸²⁹ Блюм в очередной раз воззвал к сближению Лондона, Москвы и Парижа, которое способно «положить конец страхам, колебаниям, двуличиям»⁸³⁰. В эти же дни лидер социалистов-пацифистов – П. Фор – заявил, что, несмотря на «всю ненависть социалистов к фашизму», чтобы сохранить мир в Европе, «если нужно, мы с дьяволом договор заключим!»⁸³¹.

Наибольшее внимание социалистов чехословацкий кризис привлек в момент его обострения в сентябре 1938 г. К тому времени в партии стали преобладать пацифистские тенденции. По словам Блюма, «никакая возможность разговора между чехословацким правительством и судетскими лидерами не исключается окончательно» и «если судетский вопрос можно решить мирным путем — значит, он должен быть решен мирным путем»⁸³². Оценки СФИО действий Чемберлена разительным образом отличались от позиции коммунистов. Блюм вместе с многочисленным крылом социалистов-«умиротворителей» назвал поездку британского премьер-министра в Берхесггаден полной «благородной смелости в стремлении к миру» и одновременно дающей Гитлеру понять, что в случае агрессии Англия не останется в стороне⁸³³.

Глава пацифистского лагеря СФИО П. Фор в эти дни на страницах «Попюлер» вспоминал Первую мировую войну, её горести и погибших французов⁸³⁴. По утверждению Фора, сразу же по её завершении руководство партии предупреждало, что несправедливые договоры, вызывавшие жажду мести у проигравших, создадут зародыши будущих конфликтов, и через 20 лет их опасения подтвердились. «Поэтому, мы с радостью приветствовали инициативу британского премьера. Мы не имеем права отказываться, умалять,

⁸²⁹ Ibid. 20 juillet 1938.

⁸³⁰ Ibidem.

⁸³¹ Ibid. 24 juillet 1938.

⁸³² Le Populaire. 14 septembre 1938.

⁸³³ Le populaire. 15 septembre 1938.

⁸³⁴ Ibid. 17 septembre 1938.

высмеивать или осуждать любые усилия, предпринятые в пользу мира»⁸³⁵. Одновременно Блюм возлагал большие надежды на заступничество мощной финансовой державы США, способной дать Европе шанс избежать начала боевых действий: «Не пора ли ему [Рузвельту – *Н.Ш.*] обратиться к Европе со всем авторитетом своей личности, со всем авторитетом государства, моральная или материальная поддержка которого в конечном итоге поможет [ей – *Н.Ш.*] уклониться от тотальной войны? В подобных тупиковых ситуациях старая дипломатия не без успеха прибегала к международным конференциям. Неужели это уже невозможно?»⁸³⁶.

Нельзя утверждать, что в сентябрьские дни кризиса все социалисты во главе с Блюмом были «умиротворителями во что бы то ни стало» и считали, что данный курс станет эффективным инструментом поддержания европейской безопасности. Это видно из оценок первых переговоров Чемберлена с Гитлером и как их итог – англо-французского плана по передаче Судет Германии (18 сентября). Блюм с сожалением отмечал, что Гитлер остался победителем и сумел навязать свою волю Лондону и Парижу. Войны, скорее всего, удалось избежать, – полагал политик, но таким способом, что приходится разрываться «между трусливым облегчением и стыдом»⁸³⁷. Еще более радикальное мнение высказало левое крыло партии: «во время лондонских переговоров с Чемберленом и лордом Галифаксом Даладье и Бонне без всякого сопротивления приняли всё, на чем настаивал Гитлер»⁸³⁸.

Вскоре вышло официально заявление социалистической парламентской фракции, в котором утверждалось, что прочный мир может быть основан только на коллективной безопасности, на уважении независимости государств и взятых на себя обязательств, на союзе народов, «полных решимости вместе искать справедливое решение конфликтов, которые угрожают Европе»⁸³⁹. Это

⁸³⁵ Ibidem.

⁸³⁶ Ibid. 18 septembre 1938.

⁸³⁷ Le Populaire. 20 septembre 1938.

⁸³⁸ La Bataille socialiste. Octobre 1938.

⁸³⁹ См. по.: Le Populaire. 22 septembre 1938.

заявление явилось ответом на действия Бонне, пригрозившего Чехословакии отказом Франции от своих обязательств, если та не согласится на передачу Судет. «Социалисты, – говорилось далее в документе, – не могут поддержать дипломатические действия, которые заставляют государство, без консультации с ним и под угрозой агрессии, принести в жертву его независимость во имя материального и морального усиления режимов насилия, изоляции Франции, ускорения гонки вооружений и тем самым усугубления вероятности войны». Парламентская группа СФИО потребовала немедленного созыва распущенного на каникулы парламента для обсуждения действий правительства по разрешению чехословацкого кризиса, а впоследствии – формирования кабинета национального единства. Однако эти требования не встретили поддержки председателя Совета министров Даладье. В эти тревожные дни так же, как и компартия, социалисты на страницах «Попюлер» публиковали высказывания Гитлера о стремлении изолировать Третью республику, пытаясь предостеречь французов и показать важность сохранения для Франции ее союзников⁸⁴⁰. Многие социалисты, как и все деятели ФКП, приветствовали попытку некоторых из правительственных министров (П. Рейно, Ж. Манделя) подать в отставку на фоне новостей о дипломатическом давлении главы Кэ д'Орсе на Чехословакию, хотя и не акцентировало на этом факте слишком много внимания⁸⁴¹. В левом крыле СФИО посчитали, что их действия ничего не смогут изменить, так как за двумя министрами не стояли крупные политические силы. По свидетельству «Батай сосьялист», «Фландену удалось собрать вокруг себя сторонников французской реакции», выступивших за «умиротворение» и мешавших сплочению противников этой стратегии⁸⁴².

Руководство СФИО не оставило без внимания возможную роль Советского Союза в предотвращении новой потенциальной войны в Европе. Большинство социалистов также не ставило под сомнение готовность СССР

⁸⁴⁰ Ibid. 23 septembre 1938.

⁸⁴¹ Ibidem.

⁸⁴² La Bataille socialiste. Octobre 1938.

помочь ЧСР, аргументируя это тем фактом, что, даже несмотря на принятие ультиматума Прагой, который давал Москве моральное право не соблюдать условия пакта 1935 г., советское правительство, не искавшее никаких предлогов для уклонения от выполнения своих обязательств, обещало Праге, в случае «оказания ей помощи Францией, применить статьи советско-чехословацкого пакта»⁸⁴³. Советское государство рассматривалось руководством СФИО как важный участник коллективной безопасности в Европе. В этом же ключе оно встретило сентябрьское заявление президента США Рузвельта, который в своем обращении напоминал Гитлеру о подписях Германии под многими международными соглашениями, в том числе под пактом Бриана – Келлога, и призвал его отказаться от военных методов решения проблем и урегулировать чехословацкий кризис «честно и великодушно»⁸⁴⁴. Выступление Рузвельта в СФИО оценивалось не иначе, как полное «благородства» и «мужества»⁸⁴⁵.

Накануне Мюнхена лидеры СФИО по-прежнему надеялись на мирное решение чехословацкой проблемы, а глава партии Блюм колебался между пацифистским курсом и постепенно появлявшимся осознанием неправильности постоянных уступок Германии. 28 сентября он призвал французов не отчаиваться, так как переговоры между Великобританией и рейхом, несмотря на всю тяжесть ситуации, не прекращались⁸⁴⁶. На фоне многочисленных страхов, в первую очередь перспективы вновь пережить войну, мюнхенская конференция была воспринята социалистами с большим энтузиазмом. Безусловно, Блюм с неодобрением отнесся к тому, что конференция проходила не в нейтральном для участников городе, а в Германии, и что не «все непосредственно заинтересованные страны участвовали [в ней – *Н.Ш.*], по крайней мере, на данный момент. Среди отсутствующих есть главная заинтересованная страна, то есть

⁸⁴³ Le Populaire. 24 septembre 1938.

⁸⁴⁴ Ibid. 27 septembre 1938.

⁸⁴⁵ Ibidem.

⁸⁴⁶ Le Populaire. 28 septembre 1938.

Чехословакия»⁸⁴⁷. Правда, для лидера СФИО ни состав участников, ни ход переговоров не представлялись настолько важным, как тот факт, что «встреча в Мюнхене стала охапкой хвороста, брошенной в священный очаг в тот момент, когда пламя [мира – *Н.Ш.*] затухало и грозило совсем погаснуть»⁸⁴⁸. При этом никто из социалистов, даже самых последовательных пацифистов, не считал, что угроза войны полностью устранена. «Презренный монстр войны отступает», – писал Поль Фор, – но никто из социалистов не думает, что опасность надолго миновала. Война самое страшное, что может случиться, ибо «всем в равной степени суждено не найти на войне ничего, кроме разорения, боли и смерти»⁸⁴⁹.

Со страницы «Попюлер» 1 октября Блюм рассыпался в благодарностях французскому и британскому премьер-министрам: «во Франции нет женщины и мужчины, которые не были бы признательны Невиллу Чемберлену и Эдуарду Даладье. Война окончена. Чума уходит. Жизнь снова стала обыденной. Можно вернуться к работе и снова спокойно спать. Можно насладиться красотой осеннего солнца»⁸⁵⁰. Теперь самым важным, по мнению Блюма, было закрепить достигнутое, не ограничиваться подготовкой к потенциальной войне, «получив передышку». Но использовать соглашение, достигнутое в Мюнхене как отправную точку и фундамент для расширенных переговоров, направленных на общее урегулирование европейских проблем, как в экономическом, так и политическом порядке, следовательно, обеспечивающих «прочный, равноправный, неделимый мир, мир без вооружения» В своем выступлении в Палате депутатов 4 октября Блюм заявил: «мы [социалисты – *Н.Ш.*] работали без усталости над достижением полюбовного соглашения, но в то же время мы сделали все, что от нас зависело, чтобы это соглашение было справедливым, чтобы оно

⁸⁴⁷ Ibid. 29 septembre 1938.

⁸⁴⁸ Ibid. 29 septembre 1938.

⁸⁴⁹ Ibid. 30 septembre 1938.

⁸⁵⁰ Ibid. 1 octobre 1938.

соответствовало реальным и постоянным интересам Франции»⁸⁵¹. В речи главы СФИО прозвучали традиционные для большинства социалистов призывы к всеобщему разоружению и слова о том, что в противном случае обязательства по коллективной безопасности рискуют остаться ничем не подкрепленными или «привести к разрастанию вооруженных конфликтов». По его мнению, разоружение следует сопровождать «соглашениями об экономическом сотрудничестве, без которых все чисто политические контракты скоро утратят свою силу». Однако, как впоследствии вспоминал Л. Блюм, его выступление далось ему с большим трудом, так как ему пришлось выражать не личное мнение, а позицию большинства парламентской группы⁸⁵². Внутри самой партии наблюдался серьезный раскол, вызванный недовольством части социалистов политикой уступок.

На чрезвычайной сессии Палаты депутатов 4 октября по поводу мюнхенской конференции слово также взял один из лидеров социальных республиканцев – партии – участницы Народного фронта – Л.-О. Фроссар. Он признал страшные жертвы, принесенные Чехословакией, и потерю «надежного и верного союзника», но считал, что они избавили Европу от худшего: «войны, основную тяжесть которой понесла бы Франция, войны долгой, тяжелой, свирепой, более длительной, тяжелой и свирепой, чем предыдущая; войны, которая несомненно закончилась бы поражением Германии, но трауром для Франции и руинами цивилизации»⁸⁵³. Вместе с тем, Фроссар отдавал отчет в нарастании военной угрозы. Его пугала Германия, «более сильная, чем она была в 1914 г. и которой теперь в традиционном марше на восток будут противостоять лишь слабые преграды». Он горячо призвал депутатов добиться единства всех национальных сил перед лицом общей угрозы.

Отличные от многих социалистов взгляды были у левого крыла СФИО. По утверждению Жиромски, с момента обострения кризиса в середине

⁸⁵¹ См. по.: JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1535.

⁸⁵² Les Evénements... T. I. P. 258

⁸⁵³ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1539.

сентября в партии появилось три течения: два очень близких к друг другу – сентиментальное «толстовское», предпочитавшее «непротивление злу насилием»; объединение тех, кто считал «рабство лучше войны»; и третье, самое малочисленное, решившее, что избегать «войны необходимо, как на национальной, так и на международной почве борясь с фашизмом, противостоя его агрессивным начинаниям, ничего не уступая экспансионистской воле, его стремлению к завоеванию»⁸⁵⁴. В заявлении «Батай сосьялист» говорилось: «ответственность и обязанности, лежащие на любом коллективе французской секции Рабочего Интернационала перед демократическим, пролетарским и международным революционным движением, не позволяют присоединиться к радостному приему, оказанному мюнхенскому соглашению»⁸⁵⁵.

По убеждению сторонников Жиромски, «вместо укрепления взаимодействия между Францией, Великобританией, США, СССР и малыми народами Европы Даладье и Бонне разрушили многие связи и принесли Чехословакию в жертву гитлеровской агрессии». Жиромски выступил против большинства соцпартии и самого Блюма. Он считал, что те неправильно понимали идею «социалистического интернационализма», который подразумевает не уступки фашизму, а «эффективную политику поддержки и солидарности [между странами – *Н.Ш.*]». «Вы говорите, что такая политика предотвращения и сопротивления рискует привести к войне?» – спрашивал Жиромски у однопартийцев и тут же отвечал: «Это с большей вероятностью может запугать агрессора. В то время как противоположная политика ведет к подчинению»⁸⁵⁶.

По мнению другого левого социалиста Амеде Дюнуа, мюнхенское соглашение поставило под угрозу одну из самых важных составляющих безопасности Третьей республики – франко-советский пакт, и «он должен быть спасен». Впрочем, в оценках значимости союза с СССР большинство

⁸⁵⁴ См. по.: *La Bataille socialiste*. Octobre 1938.

⁸⁵⁵ *Ibidem*.

⁸⁵⁶ *Ibidem*.

социалистов выступало единодушно. По убеждению левых социалистов, общество слишком отчаянно жаждало мира и в своём стремлении потеряло связь с реальностью: «Если общественное мнение не понимает этого, наша задача – сделать все возможное, чтобы оно это поняло, даже если придется выглядеть непопулярными»⁸⁵⁷. В словах сторонников Жиромски отсутствовали призрачные надежды на мир, как у многих в СФИО, и ощущался страх за последствия ошибочного курса Франции в условиях неуклонно приближавшейся войны. Их главным требованием было остановить попустительство агрессора как единственный способ сохранить европейскую безопасность и сформировать правительство национального единства.

Таким образом, осенью 1938 г. в рядах руководства СФИО наблюдался очевидный разлад – большинство во главе с П. Фором продолжало стоять на уже традиционных для партии пацифистских позициях, в то время как левое крыло и часть руководства партии с нараставшей резкостью осуждало правительственный курс на «умиротворение». Лидер французских социалистов Блюм, который еще со времен начала гражданской войны в Испании испытывал противоречивые чувства по поводу стратегии невмешательства, с каждым днем все больше склонялся к отходу от пацифистской программы. Ведущая партия Народного фронта переживала внутренний раскол, схожий с тем, который охватил все французское общество. В подобных условиях руководству СФИО и парламентской фракции социалистов не удалось предложить конструктивную программу поддержания европейской безопасности, упрочить внутривнутриполитическое и международное положение Франции, равно как и помочь в этом правительственному кабинету.

⁸⁵⁷ Ibidem.

3.3. Позиция партии радикалов в отношении мер по обеспечению европейской безопасности в условиях чехословацкого кризиса

Весомую роль в коалиции Народного фронта играла также партия радикалов. Как уже было сказано, к 1938 г. практически все министерские посты оказались в их руках, в том числе кресла председателя Совета министров и министра иностранных дел, которые занимали Э. Даладье и Ж. Бонне – политики, отвечавшие за принятие основных внешнеполитических решений в период чехословацкого кризиса и непосредственно задействованные в поддержании европейской безопасности. Как и многие французские политические объединения, партия радикалов переживала состояние внутренней нестабильности и раскола по этому поводу.

Позиция одной части её руководства о способах преодоления чехословацкого кризиса и поддержания европейской безопасности оформилась уже в середине мая: «Если есть дипломатия и есть дипломаты, их миссия может заключаться только в разрешении споров ... путем примирения во избежании войны»⁸⁵⁸. Представителей этого «лагеря мира» внутри партии можно назвать сторонниками механизмов «умиротворения» или линии уступок, готовых пренебречь союзническими обязательствами перед Чехословакией и согласиться на передачу Судет Германии для сохранения мира в Европе и выстраивания нового механизма безопасности. Их многочисленные выступления характеризовались призывами к французскому правительству следовать курсу британской дипломатии: «Мы должны действовать сообща с Англией: мы должны работать с ней для поддержания мира как в Судетах, так и в Испании; мы должны быть осторожны, чтобы не последовать советам идеологов, призывавших по любому поводу немедленно браться за оружие»⁸⁵⁹.

Лидером этой «партии мира» считался министр иностранных дел Франции Ж. Бонне. В то время как Даладье постоянно колебался (он то

⁸⁵⁸ L'Ère nouvelle. 11 mai 1938.

⁸⁵⁹ Ibid. 23 mai 1938.

пытался решительно встать на защиту Чехословакии, то, боясь спровоцировать новую кровопролитную войну, соглашался на уступки Германии), глава Кэ д'Орсе с самого начала твердо верил в необходимость предотвратить новую европейскую войну любой ценой и наилучший способ к этому ему виделся в предлагаемых Англией механизмах «умиротворения». В начале июня, выступая перед Комиссией по иностранным делам Палаты депутатов, Бонне заявил, что работает «в полном и тесном согласии» с Великобританией для поддержания мира с помощью политики примирения, успешно проводимой в Центральной Европе⁸⁶⁰. В этом же ключе прозвучала речь Бонне в коммуне Лярш, в которой он призывал французов, «что бы ни случилось, всегда сохранять спокойствие и хладнокровие», и «миролюбивый образ страны»⁸⁶¹.

Мнение «умиротворителей» громко прозвучало на 35 съезде партии радикалов в Марселе (конец октября 1938 г.)⁸⁶². Бонне вновь изложил основные аргументы тех, кто считал бессмысленной войну за Чехословакию, а главный способ поддержания европейской безопасности видел в политике «умиротворения». Позицию Франции он тесным образом связывал с курсом Великобритании, которая еще в апреле заявила о недопустимости начала боевых действия из-за проблемы немецкого меньшинства в ЧСР, и себе определила роль посредника между Прагой и Берлином. Франко-чехословацкий договор о взаимопомощи, пояснил глава Кэ д'Орсе, был заключен в 1925 г. по итогам Локарно, но с тех пор международный климат изменился. При отсутствии поддержки от стран Малой Антанты и Польши судьба Чехословакии в основном зависела от помощи Франции, «находившейся далеко от ее границ». Поэтому Франция не смогла бы сделать ничего эффективного в случае немецкой агрессии «без поддержки Англии». Однако Англия войны не хотела, Франция же воевать в одиночку была не в

⁸⁶⁰ Ibid. 3 juin 1938.

⁸⁶¹ Ibid. 27 juin 1938.

⁸⁶² XXXV Congrès du Parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Marseille 26–30 octobre 1938. Paris, 1939.

состоянии. Для самой Чехословакии, по мнению Бонне, было очевидно, что англо-французский план 18 сентября, предусматривавший передачу Третьему рейху территорий Судет с более 50% немецкого населения и плебисцит по спорным территориям становился «единственным способом избежать применения силы Германией и сохранить мир»⁸⁶³. В случае отказа Великобритания перестала бы вмешиваться в дела Центральной Европы, и пражское правительство осталось бы без малейшей надежды на помощь. Одним из серьезных аргументов «умиротворителей» являлась отсылка на слабость военной мощи Чехословакии в сравнении с возможностями Третьего рейха. По их мнению, даже если бы война и началась ЧСР оказалась бы полностью уничтоженной, и в итоге весь конфликт потерял бы смысл. Подобные умозаключения и легли в основу практических действий французской дипломатии, возглавляемой Бонне, на протяжении всего чехословацкого кризиса.

С апреля 1938 г. Даладье, обеспокоенный отставанием Франции в военной сфере, передал дипломатию преимущественно в руки Бонне, посвятив себя решению проблем перевооружения армии⁸⁶⁴. «Для сохранения мира» Бонне не гнушался прибегать к таким методам, как утаивание дипломатических посланий или незафиксированные записи прямых телефонных инструкций послам⁸⁶⁵. По его инициативе, как уже говорилось, в конце сентября в Прагу отправили сообщение о том, что в случае отказа чехов от англо-французского плана 18 сентября Третья республика будет считать себя свободной от союзнических обязательств. Как сообщал советский посол в Лондоне И.М. Майский, именно Бонне убеждал Чемберлена «в неопределенности намерений СССР» относительно помощи Чехословакии. От него же премьер-министр узнал о «[плачевном – *Н.Ш.*] состоянии французской авиации»⁸⁶⁶.

⁸⁶³ Idid. P. 577.

⁸⁶⁴ *Du Réau E.* Op. cit. P. 239.

⁸⁶⁵ *Lacaze Y.* Op. cit. New York, 1991. P. 223.

⁸⁶⁶ *Майский И.М.* Указ. соч. С. 274.

К «лагерю мира» относились и другие видные деятели радикальной партии. Сенатор-радикал Эме Бертод, выступая на съезде партии, задавался вопросами, было ли разумно после Первой мировой войны включить многочисленные «этнические меньшинства в новое государство», могли ли французские министры «отказать [судетским немцам – *Н.Ш.*] в праве нации на самоопределение» и согласится на войну, не имея никакой уверенности в помощи Англии⁸⁶⁷. Серьезную поддержку Бонне оказывал вице-президент, правый радикал Камиль Шотан. Так, во время обсуждения в правительственном кабинете 18 сентября англо-французского плана по передаче Гитлеру Судет он настаивал, что, передав эти предложения президенту Чехословакии Бенешу честно и важно предупредить его, что, если он откажется, ему больше не придется полагаться на Францию. Политик отмечал, что «никогда не допустит», чтобы Франция была вынуждена вести войну «из-за самоуправства Праги. Государство с населением в сорок миллионов человек не может позволить распоряжаться собой стране с несколькими миллионами жителей»⁸⁶⁸. Среди решительных сторонников «умиротворения» выделялись влиятельный радикал Эмиль Рош и председатель комиссии по иностранным делам в Палате депутатов Жан Мистле.

Совершенно очевидно, что значительная часть политиков-радикалов во время чехословацкого кризиса склонялась к идее «откладывания» войны. Газета «Эр Нувель» писала в конце августа, что «задача заключается не в том, чтобы предотвратить конфликт, а в том, чтобы отложить его». В этом отношении ценна «любая полученная отсрочка», и было бы опрометчиво надеяться при нынешнем положении дел на более существенное удовлетворение. Именно с этой «узкой, мелкой, если хотите, даже приземленной точки зрения следует рассматривать чехословацкий вопрос»⁸⁶⁹.

⁸⁶⁷ XXXV Congrès du Parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Marseille 26–30 octobre 1938. Paris, 1939. P. 518-544.

⁸⁶⁸ Цит. по: *Zay J.* Op. cit. P. 6.

⁸⁶⁹ *L'Ère nouvelle.* 22 août 1938.

Однако, как отмечает известный французский историк С. Берстейн, фактический переход от пацифизма к капитуляции перед гитлеровскими требованиями был характерен только для тех федераций радикальной партии, которые проявляли наибольшую враждебность к правительственной коалиции Народного фронта и хотели её развала: Нор (откуда был Эмиль Рош), Сона и Луара, Алье, Ньевр, Од (откуда был Мистле), Дордонь (откуда был Бонне) и Восточные Пиренеи⁸⁷⁰. Их руководство – правые радикалы – пыталось изобразить коммунистов агрессорами, стремившимися начать войну любой ценой и по малейшему поводу. Они надеялись, что общее недовольство позицией ФКП приведет «к разрыву франко-советского пакта 1935 г., что отбросит коммунистическую партию в оппозицию и окончательно положит конец Народному фронту», а также создаст возможность для формирования нового центристского и правоцентристского большинства, готового проводить по отношению к Германии политику примирения⁸⁷¹.

Однако в партии радикалов был и второй лагерь – те, кто решительно защищал безопасность союзницы Франции ЧСР во время кризиса 1938 г. и отстаивал курс на сопротивление требованиям Германии (преимущественно левые радикалы). Обоснование их позиции сводилось к двум основным тезисам. Первый исходил из необходимости дать отпор фашизму как на международной арене, так и внутри страны: чехословацкий кризис лишь эпизод «крестового похода фашизма» против либеральной демократии. Фашизм хочет доминировать повсюду, и, к сожалению, среди французов у него есть «симпатизирующие... даже соучастники», которые пойдут на всё, чтобы установить во Франции режим, «которым так гордятся немцы и итальянцы»⁸⁷².

Вторым важным аргументом противников «умиротворения» была подпись Франции под соглашением с Чехословакией 1925 г.: «[невозможно допустить, чтобы французы – *Н.Ш.*] нарушили свое слово и трусливо

⁸⁷⁰ *Berstein S.* Op. cit. Paris, 1982. P. 546.

⁸⁷¹ *Ibidem.*

⁸⁷² *Le Démocrate Savoyard.* 24 septembre 1938.

склонились»⁸⁷³. Большинство французских газет, таких как «Тан» или «Грингуар», призывавших отказаться от любых взятых Францией обязательств «во имя мира», левые радикалы считали «предательскими». По их мнению, на протяжении 1930-х гг. бесконечные уступки нацистской Германии лишь порождали новые требования её руководства: после ремилитаризации Рейнской области в 1936 г. сторонники фашизма развязали гражданскую войну в Испании, вскоре произошел аншлюс Германией Австрии в марте 1938 г., теперь очередь за Чехословакией, а после нее Гитлер потребует Эльзас и Лотарингию. Единственный выход газета левых радикалов «Люмьер» видела в решительном сопротивлении демократических стран агрессору при помощи дипломатических рычагов давления. По их мнению, было достаточно показать единство антифашистских государств, готовность – на словах и на деле – вступить в вооруженный конфликт с Германией, чтобы та отступила: «Гитлер и его соратники не двинутся с места, если почувствуют, что при единственной и сомнительной итальянской поддержке им придется столкнуться с тем грозным блоком, в который вошли бы Чехословакия, Франция, Англия, СССР, Соединенные Штаты, Румыния»⁸⁷⁴. Именно методы сдерживания, полагала эта часть партии, могли бы обеспечить безопасность в Европе.

Среди сторонников жесткой линии в чехословацком вопросе оказались и известные политики партии радикалов. Например, бывший министр авиации и левый радикал Пьер Кот. На страницах газеты «Демократ Савуаяр» он рассуждал о «бесчестии» французского правительства, которое решило пренебречь своими обязательствами и оказать дипломатическое давление на Чехословакию, что лишь приближало войну: «Давайте не будем обманываться, бесчестие не гарантирует мир, ибо завтра Германия окажется сильнее, а Франция слабее. Почему? Потому что Франция потеряет Чехословакию»⁸⁷⁵. Радикал И. Дельбос, бывший министр иностранных дел

⁸⁷³ La Lumière. 16 septembre 1938.

⁸⁷⁴ Ibidem.

⁸⁷⁵ Le Démocrate Savoyard. 24 septembre 1938.

(1936–1938), также не одобрял «излишне примирительной» позиции правительства: «Мы остановим их не пацифистскими протестами (мы бы, наоборот, поощряли их, создавая у них впечатление, что им нечего бояться), но тем, что продемонстрируем способность противостоять их материальным и моральным силам, по крайней мере быть наравне с ними; это исключает [внутриполитические – *Н.Ш.*] разногласия, социальные волнения и требует гигантских усилий в военной и во всех других областях»⁸⁷⁶.

Аргументы представителей руководства различных политических партий, готовых вступить за Чехословакию, были очень схожи. Левое крыло СФИО и радикалов выражало идеи, схожие с лозунгами коммунистов. Отличалась глубина критики уступок или степень решительности высказываний (коммунисты и левые социалисты клеймили позором передачу Третьему рейху даже малой толики чехословацкой земли, Блюм и значительная часть радикалов, хотя и недовольные уступками и дипломатическим поражением, все же радовались возможности избежать войны), но основная суть при этом не менялась. Для них оставалось важным противостоять фашизму на международной арене путем объединения усилий всех его противников, включая Советский Союз. Во внутренней политике коммунисты, левые представители СФИО и партии радикалов требовали сохранения коалиции Народного фронта и – смелое заявление – формирования коалиционного правительства единства с участием политиков из ФКП. Если бы подобные планы реализовались, то открылась бы возможность для решения проблемы обеспечения европейской безопасности путем проведения политики сдерживания.

О том, что далеко не все радикалы соглашались выполнить любые требования Германии, лишь бы избежать войны, свидетельствовали и события 23 сентября 1938 г. На фоне обострения ситуации вокруг Чехословакии в этот день состоялось заседание парламентской группы радикалов (участвовали около 80 депутатов). Ж. Мистле, проанализировав особенности

⁸⁷⁶ La Dépêche. 21 septembre 1938.

международной ситуации, полностью одобрил действия правительства в чехословацком вопросе в духе политики «умиротворения». После его выступления последовало обсуждение доклада и часть парламентариев неодобрительно отозвалась о чрезмерных уступках Гитлеру. Депутат Р. Реторе осудил позицию правоцентристов из Демократического альянса во главе с Фланденом, которые, по его мнению, активными призывами к «умиротворению» на страницах ведущих французских газет «лишь побуждали Германию к дальнейшей агрессии»⁸⁷⁷. Напряженные дебаты вынудили лидера парламентской фракции радикалов Альбера Шишери отправиться вместе с 50 депутатами-радикалами к главе правительства Даладье, чтобы получить необходимые сведения о его официальной позиции по ряду вопросов текущей внешнеполитической ситуации. В 17.00 этого же дня они были приняты Даладье. Последнему пришлось отвечать на прямые и конкретные вопросы о том, готова ли Франция оказать помощь Чехословакии, какую позицию занимает Великобритания и что произойдет в случае агрессивных действий Германии⁸⁷⁸. По уверению Даладье, Франция намеревалась защитить Чехословакию в случае нападения на нее Третьего рейха, а все переговоры и ключевые решения принимать при тесном сотрудничестве с британским кабинетом. По итогу обсуждений парламентская группа радикалов выразила свое доверие политике Даладье. После встречи с ним П. Кот заявил, что «Франция достигла предела уступок» и собирается защитить ЧСР⁸⁷⁹. При этом даже те, кто возражал против чрезмерных уступок и однозначной линии на «умиротворения», выражали крайнюю озабоченность перспективой войны с Германией из-за судьбы Судет. Большинство искренне надеялось на мирное разрешение кризиса, хотя и подчеркивало «неприемлемость» и «чрезмерность» германских претензий.

Волна недовольства в рядах радикалов спала после заключения мюнхенского соглашения 30 сентября. Даже левые радикалы увидели в нем

⁸⁷⁷ См. напр.: Le Journal. 15 septembre 1938.

⁸⁷⁸ L'Œuvre. 24 septembre 1938.

⁸⁷⁹ Ibidem.

«возможность избежать худшего – войны». И. Дельбос писал в «Депеш», «с каким облегчением народы всего мира вздохнули» после того, как удалось урегулировать конфликт⁸⁸⁰. И даже враждебный к мюнхенскому соглашению П. Кот отметил: «Мир сохраняется. Со всех точек зрения мы благодарны и приветствуем политиков, которым мы обязаны этим результатом». При этом Кот подчеркивал, что мир достигнут вследствие капитуляции перед Германией, а 30 сентября назвал датой «даже хуже, чем Седан»⁸⁸¹.

На парламентском заседании 4 октября 1938 г. вся фракция радикалов проголосовала за ратификацию мюнхенского соглашения в надежде, что после урегулирования чехословацкого кризиса ситуацию в Европе удастся стабилизировать. Эти настроения прослеживались и в выступлениях делегатов 35 съезда партии радикалов. Сенаторы Э. Бертод и Р. Рену назвали мюнхенское соглашение «отправной точкой для дальнейших переговоров и урегулирования всех существующих противоречий» в духе британских механизмов «умиротворения»⁸⁸². Но, несмотря на преобладавшие пацифистские настроения, делегаты съезда осознавали опасность дальнейших уступок, поэтому в их выступлениях наравне с одобрением звучала серьезная тревога. По мнению Р. Рену, сотрудничество между демократическими и фашистскими режимами возможно достигнуть только в случае, если последние «перестанут выходить за рамки международного права», а поскольку в этом нельзя быть уверенным, «для поддержания мира важно, чтобы государства, готовые его нарушить, были официально проинформированы о том, что с этого момента мирные нации мужественно принимают риск войны, если их жизненные интересы окажутся под серьезной угрозой»⁸⁸³. Об этом же говорил на съезде депутат от Сены – Р. Англе: «Мы должны сказать, что в наших глазах эпоха уступок закончилась с Мюнхеном,

⁸⁸⁰ La Dépêche. 3 octobre 1938.

⁸⁸¹ Le Démocrate Savoyard. 24 septembre 1938.

⁸⁸² XXXV Congrès du Parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Marseille 26–30 octobre 1938. Paris, 1939. P. 531.

⁸⁸³ Ibid. P. 541.

что политика «умиротворения» означает для нас именно «умиротворение», а не порабощение»⁸⁸⁴. Часть его выступления касалась будущих отношений с Советским Союзом. По словам радикала, «можно думать что угодно о внутреннем режиме России», но после потери Чехословакии нельзя «пренебрегать возможной помощью, какой бы слабой и ненадежной она ни казалась»⁸⁸⁵.

Отсутствие открытого противодействия мюнхенскому соглашению в лагере радикалов не означало, что критиковавшая Даладье за «излишнее попустительство» часть его однопартийцев изменила свою позицию и поверила в достижение прочного мира. О необходимости противостояния немецкой военной машине в прессе продолжали писать П. Кот и И. Дельбос⁸⁸⁶. На фоне большинства политиков-радикалов, сторонников политики уступок, резко выделялся особой позицией депутат от департамента Шаранта – Р. Реторе. На съезде он указал на серьезную угрозу, нависшую после Мюнхена над Румынией, Польшей и Югославией. К тому же, утверждал политик, «разрушив чехословацкий бастион, откуда [союзные – *Н.Ш.*] самолеты могли за считанные часы добраться до Берлина и центров немецкого военного производства, Германия теперь готовится сокрушить Россию, чтобы потом раздавить и нас». В конце выступления Реторе призвал к «решительному сопротивлению дальнейшей немецкой экспансии» и к принятию официальной декларации правительства Даладье «о безусловной защите Францией своих колоний от посягательств Германии»⁸⁸⁷.

Большой интерес у исследователей вызывает позиция, которую на протяжении чехословацкого кризиса занимал глава последнего коалиционного кабинета Народного фронта Э. Даладье. Четко определить её весьма трудно и буквально до начала мюнхенской конференции Даладье не

⁸⁸⁴ Ibid. P. 560.

⁸⁸⁵ Ibid. P. 559.

⁸⁸⁶ См.: La Dépêche. Octobre 1938; Le Démocrate Savoyard. Octobre 1938.

⁸⁸⁷ XXXV Congrès du Parti républicain radical et radical-socialiste tenu à Marseille 26–30 octobre 1938. Paris, 1939. P. 549.

мог определиться с внешнеполитической стратегией Франции в этом вопросе. Очевидно одно – его нельзя назвать ни однозначным сторонником «умиротворения» агрессора, ни последовательным критиком подобной линии. По словам председателя Совета министров, впервые вопрос о Чехословакии возник на совещании постоянного комитета национальной обороны 17 марта 1938 г.⁸⁸⁸. Из протокола совещания следовало, что Даладье был уверен: «на первых порах оказывать прямую поддержку Чехословакии очень сложно. Помощь, которую мы могли бы оказать – это косвенная помощь, по крайней мере, в начале. Она состоит в удержании немецких войск на наших границах, и проблема, которая возникает, заключается в том, чтобы знать, хватит ли в этих условиях у Германии сил, чтобы попытаться атаковать Чехословакию»⁸⁸⁹. Уже тогда вероятность реальной поддержки Советского Союза ЧСР расценивалась как маловероятная. Особенно, как утверждал генерал Гамелен, из-за невозможности прохода Красной армии через территорию Польши или Румынии. Генерал Вьюмэн поставил под сомнение даже отправку советской авиации в Чехословакию, где «очень мало аэродромов, и немецкие самолеты вскоре вывели бы их из строя»⁸⁹⁰. По воспоминаниям Даладье, именно на этом заседании Вьюмэн заявил, что «в случае войны с Германией французская авиация будет разбита за две недели». Разумеется, подобные рассуждения наложили глубокий отпечаток на позицию председателя Совета министров. Страх перед немецкой авиацией, неуверенность в помощи СССР предопределяли всю его политику на протяжении 1938 г. Но сам факт обсуждения этой проблемы, оценка потенциальных сил на случай войны косвенно указывали на то, что Даладье не питал особых иллюзий относительно агрессивных планов Гитлера и понимал необходимость принятия решительных мер.

Исходя из протокола англо-французских переговоров, состоявшихся в Лондоне в апреле 1938 г., когда чехословацкий кризис только начинал

⁸⁸⁸ Les événements... Т. 1. Р. 27.

⁸⁸⁹Ibidem.

⁸⁹⁰Ibidem.

разгораться, можно сделать однозначный вывод – Даладьё в полной мере отдавал себе отчет в колоссальной угрозе, исходившей от нацистской Германии⁸⁹¹. Тогда он прямо заявил Чемберлену: «Действия, предпринимаемые Германией, направлены на то, чтобы разрушить ... последние остатки европейского равновесия ...Сегодня очередь Чехословакии; завтра это будет Польша или Румыния. Когда Германия заполучит [балканскую – *Н.Ш.*] нефть и пшеницу, она нападет на западные державы, которые из-за своей слабости дали ей средства для ведения долговременной войны, на которую она на данный момент еще неспособна»⁸⁹². Говоря об СССР, председатель Совета министров высказывал крайнюю обеспокоенность прошедшими в стране репрессиями, которые ослабили армию, но признавал, что Советский Союз сохранял самую многочисленную авиацию на европейском континенте; его военный потенциал, его запасы сырья остаются огромными, а его рабочая сила, ежедневно подчиняющаяся «коммунистическому евангелию Стаханова», дает «удивительные результаты»⁸⁹³. Однако эти пугающие предсказания не оказали на британцев никакого воздействия, и Чемберлен, сославшись на отсутствие у Англии сухопутных войск и незавершенность программы перевооружения авиации, добился от Франции согласия на урегулирование чехословацкой проблемы через предоставление расширенной автономии Судетам. Председатель Совета министров шёл в русле английской политики «умиротворения».

Во время майских событий – вооруженного выступления генлейновцев на муниципальных выборах в Чехословакии – Англия направила в Берлин свое предостережение от агрессивных действий, но одновременно с этим Даладьё была передана записка, в которой говорилось, что «британское правительство всегда поможет Франции в случае неспровоцированной агрессии против неё», правда, это положение не распространялось на Чехословакию. Вплоть до

⁸⁹¹ Ibid. P. 29.

⁸⁹² Ibidem.

⁸⁹³ Ibid. P. 30.

сентября позиция, занятая Англией в апреле – мая, не претерпела никаких изменений.

Чехословацкий кризис вступил в свою решающую стадию в середине сентября 1938 г., когда Гитлер заявил, что готов применить оружие для присоединения территории Судет к Германии. Пожалуй, можно утверждать, что в глубине души Председатель Совета министров Третьей республики хотел выполнить союзнические обязательства перед чехами и предотвратить рост немецкой мощи. Во время очередных переговоров со своими британскими коллегами 18 сентября, куда Чемберлен позвал Даладье, чтобы обсудить уже упомянутый план передачи Судет Германии, последний в начале беседы с полной уверенностью заявил о недопустимости подобного сценария и готовности поддержать Прагу в случае войны. Однако в ходе переговоров он отступил от своей первоначальной позиции и в конечном итоге согласился с британскими предложениями.

Как только Даладье вернулся из Лондона в Париж, он созвал заседание Совета министров, объявив собравшимся, что Великобритания не намерена вмешиваться в конфликт в Центральной Европе и собирается оказать помощь Франции только в случае, если ее территориальная целостность окажется под угрозой. Даладье опасался оставить Францию без поддержки Великобритании, один на один с Германией. Особенно его пугала уязвимость французских авиационных сил: «У нас есть 2000 самолетов в хорошем состоянии, у немцев же их 4000 более быстрых боевых машин»⁸⁹⁴. Заявление о самолетах совпадало со сказанным председателем Совета министров ранее (18 сентября) в английском посольстве: «Дело в том, что наши военно-воздушные силы ... являют собой довольно грустную картину. Одним словом, они не стоят многого, немцам это, естественно, известно, и англичане знают об этом»⁸⁹⁵. В конце своей речи на заседании правительства Даладье подчеркнул, что «ни один француз не согласится, чтобы его страна выступила

⁸⁹⁴ Zay J. Op. cit. P. 4.

⁸⁹⁵ De Girard de Charbonnières G. Op. cit. P. 160-161.

против Германии и Италии, не будучи уверенной в немедленной помощи Англии»⁸⁹⁶. Примечательно, что на допросе в парламентской комиссии в 1946 г. Даладье настаивал, что в правительстве не нашлось никого, кто выступил бы за отказ от англо-французского плана, принятого единогласно: «Никто в Совете министров не поддержал противоположную политику – никто»⁸⁹⁷.

Как Даладье сам признавал впоследствии во время допроса на парламентской комиссии, расследовавшей события 1930-х гг., на его позицию действительно серьезное влияние оказывало состояние французских военно-воздушных сил, а страх перед мощью немецких ВВС в значительной степени предопределил его политику. Председателя Совета министров также волновало медленное выполнение программы вооружений, которая, как уже отмечалось, срывалась из-за размаха забастовочного движения и структурных проблем французской промышленности.

Вместе с тем, Даладье ссылаясь на неуверенность в помощи СССР из-за отсутствия у него общей границы с Чехословакией. На официальные запросы о возможной помощи нарком иностранных дел М.М. Литвинов давал, как казалось Даладье, «пространные ответы» о необходимости через посредничество Лиги Наций добиться для Красной Армии прохода через Румынию или Польшу. Однако Даладье знал от французского посла в Польше Л. Ноэля, что Варшава ни под каким предлогом не пропустит сухопутные или воздушные силы СССР через свою территорию. Не приходилось надеяться и на какое-либо серьезное вмешательство США: исходя из бесед с американским послом У. Буллитом, Даладье сделал вывод, что Вашингтон откажется от вмешательства в европейский конфликт и «те, кто надеются на помощь США в случае начала европейской войны, в корне неправы»⁸⁹⁸.

И хотя во время переговоров с Чемберленом в сентябре 1938 г. Даладье заявлял, что «немецкие полки не войдут в Чехословакию без ответа

⁸⁹⁶ Zay J. Op. cit. P. 4-5.

⁸⁹⁷ Les événements... T. 1. P. 34.

⁸⁹⁸ Ibid. P. 33.

Франции»⁸⁹⁹, вскоре он поддался британскому давлению, общему пацифистскому настроению значительной части французской политической элиты и общественности и отправился на мюнхенскую конференцию, где отказался от поддержки союзника. Как справедливо отмечает А.А. Вершинин, в период чехословацкого кризиса у Люфтваффе не было значительного качественного превосходства над авиацией Франции, особенно в союзе с Великобританией. Тем не менее, французы были убеждены в значительном отставании их военно-воздушных сил, что оказывало существенное влияние на действия Третьей республики на дипломатической арене⁹⁰⁰. Оправдывая своё решение перед парламентской комиссией 1940-х гг., Даладье ссылался на широкие слои населения, которые приветствовали сохранение мира, на политиков, большинство которых проголосовало в поддержку мюнхенского соглашения. Его одобрили многие общественные организации, от объединений ветеранов Первой мировой войны до союзов французского крестьянства⁹⁰¹. Удержание Европы в мирном состоянии, например, требовал Национальный союз учителей⁹⁰², а писатель Ж. Жионо утверждал: «Лучше быть рабом, чем воевать»⁹⁰³. Важно отметить, что по результатам опросов общественного мнения, которые начали проводиться во Франции с августа 1938 г., 57% французов одобрили мюнхенское соглашение, 37% высказались против и лишь 6% никак к нему не относились⁹⁰⁴. Однако уже к декабрю 1938 г. около 70% французов требовали более жесткой внешнеполитической линии в отношении Германии.

Разобщенность французов, стремление большинства из них избежать ужасов, выпавших на долю нации в годы Первой мировой войны, всего двадцать лет назад, накладывались на отсутствие единства в среде

⁸⁹⁹ Ibid. P. 34.

⁹⁰⁰ Вершинин А.А., Наумова Н.Н. Указ соч. С. 277.

⁹⁰¹ См. подр.: Lacaze Y. Op. cit. New York, 1991.

⁹⁰² Ору P. Op. cit. P. 116.

⁹⁰³ Цит. по: Рубакин А. В водовороте событий. М., 1960. С. 5.

⁹⁰⁴ Maueur J.-M. Op. cit. P. 366.

политической элиты. Народный фронт оказался на грани раскола. Коммунисты находились в оппозиции к внешнеполитической стратегии правительства, партия социалистов разделилась, даже в рядах радикалов намечались серьезные разногласия – одни хотели примирения с Германией и сближались с правым флангом политической системы, другие настаивали, чтобы Даладье действовал решительнее и не отказывался от франко-советского сотрудничества. Кризис политической системы, который начался с середины 1930-х гг. и, казалось, был на время приостановлен приходом к власти Народного фронта, снова набирал обороты. Третья республика объективно не справлялась с колоссальными социально-экономическими, внутри- и внешнеполитическими проблемами, нависшими над ней. Все больше представителей общественно-политических кругов разочаровывались в существующем механизме управления и считали, что парламентский режим не способен решать поставленные перед ним государственные задачи. В подобной ситуации «несобранности» французской политической системы британский кабинет не захотел рисковать и все чаще прибегал к политике уступок Третьему рейху, предпочитая «тушить» периодические всплески решительности главы французского правительства, попутно добиваясь от чехов уступок в адрес Германии.

Непросто оценить, какой из всех факторов оказался решающим для Даладье в ходе выбора окончательного образа действий накануне подписания мюнхенского соглашения. Безусловно, на него не могла не оказывать влияния позиция его соратников по партии. Наиболее активные деятели радикалов – Бонне и Шотан, занимавшие в то же время ключевые государственные посты, своими советами подталкивали Даладье пойти по пути «умиротворения» и передать Судеты Германии. Значительная часть партии находилась в лагере колеблющихся и, не одобряя отторжения территорий от Чехословакии и усиления Германии, все-таки смирилась с этим ради сохранения мира. Среди тех, кто настаивал на сопротивлении требованиям Гитлера, были известные политики, но они оказались в меньшинстве. Их объяснения, что войну можно

избежать только энергичными дипломатическими демаршами наряду с демонстрацией силы и единства европейских держав, оказались не услышаны первыми лицами Третьей республики. В подобной аргументации правые радикалы увидели лишь «ярый милитаризм», верный путь к развязыванию войны и началу коммунистической революции. Отсюда – принятие большинством французских партий политики «умиротворения», казалось, обещавшей урегулирования отношений с Третьим рейхом. Поэтому стоит признать, что общий мотив, исходивший от возглавляемой Даладье партии, скорее подталкивал его к «умиротворению», нежели чем к сопротивлению немецким требованиям.

Даладье нигде и никогда не упоминал, что позиция его партии оказала хоть сколько-нибудь осязаемое влияние на его итоговое решение. Пожалуй, основополагающим для председателя Совета министров стала не столько позиция политических элит или общественного мнения (хотя они и сыграли свою роль), сколько уверенность в военной слабости Третьей республики и необходимости выиграть время для ее перевооружения. Не надеясь на реальную поддержку Великобритании или США в случае начала полномасштабной войны с Германией и не веря в готовность СССР вмешаться в конфликт, 4 октября 1938 г. Э. Даладье так объяснил парламентариям решение участвовать в мюнхенской конференции: «Я принял это приглашение [в Мюнхен – *Н.Ш.*] ... Речь шла о сохранении мира, который некоторые уже считали окончательно разрушенным. Я сказал “да” и ни о чем не жалею»⁹⁰⁵.

Понятно, что в партии были прекрасно осведомлены об угрозе, исходившей от Третьего рейха, и о необходимости укреплять военную мощь Франции на случай новой европейской войны. Это ясно прослеживается в высказываниях и выступлениях многих членов партии, единых в желании избежать войны. Раскол, причем весьма существенный, заключался именно в методах достижения этого. Одни считали, что войну удастся предотвратить объединением демократических сил и народов, которые займут твердую

⁹⁰⁵ JO. Débats parlementaires. Chambre des Députés. 1938. P. 1528.

позицию в отношении Германии и, продемонстрировав свою решимость защищаться, заставят Гитлера отступить. Другие, чьи голоса в общественно-политической жизни страны звучали куда громче, считали опасным какие-либо демарши в адрес Германии, чреватые новым мировым конфликтом, к которому, по их мнению, Франция была не готова. Именно поэтому необходимо было идти по пути уступок Германии. Не будучи способными в тот момент преодолеть социально-экономические, военные и внутри- и внешнеполитические трудности, «умиротворители» предпочли избежать открытого столкновения, выиграв, как им казалось, время для перевооружения страны. И сам Даладье, и многие из тех, кто выступал на 35 съезде партии в Марселе, осознавали, что угроза никуда не исчезла, а лишь отступила на некоторое время и дальнейшими уступками не предотвратит новых конфликтов. Но пока Франция получила «передышку», ей следовало усилить свою военную и экономическую мощь, готовиться к войне и укреплять позиции на европейской арене. Отсюда и главный способ разрешения чехословацкого кризиса – политика «умиротворения» агрессора, который требовал все новые и новые жертвы на алтарь своей победы. Во Франции не хотели и боялись войны, которая жестоким катком прошла по человеческим судьбам в 1914–1918 гг. Миллионы французских семей мечтали о мире и благополучии, что мешало объективно воспринимать современную им, чреватую новыми кризисами внешнеполитическую ситуацию.

После краха системы коллективной безопасности, несостоятельность которой продемонстрировали Эфиопский кризис 1935 г. и ремилитаризация Рейнской области в 1936 г., левые силы так и не смогли определиться с четкой внешнеполитической стратегией для поддержания европейской безопасности. Коммунисты и часть социалистов и радикалов осознавали, что в текущих реалиях международной ситуации единственным эффективным инструментом могла стать политика сдерживания, за которую выступал СССР. Однако в силу традиционной приверженности к сотрудничеству с Великобританией, а также убежденность в военной слабости собственной страны большинство левых

склонялось к необходимости проведения политики «умиротворения». Они надеялись, что она в конце концов удовлетворит требования Германии или в худшем случае даст необходимое время для завершения программы перевооружения страны.

3.4. Французские правоцентристы о путях выхода из чехословацкого кризиса

Ведущее место среди правоцентристов занимали политики Демократического альянса. Основная часть партийных деятелей полностью разделяла точку зрения своего лидера Фландена по вопросу поддержания европейской безопасности, о которой он открыто заявил еще в феврале 1938 г., подвергнув критике тезис о неотвратимости новой войны: «нет, не является неизбежным то, что мы, французы, равным образом антифашисты и антикоммунисты, будем вовлечены в смертельный конфликт. Мы не хотим играть на руку фашизму из страха перед коммунизмом или играть на руку коммунизму из страха перед фашизмом. Почему мы должны присоединиться к крестовому походу против Рима и Берлина, куда некоторые хотят нас завлечь под предлогом того, что воинственные замыслы “оси Берлин – Рим”, формированию которых мы в значительной степени способствовали, могут быть направлены против нас? Мы, конечно, должны сожалеть о том, что Гитлер преследует евреев и вступает в конфликт с церковью, но, не будучи обязанными следовать той же политике, мы не видим необходимости превращать это в причину войны с Германией»⁹⁰⁶. Глава правоцентристской парламентской оппозиции стоял на исключительно пацифистских позициях и, что было характерно для правых, всю свою ярость обрушивал на Советский Союз и ФКП, считая, что коммунисты, как интернационалисты, исходившие из принципа классового подхода, и поэтому не являющиеся «французами, ожидают либо поражения Гитлера и Муссолини, пожертвовав французской молодежью, либо всеобщей большевизации Европы, неспособной

⁹⁰⁶ Le Paris-soir. 4 février 1938.

сопротивляться на руинах, вызванных новой всеобщей войной»⁹⁰⁷. Традиционная правая риторика рисовала «ужасы коммунизма», которые могла принести революция: в качестве «печального примера» приводились забастовки и социальные конфликты, приводившие в том числе и к гибели людей, в Испании накануне начала гражданской войны. Фланден отказывался допустить повторения сценария испанских событий на французской почве, который рисковал бы, по его мнению, случиться, если бы Франция вмешалась в военный конфликт с Германией.

Пацифистские взгляды лидера Демократического альянса, помимо явного антикоммунизма, дополняло и глубокое убеждение в слабости и разобщенности правительственной коалиции Народного фронта, её неспособности осуществлять эффективное управление страной. Фланден, озабоченный обеспечением безопасности страны и укреплением обороноспособности Третьей республики, призывал правительство «поддержать внутренний порядок и стабильность», столь необходимые для наращивания производства и перевооружения: «Укрепим внутреннее здоровье. В то время как другие [страны – *Н.Ш.*] стремятся работать, давайте не будем думать только об организации досуга»⁹⁰⁸.

Человеком, одним из первых в лагере правоцентристов открыто обосновавшим отказ Франции от помощи Чехословакии, стал Жозеф Бартелеми. В начале своей политической карьеры он вступил в Демократический альянс и после несколько неудачных попыток попасть в парламент сконцентрировался на участии в общественной жизни страны через журналистику. С 1941 по 1943 гг. Ж. Бартелеми займет пост министра юстиции в правительстве Виши. 12 апреля 1938 г. на страницах правой газеты «Тан», считавшейся своеобразным рупором французского МИД, вышла статья под его авторством⁹⁰⁹. В ней журналист задавался вопросом: «нужно ли, чтобы удержать три миллиона судетских немцев под властью Праги, погубить [на

⁹⁰⁷ Ibidem.

⁹⁰⁸ Ibidem.

⁹⁰⁹ См. по.: Le Temps. 12 avril 1938.

фронте – *Н.Ш.*] три миллиона французов?» Ответ был однозначным – «нет!». В публикации Ж. Бартелеми изложил аргументы, которые позже многократно повторяют правые и правоцентристские политики – сторонники Мюнхена. По утверждению Бартелеми, несмотря на сильные стороны французской армии, численность населения страны составляла всего 40 млн. человек, что в три раза меньше 120-ти миллионной численности противника (по всей видимости Бартелеми привел общую численность населения Германии, Австрии и Италии); французское вооружение, в особенности авиация и противовоздушная оборона, требовало дальнейшего усовершенствования; отсутствовала уверенность в готовности СССР помочь Чехословакии, к тому же, в любом случае ни Польша, ни Румыния не позволили бы Красной армии пройти через свои территории; «немецкая линия Зигфрида была столь же непреступна, как и линия Мажино», а сама Чехословакия, по различным оценкам, в случае начала войны смогла бы продержаться «от трех дней до трех недель».

Ж. Бартелеми предпринял в статье попытку юридически обосновать, почему обязательства Парижа перед Прагой утратили свою законную силу. По его убеждению, договор между двумя государствам, заключенный в 1924 г. и дополненный Локарнскими соглашениями 1925 г., к 1938 г. «прекратил своё действие» и давно перестал регламентировать международную жизнь, значит исчезла необходимость вступать в войну, защищая целостность Чехословакии. Очень быстро эти неподкрепленные никакими реальными правовыми основаниями доводы подхватили многие другие сторонники «умиротворения».

Как уже говорилось, распущенный в начале июня на каникулы парламент так и не собирался вплоть до октября 1938 г. В течение четырех месяцев представители политической элиты не имели возможности совместно обсуждать внешнеполитический курс правительства, в связи с чем Фланден развернул широкую кампанию во французской прессе. На страницах правых газет «Пари-Суар» и «Журналь» регулярно выходили интервью политика,

который критиковал деятельность коалиционных кабинетов Народного фронта, доказывая, что они ведут Третью республику к краху и лишь усугубляют внутренний кризис, сеют раздор в обществе и подрывают развитие производства⁹¹⁰. Высказывая своё мнения о проблемах внешней политики и путях их разрешения, Фланден задавался вопросом, осмелится ли кто-нибудь согласиться, что «сегодня Франция сильнее, чем до [прихода к власти – *Н.Ш.*] Народного фронта?»⁹¹¹. По его словам, за время пребывания у руля государственного управления левых сил международное положение Франции ничуть не улучшилось, наоборот, с каждым днем опасность войны все более возрастала. «Лига Наций развалилась, – писал в конце июля Фланден, – коллективная безопасность, взаимопомощь, эти две панацеи Народного фронта, отвергаются всем миром. Франция не примирилась с Италией или Германией. Австрия исчезла. Чехословакия находится под угрозой»⁹¹². Оставались только дружественные отношения с Великобританией, которые укрепились только после того, как Даладье и Жорж Бонне стали проводить в Европе менее «идеологизированную и более реалистичную политику».

Хотя Фланден, как и многие другие парламентарии, не обладал возможностью повлиять на политику кабинета Даладье напрямую через её обсуждение в Палате депутатов, не стоит думать, что он не имел никакого влияния на государственные решения. Беспрецедентная кампания в прессе, развязанная им и другими правыми и правоцентристами на страницах французских газет, оказывала колоссальное воздействие на французское общественное мнение. Да, были коммунисты и некоторые правые политики, которые открыто призывали к решительному сопротивлению, а также часть социалистов и некоторые представители радикалов, не желавшие идти на чрезмерные уступки Германии и не скрывавшие отрицательного отношения к политике «умиротворения», но значительная часть граждан Третьей

⁹¹⁰См. Подробнее: *Le Journal*. 5 juin 1938.

⁹¹¹*Ibid.* 29 juillet 1938.

⁹¹²*Ibidem.*

республики черпала информацию из газет с наибольшим тиражом, в которых их пугали войной и призывами не жертвовать жизнями французов во имя далекой Чехословакии. Наряду с «Фигаро» и «Матен» наиболее читаемая утренняя газета Парижа «Пети Паризьен» (их совместный тираж превышал 1.5 млн. экземпляров) задавалась вопросом, «не будет ли более выгодным [для чехов – *Н.Ш.*], если их страна останется сильной и прочной, оторвав от себя нелояльных граждан, позволив им разделить судьбу австрийцев?»⁹¹³. Для сравнения – тираж каждой из двух наиболее популярных левых газет «Юманите» и «Популер» составлял около 300 тыс. экземпляров. Разумеется, Даладьё и другие члены кабинета министров не могли не учитывать взгляды значительной части населения и тех, кто стоял за формированием этого мнения.

Активную роль в формировании общественных настроений сыграл сам Фланден. На фоне обострения чехословацкого кризиса 15 сентября 1938 г. он заявил: «Французы внезапно осознали всю серьезность событий. Они увидели, что им угрожает вовлечение в войну или, по крайней мере, мобилизация, и это происходит тогда, когда в глубине души они не принимали всерьез далекие от них осложнения, возникшие в чехословацком государстве»⁹¹⁴. По мнению главы Демократического альянса, когда риск нового вооруженного конфликта настолько велик, требовалось немедленно созвать парламент, чтобы представители народа получили возможность высказаться и принять решение о необходимых мерах для его разрешения. Однако Э. Даладьё, по словам Фландена, «продолжал действовать самовольно». По его мнению, демократический режим обеспечивает управление государством в соответствии с желаниями людей, выраженными через их законно избранных представителей, но мобилизация может быть объявлена, когда палаты при этом находятся в отпуске три месяца, а их заседания были «закрыты именно для того, чтобы избежать любых дебатов по внешней политике»⁹¹⁵.

⁹¹³ Le Petit Parisien. 16 septembre 1938.

⁹¹⁴ Le Journal. 15 septembre 1938.

⁹¹⁵ Ibidem.

Фланден решительно протестовал против «любых мер всеобщей или частичной мобилизации, которые подразумевают, что бы ни говорилось, ужасный риск войны; [эти меры нельзя предпринимать пока работа – *Н.Ш.*] правительства не будет сопровождаться созывом палат, дебатами и публичным голосованием, пока политика военного вмешательства не будет утверждена избранными представителями нации»⁹¹⁶. По убеждению Фландена, мобилизационные меры оказались бы чрезмерными и прибегнуть к ним следовало только в случае начала войны, чтобы обезопасить страну, но никак не заранее, демонстрируя таким образом агрессивный настрой Франции. Лидер Демократического альянса вновь оспаривал правомерность и целесообразность выполнения союзнических обязательств перед Прагой в сложившихся обстоятельствах, считая судетскую проблему внутренним делом Чехословакии: «я не менее решительно протестую против любого распространения на внутренние конфликты обязательств, предусмотренных исключительно в случае международных конфликтов, которые не удалось разрешить с помощью... Лиги Наций»⁹¹⁷.

25 сентября Фланден отправил личное письмо председателю Совета министров Э. Даладьё, в котором еще раз подчеркивал недопустимость всеобщей мобилизации, тем более до обсуждения этого решения в парламенте⁹¹⁸. Лидер Демократического альянса надеялся, что общее настроение депутатов в итоге вынудит правительство пойти по пути пацифизма. В условиях, когда обе палаты не собирались, Фланден предостерегал председателя Совета министров, что он «будет нести личную ответственность, если Франция окажется втянутой в вооруженный конфликт из-за мер и контрмер [мобилизации Германии и Франции в ответ на действия друг друга – *Н.Ш.*]», и напоминал, что Чехословакия объявила о всеобщей мобилизации, не став при этом жертвой неспровоцированной агрессии. По мнению Фландена, Париж должен предпринимать соответствующие шаги,

⁹¹⁶ Ibidem.

⁹¹⁷ Ibidem.

⁹¹⁸ Текст письма см. по.: DDF. 1932–1939. 2 série. T. 11. № 341. P. 515-517.

только получив предварительные гарантии от Лондона в том, что: 1. Великобритания приступит, по соглашению со своими доминионами, к общей мобилизации всех своих сил одновременно с Францией; 2. Что Великобритания немедленно установит призыв на военную службу и возьмет на себя четкие обязательства, включая отправку в очень короткие сроки на континент сухопутных армий, предназначенных для сотрудничества с французскими вооруженными силами, облегчения общих усилий и уменьшения жертв, «которые в отсутствие этого будут иметь место быть только на нашей стороне»⁹¹⁹.

Решающей попыткой воздействовать на общественное мнение и правительство стали действия лидера Демократического альянса в ночь с 27 по 28 сентября, когда после объявления мобилизации во Франции, он расклеил по Парижу плакаты, обличавшие воинственно настроенных политиков, не считавшихся с мнением французов, и нечестность правительства, которое в начале согласилось передать Судеты Гитлеру по англо-французскому плану, а затем в 20-х числах сентября фактически вступило на путь войны. Фланден пытался добиться поддержки рядовых граждан Третьей республики: «Я лучше буду убит, чем позволю убить мою страну. Я вижу в этот час единственное законное средство поддержания мира: пусть все, кто хочет его спасти, обратятся к главе государства с петицией против войны»⁹²⁰.

На судебном процессе 1946 г. по поводу его действий в предвоенные годы Фланден отказался взять на себя ответственность за политику «умиротворения», проводимую Францией во время чехословацкого кризиса. Он аргументировал это тем, что тогда не являлся членом правительства, из-за роспуска парламента не мог исполнять свои обязанности как депутат и оказывать реальное влияние на ход вещей, («поскольку парламент был отправлен на каникулы и никаких дебатов по внешней политике не проводилось»), а кабинет министров сам одобрил англо-французский план

⁹¹⁹ Ibidem.

⁹²⁰ Le Procès Flandin devant la Haute Cour de Justice, 23–26 juillet 1946. Paris, 1947. P. 86.

передачи Судет Германии без участия представителей законодательной власти: «Мне не нужно сейчас оценивать, поступило ли французское правительство правильно или нет, приняв предложения британского руководства, это не моя ответственность, я не имею к этому отношения. Если вопрос о Чехословакии будет затронут позже, то это те, кто заключил эти соглашения, должны будут ответить, я же в этом не участвовал»⁹²¹. Безусловно, в словах лидера парламентской оппозиции есть логика, все основные решения летом – осенью 1938 г. принимали министры Третьей республики, хотя, конечно, правительство действовало, учитывая мнение парламентариев, которые – даже в отсутствие депутатской трибуны – заявляли о своей позиции во всеуслышание через прессу.

Несмотря на то, что требования Фландена всеми способами избежать войны вписывались в общее настроение как левых, так и правых «умиротворителей», однозначное неодобрение у обоих политических флангов вызвала поздравительная телеграмма, которую лидер Демократического альянса отправил А. Гитлеру после подписания мюнхенского соглашения: «Примите мои теплые поздравления с поддержанием мира в надежде, что этот исторический акт приведет к доверительному и сердечному сотрудничеству между четырьмя великими европейскими державами, собравшимися в Мюнхене». Хотя Фланден объяснил свой поступок желанием укрепить мир и добиться сближения европейских государств, большинство представителей политической элиты Третьей республики подобный демарш восприняло не иначе как предательство, с которым не могли смириться ни коммунисты, ни националисты.

Во время парламентских дебатов по мюнхенской конференции 4 октября 1938 г. в Палате депутатов от партии ДА выступил депутат Леон Барети, отметивший, с «каким хладнокровием» Даладье и Бонне сумели сохранить мир. Депутат призвал продолжить политику поддержания мира в Европе, но подчеркнул, что можно будет успокоиться только тогда, «когда

⁹²¹ Ibid. P. 84.

семена конфликта исчезнут». Перед всеми народами стоит великая задача. Франция должна будет способствовать решению противоречий с Германией, чтобы помочь положить конец «конфликтам и обеспечить безопасность наций и нашу собственную»⁹²².

Лидер Демократического альянса, как и другие депутаты от партии при голосовании в парламенте 4 октября 1938 г. отдали свои голоса в поддержку мюнхенского соглашения. Сам Фланден, комментируя впоследствии этот выбор, ссылаясь на военную слабость Третьей республики и необходимость обеспечить время для ее перевооружения. Защищаясь во время суда в 1946 г., политик заявлял, что многие ошибки были допущены тогда, когда он не занимал крупных государственных постов. Серьезным ударом, сделавшим невозможным жесткую позицию Франции во время событий 1938 г., по мнению Фландена, являлась «вялая реакция» французских военных и политиков на ремилитаризацию Рейнской области Германией⁹²³. Кроме того, Фланден делал упор на ненадежное состояние французских вооруженных сил в 1938 г., лишавшее всякой возможности на сопротивление: «С 1937 г. Германия приложила огромные усилия для своего перевооружения. Все фабрики были мобилизованы; была установлена двухлетняя военная служба ... 38 дивизий, которыми немцы располагали в 1936 г., к моменту Мюнхена, достигли цифры 80. К этому времени их военно-воздушные силы превосходили по мощности французские и британские вместе взятые. Что касается боевых танков, то их превосходство было не менее подавляющим», то же касалось и противовоздушной обороны⁹²⁴. При том, что военные силы Третьей республики действительно испытывали дефицит в новейших видах вооружениях, слова Фландена кажутся очевидным преувеличением. Вместе с тем, возможно, в 1938 г. у него сложилось искреннее убеждение в столь бедственном положении своей страны. «В интересах Франции в то время было избежать войны; подождать, восстановить свое вооружение, восстановить

⁹²² JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1536.

⁹²³ Ibid. P. 80.

⁹²⁴ Ibid. P. 89.

национальный дух», – считал Фланден. В особенности, когда у французов еще не возникло объединяющего их «чувства, которое позволяло бы втянуть в войну всю страну». Политик обращал внимание и на непростую для Франции обстановку на европейской арене: Италия не стала союзником Третьей республики, Англия хоть и поддерживала Францию, но настаивала на «умиротворении», Польша выступала против Чехословакии, а договор с СССР не был подкреплён военным пактом⁹²⁵.

Осенью 1938 г. большинство Демократического альянса поддержало позицию своего лидера на съезде партии, проходившем в середине ноября 1938 г.⁹²⁶. Но некоторые политики, например, П. Рейно или сенатор от департамента Луара Жан Торин, покинувшие партию еще в начале октября, или отказавшийся от поста вице-президента Демократического альянса сенатор от департамента Сена и Уаза Шарль Рибель, выступили против курса на «умиротворение» и раскритиковали Фландена за «преклонение» перед Гитлером. Впрочем, они не смогли серьезно повлиять на общие настроения.

На ноябрьском съезде партии сенатор от Жиронды Жорж Портман высоко оценил действия правительства в критические дни сентября, когда «такие люди, как г-н Жорж Бонне, отказались подчиниться неизбежности войны и упорно искали мирное решение». По его утверждению, «франко-германская враждебность не является чем-то предрешенным. Наоборот, если, как говорит г-н Даладьё, Мюнхен – это новое начало, давайте забудем об унижении, которое предшествовало соглашению “четырёх”, давайте пересмотрим наши обязательства, денонсируем, если это необходимо, франко-советский пакт». В то же время Ш. Рибель раскритиковал лидера Демократического альянса за размещение плакатов в ночь с 27 на 28 сентября, а также за телеграмму, отправленную фюреру: «Когда я прочитал текст [поздравительной телеграммы Гитлеру – *Н.Ш.*] в коммунистической прессе, я не хотел верить этому, и я ушел в отставку с поста вице-президента только

⁹²⁵ Ibid. P. 90-91.

⁹²⁶ См. по.: Le Matin. 14 novembre 1938.

после того, как эту новость подтвердил мне сам г-н Фланден. Такое отношение бывшего председателя Совета министров я считаю непростительным ... Таким образом он просто поздравляет канцлера Гитлера после того, как уступил ему! На самом деле я понимаю человека, который, подвергнувшись нападению, отдает свой кошелек. Но нет повода радоваться».

Отвечая на нападки со стороны Рибеля, Фланден заявил, что разместил в Париже плакаты, поскольку, «когда кто-то думает, что он может оказывать влияние, каким бы слабым оно ни было, на [общее – *Н.Ш.*] мнение, он должен действовать и не принимать ни от кого советов». В своей речи лидер Демократического альянса сослался на необходимость сохранять мир, ибо война была бы выгодна только коммунизму, который воспользовался бы ей, чтобы начать революцию в Европе. К середине ноября 1936 г. для Фландена, как и для многих членов партии, немецкая опасность ушла на второй план и главным вызовом стал «большевизм», из-за чего политики все больше склонялись к британскому курсу на «умиротворение» для поддержания безопасности в Европе. На это накладывался развал коалиции Народного фронта и откровенно антисоветская и антикоммунистическая позиция правых радикалов.

Одним из известных политиков Демократического альянса, чье мнение существенно отличалось от большинства партии, стал Андре Тардьё, занимавший пост председателя Совета министров в начале 1930-х гг. С годами взгляды политика существенно поправились. Свои взгляды он открыто выражал на страницах газеты «Гренгуар», критикуя курс на «умиротворение» Германии и призывая французов «сражаться, как и в предыдущие века, с немецким колоссом численностью более ста млн. человек, возникшим в самом сердце Европы»⁹²⁷. Всех тех, кто опасался бездействия Англии, Тардьё успокаивал: «если война все-таки разразится, маловероятно, что она ограничится странами, взявшими на себя определенные обязательства. Не

⁹²⁷ Gringoire. 6 mai 1938.

следует думать, что Великобритания в таком случае не будет сражаться под каким-либо предлогом».

Говоря об итогах мюнхенского соглашения, бывший председатель Совета министров признавал, что после «целого месяца нервного напряжения в Европе, беспокойства и споров во Франции» мир удалось сохранить⁹²⁸. Но А. Тардьё категорически осуждал то, что мира добились с помощью «умиротворения» и уступок. По его мнению, Германия была готова вторгнуться в Чехословакию только при условии, что «конфликт останется локальным», так как немецкая армия страдала от «острой нехватки кадров», а укрепления на Линии Загфрида еще были «далеки от завершения»⁹²⁹. По словам Тардьё, с момента возникновения чехословацкого кризиса и до встречи в Годесберге Чемберлена и Гитлера требования последнего выросли в десятки раз. «Принимая во внимание ход событий, – писал А. Тардьё, – становится ясно, что Англия и Франция позволили собой управлять. Морально это решение им дорого обошлось. Чемберлен придавал слишком мало значения правам малых стран, союзы с которыми так ценила старая французская монархия и которые отныне больше не будут доверять ни Англии, ни Франции». Тардьё был уверен, что к 1938 г. перспектива войны в Европе стала практически неизбежной и присоединение к Германии промышленно значимых частей Чехословакии стало лишь одним из её предвестников, за которым последуют другие, в первую очередь страны Балканского полуострова, захватив которые, Германия обеспечит себя значительными запасами «мяса, масла и руды, что сделает её непобедимой в следующей войне. У неё больше не будет препятствий в марше на Восток»⁹³⁰. Со страниц газеты «Гренгуар» бывший глава правительства призывал лидеров Третьей республики прекратить политику «умиротворения» и оказать решительное сопротивление Германии. Однако к началу чехословацкого кризиса Тардьё уже не занимал высоких государственных постов и только мог воздействовать

⁹²⁸ Gringoire. 7 octobre 1938.

⁹²⁹ Ibidem.

⁹³⁰ Ibidem.

на общественность через прессу и влиять своим политическим весом на руководство страны.

От большинства политиков Демократического альянса своей позицией отличался Поль Рейно, занимавший пост министра юстиции в правительстве Даладье. Он был одним из немногих в партии, кто придерживался политики сопротивления немецким требованиям. Вместе с независимым республиканцем, министром колоний Ж. Манделем они представляли «воинственное» крыло правительственного кабинета. К 1938 г. позиция обоих министров, по словам П.-Э. Фландена, сводилась к следующему: «война неизбежна, так как Гитлер всегда будет требовать большего. Настанет день, когда Франции придется остановить Третий рейх в его попытке навязать свою гегемонию в Европе. Поэтому мы должны выбрать наиболее подходящий момент, чтобы начать войну и для этих двух министров этот момент настал сейчас»⁹³¹. Подобные оценки Фландена, разумеется, являлись преувеличением. Ни Рейно, ни Мандель не стремились развязать европейскую войну. Как многие другие противники уступок, будь то Тардьё или представители компартии, они считали, что жесткая позиция в отношении Гитлера остановит фюрера и распространение нацистской агрессии. По убеждению Манделя, «кампания угроз, которую он [Гитлер – *Н.Ш.*] инициировал, направлена на то, чтобы запугать нас и заставить отделиться от Праги. Если мы откажемся от чехов, они скорее подчинятся, чем погибнут, и тем самым откроют путь для германской экспансии на юг и создания могущественной империи, которая будет угрожать нашим восточным границам»⁹³².

8 июля 1938 г. Рейно отправил Даладье письмо, призвав председателя Совета министров готовить страну к войне, которая, по предположениям французского посла в Берлине Франсуа-Понсе, могла вспыхнуть в ближайшие недели. Министр юстиции рекомендовал отложить, как и наши соседи,

⁹³¹ Цит. По: Sherwood J. Op. cit. P. 203.

⁹³² Ibidem.

крупные работы, не связанные с нуждами национальной обороны, на которую следует направить все усилия нации. Для защиты гражданского населения необходимо ускорить производство противогазов и расширить возможности выезда из Парижа, подготовить жилье и продукты питания для уехавших из Парижа. Каждый член правительства обязан спланировать меры, которые он должен будет предпринять в случае войны. Что касается вооружения, то на сегодняшний день следует «провести инвентаризацию материалов и вооружения, необходимых для действия всех трех родов войск, от необработанной стали до орудий, танков и самолетов»⁹³³. Рейно требовал, чтобы правительство разъяснило всю сложность международной ситуации лидерам рабочих профсоюзов и убедило их не оказывать сопротивления росту темпов производства для наращивания дополнительного вооружения. По мнению Рейно, «только наша холодная решительность, скорость и эффективность принятых резолюций, смогут помешать началу войны, вселив доверие в наших союзников и вызвав опасения у наших противников».

С осени 1938 г., когда чехословацкий кризис вступил в решающую стадию, и Рейно, и Мандель настаивали на политике сдерживания Третьего рейха, и немедленное введение частичной мобилизации, поскольку только так удастся вынудить Гитлера отступить и отказаться от претензий к Чехословакии, «так как он опасается оказаться в войне одновременно против Третьей республики, Великобритании, СССР и Чехословакии»⁹³⁴. Во время обсуждения англо-французского плана передачи Судет Германии Мандель, Рейно, а также представитель народно-демократической партии Огюст Шампетье де Риб настаивали на том, что данный проект будет предложен чешскому правительству и передан Гитлеру только после одобрения пражским кабинетом⁹³⁵. Тем не менее, сам проект передачи Судет получил единогласное одобрение кабинета. Безусловно, эти несколько министров в течение долгого времени призывавшие к отказу от «попустительства»,

⁹³³ Письмо П. Рейно см. по: Reynaud P. Op. cit. Paris, 1951. P. 557-558.

⁹³⁴ Werth A. Op. cit. P. 252.

⁹³⁵ Zay J. Op. cit. P. 5; Werth A. Op. cit. P. 263.

оказались в меньшинстве – позиция «умиротворителей» Бонне, Шотана и де Монзи стала определяющей, и остальные министры последовали за ней, не оставив Манделю и Рейно серьезной возможности для маневра. В то же время поражает, с какой легкостью эти два министра, охарактеризованные крайне правой прессой как «поджигатели войны», сдали свои позиции и поддержали план, суть которого сводилась к расчленению и ослаблению Чехословакии. Конечно, Рейно и Манделя нельзя отнести к лагерю «умиротворителей», но и неверно бы было говорить об их последовательной жесткой линии на сопротивление, хотя они и почувствовали приближение нового мирового конфликта и склонялись к выбору политики сдерживания для обеспечения европейской безопасности. Впрочем, есть свидетельства, что после одобрения французским кабинетом проекта передачи Судет Германии Рейно и Мандель звонили президенту Бенешу, пытаясь уговорить его отказаться от англо-французского плана⁹³⁶. А близкий друг Манделя Р. Боллак утверждал, что слышал телефонный разговор между ним и президентом Чехословакии; в нем Мандель уверял, что в случае агрессии против чехов Англия, Франция и СССР окажут им поддержку: «Все последуют за вами, и Германия будет разбита [Францией и Великобританией – *Н.Ш.*] за 6 месяцев без помощи Муссолини и за 3 месяца с ним»⁹³⁷.

Следующим проявлением решительности двух министров стала их попытка уйти в отставку на фоне слухов, что Бонне, несмотря на решение кабинета не оказывать давления на Прагу, заявил чехам, что в случае их отказа от англо-французского плана они могут не надеяться на военную помощь Третьей республики. 22 сентября министр юстиции П. Рейно, министр колоний Ж. Мандель и министр по делам ветеранов О. Шампетье де Риб подали Даладьё прошения об отставке. Одновременно, они вступили в контакт с У. Черчиллем – сторонником жесткого курса в отношении Гитлера. Черчилль не поддержал инициативу трех министров об отставке,

⁹³⁶ *Bonnet G.* Op. cit. P. 250-251; L'Intransigeant. 9 mai 1948.

⁹³⁷ L'Intransigeant. 9 mai 1948.

аргументируя это тем, что «их жертва не сможет повлиять на ход событий, а французское правительство лишь ослабнет, лишившись двух [Рейно и Манделя – *Н.Ш.*] наиболее способных и решительных министров»⁹³⁸. В итоге, по словам П. Рейно, Даладье сумел убедить министров отозвать свои заявления, ссылаясь на начало частичной мобилизации и приближавшуюся войну, в условиях которых их «отставка была бы дезертирством»⁹³⁹. Правда, по воспоминаниям министра Ж. Зей, беседа состоялась еще до того, как те подали прошение об отставке⁹⁴⁰.

После второй встречи Чемберлена с Гитлером в Годесберге 22–23 сентября французская политическая элита узнала о новых требованиях – немецкой оккупации зон в Судетах без плебисцита и международных гарантий. На этот раз, казалось, Рейно и Мандель одержали победу, так как, пишет Ж. Зей, Даладье пообещал «в случае неспровоцированной агрессии [против Чехословакии – *Н.Ш.*] выполнение Францией своих обязательств»⁹⁴¹. В стране была объявлена частичная мобилизация, начались военные консультации с правительством Великобритании. Однако, как известно, затем ход событий привел к мюнхенской конференции. Голоса двух наиболее воинственных министров кабинета Даладье оказались не услышанными, и переломить общий настрой правительственного кабинета П. Рейно и Ж. Манделю не удалось. Их сопротивление ограничилось шумными аплодисментами А. де Кериллису во время его речи 4 октября в Палате депутатов против мюнхенского соглашения и политики «умиротворения».

На сторону Рейно и Манделя склонялся христианский республиканец Шампетье де Риб, долгое время с выбором окончательного курса колебался Даладье, не желал чрезмерных уступок немцам радикал Ж. Зей. Однако крыло «умиротворителей» во главе с Ж. Бонне было значительно влиятельнее и многочисленнее «военной» группировки, против которой консервативная

⁹³⁸ Черчилль У. Указ. соч. 302.

⁹³⁹ Reynaud P. Op. cit. Paris, 1951. P. 563.

⁹⁴⁰ Zay J. Op. cit. P. 9.

⁹⁴¹ Zay J. Op. cit. P. 15.

пресса развернула целую компанию. «Же сью парту» обвиняла Манделя в «заговоре против Франции и дела мира»⁹⁴². 29 сентября газета «Аксьон франсез» опубликовала переделанные строки «Интернационала», в которых призывала пустить пули в «Манделя, Блюма и Рейно»⁹⁴³. Подобные нападки продолжались на протяжении всего чехословацкого кризиса.

Другими представителями правого центра в Третьей республике были христианские демократы, в 1930-е не обладавшие значительным влиянием, но имевшие ярких лидеров. Один из них Жорж Бидо, будущий председатель Совета министров Четвертой республики, в 1931 г. вступил в Народно-демократическую партию и постепенно укрепился в политических кругах. Бидо оказался среди политиков, с неодобрением относившихся к действиям правительства по разрешению чехословацкого кризиса. Когда в сентябре 1938 г. стало известно о принятии англо-французского плана передачи Судет, он с негодованием заявил о недопустимости подобных жертв: «они не только огромны, но и делаются в ущерб государству, которое является союзником Франции»⁹⁴⁴. По мнению Бидо, было бессмысленно предоставлять новые гарантии «усеченной» Чехословакии после того, как Франция продемонстрировала ненадежность своих обещаний. Когда договор о взаимопомощи отодвигается на второй план одной из подписавших сторон, предложение последней о новом соглашении взамен разорванного не привлекает того, чье доверие обмануто. «Сегодня речь идет о том, чтобы отрубить чехам руки, руки, которые могли бы нас защитить. Мы предлагаем им после операции справку о том, что мы не будем резать им ноги»⁹⁴⁵.

Как и многие другие, рассуждая о мюнхенской конференции, Ж. Бидо в газете «Об» говорил о чувстве «избавления от страха войны», которое принесла эта новость, но главным лейтмотивом его выступления все-таки оставались те необоснованные жертвы, на которые пришлось пойти чехам, и

⁹⁴² Je suis partout. 30 septembre 1938.

⁹⁴³ L'Action française. 29 septembre 1938.

⁹⁴⁴ L'Aube. 20 septembre 1938.

⁹⁴⁵ Ibidem.

потеря надежного союзника. Единственным хоть сколько бы приемлемым объяснением таких действий он считал попытки руководителей Третьей республики получить гарантию избавления от большой европейской войны: «поймите ... они должны не откладывать войну на две недели, лишив нас союзника, а сделать её невозможной, перестроив мир»⁹⁴⁶. Но добиться этого французским политикам так и не удалось.

На обсуждении итогов мюнхенской конференции в парламенте 4 октября 1938 г. от Народно-демократической партии выступал депутат Франсуа Садюбре, выразивший «искреннее сочувствие» пострадавшим и оставшимся в одиночестве чехам⁹⁴⁷. По мнению Ф. Садюбре, войны удалось избежать в последний момент, благодаря решительным действиям Англии и Франции, которые провели мобилизации и дали Гитлеру понять, что одними угрозами ему не удастся победить. «Мы думаем, что такая же твердость, продемонстрированная ранее, смогла бы воспрепятствовать возрастающим требованиям Германии», – заявил депутат⁹⁴⁸. В ходе выступления он однозначно осудил действия П.-Э. Фландена на протяжении сентябрьских событий, продемонстрировавшие, что «Франция готова на мир любой ценой». Единственной возможностью предотвратить конфликты в будущем Ф. Садюбре считал объединение всех внутренних сил, их сотрудничество и добровольное поддержание дисциплины внутри страны, ибо невозможна внешняя политика, невозможны иностранные дружеские отношения, невозможен почетный и прочный мир, невозможно даже экономическое и финансовое восстановление для людей, которые «ввязались бы во внутреннюю борьбу»⁹⁴⁹.

Таким образом, политиков из партии христианских демократов можно отнести к тем, кто понимал реальность потенциальной войны, постепенно вырисовывавшейся на горизонте, и выступал за политику сдерживания для

⁹⁴⁶ Ibid. 29 septembre 1938.

⁹⁴⁷ Выступление Садюбре см. по: JO. Débats parlementaires. Chambre des Députés. 1938. P. 1542-1543.

⁹⁴⁸ Ibidem.

⁹⁴⁹ Ibidem. P. 1543.

обеспечения европейской безопасности. Несомненно, их нельзя назвать сторонниками решительного сопротивления, но они, делая выбор в пользу сохранения мира, не желали идти на чрезмерные уступки и полагали, что более твердая политика Англии и Франции, предотвратила бы передачу Судет Чехословакии.

Совершенно иные соображения, со значительно большим креном в сторону политики «умиротворения», высказывал лидер правоцентристской парламентской группы Демократических левых и независимых радикалов Шарль Гернье. Он не сомневался, что мюнхенское соглашение является «значительным сокращением стратегического [влияния – *Н.Ш.*] в сердце Европы. ... Завтра наше положение, что бы мы ни делали и чего бы ни хотели, значительно ослабнет»⁹⁵⁰. В то же время отказ от помощи чехам он считал необходимой мерой: «Мы не сожалеем об этих жертвах; мы благодарим правительство, что оно согласилось на них»⁹⁵¹. По убеждению Гернье и его сторонников, вражда между французами и немцами не была predetermined, и они смогут избежать вооруженных конфликтов друг с другом. В этих условиях, по мнению депутата, стоило прибегнуть к дипломатии и вооруженным силам. Однако он настаивал, что каковы бы ни были навыки дипломатов, они оказались бы «неэффективными без сильной и единой нации»⁹⁵². В связи с этим Ш. Гернье просил представителей политической элиты, «правые они или левые, забыть о борьбе и ссорах»⁹⁵³.

Пожалуй, именно среди правоцентристских политиков наблюдались чуть ли не самые активные сторонники «умиротворения», готовые на «мир любой ценой». Практически все члены Демократического альянса во главе с П.-Э. Фланденом, его парламентская фракция, значительная часть правительственного кабинета, а следом за ними ведущие газеты Третьей республики и простые граждане продемонстрировали согласие с политикой

⁹⁵⁰ Ibid. P. 1542.

⁹⁵¹ Ibidem.

⁹⁵² Ibidem.

⁹⁵³ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1542.

«умиротворения», с нарушением государственных обязательств, взятых на себя Третьей республикой, и с использованием Чехословакии в качестве разменной монеты. Причем многие политики и общественные деятели пошли на это без явного сожаления, окрыленные надеждой на примирение с Третьим рейхом, на возможность договориться с ним и тем самым забыть об угрозе войны, сосредоточив усилия на борьбе против «большевистской революции».

3.5. Взгляды французских консерваторов на проблему сохранения европейской безопасности в связи с чехословацким кризисом

Ведущую роль в рядах французских консерваторов играли лидеры правой партии Республиканская федерация во главе с Луи Мареном. Убежденные националисты, они традиционно разделяли антигерманские настроения. На страницах партийного органа, журнала «Насьон», консерваторы подчеркивали ту колоссальную угрозу для европейской безопасности, которая исходила из внешнеполитической программы Гитлера по объединению всех немцев в границах Третьего рейха: «Речь идет об объединении всех людей, говоривших на немецком языке... – то есть о создании государства, которое займет две трети нашего континента». И если это случится, предупреждал Марен, вторжение во Францию станет еще более вероятным, поэтому правительству следует «наладить работу и производство», «вооружиться и исправить преступные ошибки, допущенные некоторыми людьми в области авиации»⁹⁵⁴. Консерваторы делились с читателями мыслями о недопустимости какого-либо сотрудничества с Третьим рейхом в рамках международных коалиций по типу «Пакта четырех»: «Нам никогда не казалось возможным быть членом группы, к которой могла бы принадлежать Германия»⁹⁵⁵. Пойти на примирительные переговоры с Гитлером, считали лидеры Республиканской федерации, было бы равносильно признанию «требований Рейха о политическом контроле над Восточной Европой, то есть над двумя третями континента, и

⁹⁵⁴ La Nation. 23 avril 1938.

⁹⁵⁵ Ibidem.

территориальных требований в Африке»; это дало бы возможность «рейху доминировать настолько, что его потенциальные союзники стали бы не более чем обычными слугами»⁹⁵⁶.

Серьезные надежды консервативные правые политики возлагали на фашистскую Италию, стремясь любыми средствами добиться заключения с ней соглашения. После состоявшегося аншлюса Австрии в марте 1938 г. на страницах журнала «Насьон» они писали: «мы все же верим, что с этого момента Италия явно почувствует, что «ось [Берлин – Рим] – *Н.Ш.*] больше не соответствует её интересам; что, напротив, в будущем ей придется защищаться от Германии. Все должно быть сделано, чтобы это чувство воплотилось бы в жизнь. Недоразумения, существующие между нашей страной и ее соседом в Альпах, носят моральный характер. Поэтому их можно легко рассеять. Франко-англо-итальянское соглашение принесет трем странам всевозможные преимущества, которые им не может дать никакой другой механизм, и станет лучшей гарантией мира для Европы. Мы никогда не переставали желать этого соглашения»⁹⁵⁷. По убеждениям лидеров Республиканской федерации, присоединение Австрии к Германии в скором времени оттолкнет Италию от союза с последней, так как это «не только стоит Италии ее престижа и политического влияния в Дунайской и Балканской Европе, но и ставит под угрозу ее экономическое благополучие»⁹⁵⁸.

Марен и его сторонники надеялись на скорое завершение гражданской войны в Испании и победу Франко, за которой последовало бы «потепление» в отношениях с Муссолини. Они оправдывали участие итальянских военных в конфликте тем, что те якобы приехали воевать на Пиренейский полуостров в частном порядке. Это добровольцы, нанятые за границей. Не имеет значения, что они сгруппированы на театрах военных действий в определенных формированиях по национальностям, не имеет значения, что они находятся под особым надзором или что они отвечают за технические действия,

⁹⁵⁶ Ibidem.

⁹⁵⁷ Ibidem.

⁹⁵⁸ Ibid. 25 juin 1938.

например, авиации: их положение по закону остается таковым, каким мы его только что определили. «Когда г-н Муссолини воспекает победы граждан своей страны в Испании, он только прославляет доблесть своих соотечественников и тем более радуется их мужеству, поскольку они участвует в торжестве дела, которое он считает дорогим для себя»⁹⁵⁹.

Эти две основополагающие идеи – антигерманизм и необходимость сближения с Италией – чаще всего озвучивались в выступлениях руководителей Республиканской федерации. Но существовал и третий, пожалуй, определяющий для их позиции принцип – антикоммунизм. Невзирая на всю ненависть к Германии, Марен и его сторонники главным бедствием для Франции считали её возможное сближение с СССР и, как они называли её, «пятую колонну» в виде ФКП и рабочих. К разрушителям французской национальной традиции консерваторы относили также социалистов с Л. Блюмом. В начале мая 1938 г. Марен открыто призвал к отказу от политики Народного фронта, к возрождению уважения «закона, свободы, семьи, интеллектуальных и духовных ценностей, сбережений, порядка, патриотизма». По его словам, Франция «не может производить больше, работая меньше; не может продолжать тратить больше, чем имеет»⁹⁶⁰. Правительственные мероприятия Народного фронта правые рассматривали как реальную и серьезную угрозу для безопасности Франции: «[они – *Н.Ш.*] подрывают внутреннее единство, будоражат рабочих, усиливают риск революции и тормозят перевооружение страны»⁹⁶¹.

По словам руководства Республиканской федерации, «друзья Москвы, которые, конечно, называют себя антифашистами, объявляют себя прежде всего «антигитлеровцами» и, справедливо заявляют: “Враг № 1 – это рейх”»⁹⁶². Только в международной жизни, отмечали консерваторы, СССР чаще всего атакует не рейх, а Италию. По словам газеты «Насьон», «Москва, которая

⁹⁵⁹ Ibid. 2 juillet 1938.

⁹⁶⁰ Ibid. 7 mai 1938.

⁹⁶¹ Ibidem.

⁹⁶² Ibid. 30 avril 1938.

почти не протестовала по поводу аншлюса Австрии, не прекращала подвергать критике [Италию – *Н.Ш.*] в связи с конфликтом в Эфиопии»⁹⁶³. Марен подозревал, что СССР и гитлеровская Германия, пользуясь слабостью своих противников могут разделить сферы влияния в Европе и колониях. По его мнению, если Англия, Франция и Италия сохранят свою разобщенность, Германия нападет на одну из них, и если «в то же время сторонники Советов спровоцируют революционное движение в этой стране», она потерпит поражение, а рейх, «усилившись, немедленно возьмёт верх над двумя другими». Тогда в разных частях планеты возникнет тенденция к разделению сфер влияния между Берлином и Москвой, которые найдут там, в зависимости от обстоятельств, или территориальные приобретения, или политическое и экономическое влияние без какого-либо противодействия⁹⁶⁴. Критикуя коммунизм, Марен и его сторонники видели в нем совокупность отрицательных черт, которыми они наделяли левую идеологию – демонстрации и стачки, срывающие производство, нескончаемые выступления социальных низов, подрыв основ существовавшей в Европе буржуазной системы, диктатура пролетариата, тирания против зажиточных слоев населения, внутренний раскол общества и потенциальная гражданская война с гибелью большего числа людей, примером чего для них являлась соседняя Испания.

Чехословацкий вопрос в рядах Республиканской федерации стал активно обсуждаться с весны 1938 г. Политики считали, что во многом Прага сама была виновата в трудностях, выпавших на ее долю: вела враждебную политику по отношению к Венгрии, «рассорилась с Польшей, заняв войсками Тешенскую Силезию [по итогам Первой мировой войны – *Н.Ш.*]»⁹⁶⁵. Однако главным для консерваторов являлись не поиски виновных в разраставшемся кризисе, а понимание того, какую угрозу он нес для Франции. Они задавались вопросом, могла ли Третья республика позволить Германии подчинить

⁹⁶³ Ibidem.

⁹⁶⁴ Ibidem.

⁹⁶⁵ La Nation. 7 mai 1938.

Чехословакию, ведь если рейх сделает Чехословакию своим «сателлитом» или если путем вторжения и завоеваний он поглотит её, то это будет тринадцать миллионов человек, богатства почвы и недр, большое количество хорошо оборудованных заводов, которые присоединятся к «немецкой военной мощи и будут служить её генеральному штабу»⁹⁶⁶.

Единственной возможностью защитить Францию и поддержать европейскую безопасность во все более обострявшейся международной ситуации Л. Марен видел усиление военного потенциала Третьей республики: «У дипломатии есть свои достоинства; её ценность заключается в бдительности её взгляда и богатстве её информации, надежности её методов; но её эффективность зависит от мощи... прежде всего, в военной сфере тех стран, от имени которых она говорит. Печальное доказательство этого было дано 7 марта 1936 г. [ре милитаризация Рейнской области – *Н.Ш.*], в день, когда престижу Франции и ее безопасности был нанесен самый тяжелый удар со времен 1918 г.»⁹⁶⁷. Укрепление военной мощи Третьей республики Марен считал срочной необходимостью, на фоне быстро развивавшейся военной машины Германии, которая вооружается «безумными темпами». Германия, по его мнению, превратилась в военную фабрику, в склады сырья и продуктов питания в преддверии затяжного конфликта; за несколько лет она создала и без того огромную армию, которую «она увеличивает каждый день; она подчинила воспитание детей и дисциплину гражданской жизни единственной цели – агрессии»; её институты и её режим, вся таинственность, которую она распространяет в умах людей, вся пропаганда и внешние действия, которые она осуществляет, направлены «на одну и ту же цель». Она не скрывает ни своих устремлений, ни своих методов, основанных «на силе и полностью игнорирующих право и данное слово»; она склоняет к этому целый народ. Она также не скрывает, что, если она принимает бой, то предпочитает обладать такой силой, чтобы её партнеры под страхом неизбежного поражения

⁹⁶⁶ Ibidem.

⁹⁶⁷ Ibid. 14 mai 1938.

«вынуждены были уступить всем требованиям»⁹⁶⁸. Марен призывал заставить рейх бояться предпринимать подобные меры. Во время обострения конфликта в Судетской области в 20-х числах мая 1938 г. члены Республиканской федерации доказывали, что рейх намеревался установить в Чехословакии федеративное устройство для превращения Судет в оплот нацизма и тем самым контролировать всю страну. «Если же рейх нападет на Чехословакию, это... станет для него лишь предлогом для развязывания всеобщей войны»⁹⁶⁹.

Марен с одобрением встретил решительные действия пражского правительства и англо-французской дипломатии с целью пресечения выступлений сторонников Генлейна в Судетах. После ремилитаризации Рейнской области и аншлюса Австрии Германии, утверждал он, наконец-то был дан отпор. Мобилизация чехов «показала всему народу волю к защите от насилия, даже ценой войны и в исключительно опасных условиях»⁹⁷⁰. Лидер Республиканской федерации извлек для себя три урока из произошедших событий: впервые за 15 лет с момента оккупации Рура Германия встретила решительное сопротивление; имела место «демонстрация того, что западные страны в состоянии объединиться не только тогда, когда бывает слишком поздно, но и когда еще можно предотвратить катастрофу»; была подтверждена «важность твердости в международных переговорах. [А также – *Н.Ш.*] необходимость того, чтобы за словами стояла сила, способная их подкрепить»⁹⁷¹. По словам Марена, подобная ситуация сложилась после многочисленных уступок и кризисов, в обстановке, когда США отделились от Европы, а победители в Первой мировой войне «трусливо отказывались от плодов своей победы», когда по Европе распространялись разрушительные революции, спровоцировавшие возрождение тоталитарных режимов, подтолкнувшие некоторые государства к той грани, за которой человеческая свобода и достоинство стали менее уважаемыми, «чем во времена

⁹⁶⁸ Ibidem.

⁹⁶⁹ Ibid. 28 mai 1938.

⁹⁷⁰ Ibid. 4 juin 1938.

⁹⁷¹ Ibidem.

Навуходоносора или Нерона... мы пассивно переносили марксизм, несмотря на те бедствия, которые он сеял повсюду, советизм, несмотря на кровь, которую он проливал»⁹⁷². Последовательные антисоветские убеждения и излишняя надежда на союз с Италией не позволяли Марену увидеть путь к возможному построению системы сдерживания Германии при дальнейшей активизации сотрудничества Франции и Советского Союза, особенно важного в условиях, когда Великобритания выбрала стратегию «умиротворения».

Помимо деятелей Республиканской федерации лагерь правых представляла малочисленная, но активная парламентская группа независимых республиканцев, среди которых особо выделялись депутат Анри де Кериллис и министр колоний Ж. Мандель. Как и члены Республиканской федерации, Кериллис и Мандель видели в Германии серьезную угрозу для Франции. На страницах своей газеты «Эпок» А. де Кериллис постоянно требовал защитить Чехословакию. Политик с восторгом приветствовал действия Э. Даладье и Ж. Бонне во время их визита в Лондон в конце апреля 1938 г., когда они энергично защищали позицию Франции по чехословацкому вопросу, продемонстрировали своим английским коллегам, что Франция не может отказаться ни от своей подписи 1925 г. под франко-чехословацким договором, ни от нации, политическое и стратегическое значение которой имеет первостепенную важность в Европе. Более того, они доказали, что Франция и Англия, при условии их объединения, «могут спасти чехословацкое государство и объединить находящиеся под немецкой угрозой Югославию, Румынию, Польшу»⁹⁷³. По мнению де Кериллиса, Гитлер, как когда-то Бисмарк, стремился поодиночке разгромить своих противников: «план Германии состоит в том, чтобы поглотить или сокрушить народы вокруг нее один за другим. Он начинает с самых слабых: сначала Австрии, затем Чехословакии; завтра, без сомнения, настанет очередь Балтии; послезавтра, возможно, Венгрии или Польши»⁹⁷⁴. К тому же, подчеркивал политик, если

⁹⁷² Ibidem.

⁹⁷³ L'Époque. 30 avril 1938.

⁹⁷⁴ Ibidem.

Чехословакия «падет, под ударом окажется вся Европа. Венгрия будет окружена. Польша и Румыния столкнутся с угрозой. Немецкий динамизм станет непреодолимым. Никто больше не посмеет даже планировать создать коалицию против Берлина. В зависимости от имеющихся сил народы или смирятся с рабством, или начнут готовиться, каждый в своем углу, к защите без какой-либо надежды [на победу – *Н.Ш.*]. После гибели Чехословакии больше не будет Европы; останется только Германия, ее жертвы и ее вассалы»⁹⁷⁵.

Важным отличием в воззрениях А. де Кериллиса и представителей Республиканской федерации было его отношение к Советскому Союзу. В противовес большинству консерваторов он считал крайне важным сотрудничать с СССР для совместного противостояния немецкой агрессии. По признанию Кериллиса, он «всегда считал, что в случае конфликта вклад СССР в [создание – *Н.Ш.*] антинемецкой коалиции имел бы первостепенное значение. Я всегда утверждал, что Россия может реально помочь Чехословакии и странам Центральной Европы, которые хотят защитить себя от рейха. Поэтому я бы сильно огорчился, увидев, как СССР переходит на сторону [Германии – *Н.Ш.*], а Сталин попадает в объятия Гитлера»⁹⁷⁶. Но, конечно, определяющую роль де Кериллис отводил союзу с Великобританией: «если бы нам навязывали выбор: Лондон или Москва, мы не имели бы права колебаться ни одной секунды. Ответ должен быть таким: Лондон»⁹⁷⁷. По убеждению консервативного политика, в отличие от непредсказуемого Советского Союза, реальные военные возможности которого до конца неизвестны, Англия – «это господство на море, это авиация, которая быстро возвращает себе лидирующие позиции в Европе, это мировая империя с непоколебимой верностью Родине и ее ресурсам, это колоссальная финансовая и экономическая власть... это возможность прочного сближения с Италией, которое гарантировало бы нам неоспоримое превосходство в

⁹⁷⁵ Ibid. 30 avril 1938.

⁹⁷⁶ Ibid. 19 mai 1938.

⁹⁷⁷ Ibidem.

Средиземноморье; наконец, это идеал, близкий к нашему, за который мы уже вместе боролись»⁹⁷⁸.

Кериллис придерживался схожих с Республиканской федерацией взглядов на события мая 1938 г. Он признавал, что несмотря на отсутствие уверенности в том, что Англия и Франция смогут избежать войны, поддержав Чехословакию, они заняли позицию, которая в конечном итоге представляет собой наилучший шанс обратить вспять катастрофу. Позволив Германии задушить еще один слабый народ в Европе, они продемонстрировали бы «свой моральный и военный упадок»; они были бы дискредитированы в концерте наций; после чего они быстро «стали бы следующей добычей победителя»⁹⁷⁹. Кериллис, в отличие от лидеров Республиканской федерации, очень часто ссылавшихся на ошибки левых правительств и слабость французской военной машины, не был склонен искать виновных в возросших проблемах страны и акцентировал внимание правительства и широкой общественности на необходимости своевременно преодолеть европейский кризис, связанный с судьбой Судет.

По мнению политика, развернувшиеся в Москве репрессии, безусловно, являлись крайне тревожным знаком, но в контексте сложившейся международной ситуации отходили на задний план, уступая первое место вопросу: «Что сделает Россия, если завтра разразится война?»⁹⁸⁰. Кериллис считал ошибочными мнение, что СССР из-за своей военно-технической слабости, о которой регулярно говорили многие политики и общественные деятели, будет стремиться любыми путями избежать участия в конфликте и выжидать, пока его участники не ослабят друг друга, чтобы затем развязать всеобщую революцию, так как, во-первых, дезорганизация России — это явление, которое никогда не мешало ей участвовать во всех великих европейских войнах. «Примеры России и бывшей Австро-Венгрии скорее доказывают, что чем больше империям грозит внутренний распад, тем легче

⁹⁷⁸ Ibid. 19 mai 1938.

⁹⁷⁹ L'Époque. 25 mai 1938.

⁹⁸⁰ Ibid. 14 juin 1938.

их втягивать в великие международные водовороты». Вдобавок, коммунистическая революция смогла изменить многое в России, но никоим образом не изменила интересы, постоянные противоречия, которые всегда будут определять жизнь русского народа, «независимо от его политического режима»⁹⁸¹. По убеждению Кериллиса, в случае начала войны СССР немедленно развернет боевые действия, так как победа Гитлера стала бы «грандиозной катастрофой для славянства, которая наложилась бы на грандиозную катастрофу для всей коммунистической идеологии»⁹⁸².

Важным событием, привлечшим внимание французских консерваторов в середине лета стал визит английской королевской четы во Францию. Правые отмечали, что этот визит очень показателен, ибо «главное, чтобы поджигатели войны увидели: “если они начнут жестокое предприятие [войну – *Н.Ш.*], они обнаружат, что Франция и Великобритания стоят перед ними рука об руку”»⁹⁸³. Сближение двух государств, надеялся Фернан Лорен, депутат от Парижа и представитель фракции независимых республиканцев, создавало почву для их последующего сотрудничества с фашистской Италией⁹⁸⁴.

Вместе с тем, в среде французских консервативных политиков всё громче звучали антисоветские речи. Так, вице-президент Республиканской федерации Камиль Блэзо в июле 1938 г. уверял единомышленников, что именно «здоровый консерватизм» правых не даёт Народному фронту «ввергнуть страну в кровавые конфликты, которые были бы на руку революционным замыслам Москвы»⁹⁸⁵. Это могло бы случиться в ходе гражданской войны в Испании, где, по мнению партии, коммунисты развязали широкую революционную деятельность, которую Франко «хватило смелости» предотвратить, «помешав большевизации Европы». Трудно говорить о мире,

⁹⁸¹ Ibidem.

⁹⁸² L'Époque. 14 juin 1938.

⁹⁸³ La Nation. 23 juillet 1938.

⁹⁸⁴ Ibid. 30 juillet 1938.

⁹⁸⁵ Ibid. 9 juillet 1938.

считал Блэзо, когда на многочисленных манифестациях коммунисты выкрикивают: «Самолеты и пушки для Испании!»⁹⁸⁶.

Позиция Республиканской федерации постепенно становилась всё более четкой – помешать нацистской экспансии с помощью решительных действий, подкрепленных экономической и военной мощью Франции, для достижения чего требовалось немедленно отказаться от подтачивавшей основы финансовой системы республики социальной политики кабинетов Народного фронта. По уверениям консерваторов, добиться свертыwania социальных реформ в текущей момент вряд ли удастся на фоне возраставшей «красной» опасности, «грозившей» ввергнуть всю Европу в череду большевистских революций и перед которой меркла даже опасность немецкого реваншизма. В итоге стремление к решительному противостоянию Гитлеру вступало в противоречие с боязнью ввязаться в европейскую войну «под эгидой коммунистов», а значит – в интересах Москвы. Во многом именно это противоречие не позволило лидерам Республиканской федерации занять последовательную антигитлеровскую позицию во время обострения чехословацкого кризиса в сентябре 1938 г.

В начале осени Марен ссылался на невозможность предпринять конкретные действия ввиду нехватки необходимой информации о внешнеполитической ситуации. 17 сентября он обвинил правительство Даладье в том, что уже три года не публиковались «желтые книги»⁹⁸⁷, несмотря на произошедшие значимые события: оккупацию Рейнской области 7 марта 1936 г., аншлюс, попытку вторжения в Чехословакию 21 мая 1938 г. Вместо подробного анализа причин трех международных проблем, возмущался политик, он слышит пространные правительственные рассуждения о том, что публикация официальных документов, касавшихся событий, которые сохранили актуальный характер и по-прежнему, в той или иной форме, являются предметом дипломатических переговоров, может

⁹⁸⁶ Ibidem.

⁹⁸⁷ Собрание документов по внешней политике, которое правительство предоставляет парламентариям.

помешать правительству действовать и поставит под угрозу результаты его политики⁹⁸⁸. Именно это, утверждал Марен мешало ему и его окружению выработать четкую линию поведения в вопросе поддержания европейской безопасности.

Консерваторы напоминали французам, что Гитлер пришел к власти без использования военной силы, а по итогам всеобщих выборов. По их убеждению, проголосовавшие за нацистов избиратели понимали, что «зверства, убийства и злоупотребления всех видов, совершенные Национал-социалистической партией» составляют суть её деятельности и лягут в основу нового политического режима. В тот день, когда французы осознают «угрозу от Германии, мы будем спасены, потому что, наконец, будем настороже и в безопасности от неожиданностей коварного врага», – писал консервативный журнал «Насьон»⁹⁸⁹. 17 сентября парламентская группа Республиканской федерации выступила с призывом – для подготовки к будущим неизбежным сражениям – «интенсифицировать производство вооружений и создание основных оборонных запасов», а также подготовку запасов топлива и другого стратегического сырья⁹⁹⁰.

В ходе сентябрьского обострения чехословацкого кризиса и требования Гитлера присоединить Судеты к Германии руководство Республиканской федерации много рассуждало о виновных в военно-технической слабости Франции – тех, кто не предотвратил роста военной мощи Германии и препятствовал перевооружению Третьей республики на фоне широковещательных пацифистских заявлений. Л. Марен отмечал, что его партия никогда не участвовала в подобной политике: «ее программа была ясной, простой, на каждом этапе призывала не дать Германии восстановить свои силы; депутаты партии голосовали против всех предложений о сокращении военного потенциала Франции»⁹⁹¹. Вину за отставание Третьей

⁹⁸⁸ La Nation. 17 septembre 1938.

⁹⁸⁹ Ibidem.

⁹⁹⁰ Ibidem.

⁹⁹¹ Ibid. 24 septembre 1938.

республики он возложил на левые объединения: «история непременно покажет, и наши сограждане скоро по большей части согласятся, что выборы 1936 г. явились одной из самых катастрофических случайностей за всю историю Франции»⁹⁹². В Республиканской федерации считали, что Народный фронт препятствовал внутреннему миру и стремился использовать нараставшее международное напряжение для подготовки революции внутри страны, провоцировал рабочих на забастовки, чему следовало помешать любой ценой, так как пока в стране не царит порядок; пока закон попирается ногами; пока улица является ареной для насилия, пока правительство поддерживает нарушителей спокойствия, противники Франции будут торжествовать, а «за этим кризисом последуют другие, пока мы не начнём проводить политику, полностью противоположную тому, что осуществлялось... в течение последних двух лет»⁹⁹³.

Марена и его соратников возмутили слова Блюма о том, что «он разрывается между трусливым облегчением и стыдом» после того, как Прага 21 сентября приняла англо-французский план, так как «в течение многих лет Блюм и его друзья не прекращали саботировать национальную оборону, дестабилизировать наши союзы, разрушать нашу экономику»⁹⁹⁴. Именно социалисты, утверждали правые, выступали против увеличения срока службы, препятствовали сближению Франции с Италией и согласились на ремилитаризацию левого берега Рейна в нарушение Версальского и Локарнского договоров. Одновременно с критикой политической линии социалистов начались нападки в адрес ФКП.

К сентябрю 1938 г. антикоммунизм в рядах Республиканской федерации окончательно взял верх над антигерманизмом, что выразалось в их уверенности в существовании только одной партии войны – «клана, в который входят коммунисты, профсоюзные деятели, подчиняющиеся Москве,

⁹⁹² Ibidem.

⁹⁹³ Ibidem.

⁹⁹⁴ Ibidem.

декадентская интеллигенция»⁹⁹⁵. Без драматических событий Первой мировой войны не случилось бы, уверяли правые политики, установления большевистского режима в России, именно поэтому для его укрепления и распространения идей революции СССР стремился развязать новую войну. К сентябрю резко увеличилось количество выступлений и публикаций членов Республиканской федерации о росте революционного движения и грядущей «большевизации Франции». Несмотря на патриотические заявления о необходимости противостоять нацистской Германии и понимания неминуемой угрозы для Франции в случае усиления Третьего рейха, – о чем говорили лидеры партии с самого начала чехословацкого кризиса, — главным врагом Третьей республики оставались коммунисты, а в речах Марена и его сторонников постепенно появились призывы к «миру с Германией».

24 сентября парламентская фракция Республиканской федерации выпустила заявление: «Глубоко убежденная в том, что мир можно и нужно спасти, группа Республиканской федерации более чем когда-либо возлагает свои надежды на национальную гармонию и тесное сотрудничество Франции и Англии [в переговорах с Германией – *Н.Ш.*]»⁹⁹⁶. В нем резкой критике подверглись левые партии, «которые, не замечая серьезности событий, упорствуют в сохранении социальных волнений в стране, что в нынешних обстоятельствах является настоящим предательством»⁹⁹⁷.

В итоге между войной, «выгодной коммунистам», и примирением с Третьим рейхом выбор был сделан в пользу последнего. Марен понимал, что Германия представляет собой колоссальную угрозу европейской безопасности, и опасался, что однажды французам придется с ней воевать. Но на текущий исторический момент такая война оказалась бы губительной для Франции, став поводом к революции, которым обязательно бы воспользовался международный коммунизм. Именно поэтому лучшим из возможных исходов он считал «оттягивание времени». 1 октября Л. Марен писал в газете

⁹⁹⁵ Ibidem.

⁹⁹⁶ Ibidem.

⁹⁹⁷ Ibidem.

«Насьон», что «дьявольский международный клан» любой ценой намеревался развязать мировую войну, в которой основной удар пришелся бы на Францию. «Эта война имела своей главной целью торжество жестокой революции Москвы; результатами стали бы ужасные развалины Европы, Цивилизации, нашей Страны. В то время как лицемерие, усилия, золото этих поджигателей войны, внутренних и внешних, распространились повсюду в умах, радио, прессе, активность тех, кто был полон решимости сохранять мир, позволила воспрепятствовать фатальному ходу событий». Вывод лидера Республиканской федерации сводился к следующему: «Франция не может быть снова разорена. Мы не можем за наш счет предлагать миру битву на Марне каждые 20 лет»⁹⁹⁸.

При этом, разумеется, Республиканская федерация не поменяла свое настороженное отношение к Германии. По мнению депутата департамента Нор Анри Бекара, «не имеет значения [кто находится у власти – *Н.Ш.*], Бисмарк или Вильгельм II, Гитлер или Штресман, Брюнинг или Гинденбург; за этими мимолетно сменяющимися масками располагается неизменная [враждебная Франции – *Н.Ш.*] Германия. Франция была бы уверена в своей безопасности, а Европа – в сохранении мира лишь тогда, когда Германию держали, пусть даже силой, в состоянии раздробленности»⁹⁹⁹.

Консерваторы не верили обещаниям Гитлера отказаться после присоединения Судет от всех территориальных претензий в Европе и предоставить гарантии сокращенной в размерах Чехословацкой республики: «как можно было придавать значение этим прекрасным словам, когда достаточно было вспомнить все подобные обещания, данные Гитлером, обещания, которые он не сдержал ... [речь идет об обещаниях Гитлера не проводить аншлюс Австрии и не посягать на целостность Чехословакии – *Н.Ш.*?]»¹⁰⁰⁰. Марен и его сторонники выражали надежду, что после Мюнхена во Франции и Англии смогли увидеть истинное лицо Германии, и теперь,

⁹⁹⁸ Ibid. 1 octobre 1938.

⁹⁹⁹ Ibidem.

¹⁰⁰⁰ Ibidem.

после того, как «державы-победительницы совершали ошибки в течение двадцати лет, укрепляя Германию своими собственными руками», идя ей на всевозможные уступки, за которыми вместо благодарности следовали новые требования, наконец-то будет установлено «совместное сопротивление амбициям Третьего рейха»¹⁰⁰¹.

По мнению де Кериллиса, все правые газеты, призвавшие «отказаться от Праги», шли на поводу у нацистской пропаганды и незаметно для себя заговорили её словами и в выгодном ей тоне, ровно как и те, кто, понимая нависшую опасность, из-за страха проиграть потенциальную войну выбрали путь капитуляции: «Эта пораженческая идея, выдвинутая с целью эксплуатации трусости и страха, посеяла хаос даже в националистских кругах, смысл существования которых состоит в том, чтобы поддерживать как праведные представления о чести, так и мужественную веру в судьбу отечества»¹⁰⁰². Единственным шансом обеспечить европейскую безопасность считал де Кериллис, было единство антигерманских сил, включая СССР, и их непреклонная твердость перед всеми угрозами фюрера. Вместо того, чтобы устраивать переговоры, утверждал политик, «главе французского правительства или министру иностранных дел, пост которых мог бы занимать решительный деятель, следовало позвонить немецкому послу и заявить: “Вы проводите мобилизацию. Я провожу ответную. Каждая ваша мера будет встречена соответствующей мерой с нашей стороны ... Вы собираетесь напугать нас угрозой воздушных бомбардировок: сегодня я начинаю эвакуацию Парижа ... У вас есть надежда форсировать нашу линию обороны. Вы не пройдете больше, чем прошли в Вердене ... Более того, если вы нападете на Чехословакию, мы будем ее защищать ... Если вы хотите войны, у вас будет война ... Если вы хотите мира, у вас будет мир”»¹⁰⁰³.

Споры между представителями правого лагеря продолжились в ходе парламентских дебатов по итогам мюнхенской конференции. Выступая 4

¹⁰⁰¹ Ibidem.

¹⁰⁰² L'Époque. 20 septembre 1938.

¹⁰⁰³ Ibid. 24 septembre 1938.

октября 1938 г. на специальной парламентской сессии, глава Республиканской федерации Л. Марен поблагодарил председателя Совета министров, подписавшего мюнхенское соглашение, за предотвращение войны, ибо «мир нужно спасать во чтобы то ни стало»¹⁰⁰⁴. Однако политик тут же призвал извлечь уроки из мюнхенской конференции. Он еще раз потребовал предоставления депутатам всей необходимой информации о внешнеполитическом курсе правительства: во время обострения кризиса отсутствовали «документы или официальная карта с отмеченными требованиями Гитлера, которые позволили бы нам оценить, что было согласовано, затем, что было неприемлемо и содержало риски начала войны, затем, что было принято».

Дипломатия, по убеждению Марена, не состоит в том, чтобы «выбирать между попыткой избежать войны и капитуляцией перед противником». Он был категорически не согласен с курсом политики уступок, проводившегося с 1935 г., указывая на ее негативные последствия: Третий рейх начинает перевооружаться, вновь занимает левый берег Рейна, несмотря на все договоры и обязательства, и «все позволяют ему это делать, потому что он претендует на обладание силой и, как минимум, смелостью». Лидер Республиканской федерации напоминал остальным депутатам: «[не удастся избежать войны – *Н.Ш.*], если мы по существу не проявим способность противостоять грубой силе».

Политические деятели из Республиканской федерации стали той частью французской политической элиты, которая не одобряла положения мюнхенского соглашения и не желала видеть усиление Германии, но в силу, как тогда ей казалось, объективных причин она не решилась открыто выступить против действий правительства Даладье. На политику Народного фронта консерваторы возлагали вину за слабость военной мощи Третьей республики и ее неготовность вступить в войну («заводы долгое время простаивали», «необходимое количество вооружения и самолетов не

¹⁰⁰⁴ Речь Марена см. по.: JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1532.

изготавливается»). Этими же доводами Марен пытался аргументировать «примирительную» линию своей партии. В итоге председатель Совета министров не смог найти в лице ведущей правой партии, которая оказалась в лагере «мюнхенцев» сторонников жесткой линии по отношению к Германии и поддержания европейской безопасности механизмами сдерживания. Откровенное нежелание идти на какое-либо взаимодействие с Советским Союзом на международной арене и с французскими левыми внутри страны затрудняло возможность создания эффективной антигерманской коалиции и сохранения европейской безопасности. Вместо этого Республиканская федерация возлагала ошибочные надежды на укрепление отношений с Италией, которая, по её мнению, могла бы стать надежным инструментом противостояния Германии.

В ходе парламентских дебатов 4 октября против доводов Республиканской федерации выступил де Кириллис, заявивший, что «председатель Совета министров и по совместительству военный министр уже два с половиной года знал о состоянии французской армии, в том числе и когда он подтвердил перед всеми обещание [поддержать Чехословакию – *Н.Ш.*]»¹⁰⁰⁵. Де Кериллис стал единственным правым депутатом, кто проголосовал против ратификации мюнхенского соглашения. В ответ на доводы многих депутатов от правоцентристского Демократического альянса, предпочитавших «позорный мир» войне, политик сказал: «Все наводит на мысль, что Германия была не в состоянии вести войну и, как я вам и говорил, она преуспела, пользуясь только сложившейся ситуацией и страхом, который она породила среди французов и англичан». По его мнению, «когда надвигается война, лидерам общественного мнения и представителям народа дозволено только одно отношение [к ней – *Н.Ш.*], которое состоит в проповеди единства и возвеличивании храбрости». В завершении своего выступления он констатировал, что «этот мир [речь идет о мюнхенской конференции – *Н.Ш.*] навсегда аннулирует плоды победы 1918 г.; этот мир означает отказ от нашей

¹⁰⁰⁵ Речь А. Де Кериллиса см. по.: JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1536.

исторической политики, от нашей традиционной политики, которая продолжалась непрерывно на протяжении веков в целях поддержания европейского баланса». Несмотря на всю решительность и справедливость высказываний, А. де Кириллис оказался лишь одним из немногих правых политиков, готовых пойти на крайние меры, включая механизмы сдерживания для поддержания европейской безопасности. Разумеется, он не хотел новой войны, но в отличие от своих коллег по политическому лагерю отдавал себе отчет в том, что избежать её можно, лишь проявив твердость перед гитлеровской политикой «запугивания», а никак не уступки. Его не пугала большевистская революция, в которую он слабо верил. Лишенный всякой поддержки в своем политическом лагере – многие правые, как и большинство представителей других политических сил, требовали «умиротворения» любой ценой – он не смог повлиять на внешнеполитический курс правительства. Л. Марен и его сторонники не предприняли никаких шагов, чтобы объединиться с теми, кто не желал видеть победный марш Третьего рейха в Европе, продолжая разрываться между жалобами на отсутствии информации о происходящем на международной арене, гневными выкриками в адрес Германии, стенаниями по поводу военной отсталости страны и противостоянием с «красными», якобы толкавшими Францию к революционной войне. В результате, французский традиционный правый лагерь не сумел собрать под своими знаменами противников политики примирения и уступок.

3.6. Позиция руководства крайне правых партий «Аксьон франсез» и Социальной партии в вопросе поддержания европейской безопасности

Анализирую общественно-политические дискуссии о поддержании европейской безопасности и путях преодоления чехословацкого кризиса нельзя не остановиться на позиции крайне правых объединений, которые хотя и были слабо представлены в парламенте в 1930-е гг., но играли важную роль на политической арене и, безусловно, влияли на общественное мнение. Партия «Аксьон франсез» (АФ) как одно из ведущих националистических

объединений крайне правых являлась деструктивным элементом политической системы Третьей республики. Известный французский исследователь Р. Ремон, характеризуя деятельность АФ, говорил, что она «тайным и бессознательным образом [воздействовала – *Н.Ш.*] на широкие слои общественного мнения», и сумела занять особое место на политической сцене Франции первой половины XX века; «Аксьон франсез» возродила терявший влияние роялизм и его доктрину, придала «националистическим страстям систему мышления» и отважилась на «их оригинальный синтез»¹⁰⁰⁶.

Основатель движения Шарль Моррас и его последователи, ярые противники парламентаризма, как уже говорилось, неустанно призывали отказаться от «бесполезного» строя и возродить монархию. Националисты, противники «наследственного врага» Франции и возрождения германской мощи, как ни парадоксально, во время чехословацкого кризиса не стали призывать к сопротивлению требованиям рейха. Много в позиции партии по внешнеполитическим вопросам определялось ее убеждением в том, что крайне тяжелое положение, в котором оказалась страна в конце 1930-х гг., являлось следствием «политики [левоцентристских кабинетов – *Н.Ш.*] Народного фронта, республиканской идеологии и двух зловещих правлений кабинетов Блюма»¹⁰⁰⁷. Моррас с гневом писал о несчастной Франции, пострадавшей из-за «полутора веков анархической эрозии и апофеоза политического индивидуализма, моральной недисциплинированности и интеллектуального упадка»¹⁰⁰⁸. Социализм представлялся Моррасу «доктриной нищеты и разорения, разрушающей в то же время общественное благосостояние из-за расточительства», которая наряду с диктатурой, подобной диктатуре времен Робеспьера или Бонапарта не подходила Франции¹⁰⁰⁹. Соответственно, своей главной целью лидер интегрального национализма считал избавление государственного режима «от

¹⁰⁰⁶ *Rémond R.* Op. cit. Philadelphia, 1966. P. 253.

¹⁰⁰⁷ L'Action française. 30 avril 1938.

¹⁰⁰⁸ Ibidem.

¹⁰⁰⁹ Ibid. 1 mai 1938.

парламентаризма, марксистского и еврейского рабства»¹⁰¹⁰. Подобные выступления лишь усугубляли кризисные явления в политической системе Третьей республики, ярко проявившиеся уже в середине 1930-х гг.

Во внешней политике во главу угла ставились национализм и яростный антикоммунизм. Деятели «Аксьон франсез» приветствовали сближение Англии и Франции во время переговоров глав двух государств в апреле 1938 г. Один из членов партии Ж. Дельбек увидел в них отказ от «абсурдной идеи коллективной безопасности» и возобновление старых проверенных дипломатических инструментов¹⁰¹¹. В то же время на странице одноименной газеты вновь появилась статья, описывавшая слабость французских вооруженных сил. Её автор считал, что французам пришло время не только решить, позволят ли они себя втянуть в войну на уничтожение; пришло время понять и сказать, что французская армия «не может справиться» с вызовами. «Исходя из строго оборонительной [стратегии – *Н.Ш.*], наша армия не способна атаковать и, следовательно, никого спасать. Пусть хотя бы нас она защитит!»¹⁰¹².

К основным проблемам, подтолкнувшим руководство армии к выбору оборонительной доктрины, сторонники интегрального национализма относили хроническую демографическую проблему – (население Франции серьезно уступало количеству жителей Германии), возобновление немецкого военного строительства вместе с ремилитаризацией Рейнской области, а также полную военную и промышленную дезорганизацию военно-воздушных сил по вине правительств Народного фронта. Вина за серьёзное отставание в авиации возлагалась лично на бывшего министра, левого радикала П. Кота, который, по мнению «Аксьон Франсез», «методично и систематически уничтожал французские военно-воздушные силы, и, когда завтра разразится война, в нашем распоряжении будет [всего – *Н.Ш.*] 100 самолетов, закупленных в

¹⁰¹⁰ Ibidem.

¹⁰¹¹ Ibidem.

¹⁰¹² Ibidem.

Америке, тогда как нам потребуется 2500»¹⁰¹³. Разумеется, Моррас слишком гипертрофированно описывал проблемы авиационного флота Франции, но подобные опасения, пусть и значительно преувеличенные, не были лишены оснований. Они стали лейтмотивом антиправительственных выступлений многих представителей правых, не только крайних, но и расположенных ближе к центру. Хотя наиболее часто они звучали именно со стороны «Аксьон франсез».

В контексте подобных рассуждений следует оценивать и позицию сторонников Морраса по чехословацкой проблеме: помощь Чехословакии означает ведение наступательной войны против Германии, следует опасаться, что французское нападение на немецкие укрепления на Рейне «довольно быстро может перерасти в немецкое наступление на линию Мажино и бомбардировку Парижа»¹⁰¹⁴. По сути, уже с весны 1938 г. крайне правые занимали четкую и последовательную линию отказа от поддержки Праги. Вдобавок к внутренней дезорганизации в самой Франции, «Аксьон франсез» ссылалась на крайне неблагоприятную внешнеполитическую обстановку, в которой оказалась Чехословакия: «Польша как никогда плохо относилась к ним. Венгрия ждала благоприятного момента, чтобы разорвать Трианонский договор и вернуть граждан, которые были отделены от неё. От союзников по Малой Антанте нечего ждать, кроме советов»¹⁰¹⁵. Заверениям СССР в верности союзническим обязательствам правые националисты не верили и предлагали французам всего лишь взглянуть на карту, чтобы убедиться в неспособности Москвы помочь чехам. В отношении намерений СССР у большинства правых сложилось определенное мнение – коммунисты хотят развязать войну, превратив её затем в революционную. Члены «Аксьон франсез» даже умудрились обвинить сторонника решительного курса на противостояние немецкой агрессии П. Рейно «в действиях по приказу СССР»,

¹⁰¹³ Ibid. 23 mai 1938.

¹⁰¹⁴ Ibid. 1 mai 1938.

¹⁰¹⁵ Ibid. 22 mai 1938.

а «международные финансовые круги, контролируемые еврейством», в своекорыстных, далеких от национальных интересов Франции помыслах¹⁰¹⁶.

В момент первого обострения чехословацкого кризиса в мае 1938 г. французские крайне правые, несмотря на свой национализм, призвали правительство Даладье предоставить лидерам Великобритании возможность заняться урегулированием проблемы, ибо «они сделают все, чтобы предотвратить бедствие», а самим министрам Третьей республики – выступать на вторых ролях, сохраняя «спокойствие и молчание». Насколько известно, заявляли последователи Моррасса, германское вооружение в настоящее время более или менее развито, и у немецкого командования, «вероятно, больше не будет возражений технического характера [против боевых действий – *Н.Ш.*]»¹⁰¹⁷. Союз с Великобританией становился, таким образом, неизбежной необходимостью для французов, равно как и наоборот – у англичан, оставшихся один на один с Гитлером и без поддержки Третьей республики «не было бы другой альтернативы, кроме как подтвердить немецкую гегемонию сначала в Европе, а затем в колониях за морями»¹⁰¹⁸. Для представителей АФ активная британская дипломатия в те тревожные месяцы оставалась практически единственной надеждой на мирный исход конфликта. И тот факт, что руководство ФКП так яростно критикует Чемберлена и политику «умиротворения», считал Ж. Дельбек, «свидетельствует о правильности этого пути»¹⁰¹⁹.

В условиях обострения напряженности в Европе, вызванного чехословацким кризисом, крайне правые, как и члены Республиканской федерации, ошибочно надеялись на улучшение взаимоотношений Франции с фашистской Италией. По их мнению, пока Прага и Берлин будут разбираться со спорными вопросами, французской дипломатии требовалось предпринять все усилия для урегулирования противоречий с соседями на Альпах и

¹⁰¹⁶ Ibidem.

¹⁰¹⁷ Ibid. 24 mai 1938.

¹⁰¹⁸ Ibid. 30 mai 1938.

¹⁰¹⁹ Ibidem.

Пиренеях и, наконец, отправить официальных послов в Рим и Бургос [к Франко – *Н.Ш.*], так как «промахи, безрассудства и предательства Народного фронта и его смехотворных предшественников вызвали искусственную вражду на наших юго-восточных и юго-западных флангах, которую политическая мудрость может устранить, проявив немного терпения и опыта»¹⁰²⁰. В противном случае, если начнется война с Германией, французам «придется столкнуться с противником на трех фронтах вместо одного: Рейн, Альпы, Пиренеи»¹⁰²¹. Обращаясь к соотечественникам Ш. Моррас вопрошал: как «атакуемая с трех сторон Франция победит?»¹⁰²².

В июне под удар «Аксьон франсез» попало левое крыло СФИО во главе с Жиромски. За свои высказывания о необходимости политики сдерживания по отношению к Германии на июньском съезде соцпартии участники «Батай сосьлист» получили клеймо «агрессоров», затягивавших «Францию в пропасть». Крайне правые упрекали их за то, что социалисты на протяжении всего межвоенного периода, выступая за всеобщее разоружение, «препятствовали наращиванию военной мощи страны», «увеличению численности армии и затрат на перевооружение», «патриотическому воспитанию молодежи», не понимали реальности угрозы войны или – еще хуже – «специально обманывали избирателей, играя на их пацифистских устремлениях», а потом резко заняли противоположную воинственную позицию¹⁰²³.

Весной–летом 1938 г., пока чехословацкий кризис не достиг своей финальной стадии, деятели «Аксьон франсез» стремились переложить любую ответственность за судьбу чехов на плечи британского кабинета. Судетский вопрос хоть и волновал политиков, но куда большее значение они придавали «большевистской угрозе», войне на Пиренеях и критике ненавистного им

¹⁰²⁰ Ibid. 24 mai 1938.

¹⁰²¹ Ibidem.

¹⁰²² Ibidem.

¹⁰²³ Ibid. 4 juin 1938.

парламентского режима, на руинах которого они мечтали увидеть «сильное государство с единым лидером».

События в Центральной Европе вновь оказались в центре внимания последователей Морраса с середины сентября 1938 г., когда угроза войны вновь повисла в воздухе. Позиция Морраса была однозначной и безапелляционной – «французы не должны погибать за чехов», к которым они не имеют никакого отношения и о проблемах которых ничего толком не знают. Третья республика не захотела воевать из-за аншлюса Австрии, события, как считал Л. Доде, куда более значительного: «почему же тогда наши люди должны гибнуть из-за Судет?»¹⁰²⁴. По утверждению сподвижника Морраса, стремление некоторых политиков развязать войну вызывало «изумление и недоверие несчастного сельского населения нашей страны и девяти десятых населения больших городов и даже Парижа»¹⁰²⁵. Члены «Аксьон франсез» повторяли, что «глупо ... рисковать конфликтом с неисчислимыми последствиями, которые он может повлечь за собой, для поддержания искусственной целостности государства, которому в любом случае, добровольно или силой, придется смириться с необходимыми жертвами»¹⁰²⁶.

Разумеется, те, кто разделял подобные взгляды, с радостью восприняли новость о визите Н. Чемберлена в Берхесгаден на фоне сентябрьского обострения кризиса. Газета «Аксьон франсез» превозносила «доблесть и ум» британского политика, своими действиями способного «спасти жизни миллионов людей»¹⁰²⁷. Люди сомневавшиеся в правильности выбранного Великобританией курса, приравнивались сторонниками Морраса к врагам Франции. Это относилось прежде всего к ФКП, которая, по их ироничным замечаниям «призывает к войне, чтобы сохранить мир; прыгнуть в воду, чтобы

¹⁰²⁴ L'Action française. 15 septembre 1938.

¹⁰²⁵ Ibidem.

¹⁰²⁶ Ibid. 18 septembre 1938.

¹⁰²⁷ Ibidem.

не промокнуть от дождя»¹⁰²⁸. Крайне правые подчеркивали, что «[потенциальная – *Н.Ш.*] война на самом деле была желанна Советам и лично Сталину, которые в последний момент, без сомнения, откажутся от нее так же, как [большевики сделали в 1918 г. – *Н.Ш.*] в Брест-Литовске»¹⁰²⁹.

Дискурс сторонников Морраса вновь изобиловал антисемитскими высказываниями: по их мнению, социалисты и коммунисты не стали так яростно защищать католическую Австрию, но, когда дело дошло «до оплота евреев и франкмасонов» – Чехословакии, – «их тон резко изменился»¹⁰³⁰. В газете «Аксьон франсез» отмечалось, что война из-за Судет «была желанием евреев, которых преследовали в Германии, Италии, Палестине, которых ненавидели во Франции и в значительной части Америки»¹⁰³¹. Позиция в отношении Чехословакии Ж. Зея и Ж. Манделя – министров, осуждавших излишние уступки Третьему рейху – объяснялась их еврейским происхождением и стремлением «отомстить за своих единоверцев, преследуемых Гитлером»¹⁰³².

Серьезную полемику в прессе Моррас вел с независимым республиканцем А. де Кериллисом. Лидер «Аксьон франсез» считал легкомысленными рассуждения последнего о том, что при слабости французских военно-воздушных сил следовало бы сделать ставку на чешскую авиацию, в случае вооруженного конфликта из-за Судет, ибо «самолеты чехов будут уничтожены немецкими машинами и зенитной артиллерией, а само государство будет захвачено Гитлером в считанные дни после начала войны»¹⁰³³. «Слишком поздно сдерживать Германию», – заявляли приверженцы монархизма. Первостепенную задачу правительства они видели в том, чтобы «Франция вернулась к работе и снова обрела величие и мощь ...

¹⁰²⁸ Ibid. 16 septembre 1938.

¹⁰²⁹ Ibid. 22 septembre 1938.

¹⁰³⁰ Ibid. 16 septembre 1938.

¹⁰³¹ Ibid. 22 septembre 1938.

¹⁰³² Ibid. 16 septembre 1938.

¹⁰³³ Ibidem.

и тогда её естественные друзья и союзники (Бельгия, Польша, Югославия) снова обретут уверенность и объединятся вокруг неё»¹⁰³⁴.

Главный аргумент тех, кто выступал за жесткий внешнеполитический курс, – союзнические обязательства Франции перед Чехословакией 1925 г., сторонники Морраса отказывались признавать. Крайне правые настаивали, что договор с Прагой 1925 г. был подписан в рамках Локарнских соглашений, однако после ремилитаризации Рейнской области в 1936 г. он утратил свою силу, а значит, исчезла «любая необходимость защищать чехов»¹⁰³⁵. Вместе с тем, предположение, что крайне правые националисты не отдавали отчета во все возрастающей немецкой угрозе, представляется ошибочным. И Ш. Моррас, и его последователи прямо говорили, что «не питают иллюзий относительно итогов [чехословацкого – *Н.Ш.*] кризиса», благодаря которым Германия скорее всего «увеличит свою мощь и получит возможность для дальнейшего распространения [влияния – *Н.Ш.*] по Дунаю»¹⁰³⁶. Но, подчеркивали крайне правые, «какими бы ни были эти опасности, они были далекими, следовательно, менее серьезными, чем в случае немедленной катастрофы. Время здесь может играть за нас»¹⁰³⁷. Вновь лидеры АФ всю вину за бедственное положение страны возлагали на «демократический и республиканский парламентаризм, который сам по себе являлся лишь демагогией»¹⁰³⁸. По мнению членов «Аксьон франсез», теперь будущее Франции зависит от того, сможет ли она за выигранное время осознать и исправить «преступные и безумные проступки, накопившиеся за последние двадцать лет», и нацелить все свои усилия на «национальное возрождение»¹⁰³⁹.

Тревожно и с большим негодованием в кругах крайне правых были встречены новости о неудаче переговоров Чемберлена и Гитлера в Годесберге 22–23 сентября и последующее за ними возрастание военной угрозы. Когда

¹⁰³⁴ Ibidem.

¹⁰³⁵ Ibid. 21 septembre 1938.

¹⁰³⁶ Ibid. 20 septembre 1938.

¹⁰³⁷ Ibidem.

¹⁰³⁸ Ibid. 21 septembre 1939.

¹⁰³⁹ Ibid. 20 septembre 1938.

французский правительственный кабинет, казалось, наконец был готов отказаться от «умиротворения», националисты усилили своё давление на него. Каждый номер газеты «Аксъон франсез», как и многих других подобных изданий, выходил с заголовками, требовавшими любой ценой сохранить мир. Ш. Моррас пугал французов, что «возможно, через несколько часов мы будем воевать с Германией “за чехов”, о существовании которых тридцать девять с половиной миллионов наших сограждан до сих пор даже не подозревали», когда французская авиация не способна справиться с задачей, возложенной на неё «подобной войной»¹⁰⁴⁰. По мнению крайне правых из АФ, в тот момент только от Гитлера зависело, нападет он на Третью республику или нет, однако, подчеркивали сторонники Морраса, именно от «Франции зависело, начнет ли она наступательную войну»¹⁰⁴¹.

Когда 29 сентября стало известно о планах провести встречу лидеров четырех государств в Мюнхене, крайне правые с радостью объявили, что «теперь мир будет сохранен»¹⁰⁴². «Аксъон франсез» восхваляла политическое чутье премьер-министра Чемберлена, сумевшего догадаться, что «дорога к миру лежит через Рим», и обратившегося за посредничеством к Муссолини, используя «в критический момент единственный дипломатический мост... чтобы избежать самых кровопролитных конфликтов»¹⁰⁴³. Политики вспоминали, что в 1934 г. вмешательство дуче помешало Гитлеру аннексировать Австрию, и выражали уверенность, что и сейчас это не даст фюреру развязать войну.

Мюнхенская конференция явилась для «Аксъон франсез» избавлением от войны и надеждой, что личная встреча Даладье и Муссолини наконец-то растопит лед в отношениях двух государств и «приведёт к отправке французского посла в Рим»¹⁰⁴⁴. Больше всего, по признанию Ш. Морраса, его

¹⁰⁴⁰ Ibid. 25 septembre 1938.

¹⁰⁴¹ Ibid. 29 septembre 1938.

¹⁰⁴² L'Action française. 29 septembre 1938; Le Petit Journal. 30 septembre 1938.

¹⁰⁴³ L'Action française. 29 septembre 1938.

¹⁰⁴⁴ Ibid. 30 septembre 1938.

радовало «отсутствие Советской России на переговорах». Политик призывал «раз и навсегда порвать с Москвой и ликвидировать секретную сеть её агентов во Франции», поскольку «советский антифашизм» оказался «главным врагом человечества»¹⁰⁴⁵. Моррас и его сторонники в те дни отказывались верить в неизбежность войны, уверенные, что отныне «взор Гитлера будет брошен дальше на восток».¹⁰⁴⁶ Выигранное ценой усиления Германии время деятели «Аксьон франсез» требовали использовать для «завершения перевооружения», чтобы Франция смогла «вернуть себе главенство в Европе... и утвердить свой мир, французский мир, справедливый и гарантирующий безопасность для всех»¹⁰⁴⁷.

Характеризуя отношение крайне правых к вопросам европейской безопасности, интересно увидеть, какую линию заняла Социальная партия полковника де ля Рока. Возникнув в 1936 г., уже после парламентских выборов, на базе военизированной политической группировки «Боевые кресты», она быстро обрела более миллиона сторонников и стала крупной политической силой, поддерживаемой крайне правой частью французского общества, испуганного размахом левого движения. В отличие от монархиста Морраса де ля Рок являлся сторонником республики, но осуждал слабость и непоследовательность коалиционных правительств. Ему не было свойственно и пораженчество. Главным врагом, «врагом №1», для де ля Рока являлся СССР, «постоянно пытавшийся развязать всеобщей конфликт», как он это сделал, по убеждению полковника, в Испании: «сторонники мировой революции решили рискнуть всем; их сатанинский план требует кровавой битвы, в которой Советы остаются подстрекателями, свидетелями, бенефициарами, а не участниками»¹⁰⁴⁸. Стоит еще раз подчеркнуть, что столь негативные представления о коммунизме правые черпали в том числе из опыта гражданской войны в Испании, приведшей к колоссальному расколу

¹⁰⁴⁵ Ibid. 1 octobre 1938.

¹⁰⁴⁶ Ibidem.

¹⁰⁴⁷ Ibidem.

¹⁰⁴⁸ Le Petit Journal. 20 mai 1938.

испанского общества, возлагая вину за все негативные стороны конфликта на левую идеологию. Позиция крайне правых была в высшей степени идеологизированной и не позволяла им увидеть конструктивные способы поддержания внутренней стабильности Третьей республики и построения эффективной системы европейской безопасности, которая неминуемо, хотя бы с точки зрения географии, требовала сближения с СССР и создания многопартийной общенациональной коалиции внутри страны. Как и политики из «Аксьон франсез» и Республиканской федерации, полковник де ля Рок стремился сблизиться с Италией и требовал отправить в Рим французского посла¹⁰⁴⁹.

Рассуждая о событиях мая 1938 г., когда в ЧСР было введено чрезвычайное положение, руководители Социальной партии с одобрением отмечали, что Франция не осталась в стороне от развернувшегося конфликта и совместными действиями с англичанами сумела «предотвратить непосредственную опасность и сохранить мир»¹⁰⁵⁰. Теперь, по убеждению сторонников де ля Рока, «Гитлер больше не должен уничижительно относиться к европейским демократиям и думать, что Франция и Англия – страны, находящиеся в полном упадке»¹⁰⁵¹. Обращаясь к политическому руководству Третьей республики, председатель Социальной партии призывал сохранять «хладнокровие и упорство» в деле поддержания мира и отказывался прибегать к жесткому курсу в отношении Гитлера. В отличие от Морраса и многих правых и правоцентристов де ля Рок трезво оценивал военные силы западных демократий. На страницах «Пети журнал», директором которой он являлся, утверждалось, что «Чехословакия — это не Австрия. Чехи готовы к бою. Их армия в мирное время составляет 200 тыс. человек, в случае мобилизации она может возрасти до 700 тыс. ... В их распоряжении 17 дивизий (сгруппированных в 7 армейских корпусов), 4 кавалерийские дивизии, 12 пограничных батальонов, 3 танковых полка, 4 артиллерийских

¹⁰⁴⁹ Ibid. 20 mai 1938.

¹⁰⁵⁰ Ibid. 23 mai 1938.

¹⁰⁵¹ Ibid. 25 mai 1938.

полка, 11 полков общей резервной артиллерии, 6 авиационных эскадрилий, 4 авиационных завода и 5 фабрик по изготовлению моторов. Вдоль границы с Германией и вдоль бывшей границы с Австрией была построена настоящая линия Мажино стоимостью в 3,5 миллиарда долларов, которой восхищаются лучшие специалисты». По убеждению де ля Рока, немцы понимали, что «сопротивление будет жестким, им придется пойти на огромные жертвы», чтобы получить контроль над угольными шахтами, центрами добычи железной руды, стекольными заводами, химической промышленностью, текстильными фабриками, которые составляют богатство Чехословакии¹⁰⁵². Но, несмотря на все эти заявления, де ля Рок склонялся к выбору политики «примирения», а не «сопротивления», так как Третья республика, ослабленная деятельностью левоцентристской коалиции Народного фронта, пока была не готова к общеевропейской войне, и в случае её начала этим непременно, по мнению де ля Рока, воспользовались бы коммунисты для разжигания революции.

Полковник де ля Рок, как и большинство правых, в сентябре 1938 г. призывал к миру, хотя и заявлял, что в крайнем случае Третья республика сможет вести войну, если её вынудят пойти на это. 14 сентября он обратился к членам правительства Даладье с просьбой дипломатическими методами избежать военного столкновения. Он выразил уверенность, что «происки некоторых политиков и революционных демагогов» не могли лишить французское правительство свободы взять на себя инициативу в служении «чести и миру»¹⁰⁵³. Следует отметить, что ни публичные речи полковника, ни публикации в «Пти журнал» не содержали описания того катастрофического упадка Третьей республики и однозначной пораженческой позиции, характерных для «Аксон франсез». 17 сентября де ля Рок заявил: «Мы хотим мира. Война была бы для нас недопустимой, если бы она не служила защите интересов нашей страны. Не игнорируя свои слабости, мы осознаем свою силу

¹⁰⁵² Ibid. 29 mai 1938.

¹⁰⁵³ Le Petit Journal. 14 septembre 1938.

... Конфликт, в котором на карту поставлены национальная честь и безопасность, нас не пугает»¹⁰⁵⁴.

В 20-х числах сентября де ля Рок так же, как Моррас, призвал французов проявлять полную сдержанность и хладнокровие: «Не будем ни оптимистами, ни пессимистами, ни хвастунами, ни нытиками, ни воинственными, ни малодушными. Это единственный способ избежать неожиданностей, заставить задуматься, сохранить мир»¹⁰⁵⁵. Лидер Социальной партии напоминал, что итогом войны станут «жертвы и среди победителей, и среди побежденных. А кровавый и варварский большевизм будет грабить трупы, заражать выживших, разрушать светскую цивилизацию»¹⁰⁵⁶. Сторонники де ля Рока не сомневались, что «если бы честь нации и несчастья потребовали, французский народ откликнулся бы на призыв к оружию, этот народ поднялся бы в едином порыве», но в то же время они напоминали, что «здравый смысл с ужасом отвергает войну; последнего можно и нужно избегать в то время, когда решение [судетского вопроса – *Н.Ш.*] касается только сроков и нюансов процедуры [передачи этой территории Германии – *Н.Ш.*]»¹⁰⁵⁷.

Рассуждая о мюнхенской конференции, полковник де ля Рок считал, что «никакое соглашение, никакой пакт не обретут силу, если наша страна не будет сильной в экономическом, социальном, военном и политическом отношениях»¹⁰⁵⁸. Оценивая итоги мюнхенской конференции, он отказывался признавать, что Франция встала на путь пораженчества: она не впала в «воинственный бред», но и не стала «слепо позволять Германии самой распоряжаться судьбой Чехословакии», приняв активное участие в переговорах¹⁰⁵⁹. Об итогах мюнхенской конференции в ходе парламентских дебатов 4 октября высказал своё мнение и другой лидер Социальной партии Жан Ибернегаре. В начале 1930-х годов он входил в ряды Республиканской

¹⁰⁵⁴ Ibid. 17 septembre 1938.

¹⁰⁵⁵ Ibid. 27 septembre 1938.

¹⁰⁵⁶ Ibidem.

¹⁰⁵⁷ Ibid. 28 septembre 1938.

¹⁰⁵⁸ Ibid. 30 septembre 1938.

¹⁰⁵⁹ Ibidem.

федерации. Постепенно его взгляды поправились, и вскоре после образования партии де ля Рока он пополнил её ряды. Ибернегаре играл роль глашатая партии в Палате депутатов, куда он был избран в 1936 г. в качестве представителя от Республиканской федерации. Во время дебатов по ратификации мюнхенского соглашения он сказал: «Вы попросили у этой героической нации [чехов – *Н.Ш.*], готовой защищаться до самой смерти, самую страшную из жертв – национальную целостность, и вы ее получили. Этой тяжелой ценой вы сохранили мир. Кошмар войны отдален. Во французской Социальной партии мы считаем, что вы поступили верно, и поскольку мы так считаем, мы отдаем вам свой голос»¹⁰⁶⁰. Он призвал руководителей Третьей республики бросить все силы, чтобы укрепить военную мощь страны и тем самым позволить ей в будущем противостоять новым требованиям Гитлера и гарантировать европейскую безопасность. Он считал, что Германия, побежденная в 1918 г., сегодня выступает как победитель только потому, что она пожертвовала «всем ради культа силы». Менее чем за три года (с 1936 по 1938) она вновь заняла Рейнскую область и добилась аншлюса. Она заняла Судеты, не потеряв ни одного человека и не пролив ни капли крови. «Кто может надеяться, что на этом все закончится? Разве для диктатур и диктаторов не представляется необходимостью ежедневно приносить своему народу новости о своей славе и престиже?»¹⁰⁶¹.

Как видно из проведенного анализа, крайне правые националисты постепенно утрачивали одну из основополагающих характеристик своей идеологии – антигерманизм. Разумеется, ни руководство «Аксон франсез», ни лидеры Социальной партии не желали услышать звуки победного марша Германии на французской земле, но способом предотвращения подобной перспективы они выбрали политику «умиротворения». Нельзя не увидеть существенные отличия в позициях двух крупных политических течений крайне правых. Сторонникам Морраса была близка пораженческая позиция,

¹⁰⁶⁰ JO. Débats parlementaires. Chambre des députés. 1938. P. 1539.

¹⁰⁶¹ Ibidem.

преклонение перед монархическим прошлым и антисемитизм; оценивая как катастрофическое военное и экономическое положение Франции, они отказывались признавать её обязательства перед Чехословакией и резко критиковали сторонников жесткого курса в отношении Третьего рейха. Социальная партия де ля Рока призывала защитить родину, если того потребуют долг и обстоятельства, но не считала оправданным в сложившихся обстоятельствах отправлять французов на гибель за Чехословакию, опасаясь, что эта поддержка окажется «на руку только мировому коммунизму».

Большинство правых с каждым днем укреплялось в вере, что основная опасность исходит именно от Советского Союза с его «пятой колонной» внутри Франции, которая настраивает рабочих на антиправительственные выступления. Хотя никаких объективных предпосылок этому в предвоенной Европе не было, подавляющее большинство правых политиков ошибочно верило, что не Гитлеру, а именно советскому руководству хотелось бы начать войну, способную ускорить коммунистическую революцию. На этом фоне Третий рейх воспринимался ими как меньшая угроза, а некоторые – в особенности правоцентристы – надеялись на упрочнение мира благодаря взаимодействию четырех держав – Франции, Англии, Италии и Германии.

Умело воздействуя на общественное мнение и получив колоссальную по своим масштабам поддержку во французской прессе, различные правые течения, наряду с левыми примирительно настроенными политиками смогли склонить чашу весов в сторону «умиротворения» в самый разгар чехословацкого кризиса в сентябре 1938 г. И, несмотря на антигерманизм Республиканской федерации, протест со стороны части руководства Демократического альянса и политиков по типу Кериллиса против излишней уступчивости и явное недовольство христианских демократов той ценой, которую пришлось заплатить за мир, несмотря на наличие в правительственном кабинете трех министров, пытавшихся придерживаться жесткого курса на сдерживание нацистской Германии, основную массу крайне

правых и правоцентристов без колебаний можно отнести к наиболее последовательным сторонникам политики «умиротворения».

Правые, будь то центристы Демократического альянса, консерваторы Республиканской федерации или сподвижники Морраса и де ля Рока, несмотря на общий страх перед большевистской угрозой и единое (с учетом нюансов позиции сторонников Л. Марена) стремление к «примирению» с Германией, пусть и с целью выиграть время для перевооружения страны, во многом оказались глубоко разрозненными. В глазах крайних националистов Л. Марен и его сторонники выглядели слишком воинственными в период событий весны–осени 1938 г. Ш. Моррас откровенно призывал к уничтожению режима Третьей республики, а де ля Рок критиковал «излишнее пораженчество», хотя и не считал, что страна в 1938 г. была готова к войне. В итоге традиционный правый фланг оказался разделен перед лицом нараставшей немецкой угрозы, что лишь усугубляло кризис партийно-политической системы страны. Сколь-нибудь целостной концепции поддержания европейской безопасности в рядах правых сил не нашлось. Многие из них ошибочно продолжали считать возможным противодействие Гитлеру, заручившись поддержкой Муссолини. Объективно отмечая серьезные проблемы Третьей республики в военной сфере, правый лагерь, из идеологических соображений, отказывался идти на сближение с СССР и пытаться выстраивать систему сдерживания Германии. Как результат, они подталкивали руководство страны следовать за курсом Великобритании, лидеры которой всё еще не признавали реальность надвигающейся войны, не желая осознавать, что Гитлер всеми способами стремится её начать, в силу чего ошибочно продолжали возлагать надежды на политику «умиротворения».

Заключение

В середине 1930-х гг. система коллективной безопасности, сформированная по итогам Первой мировой войны, находилась в глубоком кризисе. Одни из главных её архитекторов – Великобритания и Франция – и созданный под их эгидой международный орган Лига Наций не смогли предотвратить начало агрессивной войны Муссолини в Эфиопии и помешать ремилитаризации Рейнской области немецкими войсками в марте 1936 г. Дальнейшие кризисы – гражданская война в Испании, начавшаяся в июле 1936 г., и аншлюс Австрии (март 1938г.) – способствовали укреплению позиций фашистских государств, стремившихся к пересмотру существующего порядка в Европе и готовившихся к новой крупномасштабной войне. В ходе этих событий всё отчетливее проявлялась тенденции Третьей республики на сближение с Великобританией и следование предложенной ей политике «умиротворения». Кульминацией стали чехословацкий кризис и его итог мюнхенская конференция сентября 1938 г, традиционно считающиеся в историографии апогеем уступок агрессору.

Мюнхенская конференция была серьезным дипломатическим поражением для Третьей республики. Какие бы причины ни привели к подобному исходу, какими бы мотивами ни руководствовались те, кто направил страну на этот путь, итог был очевиден – Франция теряла в лице чехов своего союзника в Восточной Европе, а Германия получала дополнительные промышленные и военные ресурсы, полную свободу рук на востоке, что лишь усиливало экспансионистские побуждения нацистского режима и во многом предопределило будущее французское военное поражение в июне 1940 г. Такой вывод очевиден для историков, но политики не могли знать заранее, к чему приведет курс на «умиротворение» агрессивных помыслов Германии, проводимый в 1936–1938 гг.

Неспособность международных механизмов, созданных в 1919–1920-х гг., предотвращать возникающие угрозы побуждала ведущих государственных, военных и общественных деятелей Третьей республики

искать пути для поддержания безопасности в Европе. На раскол по вопросам европейской политики во французском общественно-политическом поле накладывались серьезные кризисные явления, охватившие парламентский режим Третьей республики с присущей ему традиционной «министерской чехардой» и – в условиях многопартийности – противостоянием как между правыми и левыми политическими флангами, так и внутри них. Правые и крайне правые течения всё активнее критиковали слабый, неустойчивый и «коррупцированный» парламентский режим, неспособный перевооружить и укрепить страну перед лицом возрастающей угрозы со стороны Германии. Вместо этого, считали эти деятели, например Л. Марен, Ш. Моррас и де ля Рок, Франция всё больше поддавалась влиянию левых сил, что создавало угрозу коммунистической революции и гражданской войны.

Правительственная коалиция Народного фронта (1936–1938 гг.) могла бы стать тем стабилизирующим звеном, которое укрепило бы политическую систему Третьей республики. Однако после успеха его первых социальных реформ между коммунистами, социалистами и радикалами начали нарастать противоречия как по вопросам внутренней, так и внешней политики. Радикалов пугали «излишне левые», на их взгляд, социальные проекты СФИО и ФКП. Значительная часть правых радикалов тяготела к сближению с Демократическим альянсом и созданию уже привычной для послевоенной Франции правоцентристской коалиции. Коммунисты не могли простить Блюму и руководству СФИО решения о невмешательстве в дела Испании. Всё это неминуемо вело к подтачиванию фундамента и расколу Народного фронта, который произошел вскоре после подписания мюнхенского соглашения, когда ФКП стала единственной партией, которая в Палате депутатов проголосовала против его одобрения.

Французская историография не уделяла столь пристального внимания дискуссиям политиков и общественных деятелей одновременно в прессе, на парламентских трибунах и в правительственном кабинете. Традиционная трактовка в отечественной науке позиции различных политических и

общественных деятелей Франции на протяжении основных кризисов 1936–1938 гг. сводилась к следующему. ФКП наряду с частью правых консерваторов (между ними при этом, естественно, существовали непримиримые противоречия) были готовы решительно сопротивляться нажиму Германии. К этой, плохо объединяемой между собой, группе «сопротивленцев» можно присоединить немногих умеренных политиков, но большая их часть всё активнее вставала на путь «умиротворения» по мере роста международной напряженности в 1936–1938 гг., желая любой ценой избежать войны. Каждая составляющая этого утверждения нуждалась, как показал анализ разнообразных источников, в той или иной степени в корректировке или уточнении. М. Торез, Ж. Дюкло, Ж. Коньо, Г. Пери и другие руководители ФКП – «партии войны», как их окрестили члены Демократического альянса, Республиканской федерации и «Аксьон Франсез» – естественно, не являлись сторонниками развязывания нового вооруженного конфликта. Они последовательно придерживались антифашистских взглядов на протяжении 1930-х гг. и до последнего, вплоть до голосования в парламенте 4 октября 1938 г., говорили о необходимости жесткой линии в отношении Третьего рейха. Однако жесткая линия, чего не замечали или не хотели признавать многие правые, не приравнивалась к намерению начать боевые действия. Правые политики твердую антивоенную позицию ФКП приравнивали к желанию начать войну, причем войну за утверждение господства мировой революции. Отчасти опасения французских правых политических и общественных деятелей возникли не на пустом месте, ведь международный коммунизм сам своими лозунгами и призывами создавал подобный образ разрушителя старого буржуазного порядка. Однако главной задачей ФКП в тот момент являлось противостояние фашизму. И руководство компартии убеждало правительства Народного фронта занять более твердую позицию в отношении Германии и Италии, сплотить ряды Франции и Великобритании, укрепив их тесным сотрудничеством с Советским Союзом, полагая, что совместная и решительная дипломатическая позиция этих крупных

европейских государства предотвратила бы развязывание новой войны и «остудила» бы агрессивный пыл Гитлера. Ни разу за 1936–осень 1938 г. от ФКП и её лидеров не прозвучало прямого призыва начать боевые действия – ни в ходе ремилитаризации Рейнской области, ни в период гражданской войны в Испании, ни в ходе аншлюса Австрии, ни даже когда стало очевидно, что французское правительство готовилось отдать Судеты нацистской Германии.

Весьма далеким от реальности оказывается традиционное видение, что остальные участники ведущих партий Третьей республики – от социалистов до консерваторов – стояли преимущественно на позициях «умиротворения». Уже в марте 1936 г., когда немецкие войска заняли Рейнскую область, большинство их представителей выступило за введение экономических и финансовых санкций против Третьего рейха, надеясь с их помощью предотвратить его дальнейшие агрессивные шаги. Анализ дискуссий в правительстве и на страницах французских газет показывает, что большая часть общественно-политических сил Третьей республики уже в середине 1930-х гг. четко осознавала ту степень угрозы для Франции и для европейской безопасности, которая исходила от нацистской Германии. Более того, лидер Республиканской федерации Л. Марен в марте 1936 г. призывал к военному противодействию ремилитаризации Рейнской области. В этих условиях казалось, возникала возможность различным политическим партиям и течениям прийти к общему знаменателю – объединиться для противостояния «наследственному врагу» Германии. Однако этого не произошло, в первую очередь из-за непреодолимого раскола между правыми и левыми группировками. Более того, дискуссии общественно-политических сил Третьей республики хотя и оказали влияние на позицию Франции в ходе рейнского кризиса по степени значения уступали таким факторам, как необходимость проведения всеобщей мобилизации для противодействия Германии в Рейнской области и позиция Великобритании, не желавшей вводить санкции против Третьего рейха.

Серьезным камнем преткновения, как показали общественно-политические дискуссии и в прессе, и в парламенте, стала начавшаяся в Испании гражданская война. В середине 1930-х гг. многие правые, причем как политики крайних взглядов, так и умеренные залогом сохранения безопасности в Европе считали сближение Франции и фашистской Италии. Антифашистские позиции партий коалиции Народного фронта, их критика Муссолини и явные симпатии законному республиканскому правительству в Мадриде, по мнению правых, толкали дуче в объятия Гитлера и сводили на нет ожидаемый правыми союз Франции и Италии. Эта ошибочная оценка расстановки политических сил на европейской арене не давала французским консерваторам возвыситься над идеологическими разногласиями с левыми, объективно взглянуть на действия и фигуру Муссолини, выработать эффективную систему поддержания европейской безопасности на основе франко-советского сближения. Правая национальная пресса и деятели ведущих правых политических партий с ужасом рисовали картины кровопролитной «братоубийственной» войны в Испании, утверждая, что именно к этому ведут Францию социалисты и коммунисты (между которыми правые не видели особой разницы), в их стремлении начать мировую революцию «по указке» СССР.

Гражданская война в Испании спровоцировала серьезный раскол и в самой коалиции Народного фронта. ФКП однозначно высказывалась за солидарность с законным испанским правительством и создание системы сдерживания агрессоров с опорой на франко-советский пакт. Лидер СФИО Л. Блюм в июле 1936 г., будучи главой правительства, намеривался оказать помощь республиканскому руководству Мадрида в его борьбе против мятежников Франко, но под давлением пацифистски настроенной французской общественности, требований значительной части собственной партии занять нейтральную позицию и нежелания Великобритании вмешиваться в конфликт на Пиренеях отказался от изначального замысла, впоследствии, как показывают источники, терзаясь этим решением. Как итог,

точка зрения общественно-политических сил стала одним из значительных факторов, оказавших влияние на позицию Франции по гражданской войне в Испании. Радикалы, хотя и симпатизировали испанскому Народному фронту, как в правительственном кабинете, так и в прессе однозначно выступили против участия Франции в конфликте. Подобную тактику двух своих союзников коммунисты принять не смогли, призывая вплоть до 1939 г. оказывать поддержку испанским республиканцам в борьбе с Франко.

На протяжении 1937 г. французское руководство не решилось пойти на сближение с СССР, а попытки реанимации Восточных союзов окончились неудачно. Лидеры Третьей республики пытались найти выходы из наметившегося тупика, грозившего военной катастрофой. В том числе была запущена мощная программа перевооружения страны, а социалист Л. Блюм даже зондировал почву об укреплении отношений между Германией и Францией. Однако нарастание в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры, социально-экономических, внутри- и внешнеполитических проблем, медленное перевооружение и нехватка современной авиации, отсутствие единства общественно-политических сил, демографический кризис не давали возможность выработать четкую стратегию по поддержанию европейской безопасности через систему сдерживания. В сложившейся неблагоприятной ситуации Франция, декларируя свою приверженность к защите национальных интересов и сохраняя независимый курс, всё больше ориентировалась на британскую политику «умиротворения», ибо Великобритания расценивалась французским руководством единственным верным союзником на европейском континенте. Это чётко проявилось уже в марте 1938 г. во время аншлюса Австрии. Хотя, как показал анализ дискуссий в парламенте, большинство политических и общественных деятелей Третьей республики понимали, что аншлюс вел к усилению Третьего рейха и не желали допустить такого исхода, серьезного противостояния новым агрессивным шагам нацистского режима с их стороны под давлением официального Лондона так и не последовало.

Чехословацкий кризис, затянувшийся на многие месяцы 1938 г., продемонстрировал, что практически в каждой партии и парламентской группе наметился внутренний раскол. Лидер СФИО Л. Блюм наряду с многими другими социалистами, хотя и приняли мюнхенское соглашение, но лишь как неизбежность, всё больше склоняясь к идее ужесточения политического курса в отношении Третьего рейха, а представители левого крыла партии (Ж. Жиромски, А. Дюнуа, Л.-М. Нордман) прямо осудили договор. Парламентская фракция социальных республиканцев во главе с Л.-О. Фроссаром считала его вынужденной мерой для сохранения мира, чтобы успеть добиться единства нации и укрепить страну в будущем неизбежном противостоянии с Германией. Министр иностранных дел в 1936–1938 гг. И. Дельбос, министр авиации в 1936–1938 гг. П. Кот, депутаты от Сены и от Шаранта Р. Англе и Р. Реторе соответственно, как и многие другие радикалы, не одобряли чрезмерных уступок Германии в 1936–1938 гг. и не считали, что ослабление Чехословакии укрепило бы мир в Европе. В той или иной степени подобные взгляды разделяли христианские демократы, к примеру, Ф. Садюбре и Ж. Бидо, и даже часть деятелей Демократического альянса – сенаторы Ж. Торин и Ш. Рибель. Среди правых наиболее последовательными критиками политики «умиротворения» оказались независимый республиканец А. де Кериллис и бывший председатель Совета министров А. Тардьё, которые в течение всего чехословацкого кризиса неустанно призывали оказывать любое сопротивление агрессивным намерениям Германии. Политики Республиканской федерации во главе с Л. Мареном никогда не были последовательными сторонниками примирения с Третьим рейхом. Однако они не осудили мюнхенское соглашение, склоняясь к уступкам во имя сохранения мира, опасаясь, что потенциальный конфликт Германии и Франции из-за Чехословакии коммунисты используют, чтобы спровоцировать революцию в ослабленной войной Третьей республике. Члены Республиканской федерации воспринимали полученный такой ценой мир лишь как время для перевооружения и подготовки Франции к нападению Третьего рейха.

К лагерю «сопротивляющихся» Гитлеру относились и трое министров – П. Рейно, Ж. Мандель и О. Шампетье де Риб. Исследование общественно-политических дискуссий позволяет утверждать, что внутри каждой партии, каждого объединения были те, чья позиция, оказавшись она преобладающей, помогла бы Франции принимать решения более взвешено, избежать некоторых кризисов и предотвратить расчленение Чехословакии и усиление Германии. Сторонников твердой линии наблюдалось больше среди левых политиков. Именно они в то время были во власти и имели большинство в Палате депутатов, в связи с чем могли бы серьезным образом повлиять на корректировку правительственного курса, заручившись поддержкой тех центристов и даже правых, чьи аргументы, по сути, не сильно отличались от их собственных. По данным, содержащимся в источниках, в ходе ремилитаризации Рейнской области, аншлюса Австрии, во время чехословацкого кризиса многие политики и общественные деятели, призывали к сдерживанию Германии, рассматривая её как потенциального разрушителя европейской системы безопасности.

И все же, несмотря на наличие лагеря противников уступок Германии в 1936–1938 гг., они оказались в меньшинстве. Если бы левым удалось объединить усилия с политиками из Республиканской федерации и частью умеренных правых, возможно, финал, разворачивавшейся в Европе драмы был бы другим, но последние выступали категорически против перспективы единства действий с коммунистами и социалистами, видя в них носителей марксистской идеологии, не менее, если не более опасной, с их точки зрения, чем национал-социализм, разрушительная сущность которого раскроется только в годы Второй мировой войны. Раскол между правыми и левыми по вопросу сближения с Италией, разногласия внутри коалиции Народного фронта о вмешательстве или невмешательстве в гражданскую войну в Испании, споры о приоритетах внутренней политики и широте социального законодательства отталкивали представителей различных общественных и политических сил друг от друга, делали невозможным их консенсус, даже

конструктивный диалог. Изменились и некоторые лозунги левых партий, традиционных для них и привычных для французских избирателей. Коммунисты и часть социалистов, которые совсем недавно выступали за всеобщее разоружение, известные и последовательные противники империалистической войны, стали приводить аргументы в пользу вооружения Франции, чтобы дать отпор Германии. В глазах населения они выглядели ненадежными, вселяли недоверие. Особенно на фоне той агрессивной кампании против марксистских партий и таких политиков, как П. Рейно и Ж. Мандель, которую развернула правая и крайне правая пресса.

Предвоенной Франции, чье руководство проявляло колебания в вопросе о способах сохранения европейской безопасности требовался сильный и влиятельный лидер, способный сплотить разрозненные политические силы «от Тореза до Марена» и направить их на сопротивление немецкому экспансионизму. Окажись такой политик во власти в те годы, возможно, Франция избежала бы позорного военного поражения и гибели Третьей республики. Но в 1936–1937 гг. правительства Блюма и Шотана долго не продержались во власти и не могли рассчитывать на симпатии правых. В 1938 г. во главе Совета министров встал Э. Даладьё – политик, явно осознававший всю опасность усиления Третьего рейха, но не сумевший настоять на своём и в силу характера уступивший лагерю «умиротворителей». Иного лидера у страны не оказалось.

Не стоит забывать, что степень решительности у сторонников жесткой линии в отношении Германии весьма отличалась. Если стремление противодействовать Третьему рейху у лидеров ФКП, части социалистов, правых А. де Кериллиса, А. Тардьё, Ж. Бидо и представителей Республиканской федерации (с определенными оговорками о страхе перед «красной угрозой») в 1936–1938 гг. не уменьшалось, то у многих других политиков и общественных деятелей оно перекрывалось ужасом перед новой кровопролитной войной, особенно распространившемся в ходе чехословацкого кризиса, и балансировало между ним и недовольством

чрезмерными уступками и «умиротворением». Как показали общественно-политические дискуссии, последовательных сторонников системы сдерживания, как и однозначных приверженцев «умиротворению» было не так много. Основную массу представляли колеблющиеся, расположившиеся между двух полярных полюсов. Именно на них очень влиял страх перед немецкой военной мощью, осознание слабости французской авиации, медленные темпы перевооружения, груз демографической проблемы, неуверенность в позиции СССР и готовности Великобритании сражаться вместе с Францией в случае войны, вера в возможность укрыться за линией Мажино и понимание невозможности эффективного наступления французских вооруженных сил в рамках официальной оборонительной доктрины. Из-за разрозненности взглядов большинства представителей различных партий, политических и общественных деятелей Третьей республики они не смогли выработать эффективной позиции по вопросу поддержания безопасности в Европе. Сторонникам сдерживания Германии не удалось убедить колеблющихся в необходимости следовать этим курсом. Как итог, на формирование окончательной позиции Франции большее влияние оказали представления о слабости военной мощи страны, страх перед началом новой масштабной войны, неясность позиции СССР и Великобритании в случае конфликта с Третьим рейхом. В итоге из-за желания избежать войны к «умиротворению» стали склоняться и те, кто не хотел чрезмерных уступок и усиления Германии. Страх перед новым кровопролитием охватывал не только «умиротворителей», но и многих из тех, кого можно отнести к лагерю сторонников противостояния Гитлеру. Если добавить к этому общие пацифистские тенденции, глубоко укоренившиеся во Франции после ужасной по масштабам жертв и разрушений Первой мировой войны, становится ясным, что совокупность этих представлений заранее предопределяла скорее «миротворческую», а от нее «умиротворенческую» позицию общественных и политических деятелей в вопросе поддержания европейской безопасности. Да, многие политики осознавали угрозу германского экспансионизма, но боязнь

войны здесь и сейчас, желание оттянуть этот момент брали верх, и каждый надеялся её избежать. Подобная позиция проявлялась в парламентских дебатах, дискуссиях на страницах прессы, внутри правительственного кабинета.

Особенно ярко логика «умиротворителей» проявилась в ходе чехословацкого кризиса 1938 г. На фоне частых колебаний и опасений весомой доли сторонников сдерживания куда эффективнее оказалась решительность, с которой действовали сторонники передачи Судет Германии – чего только стоили плакаты, расклеенные по Парижу П.-Э. Фланденом, или юридически выверенные аргументы Ж. Бартелеми, почему договор между Парижем и Прагой утратил свою силу. Убежденный «умиротворитель», генеральный секретарь СФИО П. Фор сумел заручиться поддержкой значительной части социалистов, среди политиков-радикалов на Даладье оказывали давление министр иностранных дел Ж. Бонне, вице-президент К. Шотан, председатель парламентской комиссии по иностранным делам Ж. Мистле, которые в то же время тяготели к разрыву радикалов с Народным фронтом и созданию коалиции с Демократическим альянсом. Серьезное воздействие на общественное мнение возымели статьи и обращения П.-Э. Фландена, Ж. Бартелеми и подхватившее их доводы большинство крупных французских газет, с чем не мог не считаться председатель Совета министров Даладье. Вдобавок к этому, различные течения крайне правых националистов, как это ни парадоксально, прекратили свои яростные нападки на «наследственного врага» Франции. Лидер «Аксьон франсез» Ш. Моррас и глава Французской социальной партии де ля Рок призывали сделать всё, чтобы избежать войны, которая окажется на руку лишь «большевикам» и с началом мировой революции поставит под удар само существование Франции. Антикоммунизм постепенно вытеснил германскую угрозу национальным интересам страны как одну из главных тем политического дискурса крайне правых и правых межвоенного периода. Многие из них, к тому же, не желая замечать сближения Муссолини с Гитлером, до последнего безосновательно

надеялись, что лидер фашистской Италии в случае военного конфликта поддержит Францию.

В итоге лагерь тех, кто выбрал путь уступок Третьему рейху, оказался преобладающим как по своей численности, так и по своему влиянию. Многие из «умиротворителей» Германии, к примеру, члены Демократического альянса, действительно считали, что с ней удастся договориться, наладить сотрудничество и избежать новых вооруженных столкновений. Если добавить к «умиротворителям» тех сторонников сопротивления экспансионизму Германии, кто колебался, боясь начала войны, или склонялся к необходимости выиграть время для перевооружения Франции (их насчитывалось немало), то становится понятным, почему события 1936–1938 гг. имели такой трагический итог. Слишком большое число политиков разделяло излишне преувеличенное представление о слабости Франции перед Германией, что, с их точки зрения, предопределяло неизбежное поражение Третьей республики, а значит требовало достижения договоренностей с Третьим рейхом и вынужденных уступок. Как было показано в работе, такие выводы были далеки от действительности. Однако именно они стали отправной точкой при принятии государственных решений для представителей политической элиты, опасавшихся к тому же, что Франции в случае войны придется в одиночку нести на себе всю её тяжесть. Не могла Франция пойти и против единственного «весомого» союзника – Великобритании – последовательно проводившей политику «умиротворения» и побуждавшей к этому руководство Франции.

В конечном итоге французские политики, находившиеся у руля государственного управления, пошли на пересмотр, сложившегося статус-кво в Центральной Европе и попытались, подписав мюнхенское соглашение, удержать Европу на краю военного конфликта и сохранить мир. Вместе с тем, от одного европейского кризиса к другому всё больше политиков и общественных деятелей Третьей республики убеждалось, что новая война неизбежна и выигранное время следует потратить для подготовки страны к

следующей схватке с Германией. Внутривполитическая ситуация во Франции мало этому способствовала. В октябре 1938 г. по инициативе руководства партии радикалов произошел распад коалиции Народного фронта. Новой – сплоченной и влиятельной – правительственной коалиции создать не удалось. Правительство Даладье всё меньше опиралось на парламент, вынуждая многих депутатов переносить дебаты на страницы газет, что, безусловно, свидетельствовало о кризисе политической системы парламентаризма, его слабости в условиях функционирования многопартийной системы, отсутствия сильной личности и наличия серьезных внешнеполитических проблем. Между тем, менее чем через год Франции предстояло вступить во Вторую мировую войну.

Список источников и литературы*Неопубликованные документы:*

Российский государственный военный архив.

1. РГВА. Ф. 1к. Оп. 27. Д. 8372.
2. РГВА. Ф. 46к. Оп. 1. Д. 8.
3. РГВА. Ф. 46к. Оп. 2. Д. 21.
4. РГВА. Ф. 46к. Оп. 2. Д. 176.
5. РГВА. Ф. 46к. Оп. 4. Д. 72.

Российский государственный архив социально-политической истории.

6. РГАСПИ. Ф. 517. Оп. 3. Д. 18.

Официальные публикации и документы:

7. Версальский мирный договор / Перевод с фран. под ред. Ю.В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Издание Литиздата НКВД, 1925.
8. Документы внешней политики СССР 1932–1938. Т. XV–XXI. М.: Политиздат, 1969–1977.
9. Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939 гг. М.: Политиздат, 1979.
10. Локарнская конференция 1925 г.: Документы. М.: Госполитиздат, 1959.
11. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Second Series. Vol. V. London, 1956; Vol. XII–XIII. London, 1972–1973; Vol. 16; London, 1977; Third Series. Vol. I–II. London, 1949; Vol. VII. London, 1954.
12. Documents on German Foreign Policy (1918–1945). Series D (1937–1945). Vol. I–III. Washington, 1949–1950.
13. Documents diplomatiques français. 1921. Paris, 2004; 1924. Paris, 2013; 1932–1939. 1-ère série (1932–1935). Т. 1–12. Paris, 1964–1984; 2-ème série (1936–1939). Т. 1–12. Paris, 1963–1979.
14. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Chambre des députés. Paris, 1932–1938.

15. Journal officiel de la République française. Débats parlementaires. Sénat. Paris, 1932–1938.
16. Le Procès Flandin devant la Haute Cour de Justice, 23–26 juillet 1946. Paris, 1947.
17. Les Événements survenus en France de 1933 à 1945. Rapport de M. Charles Serre, député, au nom de la Commission d'Enquête parlementaire. Paris, 1951, 1952.
18. Les Évènements survenus en France de 1933 à 1945. Témoignages et Documents recueillis par la Commission d'Enquête parlementaire. Paris, 1951, 1952.
19. Parti Socialiste Français. XXXV Congrès national: 4,5,6 et 7 juin 1938: compte-rendu sténographiques. Paris, 1938.
20. XXXV Congrès du Parti Républicain radical et radical-socialiste tenu à Marseille 26–30 octobre 1938. Paris, 1939.

Периодическая печать:

21. Gringoire. 1934–1938.
22. Je suis partout. 1934–1938.
23. L'Action française. 1934–1938.
24. L'Ami du peuple. 1934–1937.
25. L'Aube. 1934–1938.
26. La Bataille socialiste. 1934–1938.
27. Le Democrate Savoyard. 1934–1938.
28. La Dépêche. 1934–1938.
29. L'Écho de Paris. 1934–1938.
30. L'Époque. 1937–1938.
31. L'Ère nouvelle. 1934–1938.
32. Le Figaro. 1934–1938.
33. L'Homme Libre. 1934.
34. L'Humanité. 1934–1938.
35. L'Intransigeant. 9 mai 1948.
36. Le Journal. 1934–1938.
37. La Lumière. 1934–1938.

38. Le Matin. 1934–1938.
39. La Nation. 1934–1938.
40. L'Œuvre. 1934–1938.
41. L'Ordre. 1934–1938.
42. Le Paris-soir. 1934–1938.
43. Le Petit Journal. 1934–1938.
44. Le Petit Parisien. 1934–1938.
45. Le Peuple. 1934–1938.
46. Le Populaire. 1934–1938.
47. La Revue des deux mondes. 1934–1938.
48. Le Temps. 1934–1938.
49. La Victoire. 1934.
50. The Economist. 1936.

Источники личного происхождения:

51. *Голль Ш. де.* Профессиональная армия. М.: Госвоениздат, 1935. 88 с.
52. *Голль Ш. де.* Военные мемуары. Т. 1. Призыв. М.: АСТ, 2003. 816 с.
53. *Додд У.* Дневник посла Додда. М.: Гриффон, 2015. 711 с.
54. *Дюкло Ж.* Мемуары. Т. 1. М.: Издательство политической литературы, 1974. 800 с.
55. *Майский И.М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 508 с.
56. *Рубакин А.* В водовороте событий. М.: Соцэкгиз, 1960. 272 с.
57. *Табуи Ж.* Двадцать лет дипломатической борьбы. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 464 с.
58. *Торез М.* Сын народа: перевод с фран. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 294 с.
59. *Торез М.* Избранные произведения. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1959. 754 с.
60. *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. М.: Воениздат, 1991. 592 с.
61. *Шмидт П.* Переводчик Гитлера. Смоленск: Русич, 2001. 400 с.
62. *Эмери Л.* Моя политическая жизнь. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 685 с.

63. Эррио Э. Из прошлого. Между двумя войнами, 1914–1936. М.: Изд-во иностр. лит., 1958. 772 с.
64. *Blum L.* L'Oeuvre de Léon Blum: 1934–1937. Paris: Albin Michel, 1964. 510 p.
65. *Bonnet G.* Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Geneve: Bourquin, 1946. 390 p.
66. *Bonnet G.* Fin d'une Europe. De Munich à la Guerre. Geneve: Bourquin, 1948. 433 p.
67. *Bonnet G.* Vingt ans de vie politique, 1918–1938. De Clemenceau à Daladier. Paris: Fayard, 1969. 286 p.
68. *Bonnet G.* Dans la tourmente, 1938–1948. Paris: Fayard, 1971. 317 p.
69. *Charbonnières G.* La plus évitable de toutes les guerres. Paris: Albatros, 1985. 270 p.
70. *Churchill W.* The Gathering Storm. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 1948. 640 p.
71. *Coulondre R.* De Stalin à Hitler. Paris: Perrin, 1950. 355 p.
72. *Daladier E.* In defense of France (Défense du pays). New York: Doubleday, 1939. 239 p.
73. *Deat M.* Mémoires politiques. Paris: Denoel, 1989. 992 p.
74. *Delmas A.* Mémoires d'un instituteur syndicaliste. Paris: Albatros, 1979. 478 p.
75. *Flandin P.-E.* Politique française 1919–1940. Paris: Ed. Nouvelles, 1947. 466 p.
76. *François-Poncet A.* Souvenirs d'une ambassade a Berlin. Septembre 1931 – Octobre 1938. Paris : Flammarion, 1946. 357 p.
77. *François-Poncet A.* De Versailles à Potsdam. La France et le problème allemand contemporain, 1919–1945. Paris: Flammarion, 1948. 305 p.
78. *Gamelin M.* Servir. T. 2. Paris: Plon, 1946. 479 p.
79. *Gauché M.* Le deuxième bureau au travail (1935–1940). Paris: Amyot Dumont, 1953. 239 p.
80. *Noël L.* L'agression allemande contre la Pologne. Paris: Flammarion, 1946. 509 p.
81. *Paul-Boncour J.* Entre deux guerres. Souvenirs sur la IIIe République. T. 3. Paris: Plon, 1946. 330 p.

82. *Reynaud P.* Le problème militaire français. Paris: Flammarion, 1937. 106 p.
83. *Reynaud P.* La France a sauvé l'Europe. Vol. 1. Paris: Flammarion, 1947. 626 p.
84. *Reynaud P.* La France a sauvé l'Europe. Vol. 2. Paris: Flammarion, 1947. 622 p.
85. *Reynaud P.* Memoires. Venu de ma montagne. Paris: Flammarion, 1960. 506 p.
86. *Reynaud P.* Au cœur de la mêlée. 1930–1945. Paris: Flammarion, 1951. 1077 p.
87. *Tardieu A.* Notes de semaine 1938: L'Année de Munich. Paris: Flammarion, 1939. 252 p.
88. *Werth A.* France and Munich. London: H. Hamilton, 1939. 447 p.
89. *Weygand M.* Memoires. T. 2. Paris: Flammarion, 1953. 596 p.
90. *Zay J.* Carnets secrets. Paris: Les Éditions de France, 1942. 91 p.

Список литературы

91. *Арзаканян М.Ц.* Политическая история Франции XX века. М.: Высш. шк., 2003. 157 с.
92. *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй мировой войны. М.: Издательство Родина, 2020. 1751 с.
93. *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность. М.: МГИМО-Университет, 2010. 600 с.
94. *Белюсова З.С.* Франция и европейская система безопасности 1929–1939. М.: Наука, 1976. 418 с.
95. *Белюсова З.С.* Европейская политика Великобритании и Франции: противоречия и сотрудничество // Европа между миром и войной 1918–1939. М.: Наука, 1992. С. 57-101.
96. *Белюсова З.С.* Проблема безопасности в межвоенный период // XX век: основные проблемы и тенденции международных отношений (по материалам международной конференции 21–23 ноября 1989). М.: ИВИ АН СССР, 1992. С. 182-189.
97. *Борисов Ю.В.* Советско-французские отношения (1924–1945). М.: Международные отношения, 1964. 551 с.

98. *Вершинин А.А.* Мировая революция под звуки «Марсельезы» (1919–1923): к истокам французского коммунистического движения. М.: URSS, 2012. 200 с.
99. *Вершинин А.А.* Франция и начало гражданской войны в Испании в 1936 г. // Вопросы истории. 2015. № 5. С. 99-112.
100. *Вершинин А.А.* Эдуард Даладье и политика «умиротворения агрессора» накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 176-196.
101. *Вершинин А.А.* Генерал Морис Гамелен и французское военное строительство накануне Второй мировой войны // Новая и новейшая история. 2020. № 1. С. 66-91.
102. *Вершинин А.А.* Противоречия модели коллективной безопасности: современная историография об эволюции Версальской системы международных отношений в 1930-е гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2022. Т. 15. № 2. С. 108-140.
103. *Вершинин А.А.* В лабиринте коллективной безопасности: советская дипломатия и происхождение советско-французского пакта о взаимопомощи (1933–1935) // Российская история. № 5. 2022. С. 177-195.
104. *Вершинин А.А., Наумова Н.Н.* От триумфа к катастрофе: военно-политическое поражение Франции 1940 г. и его истоки. СПб.: Алетейя, 2022. 636 с.
105. *Вершинин А.А.* Неудавшийся союз: Военно-политическое сотрудничество СССР и Франции накануне Второй мировой войны (1930–1939 гг.). СПб.: Нестор-История, 2024. 796 с.
106. *Волков В.К.* Мюнхенский сговор и Балканские страны. М.: Наука, 1978. 328 с.
107. *Горохов В.Н.* История международных отношений 1918–1939. М.: Изд-во МГУ, 2004. 285 с.
108. *Горохов В.Н., Инвиева В.В.* Гражданская война в Испании (1936–1939) и политика «невмешательства» западных демократий // Преподавание истории и обществознания в школе. 2024. № 2. С. 2-8.

109. *Дембски С.* Польша, Советский Союз, кризис версальской системы и причины начала Второй мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. 2009. С. 48-71.
110. *Дессберг Ф.* Франция и тень Москвы во время мюнхенского кризиса // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М.: Изд-во Института всеобщей истории РАН (ИВИ), 2009. С. 150-162.
111. *Десятков С.* Британская стратегия на пороге Мюнхена (по материалам английских архивов) // Дипломатический ежегодник 1989. М.: Международные отношения, 1990. С. 283-299.
112. *Ди Нольфо Э.* История международных отношений 1918–1999. Т. 1. М.: Логос, 2003. 589 с.
113. *Дю Рео Э.* Франция, Германия и СССР 1936–1939 годы // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М.: Б/и, 2003. С. 215-228.
114. *Дюрозель Ж.-Б.* Луи Барту и франко-советское сближение в 1934 г. // Французский ежегодник 1961. М.: Б.м., 1962. С. 444-457.
115. *Егоров Е.В.* Народный фронт во Франции. Л.: Б/и, 1973. 290 с.
116. *Зуев Ф.Г.* Фашистская угроза и проблемы коллективной безопасности в Европе в 30-ые годы (Восточный пакт) // Германская восточная политика в новое и новейшее время. М.: Наука, 1974. С. 222-238.
117. История Франции Т. 3. М.: Наука, 1973. 600 с.
118. *Капитонова Н.К., Романова Е.В.* Внешняя политика Великобритании. М.: Международные отношения, 2016. 840 с.
119. *Коновалов В.Н.* Политология. Словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2001. 447 с.
120. *Косолапов Н.А.* К построению политико-психологической типологии конфликта // Российская американистика в поисках новых подходов. М.: Изд-во Московского университета (МГУ), 1998. С. 88-109.
121. *Кравченко Е.А.* Народный фронт во Франции. М.: Наука, 1972. 296 с.
122. *Кретинин С.В.* Судетские немцы: народ без родины 1918–1945. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. 320 с.

123. *Кром М.М.* Введение в историческую компаративистику. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.
124. *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // *Общественные науки и современность.* 1995. № 1. С. 51-65.
125. *Кулагин В.М.* Международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2007. 318 с.
126. *Лапина Н.Ю.* К вопросу об особенностях французской политической элиты // *Власть и элиты.* М., 2015. С. 93-135.
127. *Лапина Н.Ю.* Взаимодействие элитных групп во Франции // *Власть и элиты.* Спб., 2016. С. 33-72.
128. *Магадеев И.Э.* Дилемма безопасности во внешней политике Франции во второй половине 1920-х гг. // *Исторический ежегодник.* 2010. С. 201-211.
129. *Магадеев И.Э.* Оценка германской угрозы французскими военными в 1920-е гг. // *Военно-исторический журнал.* 2011. № 8. С. 57-65.
130. *Магадеев И.Э.* Восприятие французскими политиками угроз безопасности в 1920-е годы // *Новая и новейшая история.* 2012. № 4. С. 58-69.
131. *Малафеев К.А.* Эдуард Эррио: страницы жизни и деятельности // *Новая и новейшая история.* 1984. № 4. С. 163-168.
132. *Малафеев К.А.* Классовая борьба во Франции и политика правительства Даладье-Боннэ (апрель-сентябрь 1938) // *Вопросы новой и новейшей истории Франции.* Ч. 1. Рязань, 1994. С. 47-142.
133. *Малафеев К.А.* Французский проект «Восточного Локарно» и германская дипломатия // *Вопросы всеобщей истории.* Рязань, 1997. С. 124-134.
134. *Малафеев К.А.* Европейская политика и дипломатия Франции в 1933–1939. Рязань: РГПУ, 1994. 145 с.
135. *Малай В.В.* Гражданская война в Испании 1936–1939 годов и Европа. М.: Наука, 2011. 290 с.

136. *Малай В.В.* Невмешательство в дела Испании в контексте советской внешней политики на начальном этапе гражданской войны // Вестник МГЛУ. Выпуск 24 (710). 2014. С. 567-577.
137. *Манфред А.З.* К истории франко-советского договора о взаимной помощи 1935 г. // Французский ежегодник 1961. М., 1962. С. 458-468.
138. *Марк Ф.* История Франции. М.: Весь мир, 2015. 830 с.
139. *Марьина В.В.* Чехия и Словакия в XX веке. Кн. 1. М.: Наука, 2005. 451 с.
140. *Марьина В.В.* Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа. М.: Наука, 2008. С. 19-50.
141. *Матвеев Г.Ф.* Участие Польши в расчленении Чехословакии в 1938 году // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 134-156.
142. *Молодяков В.Э.* Против анархии и Гитлера: французский национализм и гражданская война в Испании // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 4. С. 166-182.
143. *Молодяков В.Э.* "Шарль Моррас и "Action française" против Германии. Подлинное лионское сопротивление. М.: Нестор-История, 2022. 408 с.
144. *Морозов С.В.* Польско-чехословацкие отношения 1933–1939. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 527 с.
145. *Наринский М.М.* Отношения между СССР и Францией. 1933–1937 год. // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М.: Б/и, 2003. С. 69-103.
146. *Наринский М.М.* Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. 2009. С. 23-47.
147. *Наумов А.О.* Кризис Версальской системы 1936–1938. М.: МАСК Пресс, 2005. 331 с.
148. *Наумов А.О.* Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2007. 414 с.
149. *Наумов А.О.* Международные организации и гражданская война в Испании (1936–1939) // Государственное управление. Электронный вестник. Выпуск № 56. Июнь 2016. С. 40-70.

150. *Наумова Н.Н., Шалдин Н.Н.* Чехословацкий кризис 1938 года в оценках французских правых // Клио. 2011. № 11. С. 72-83.
151. *Наумова Н.Н.* "Мы изопьем эту чашу до дна": Ш. де Голль о нарастании немецкой агрессии в Европе и Мюнхенской конференции 1938 г. // Европа в 1938–1939 гг. На пути к мировой катастрофе. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2024. С. 118-130.
152. *Овинников Р.С.* За кулисами политики «невмешательства». М.: Изд-во ИМО, 1959. 326 с.
153. *Обичкина Е.О.* Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // Вестник МГИМО-Университета. Специальный выпуск. 2009. С. 97-114.
154. Основы общей теории международных отношений. Под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2009. 589 с.
155. *Перов Б.М.* Партия радикалов и радикал-социалистов и Народный фронт во Франции (1934–1938 гг.). Самара: СамГПИ, 1992. 90 с.
156. *Пожарская С.П.* Гражданская война в Испании в контексте международных отношений в канун Второй Мировой войны // Европа между войной и миром. М.: Наука, 1992. С. 152-172.
157. *Покровская С.А.* Движение против войны и фашизма во Франции, 1932–1939 гг. М.: Наука, 1980. 229 с.
158. *Простаков И.В., Барсукова А.В.* Трудный путь к дирижизму. Великая депрессия во Франции // Россия в глобальной политике. 2021. № 1. С. 138-155.
159. *Рубинский Ю.И.* Тревожные годы во Франции. М.: Мысль, 1973. 456 с.
160. *Рубинский Ю.И.* Демографические проблемы Франции // Современная Европа. 2005. С. 54-60.
161. *Рыбалкин Ю.Е.* «Операция „Х“. Советская военная помощь республиканской Испании (1936–1939)». М.: Аиро-XX, 2000. 149 с.
162. *Сератионова Е.П.* Эдвард Бенеш и мюнхенский кризис // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 205-224.

163. *Сетов Р.А.* К вопросу о понятии конфликта в теории международных отношений // Российская американистика в поисках новых подходов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. С. 109-119.
164. *Сетов Р.А.* Тектоника войны. 1939. М.: МАКС Пресс, 2019. 343 с.
165. *Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* Версальско-Вашингтонская система международных отношений: проблема становления и развития. М.: МГИМО, 1995. 148 с.
166. *Сиполс В.Я.* Дипломатическая борьба накануне второй мировой войны. М.: Международные отношения, 1989. 336 с.
167. *Случ С.З.* Внешняя политика фашистской Германии 1933–1939 гг. // Европа в международных отношениях 1917–1939. М.: Наука, 1979. 437 с.
168. *Смирнов В.П.* Франция в XX веке. М.: Дрофа, 2001. 352 с.
169. *Смирнов В.П.* Две войны – одна победа. М.: АСТ-Пресс, 2015. 416 с.
170. *Смирнова М.Д.* Союзы стран Балкано-дунайского региона в системе Европейской безопасности // Европа между миром и войной 1918–1939. М.: Наука, 1992. С. 130-151.
171. Современные международные отношения. Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2012. 581 с.
172. Современная мировая политика. Под ред. А.Д. Богатурова. М.: Аспект Пресс, 2009. 592 с.
173. *Суту Ж.-А.* Франко-советские отношения в 1932–1935 гг. // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М.: Б/и, 2003. С. 8-39.
174. *Томас Х.* Гражданская война в Испании. 1931–1939 гг. М.: Центполиграф, 2003. 571 с.
175. *Ференчугова Б.* Франко-чехословацкие отношения и попытки создания системы коллективной безопасности в межвоенный период // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М., 2009. С. 49-58.
176. *Хабермас Ю.* Структурное изменение публичной сферы: исследование относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство Весь мир, 2016. 344 с.

177. *Христофоров В.С.* Мюнхенское соглашение – пролог Второй Мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // Новая и новейшая история. 2009. № 1. С. 21-47.
178. *Чернуха З.В.* Становление французской коммунистической партии. М.: Мысль, 1976. 319 с.
179. *Чубарьян А.О.* Мюнхенское соглашение в европейской истории XX века // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 октября 2008 г. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 15-23.
180. *Шалдин Н.Н.* Французские коммунисты об итогах Мюнхенской конференции 1938 г. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Том 16. № 2. С. 240-245.
181. *Шалдин Н.Н.* П.-Э. Фланден о чехословацком кризисе 1938 г. // Вестник ВГУ. Серия: история. Политология. Социология. 2022. № 2. С. 107-110.
182. *Шалдин Н.Н.* Реакция французской прессы на начало гражданской войны в Испании (июль – август 1936 г.) // Человеческий капитал. 2023. № 174. С. 54-64.
183. *Шалдин Н.Н.* Французские социалисты о чехословацком кризисе 1938 г.: внутренние разногласия перед лицом внешней угрозы // Европа 1938–1939: на пути к мировой катастрофе: Сборник научных статей. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2024. С. 196-203.
184. *Шалдин Н.Н.* Проблема ремилитаризации Рейнской области в оценках французской прессы // Проблемы истории стран европейского Средиземноморья. Памяти Н.В. Кирсановой. Спб.: Алетейя, 2024. С. 221-235.
185. *Шубин А.В.* Мир на краю бездны. М.: Вече, 2004. 572 с.
186. *Шубин А.В.* Советская помощь Испанской республике (1936–1939 годы) // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 54-63.
187. *Шубин А.В.* СССР и Мюнхенский договор 1938 года // Новая и новейшая история. 2018. С. 29-41.

188. *Шубин А.В.* Великая испанская революция 1931–1939 гг. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 640 с.
189. *Язькова А.А.* Малая Антанта и проблемы коллективной безопасности в Восточной Европе // Новая и новейшая история. 1972. № 6. С. 84-96.
190. *Adamthwaite A.* France and the coming of the Second World War. London: Cass, 1977. 434 p.
191. *Adamthwaite A.* France and the Coming of War // The Fascist Challenge and the Policy of Appeasement. London: Routledge, 1983. P. 246-257.
192. *Alexander M.* The Republic in danger. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 573 p.
193. *Alexander M.* In Defense of the Maginot line. Security policy, domestic politics and the economic depression in France // French foreign and defense policy. London: Routledge, 1998. P. 164-194.
194. *Azema J.-P., Winock M.* Naissance et mort de la 3-ème République (1870–1940). Paris: Calmann-Lévy, 1970. 393 p.
195. *Baumont M.* Les origines de la deuxième guerre mondiale. Paris: Payot, 1969. 363 p.
196. *Baumont M.* The Rhineland Crisis 7 March 1936 // Troubled Neighbors Franco-British Relations in the Twentieth Century. London: Weidenfeld and Nicolson, 1971. 386 p.
197. *Bedarida F.* La «gouvernante anglaise» // Édouard Daladier, chef de gouvernement. Paris: Presses de Science Po, 1977. P. 228-240.
198. *Berstein S.* Histoire du parti radical. Vol. 2. Paris: Presses de Science Po, 1982. 672 p.
199. *Berstein S.* Édouard Herriot ou la République en personne. Paris: Presses de Science Po, 1985. 327 p.
200. *Berstein S.* La France des années 30. Paris: Armand Colin, 1988. 186 p.
201. *Berstein S., Milza P.* Histoire de la France au XX siècle. Bruxelles: Édition Complexe, 1995. 399 p.
202. *Berstein S.* Léon Blum. Paris: Fayard, 2006. 835 p.

203. *Bessis J.* La question tunisienne dans l'évolution des relations franco-italiennes de 1935 au 10 juin 1940 // *Italia e Francia dal 1919 al 1939*. Milan: Ist. Per gli di politica intern., 1981. P. 245-255.
204. *Beuve-Méry H.* De l'accord de Munich à la fin de l'État tchécoslovaque // *Politique étrangère*. 1986. P. 31-46.
205. *Boemeke M., Feldman G., Glaser E.* The Treaty of Versailles: A Reassessment after 75 Years. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 674 p.
206. *Birnbaum P.* Les sommets de l'Etat. Paris: Seuil, 1977. 186 p.
207. *Birnbaum P.* L'affaire Dreyfus: la République en péril. Paris: Seuil, 1994. 144 p.
208. *Braddick H.* The Hoare-Laval Plan: A Study in International Politics // *the Review of Politics*. Vol. 24. № 3. 1962. P. 342-364.
209. *Bretton P.* Les négociations germano-tchécoslovaques sur l'accord de Munich de 1938 // *Annuaire Français de Droit International*. 1973. № 19. P. 189-209.
210. *Brunet J.-P.* Histoire du front populaire. 1934–1938. Paris: Presses Universitaires de France, 1998. 146 p.
211. *Burdeau F.* La troisième République. Paris: Fayard, 1996. 158 p.
212. *Callahan M.* The League of Nations, International Terrorism, and British Foreign Policy, 1934–1938. Flint: Palgrave Macmillan, 2018. 327 p.
213. *Carley M.J.* The Alliance that never was and the coming of the Second World War. Chicago: Ivan R. Dee, 1999. 384 p.
214. *Carlton D.* Eden, Blum and the Origins of Non-intervention // *Journal of Contemporary History*. Vol. 6. 1971. P. 290-305.
215. *Carr R.* The Spanish Tragedy. The Civil War in Perspective. London: Weidenfeld a. Nicholson, Cop., 1977. 336 p.
216. *Charlier J.-M., Montarron M.* Stavisky, Les secrets du scandale. Paris: R. Laffont, 2017. 411 p.
217. *Chastenet J.* Cent ans de la République. T. 6: Déclin de la Troisième 1931–1938. Paris: Hachette, 1970. 300 p.

218. *D'Agostino A.* The Rise of Global Powers: International Politics in the Era of the World Wars. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 570 p.
219. *Daridan J.* Le chemin de la défaite. Paris: Plon, 1980. 245 p.
220. *Doughty R.A.* The seeds of disaster. Connecticut: Archon Books, 1985. 243 p.
221. *Doise J., Vaïsse M.* Diplomatie et outil militaire. 1871–2015. Paris: Points, 2015. 784 p.
222. *Dupâquier J.* Histoire de la population française. Vol. 4. Paris: Presses universitaires de France, 1988. 590 p.
223. *Du Reau E.* Édouard Daladier: 1884–1970. Paris: Fayard, 1993. 581 p.
224. *Duroselle J.-B.* Louis Barthou et le Rapprochement franco-soviétique en 1934 // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 3. № 4. Octobre-décembre 1962. P. 525-545.
225. *Duroselle J.-B.* France and the nazi threat. The collapse of French diplomacy, 1932–1939. New-York: Enigma books, 2004. 508 p.
226. *Dye T.* Who's Running America. N.J.: Prentice Hall, 2002. 220 p.
227. *Faber D.* Munich: The 1938 Appeasement Crisis. London: Simon & Schuster UK, 2009. 528 p.
228. *Fichelle A.* La crise interne de la Tchécoslovaquie // Revue d'histoire de la Deuxième Guerre mondiale. 1963. P. 21-38.
229. *Furnia A.H.* Diplomacy of appeasement. Anglo-french relations and the prelude to World War II. Washington: University Press, 1960. 454 p.
230. *Frank R.* Le Prix du réarmement français, 1935–1939, Paris: Publications de la Sorbonne, 1982. 382 p.
231. *Garraud Ph.* La politique française de réarmement de 1936 a 1940: priorités et contraintes – Guerres mondiales et conflits contemporains. 2015. V. 219. № 3. P. 87-102.
232. *Girault R. et Frank R.* Turbulente Europe et nouveaux mondes 1914–1941. Paris: Payot, 1988. 528 p.
233. *Guillen P.* Franco-Italian relations in Flux, 1918–1940 // French foreign and defense policy 1918–1960. New-York: Routledge, 1998. P. 149-163.

234. *Hefler M.* «In the way»: intelligence, Eden and British foreign policy towards Italy, 1937–1938 // *Intelligence and National Security*. 2018. № 33(6). P. 1-19.
235. *Herz J.H.* *Political Realism and Political Idealism*. Chicago: University of Chicago Press, 1951. 275 p.
236. *Hucker D.* Public Opinion and Twentieth-Century Diplomacy. A Global Perspective // *Diplomatica*. 2020. 2(2). P. 339-341.
237. *Hughes J.M.* *To the Maginot line*. Harvard: Harvard University Press, 2006. 312 p.
238. *Henig. R.* *The peace that never was*. London: Haus Publishing, 2019. 224 p.
239. *Iriye A.* *The Cambridge history of American foreign relations*. Vol. 3. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 256 p.
240. *Jackson J.* *The Popular front in France. Defending democracy, 1934–1938*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 374 p.
241. *Jackson P.* *France and the Nazi menace. Intelligence and Policy Making, 1933–1939*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 458 p.
242. *James P.* *Crisis and War*. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1988. 208 p.
243. *Jankowski P.* *A Confidence Man in the Republic of Virtue*. London: Cornell univ. press, 2002. 326 p.
244. *Jervis R.* *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton University Press, 1976. 445 p.
245. *Keohane R.* *Neorealism and Its Critics*. New-York: Columbia University Press, 1986. 378 p.
246. *Kitchen N.* Systemic pressures and domestic ideas: a neoclassical realist model of grand strategy formation // *Review of International Studies*. 2010. № 36. P. 117-143.
247. *Kitching C.* *Britain and the Geneva Disarmament Conference*. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 238 p.
248. *Knapp W.F.* *The Rhineland crisis of March 1936 // The decline of the Third republic*. London: Praeger, 1959. P. 67-86.

249. *Kriegel A.* Les communistes français (1920–1970). Paris: Éditions du Seuil, 1977. 319 p.
250. *Lacaze Y.* L'opinion public et la crise de Munich. New-York: P. Lang, 1991. 644 p.
251. *Lacaze Y.* La France et Munich. Paris: P. Lang, 1992. 898 p.
252. *Lacaze Y.* Daladier, Bonnet and the decision-making process during the Munich crisis, 1938 // French foreign and defense policy. New-York: Routledge, 1998. P. 215-233.
253. *Lacouture J.* Leon Blum. Paris: Seuil, 1977. 595 p.
254. Léon Blum, chef de gouvernement 1936–1937. Paris: Libr. Colin, 1967. 439 p.
255. *Lefranc G.* Histoire du Front populaire, 1934–1938. Paris: Payot, 1974. 554 p.
256. *Lobel S.E., Ripsman N., Taliaferro J.W.* Neoclassical Realism, the State and Foreign Policy. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 324 p.
257. *Lukes I.* Czechoslovakia between Stalin and Hitler: the diplomacy of Edvard Benes in the 1930s. Oxford: Oxford University Press, 1996. 318 p.
258. *Marks S.* The Illusion of Peace: International Relations in Europe, 1918–1933. London: St. Martin's press, 1976. 184 p.
259. *Martinez G.* Comment les libéraux sont arrivés à Vichy: étude d'un parcours paradoxal // Revue d'histoire moderne et contemporaine, T. 46. № 3. juillet – septembre 1999. P. 571-590.
260. *Maxime M.* Les relations franco-soviétiques, 1917–1967. Paris: Payot, 1967. 371 p.
261. *Mayaffre D.* Exalter l'Empire pour désertier l'Europe : le repli impérial dans les discours munichoïses // Revue française d'histoire d'Outre-mer. T. 87. № 326-327. 2000. P. 273-287.
262. *Mayeur J.-M.* La vie politique sous la Troisième République. Paris: Seuil, 1984. 448 p.
263. *Mazauric L.* Vive le Front populaire! Paris: Plon, 1976. 222 p.

264. *Milza P.* L'image de L'Italie Fasciste dans la France des années 1936–1939 // Italia e Francia dal 1919 al 1939. Milan: Ist. Per gli di politica intern., 1981. P. 271-302.
265. *Milza P.* Le voyage de Pierre Laval à Rome // Italia et Francia dal 1919 al 1939. Milan: Ist. Per gli di politica intern., 1981. P. 219-243.
266. *Milza P.* Les relations internationales de 1918 à 1939. Paris: Armand Colin, 2019. 224 p.
267. *Monier F.* Le Front Populaire. Paris: La Decouverte, 2002. 128 p.
268. *Montigny J.* Le Complot contre la paix, 1935–1939. Paris: La table ronde, 1966. 352 p.
269. *Morgenthau H.J.* Scientific Man versus Power Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1946. 244 p.
270. *Mourin M.* Les relations franco-soviétiques, 1917–1967. Paris: Payot, 1967. 371 p.
271. *Namier L.B.* Diplomatic Prelude 1938–1939. London: Macmillan, 1948. 502 p.
272. *Néré J.* The foreign policy of France from 1914 to 1945. London: Routledge& K. Paul, 1975. 366 p.
273. *Ory P.* Les intellectuels en France. Paris: Colin, 1992. 271 p.
274. *Passmore K.* From liberalism to fascism. Cambridge: Cambridge University Press, 1977. 351 p.
275. *Ragsdale H.* The Soviets, the Munich Crisis, and the Coming of World War II. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 236 p.
276. *Rémond R.* Le siècle dernier, 1918–2002. Paris: Fayard, 2002. 1100 p.
277. *Rémond R.* The right wing in France. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1966. 465 p.
278. *Renouvin P.* Histoire des relations internationales: les crises de XXeme siècle. Paris: Hachete, 1958. 426 p.
279. *Pison G.* France-Allemagne : histoire d'un chassé-croisé démographique // Population et Sociétés. 2012. P. 5-9.

280. *Rioux J.-P.* La conciliation et l'arbitrage obligatoire des conflits du travail // Rémond R. Bourdin J. Edouard Daladier, chef de gouvernement. Paris: Presses de Sciences Po, 1977. P. 112-128.
281. *Risse-Kappen T.* Public Opinion, Domestic Structure, and Foreign Policy in Liberal Democracies // *World Politics*. 1991. Vol. 43. № 4. P. 479-512.
282. *Schuker S.* France and the Remilitarization of the Rhineland, 1936 // *French historical studies*. 1986. № 14(3). P. 299-339.
283. *Stedman A.D.* Alternatives to Appeasement: Neville Chamberlain and Hitler's Germany. London: I.B. Tauris, 2011. 320 p.
284. *Sharp A.* The Versailles Settlement: The Start of the Road to the Second World War? // *The origins of the Second World war*. London: Red Globe Press, 2011. 316 p.
285. *Sherwood J.* Georges Mandel and The Third republic. Stanford: Stanford university press, 1970. 393 p.
286. *Shirer W.* The Collapse of the Third Republic. An Inquiry into the Fall of France in 1940. New-York: Simon and Schuster, 1969. 1082 p.
287. *Diesing P., Snyder G.* Conflict Among Nations: Bargaining, Decision Making and System Structure in International Crises. Princeton: Princeton University Press, 1977. 578 p.
288. *Soutou G.-H.* Réflexions sur l'échec de la sécurité collective et ses raisons // *Transversalités*. 2011. № 119. P. 177-188.
289. *Steiner Z.* The lights that failed. Oxford: Oxford University Press, 2007. 938 p.
290. *Steiner Z.* The triumph of the dark: European international history, 1933–1939. Oxford: Oxford University Press, 2011. 1222 p.
291. *Taylor A.J.P.* The Origins of the Second World War. London: Atheneum, 1961. 296 p.
292. *Twitchett K.J.* International security: reflections on survival and stability. Oxford: Oxford University Press, 1971. 148 p.

293. *Ulrich R.* René Massigli and Germany, 1919–1938 // French foreign and defence policy 1918–1960. New-York: Routledge, 1998. P. 132-148.
294. *Vaïsse M.* Le Pacifisme en Europe des années 1920 aux années 1950, Bruxelles: Bruylant, 1993. 455 p.
295. *Vaïsse M.* Mai – juin 1940. Défaite française, victoire allemande, sous l’œil des historiens étrangers. Paris: Autrement, 2010. 224 p.
296. *Waltz K.* Theory of International Politics. New-York: McGraw-Hill, 1979. 251 p.
297. *Watt D.C.* How war came. London: Heinemann, 1989. 736 p.
298. *Weber E.* L’Action française. Paris: Stock, 1964. 608 p.
299. *Weber E.* The hollow years: France in the 1930s. London: Norton, 1994. 352 p.
300. *Wheeler-Bennett J.* Munich, prologue to tragedy. London: Duell, Sloan and Pearce, 1948. 507 p.
301. *Wright Q.* Escalation of International Conflict. The Journal of Conflict Resolution. 1965. № 4. P. 439-339.
302. *Irvine W.D.* French conservatism in crisis. The Republican federation of France in the 1930s. Louisiana: Louisiana State University Press, 1979. 256 p.
303. *Young R.J.* In command of France. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. 346 p.
304. *Young R.J.* France and the coming of the second world war. New York: St. Martin’s press, 1996. 191 p.
305. *Young R.J.* A very English channel: Britain and French appeasement // The origins of the Second World War. London: Frank McDonough, 2011. P. 238-262.

Диссертации:

306. *Ермакова М.А.* Проблема международной безопасности во франко-американских отношениях (1933–1938 гг.). Дисс... канд. ист. наук. М., 2014.

307. *Инвиева В.В.* США в республиканской и франкистской дипломатии в период Гражданской войны в Испании (1936–1939). Дисс... канд. ист. наук. М., 2024.
308. *Кузьмичева А.Е.* Польско-французские отношения в 1933–1935 гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 2022.
309. *Магадеев И.Э.* Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы. Дисс... канд. ист. наук. М., 2012.
310. *Савинова А.Г.* Проблема средиземноморской безопасности во взаимоотношениях Великобритании и Франции в середине – второй половине 1930-х гг. Дисс... канд. ист. наук. М., 2022.